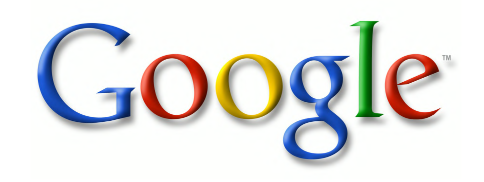


Josef Holeček

1802.

Josef Holeček

ІОСИФЪ ГОЛЕЧЕКЪ.

БОСНІЯ и ГЕРЦЕГОВИНА

ЗА ВРЕМЯ ОККУПАЦІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

А. Вознесенскаго.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1902.

Дозволено цензурою. Москва 18-го мая 1902 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе автора 1
I. Первое свѣдѣніе.—Омеръ 4
II. Лука Грбешичъ.—Чехи и оккупованные 13
III. О путешествіи въ оккупованныхъ земляхъ 25
IV. Одно хорошо.— Картина нравовъ. — Господинъ Фельдбаба и госпожа Фельдбабова 34
V. Торговля 51
VI. Бой противъ имени сербъ и кириллицы 69
VII. Требинь.—Требиньскій табакъ 82
VIII. Вдоль черногорской границы.—Политика противъ Черногоріи. 97
IX. Билечъ.—Хозяйственныя реформы.—Аграрный вопросъ . . . 116
X. Аграрная исторія оккупованныхъ земель 149
XI. Глава соціально-политическаго содержанія 226

Предисловіе [1]) автора.

Двадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Австро-Венгрія на берлинскомъ конгрессѣ получила отъ европейскихъ государствъ мандатъ на временное обладаніе Босніей и Герцеговиной, пока эти земли не будутъ успокоены и упорядочены. Въ этомъ обладаніи Австрія получила то, чего давно домогалась,—въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ была вынуждена часть своей земли уступить Италіи. И нужно было ожидать, что за свою задачу она возьмется серьезно и съ достоинствомъ и на оккупованныхъ земляхъ покажетъ, какъ она умѣетъ управлять, просвѣщать, обогащать—словомъ: какъ умѣетъ сдѣлать счастливымъ народъ, подпавшій подъ ея управленіе.

Читали мы уже много панегириковъ по адресу Австро-Венгріи за то, что она будто бы выполняетъ свою задачу въ оккупованныхъ земляхъ очень умѣло. Хвалорѣчниками преимущественно были сараевскіе, вѣнскіе и пештскіе оффиціозы. Но похвалы, какъ и порицанія оффиціозовъ, обыкновенно, мало значатъ. Гораздо болѣе имѣло значенія то обстоятельство, что панегирикамъ вторила и значительная часть европейской печати: нѣмецкой и въ особенности англійской; а временами слабѣйшій отголосокъ ея проникалъ и въ французскую публицистику. Боснійское правительство радовалось тому, что въ оккупованныя земли пріѣзжали иностранные писатели, журналисты, политики, туристы—въ одиночку или компаніями; указывало имъ на свое искусство управлять и ни-разу не попалось въ просакъ. Всѣ, попользовавшіеся правительственнымъ хлѣбомъ—солью въ формѣ какихъ-либо выгодъ и услугъ, всѣ поддавшіеся внушеніямъ лицъ, приставленныхъ къ тому правительствомъ, выносили изъ Босніи и Герцеговины самыя лучшія впечатлѣнія, которыя потомъ и распространяли дома печатью и словомъ. Боснійское правительство представлялось имъ не только ласковымъ и услужливымъ, но и щедрымъ.

---

[1]) Предисловію къ оригиналу „Bosna a Hercegovina za okupace", предшествуетъ послѣсловіе книги „Na Černou Horu", изъ-за экономіи оставленное нами безъ перевода. *Переводчикъ.*

И нужно признаться въ томъ, что не все, благодаря матеріальной помощи сараевскаго правительства, вышедшее въ свѣтъ о Босніи и Герцеговинѣ за время оккупаціи, было литературно-пецѣннымъ хламомъ. Такъ напр. книга Генриха Реннера «Durch Bosnien Hercegovina kreuz und quer» (Berlin, 1896) останется хорошимъ путеводителемъ именно вслѣдствіе того, что она служитъ рекламою о боснійскомъ правительствѣ.

Иначе звучали справки о боснійскихъ дѣлахъ въ независимой славянской печати, исключая только польскихъ и великохорватскихъ газетъ, всюду проявлявшихъ спокойствіе о дѣлѣ оккупаціи. Въ Чехахъ только правительственные органы по обязанности всегда были хвалорѣчниками оккупаціи, Чешской же народной печати принадлежитъ неотъемлемая слава за то, что всецѣло, безъ различія партій и направленій, она стояла за интересы и нужды обывательства оккупованныхъ земель. Въ этой единогласной точкѣ зрѣнія чешской публицистики на данный славянскій вопросъ обнаруживается сила и зрѣлость славянской мысли чешскаго народа. Чехи, члены австро-венгерскихъ делегацій, уже цѣлый рядъ лѣтъ выступаютъ на форумъ парламента съ рѣчами объ отношеніяхъ въ оккупованныхъ земляхъ и являются самоотверженными выразителями томленій, желаній и жалобъ боснійско-герцеговинскаго обывательства. Практически этимъ не достигнуто ничего. Но нравственное значеніе того факта, что изъ всѣхъ народовъ габсбургской державы только единый чешскій народъ выступаетъ смѣлымъ, прямымъ и послѣдовательнымъ заступникомъ оккупованнаго обывательства, огромное. Этотъ фактъ, уже замѣченный всюду на Балканахъ, расширяетъ тамъ свѣдѣнія о чешскомъ народѣ, возбуждаетъ довѣріе къ нему, и значительно приблизилъ чеховъ къ славянскому Востоку. Впослѣдствіи объ этомъ будетъ сказано подробнѣе.

Я считалъ бы большимъ несчастіемъ, если бы у чешскаго народа ослабѣла та живая внимательность, съ какою онъ доселѣ относится ко всѣмъ балканскимъ дѣламъ, также и къ Босніи съ Герцеговиной,—и не столько для народовъ балканскихъ, сколько для самого чешскаго народа. Дѣло клонится къ тому, что грядущая судьба и чешскаго народа будетъ рѣшена не на домашней чешской почвѣ, но на Балканахъ,—рѣшена будетъ на долгія лѣта и, можетъ быть, на всегда. Все зависитъ отъ того, какъ поставитъ себя чешскій народъ къ стремленіямъ на Балканы того великаго историческаго потока, который получилъ названіе «Drang nach Osten». Наша точка зрѣнія на него уже дана: это—точка зрѣнія славянской посполитости, составляющей единственную почву, на которой всѣ меньшіе славянскіе народы могутъ сохранить свое бытіе и доказать, что и они тоже знаютъ о своемъ историческомъ призваніи,—что ихъ призваніе—способствовать, вопреки напору непріятельскаго потока, торжеству правды, справедливости и свободы, такъ чтобъ эти драгоцѣнныя блага были

собственностью не только славянъ, но и всѣхъ другихъ народовъ, безъ различія происхожденія и цвѣта, народности и вѣры—всѣхъ народовъ, которые страстно желаютъ и оказываются достойными этихъ благъ.

До сихъ поръ чешскій народъ плѣнялся этою точкою зрѣнія; ему остается только желать, чтобы каждый въ отдѣльности чехъ проникся убѣжденіемъ въ томъ, что эта точка зрѣнія — правильна и благодѣтельна, что чехъ не можетъ измѣнить ей, если желаетъ оставаться вѣрнымъ самому себѣ.

Съ этой точки зрѣнія и я смотрю на вещи. Это—вовсе не точка зрѣнія какого-либо славянскаго эгоизма, подъ знаменами котораго роились бы, каждый для себя, эгоизмы второстепенные: чешскій, польскій, хорватскій и т. д. Эта точка зрѣнія покоится на почвѣ сознанія того, что всѣ народы, домогающіеся правды и справедливости, должны взаимно помогать одинъ другому; каждый народъ взаимно долженъ быть ораторомъ, заступникомъ и охранителемъ другого. Это—точка зрѣнія любви къ правдѣ и политической нравственственности, точка зрѣнія политическаго альтруизма.

Все это я счелъ нужнымъ высказать прежде, чѣмъ приступлю къ выполненію задачи, которую намѣтилъ себѣ. Хочу представить подробное и наглядное обозрѣніе различныхъ отношеній въ оккупованныхъ земляхъ, освѣтить и ихъ причины, которыхъ нужно искать не только въ оккупаціи и у оккупованныхъ, не въ періодѣ только настоящемъ, но и въ цѣломъ политическомъ, соціальномъ и хозяйственно-бытовомъ прошломъ оккупованныхъ земель. Все, о чемъ я буду сообщать, не будетъ совершенно новымъ для читателя, слѣдящаго за текущими политическими вопросами и происшествіями изо—дня въ день. Миновать этихъ вещей нельзя, потому что безъ нихъ картина оказалась бы неполною. При томъ надѣюсь, что мнѣ удастся и на многія извѣстныя читателю вещи бросить то освѣщеніе, при какомъ онѣ могутъ быть правильно понятыми.

I.

Первое свѣдѣніе.—Омеръ.

Въ Гружи, дубровницкой пристани, я сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ въ городъ. Дорогою извощикъ поворачивалъ ко мнѣ голову и предлагалъ различныя гостинницы. Я отказывался.

«Стало быть, останетесь у насъ въ Дубровникѣ, господару?» вывѣдывалъ извощикъ.

— «Нѣтъ, поѣду въ Требинъ».

«Въ Требинъ?! Тогда поѣдемъ вмѣстѣ, господару!» подговаривался онъ.

— «Можно. А сколько возьмете?»

«Двѣнадцать златыхъ [1]) господару», сказалъ извощикъ сладкимъ, но тихимъ голосомъ. Очевидно, самъ онъ стыдился того, что запросилъ много.

— «Пріятель, вы должны говорить со мной, какъ съ здѣшнимъ, со своимъ, а не какъ съ швабой [2]). Какъ не стыдно за три—четыре часа ѣзды запрашивать столько!»

«Ну, дайте десять!»

— «Не дамъ, мой дорогой!»

«Дайте восемь!»

— «Не дамъ».

«Дешевле никто не повезетъ васъ. Это цѣна для здѣшнихъ!»

— «Но я не дамъ и столько. Сяду въ омнибусъ и доѣду за 2 златыхъ».

«Господару», началъ усердно просить извощикъ, «если желаете за 2 зл. до Требина, я поряжу для васъ другой возокъ, но не омнибусъ. Я не могу взять меньше 8 зл. Богъ свидѣтель—не могу! Но еслибы вы захотѣли ѣхать съ Омеромъ, не заплатили бы больше. Хотите ѣхать съ почтеннымъ турчиномъ?

---

[1]) Златой—народное названіе австрійскаго гульдена.

[2]) Объясненіе этого слова—ниже, въ самомъ текстѣ.

— «Хочу, и мнѣ особенно пріятно будетъ ѣхать съ почтеннымъ турчиномъ. Но кто этотъ Омеръ?»

«Извощикъ одного аги [1]) изъ Требина. Магометанскіе господа въ Герцеговинѣ, еслибы вы знали, всегда имѣли большую любовь къ конямъ, а въ Босніи еще больше. Нынѣ аги и беги [2]), съ тѣхъ поръ, какъ имѣютъ у себя оккупацію, очутились на мели; и обстоятельства заставляютъ ихъ осматриваться, какъ бы загнать въ свой кошелекъ нѣсколько златыхъ. Понакупали себѣ въ Вѣнѣ старыхъ экипажей и, при помощи своихъ людей, пробавляются заработкомъ фіакристовъ. Однако, своихъ великолѣпныхъ коней они берегутъ для парадовъ, юнацкихъ состязаній и войнъ съ черногорцами. Если бы вы поѣхали на богатырскомъ конѣ, то—на явную смерть; потому что развѣ возможно такому коню цѣпляться по герцеговинскимъ скаламъ такъ, какъ умѣетъ цѣпляться и легкій человѣкъ, родившійся на нихъ? Но аги и беги и не допустили этого. Съ своими конями они какъ-бы срослись. Конь для нихъ—первый другъ, какъ-бы членъ семейства. Они воспитали въ Герцеговинѣ такую конскую породу, единственную въ мірѣ! Герцеговинскій конь — мелкій, но выносливый, крѣпкій, смирный какъ оселъ, но умный, ой какъ умный! Только не говоритъ. Но какъ пришли тѣ господа изъ Вѣны, и герцеговинскій конь сталъ портиться».

Я подумалъ про себя: Вотъ еще какой врагъ оккупаціи! Только слишкомъ ужъ преувеличиваютъ эти люди! Даже и въ искаженіи норова герцеговинскихъ коней обвиняютъ вѣнскихъ пановъ!

— «Какъ же портятъ коня?» спросилъ я.

— «Неразумнымъ племенѣніемъ. Они, еслибы вы знали, пренебрегаютъ всѣмъ, что застали въ Босніи и Герцеговинѣ,—пусть это животное, пусть человѣкъ. Весь герцеговинскій скотъ мелкій, но добрый. Несмотря на то, вѣнскіе паны принуждаютъ хозяевъ водить самокъ къ большимъ и тяжелымъ жеребцамъ или быкамъ, приведеннымъ ими въ нашу землю. Они говорятъ, что хотятъ улучшить породу скота; а на самомъ дѣлѣ этимъ только губятъ и уничтожаютъ скотъ. Герцеговинцы ропщутъ, потому что такая насильственная случка скота равняется мору: едва 10 матокъ изъ 100 остаются живыми. Но кто отказывается вести свою кобылу или корову къ казенному племеннику, за каждый случай штрафуется 10 злат.».

Это сообщеніе о неудачномъ племененіи скота я призналъ правдоподобнымъ, потому что цесарскій королевскій племенникъ такимъ же образомъ искоренилъ въ Чехахъ прекрасныя домашнія породы коней—нетолицкую и хрудимскую.

— «Ну, добра! А что же тѣ аги и беги? Какъ они относятся къ конскому вопросу?»

[1]) Ага—мелкопомѣстный дворянинъ, господинъ.
[2]) Бегъ—крупный помѣщикъ, дворянинъ.

«Аги и беги хранятъ своихъ коней отъ порчи, какъ только могутъ. Они все же—господа; а паны изъ Вѣны...»

— «Швабы», подсказалъ я: мнѣ подумалось, что это слово вертится у него на языкѣ, но онъ не хочетъ его выпустить.

Кучеръ ухватился за это слово обѣими руками, какъ за мячикъ, и подарилъ меня признательнымъ взглядомъ за то, что я помогъ ему.

«Швабы», сказалъ онъ прямодушно, «все-же боятся турокъ. Это идетъ еще изъ старыхъ временъ, когда шваба, говорятъ, не смѣла и подойти къ турчину. Швабы не осмѣливаются принуждать турокъ; но все-же сами турки говорятъ, что ихъ конь теперь уже совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ 20—30 лѣтъ тому назадъ, до прихода шваба. Теперь онъ сталъ болѣе рослымъ и на первый взглядъ какъ будто сталъ лучшимъ. А на самомъ дѣлѣ далеко нѣтъ! И не такъ выносливъ, и не имѣетъ той быстрой и доброй души, и не такъ легокъ на ходу. Но при всемъ этомъ еще сталъ привередливымъ, какъ молокопоекъ: хочетъ ѣсть только мягкое сѣно и зерновой кормъ. Пока не было швабовъ, говорятъ турки, герцеговинскій конь могъ ѣсть стебель чертополоха, какъ оселъ; могъ переносить голодъ и жажду, могъ оставаться подъ открытымъ небомъ—подъ дождемъ и снѣгомъ; былъ ученъ, какъ годжа [1]), а своего хозяина любилъ, какъ собака. Все это теперь измѣнилось!»

— «Но какъ же измѣнилось, если турчинъ обороняется отъ измѣны, а шваба не ссорится съ нимъ и къ измѣнѣ конской породы не принуждаетъ?»

«Это вы скорѣе могли бы выяснить, чѣмъ я. Но это—такъ. Какъ будто швабы измѣнили землю, воздухъ и воду, — какъ будто они чего-то швабскаго подмѣшали въ источники, въ персть земную, въ пищу,—какъ будто чего-то швабскаго раструсили по воздуху, а человѣкъ вдыхаетъ въ себя, какъ зимницу [2]). Не только эта нѣмая тварь, а и людское племя искажается въ Босніи и Герцеговинѣ съ тѣхъ поръ, какъ пришли швабы».

— «Но отъ другихъ причинъ», строго замѣтилъ я, чѣмъ у коней и скота. Людей никто, конечно, не принуждаетъ нарушать особенности своей ра́ссы. А если добровольно нарушаютъ ее, то вину въ этомъ нельзя слагать на швабовъ».

«Если не порошкомъ швабы отравляютъ воздухъ и воду, то отравляютъ ихъ своимъ дыханіемъ», убѣжденно отвѣтилъ мой собесѣдникъ, показывая видъ, что онъ ни на-волосъ не преувеличиваетъ того, о чемъ говоритъ. «Мы часто здѣсь толкуемъ объ этомъ и удивляемся. Герцеговинцы у насъ, какъ дома. Эти дѣла мы обсуждаемъ и вмѣстѣ съ ними; но къ узлу придти не можемъ. Знаемъ отца,

---

[1]) Первокурсникъ—студентъ.

[2]) Лихорадку.

знаемъ и его сыновей. Отецъ еще—какъ гора высокій,—какъ букъ сильный, черноволосый, черноусый, черноокій, смуглолицый,—какъ будто изъ камня вытесанный. Сынъ же, рожденный во время оккупаціи, уже и ростомъ ниже на цѣлую голову, и вдвое слабѣе; волосы пепельнаго цвѣта, а лицо ужъ не каменное, а брамборовое (картофельное) и опущенное. У старшихъ людей, имѣющихъ потомковъ изъ временъ до оккупаціи и послѣ оккупаціи, между дѣтьми то же поразительное различіе. Почему такъ, господару? Слыхали-ли вы о чемъ-нибудь подобномъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ? Не знаете-ли, почему это?»

Ничего я не отвѣтилъ, только пожалъ плечами. Я хотѣлъ остаться въ сторонѣ: знаю-де, но не буду заявлять о себѣ и объяснять. Фактъ, о которомъ я услышалъ, казался мнѣ совсѣмъ незагадочнымъ. Оккупація привела въ Боснію и Герцеговину русый типъ; а онъ, въ теченіи 20 лѣтъ, не могъ не смѣшаться съ темнымъ доморроднымъ. Но потомъ, когда въ слѣдующіе дни я разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ самими герцеговинцами и босняками, они тоже подтверждали наблюденіе моего дубровницкаго фіакриста. Это явленіе не прошло мимо и ихъ вниманія. Разсуждали о немъ, обмѣнивались своими взглядами и результатами наблюденій и пришли къ тому выводу, что доморродная смуглая расса лишается своей оригинальности и силы вслѣдствіе простой близости людей, приведенныхъ въ землю оккупаціею. Говорили объ общеизвѣстныхъ случаяхъ — такихъ, когда совершенно отсутствовала возможность тѣлеснаго общенія оккупачниковъ съ доморродною женою,—до сихъ поръ такое общеніе составляетъ только рѣдкое исключеніе, — а все же на дѣтяхъ и такой женщины, рожденныхъ во время оккупаціи, можно видѣть всѣ признаки упадка раесы. Во многихъ округахъ при рекрутскомъ наборѣ теперь уже нельзя найти положеннаго числа молодежи, годной къ воинской службѣ. Требуемый ростъ еще имѣютъ, но слабы и узки.

Въ томъ, что причины вырожденія юго-славянъ, отданныхъ той цивилизаціи, какую приноситъ на югъ Австрія,—не однѣ физіологическія, не сводятся только къ половымъ сношеніямъ двухъ рассъ, не дающихъ при скрещиваніи лучшаго потомства, чѣмъ онѣ сами, или хотя бы преимуществъ сильнѣйшей изъ обоихъ участвовавшихъ рассъ—я уже сомнѣваюсь. Не происходитъ это также только отъ одной перемѣны жизни, мѣстожительства и питанія. Тутъ—главное дѣйствіе причинъ нравственныхъ. Какъ здоровое яблоко портится, когда оно лежитъ вмѣстѣ съ гнилымъ, хотя бы и не соприкасаясь съ нимъ, такъ и здѣсь природная сербская расса подвергается порчѣ, переносимой на нее присутствующею инородною рассою. А это потому, что уже самымъ предчувствіемъ опасности ближайшихъ сношеній еще болѣе подвергаются ей.

Подобное вырожденіе смуглой рассы въ значительно-большей мѣрѣ встрѣчаемъ въ Хорватіи и въ меньшей въ Далмаціи. Выцвѣтающій, но еще не русый, типъ постепенно подходитъ къ Балканамъ. Но приближеніе его означаетъ не усовершенствованіе первоначальной рассы, но вырожденіе ея, потому что онъ самъ — продуктъ вырожденія. Этотъ типъ поступаетъ не собственною своею природною силою, но физическимъ напоромъ силы, находящейся за нимъ и толкающей его впередъ съ тѣмъ, чтобы прокладывать ей дорогу. Плаха, толкающая сербскую рассу и сама въ свою очередь испытывающая толчки винта,который медленно, но правильно и систематически ввинчивается въ нее, это — Австрія; а винтъ — Дейчляндія [1]. «Drang nach osten» — вотъ установившійся терминъ для обозначенія этого напора.

Постепенный отступъ сербскаго типа равносиленъ постепенному напору типа нѣмецкаго. Нѣтъ нужды глубоко копаться въ жизни сербскаго народа и искать другихъ скрытыхъ причинъ его упадка. Именно вырожденіе сербскаго типа, замѣтное каждому и на первый взглядъ, объясняетъ и все остальное: упадокъ жизни общественной, духовной и хозяйственной.

Что сербскій народъ въ борьбѣ съ западною культурою, предносимою ему нѣмцами на остріѣ копья чрезъ голову Австріи, не побѣждаетъ. но шагъ за шагомъ уступаетъ—этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію и въ интересахъ самого сербскаго народа нельзя заслонять его. Фактъ этотъ должны принять во вниманіе призванные вожди сербскаго народа: его будители и просвѣтители. Считающимся съ этимъ фактомъ представляется двоякая возможность лучшаго оборота дѣла, имѣющаго наступить въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ: или оплакивать свои основныя начала и сны о собственной культурѣ и исторической задачѣ, встать добровольно подъ распростертыя знамена нѣмецкой культуры, принять ея оружіе, приказанія, распоряженія и пролагать ей дорогу на востокъ людскими пралесами Балканъ, или же поступить совершенно на-оборотъ: проникнуться сознаніемъ собственной своей культурной и политической задачи, развернуть надъ своими головами знамя собственныхъ идеаловъ, намѣтить себѣ собственныя цѣли и полагать удачный отпоръ первому направленію, такъ чтобъ ему и дорога на востокъ была преграждена.

Оба эти направленія имѣютъ въ сербскомъ народѣ своихъ приверженцевъ, такъ что весь сербскій народъ раздѣляется на два лагеря,

---

[1]) Чехи переводятъ нѣмецкое названіе Deutschland словомъ „Нѣмецко“, австро-руссы: „Нѣмеччина“. Общеупотребительный въ Россіи терминъ „Германія“ по отношенію къ нѣмецкой землѣ нельзя считать удачнымъ. *Перев.*

взаимно другъ друга преслѣдующіе. А этимъ раздѣленіемъ уже совершенно облегченъ напоръ «Drang'у nach Osten», который уже въ самомъ этомъ раздѣленіи сербскаго народа имѣетъ своего удачнаго союзника. Борьба между сербами и хорватами, принадлежащими. пока еще не нарушена въ нихъ связь помѣсью чужой крови, къ сербской рассѣ и сербскому типу; борьба между католическою пропагандою и православіемъ; борьба между письмомъ латинскимъ и кириллицею; борьба между Обреновичами и Петровичами Негошами—все это составляетъ отдѣльные эпизоды той великой борьбы, которая, будучи разрѣшена такъ или иначе, будетъ имѣть огромное значеніе для всего стараго свѣта, въ особенности же для южныхъ и западныхъ славянъ и другихъ народовъ, сопряженныхъ съ ними судьбою въ одну историческую систему.

Первое направленіе имѣетъ усерднаго, не пренебрегающаго никакимъ орудіемъ, помощника въ жидовствѣ, торговый и спекулятивный духъ котораго жадно вторгается въ новыя земли, которыя раньше были совершенно заперты отъ него. За жидовствомъ беззаботно поскакала легкая мадьярская кавалерія, которая мечтаетъ о распространеніи мадьярскаго могущества и недопускаетъ даже воспоминанія о Варнѣ [1]) и Магачѣ [2]). Но въ организаціи этого направленія состоитъ также и все австро-венгерское славянство, изъ среды котораго только чехи собственнымъ трудомъ дошли до убѣжденія, и то еще недостаточно яснаго, въ томъ, что эта организація—не къ добру славянства и что нужно заблаговременно отъ нея освободиться. Изъ австроугорскихъ славянъ прямо на балканскую арену приглашены хорваты,—въ особенности же такъ называемые великохорваты, которыхъ прежде велъ покойный Анте Старчевичъ, а нынѣ ведетъ ихъ докт. Франкъ. Послѣдніе рѣшительно, прямо и всецѣло присоединяются къ строю Drang'a nach Osten и являются откровенными и неумолимыми врагами чистой сербской рассы, ведутъ противъ нея прямую войну и на обломкахъ сербства, съ соизволенія Drang'a nach Osten, замышляютъ соорудить великохорватскую державу, зависимую отъ него. Только имъ вполнѣ ясно, что это направленіе стоитъ въ противорѣчіи съ общеславянскимъ интересомъ каждаго славянскаго племени, а вслѣдствіе этого они столь же большіе противники славянской мысли, какъ и рѣшительные поборники Drang'a nach Osten. Часть молодой хорватской интеллигенціи, иначе понявшей Drang nach Osten, была заглушена и убита пересиліемъ земляковъ, фанатически воодушевленныхъ Drang'омъ. Едва удалось ей возвысить свой голосъ въ литературѣ и публицистикѣ, какъ уже была принуждена къ молчанію.

Между тѣмъ, оккупація, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ не успо-

[1]) и [2]) Сербско-венгерскія войны при Варнѣ и Магачѣ.

ковшая оккупованнаго народа, сдѣлала большіе успѣхи въ другомъ отношеніи. Она выполнила чрезвычайно много для ослабленія сербской рассы, мѣшающей Drang'у. Успѣхи оккупаціи въ этомъ направленіи не ограничиваются только Босніей и Герцеговиною, но отражаются и на сербскомъ королевствѣ. Послѣдствія же этихъ успѣховъ для самого Drang'a очень важны: клыки Drang'a стали слишкомъ раздраженными, такъ что онъ не можетъ даже и помыслить отстать отъ дѣла, по его мнѣнію, уже начатаго. Во всѣхъ дѣятеляхъ оккупаціонной армады, дотеперешними успѣхами ея возбуждена увѣренность, что путь оккупаціи — правильный, а орудія ея — удачны. Оккупація не можетъ добровольно уйти съ поля дѣйствія и не уйдетъ до тѣхъ поръ, пока уступаетъ ей сербская расса.

Однако, нужно задаться вопросомъ: что составляетъ истинную причину этой уступки? Составляетъ ли ее дѣйствительно неодолимый перевѣсъ армады аккупачниковъ и неспособность уступающей рассы?

О сербской рассѣ извѣстно, что она очень щедро одарена: физическая и психическая природа ея богата. Турецкое порабощеніе не обезсилило ея; оно дало только отдыхъ, чтобы набраться свѣжихъ силъ, которыя блистательно засвидѣтельствованы 100 лѣтъ назадъ величественною революціею въ Сербіи и славными, побѣдоносными войнами Черногоріи. Пенять на слабость и гнилость сербской рассы было бы безразсудно. Причину уступки сербской рассы нужно искать въ другомъ. Она заключается въ томъ, что сербская расса слишкомъ увлеклась своими удалостями и вплоть до самой оккупаціи съ дѣтской наивностью смотрѣла на всѣхъ тѣхъ радѣтелей, которые встали въ вооруженіи подъ ея окнами. Считала ихъ такими претендентами на свою руку и сердце, съ которыми можно кокетничать, и изъ нихъ выбирать по своему желанію. Но, въ своихъ дѣвичьихъ снахъ о счастьи, ей и въ голову не пришло того, что каждый изъ претендентовъ въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ они были ея главными непріятелями. Она не имѣла наблюденія надъ ихъ жизнію настоящею и прошедшею, не уяснила и не проникла ихъ конечныхъ стремленій и цѣлей. Снялъ ли кто изъ нихъ предъ ней шляпу, похвалилъ ея красоту, польстилъ ли ей — и она уже млѣла въ блаженствѣ, какъ бы загипнотизированная. Увы, такое ухаживаніе убожитъ ее и надмѣваетъ! А между тѣмъ эти претенденты уже обдумали ея паденіе и приготовились передавать ее обезчещенною изъ рукъ въ руки!

Сербская расса ожидала отъ нихъ только добра во всѣхъ отношеніяхъ, а зла вовсе не чаяла. Въ идеалистическомъ пареніи мысли, къ чему сербская расса особенно склонна, она отдалась иллюзіямъ, что съ запада придетъ къ ней просвѣщеніе, свобода и благобытъ. Девизы запада, достигавшіе ея слуха, наполняли ее вдохновеніемъ. Въ своей довѣрчивости, она даже и не старалась подумать о томъ,

расширяютъ ли ея претенденты у себя дома истинное просвѣщеніе, свободу и благобытъ. Вожди сербской рассы совершенно забыли объ изученіи жизни и исторіи родственныхъ народовъ, подпавшихъ уже той участи, которой на встрѣчу теперь смотритъ сербство. Въ особенности исторія чешской жизни—прошлой и настоящей—могла бы дать имъ неоцѣнимое поученіе.

Наконецъ, не нужно скрывать и того, что въ фактѣ довѣрчивости сербской рассы къ претендентамъ съ запада было много душевной лѣности, много примитивнаго самолюбія, расплывавшагося въ безпримѣрномъ самоудивленіи и тѣмъ заграждающемъ самой себѣ путь здороваго развитія.

Вообще же, какъ немыслимо то, чтобы оккупація добровольно оставила начатое дѣло и не отважилась бы на все, лишь бы довести свое дѣло до конца, такъ же точно и донынѣшнія уступки сербской рассы нельзя считать непоправимыми. Поправка возможна. Вполнѣ возможно, что сербская расса воспрянетъ и снова пріобрѣтетъ потерянныя позиціи, такъ что антропологическіе признаки нынѣшняго похода нѣмецкаго запада на славянскій востокъ останутся только свидѣтелями событій нашего времени. Но съ другой стороны, почему бы не могъ повториться и въ сербскихъ земляхъ печальный примѣръ чешскаго народа? Развѣ духовныя начала стоятъ въ непремѣнной зависимости отъ началъ рассовыхъ?

Исторіи народовъ нельзя предписывать маршрутовъ. Послѣ русско-турецкой войны всюду думали, что Черногорія окончательно сыграла свою задачу и что послѣ юнацкой жизни настанетъ для нея юнацкая смерть, которой будетъ предшествовать недолгое и безславное прозябаніе. Между тѣмъ эта малая земля чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣй, сказывается на сербскомъ Піемонтѣ. Она стала средоточіемъ сербскихъ идеаловъ, изгнанныхъ изъ своихъ сербскихъ краевъ; стала единственною надеждою сербской рассы, которая при своихъ уступкахъ тѣснится около стѣнъ и вышинъ Черной Горы, ожидая здѣсь разрѣшенія своей судьбы.

На Корзу, главной дубровицкой улицѣ, мой фіакристъ увидалъ «почтеннаго турчина Омера», о которомъ раньше говорилъ мнѣ. Къ нашему экипажу подбѣжалъ молодой мужчина съ воинственнымъ взглядомъ. Въ разговорѣ извергалъ рѣчь по частямъ. Онъ тотчасъ-же подрядился довести меня до Требита за 2 зл., но съ условіемъ, что вмѣстѣ со мною поѣдетъ требинскій купецъ Лука Грбешичъ. Я не имѣлъ ничего противъ этого; напротивъ былъ еще радъ его обществу.

Уговорились, подали взаимно руки. При этомъ Омеръ полѣзъ за поясъ, вынулъ кошелекъ, тряхнулъ имъ и открылъ.

«Э-во теби копаре», сказалъ онъ, подавая мнѣ златникъ.

Я смутился тѣмъ, что турчинъ предложилъ мнѣ задатокъ («копа-

ра»=задатокъ), ничего не купивъ у меня. Чтобы не брать задатка и не обидѣть его, я сказалъ: «Не треба ми твое копаре, о Омере, сваки Турчинъ ее безъ копаре поштенъ» (не надо, Омеръ, мнѣ твоего задатка, потому что каждый турчинъ и безъ задатку честенъ).

«Гвала теби» сказалъ Омеръ признательно и быстрымъ кивкомъ головы привѣтствовалъ меня.

Когда мы отъѣхали, я спросилъ своего фіокриста, какъ бываетъ у нихъ съ той «копарой».

«А это нынѣ въ Герцоговинѣ стали такіе порядки: когда шваба беретъ въ займы, то этимъ онъ какъ бы оказываетъ честь своему довѣрителю; а когда шваба что-нибудь покупаетъ, то задатокъ долженъ дать ему тотъ, у кого онъ покупаетъ, а не онъ самъ—покупающій».

«Подводники» (обманщики)! подумалъ я про себя.

II.

Лука Грбешичъ.—Чехи и оккупованные.

Въ 4 часа по полудни Омеръ былъ уже на условленномъ мѣстѣ; и съ нимъ Лука Грбешичъ.

Я уже сказалъ, что взглядъ у Омера былъ воинственный, а рѣчь отрывочная. На первый взглядъ онъ не производилъ особенно пріятнаго впечатлѣнія; но все же легко было замѣтить, что за суровою оболочкою его скрывается доброе и здоровое ядро. Со мной его сближало уже то, что я не принялъ отъ него «копары» и воздалъ похвалу магометанской честности. Сидя на козлахъ, Омеръ оживленно и съ удивленіемъ на меня посматривалъ. Когда же мы вступили въ разговоръ, онъ часто отмалчивался и склонялъ свою голову. Было ясно, что онъ соображалъ и его голосъ становился мягче.

Лука Грбешичъ былъ пожилымъ мужчиной сербскаго типа турецкой школы. Говорилъ свободно, спокойно, равномѣрно. Своихъ воззрѣній и мыслей онъ не скрывалъ, излагалъ ихъ прямо, и всегда находилъ для нихъ подходящее и непредосудительное выраженіе. Искусству такъ выражаться сербы научились у турокъ. Но это искусство дѣлаетъ ихъ страшно непріятными для воспитанныхъ западнымъ іезуитизмомъ народовъ, которые не выносятъ прямого слова, а видятъ въ немъ [въ особенности если говоритъ на-прямикъ такой человѣкъ, за которымъ они не признаютъ этого права] нѣчто вызывающе-дерзкое, какъ бы насмѣшку и порицаніе, что-то такое, что рѣжетъ и палитъ ихъ. Поэтому нынѣшніе оккупачники пылаютъ ненавистью къ этому сербскому поколѣнію турецкихъ временъ: не водятъ съ нимъ совѣщаній, не могутъ сносить его, не могутъ и заискать у него. Какъ обѣщанія, такъ и угрозы, на людей этого (турецкаго) поколѣнія мало дѣйствуютъ. Они научились терпѣть и ожидать; терпѣли бы и ждали бы до суднаго дня и пережидали бы династіи и государства. Ничѣмъ они не утѣшаются, ни даже плодами своей работы, потому что уже обтерпѣлись настолько, что

уже не покраснѣетъ лицо, если коснется его чужая рука. Нѣтъ ничего для нихъ такого, что̀ могло бы ихъ разочаровать, или хотя бы надломить, даже только нарушить спокойствіе. Всегда одинаковые: мирные, духовно уравновѣшенные; говорятъ мало, но всегда правду. Но при этомъ они—вовсе не герои правды. Героевъ пра̀вды скорѣе найдете тамъ, гдѣ все тонетъ во лжи и фарисействѣ. Тамъ, послѣ долгихъ періодовъ, родятся одинокіе апостолы правды, несущіе правду и имѣющіе смѣлость провозглашать ее и идти за нею на смерть. И нерѣдко, дѣйствительно, правда стоитъ головы. Иначе дѣло обстоитъ у этихъ славянъ, воспитанныхъ Востокомъ. Они не провозглашаютъ правды, но запросто говорятъ ее: не машутъ ею около себя, какъ бы буздоганомъ (булавою), но подаютъ её прекрасно, хитро закрытою, какъ она есть въ своемъ природномъ колоскѣ. Иногда эта оболочка на первый взглядъ понравится, иногда не обратитъ на себя вниманія; но лишь стремительно коснешься ея, какъ уже раскроешь ее и видишь предъ собою: правду! Некрасивая, непріятная, горькая и скучная правда была закутана въ ту терпкую обертку, которая своимъ видомъ приводила въ заблужденіе! Въ іезуитскихъ земляхъ апостоловъ правды, когда таковой появится, побиваютъ камнями, распинаютъ, сожигаютъ и затѣмъ надолго успокоиваются; здѣсь же, у народовъ греко-восточной цивилизаціи, гдѣ правда выступаетъ въ случайныхъ, часто запутанныхъ, аллегорическихъ и сказочныхъ формахъ, не легко сбыть ее съ рукъ. Если не можешь посадить ее въ переднемъ углу своего дома, хотя бы она и противорѣчила тебѣ, то она спокойно уйдетъ отъ твоего порога къ порогу сосѣда, пойдетъ дальше и выше, даже очень далеко и очень высоко. Если же потомъ пошлешь за ней скорохода, агента правокатера, чтобы сжечь ее, или довести до неосторожнаго слова, принужденъ будешь тяжко раскаиваться: твои послы возвратятся съ позоромъ. Ту правду никоимъ образомъ нельзя довести до формальной неосторожности, чтобы при помощи софизмовъ навлечь на нее обвиненіе, при которомъ правда могла бы быть посаженою подъ замокъ тюрьмы, если не въ домъ сумасшедшихъ. Правда — всюду очевидна, но неосязаема, вслѣдствіе чего многіе боятся ея, какъ заразы.

«Что влечетъ васъ въ нашу печальную Герцеговину?» спросилъ меня Лука Грбешичъ, достаточно уже осмотрѣвшій меня съ боку.

— «Хочу посмотрѣть на Боснію и Герцеговину, какъ онѣ преуспѣваютъ подъ австрійскимъ управленіемъ, въ чемъ достигли прогресса, какъ здѣсь цивилизуются и учатся по-нѣмецки».

«Послалъ васъ кто-нибудь?» снова спросилъ Лука, измѣривъ меня своими глазами.

— «Нѣтъ. Ѣду по своей охотѣ и на свои деньги».

— «Не будете ли жалѣть денегъ, если не увидите у насъ всего такимъ, какъ представляете себѣ?»

— «Я напередъ ничего не представляю. Желаю, чтобы вашему народу было хорошо; но хочу видѣть и освѣдомиться о томъ, какъ ему живется и потомъ уже составлю представленіе о его положеніи».

«А къ чему вамъ это будетъ? Какую пользу хотите имѣть изъ того?»

— «Лично для себя никакой пользы. Хочу знать, чтобы знать; другой цѣли нѣтъ. За границами Босніи и Герцеговины часто встрѣчаешь людей, бывшихъ въ вашихъ земляхъ; слышишь отъ нихъ и читаешь. Всѣ они дѣлятся на два различные табора, какъ непримиримые враги. Одни твердятъ, что оккупація сдѣлала для васъ чрезвычайно много, что она выполнила чудеса; а другіе утверждаютъ, что она страшно повредила вамъ и ввергнула васъ въ худшее положеніе, нежели въ какомъ вы были во время турецкаго господства и что вы уже полны отчаянія и безнадежности. Гдѣ правда? — въ этомъ я и хочу удостовѣриться собственными глазами, чтобы, если зайдетъ разговоръ объ оккупованныхъ земляхъ, я могъ одному сказать: «Такъ, братъ!» а другому: «Прости, братъ, совсѣмъ иначе!»

«Видно, что вы, чехи,—наши прямые братья, если такъ стараетесь о насъ».

«Чеси су отъ свію шваба найбольи» (чехи изъ всѣхъ швабовъ—самые лучшіе), прямодушно доложилъ Омеръ, достаточно наслушавшійся насъ.

— «Вотъ видите», сказалъ я сердечно, не оставляя безъ отплаты любезности Омера, «если говорить о пользѣ, какую я буду имѣть отъ поѣздки въ ваши земли, то я уже считаю великою пользою для себя и то, что теперь услыхалъ. Я уже имѣю доказательства, что чехи любезны вамъ, что вы питаете къ нимъ довѣріе, любовь и почтеніе. О томъ я слышалъ уже на Черной Горѣ».

«Ахъ, вы были на Черной Горѣ?» переспросилъ меня Лука съ почтительнымъ удивленіемъ».

Австрія возбраняетъ общеніе оккупованныхъ съ Черногоріею. Не смотря на то, что Черногорія находится такъ близко отъ Герцеговины, оккупованные имѣютъ слишкомъ мало общеній съ нею — вслѣдствіе запрещенія правительства. И за самыя невинныя сношенія оккупованнаго обывательства съ Черногоріею, со стороны оккупачныхъ урядовъ[1]) оно подвергаются такимъ наказаніямъ, что посѣщеніе Черногоріи представляется ему чѣмъ-то необычайнымъ, почти такимъ же богоугоднымъ подвигомъ, какъ поломничество въ Іерусалимъ. Въ этомъ отношеніи боснійское правительство достигнуло совершенно обратнаго. Оно ограничило сношенія черногорцевъ съ герцеговинцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрно возвысило черногорца въ глазахъ оккупованнаго народа. Черногорія стала для оккупованныхъ Святою Горою народной свободы. Правда, южная герцеговина всегда тянула къ Черной Горѣ, такъ что въ влеченіи герцеговинцевъ къ Чер-

---

1) Урядъ—правительственное учрежденіе; урядникъ—чиновникъ.

ногоріи въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но почтеніе, даже можно сказать—обожаніе Черной Горы, распространилось и на Боснію, которой до оккупаціи Черная Гора была совершенно чуждою. Теперь кое-гдѣ въ боснійской деревнѣ—мѣстъ и лицъ изъ понятныхъ причинъ я не обозначаю—въ моемъ присутствіи уже заводился разговоръ и о Черной Горѣ. Не придавая этому никакого значенія, я дѣлился здѣсь и своими свѣдѣніями о Черногоріи. Послѣ того босняки, относившіеся раньше ко мнѣ только вѣжливо, вдругъ стали ходить около меня на цыпочкахъ, уступать мнѣ первое мѣсто, даже и въ присутствіи своихъ старшинъ. Когда же я собрался уходить, самый старшій изъ нихъ подошелъ ко мнѣ, положилъ свою руку на сердце, поклонился мнѣ до черной земли и, къ моему великому изумленію, поцѣловалъ мою руку. Когда мы уходили, провожающіе меня пріятели съ удовольствіемъ объясняли мнѣ то, почему я сразу сталъ для нихъ предметомъ столь необыкновеннаго почтенія, хотя я—тоже шваба, или лацманъ: именно потому, что я былъ на Черной Горѣ и разговаривалъ съ княземъ Николою.

Также и на Луку Грбешича и даже на Омера сообщеніе о томъ, что я пріѣхалъ съ нимъ изъ Черногоріи, произвело глубокое впечатлѣніе.

— «На Черной Горѣ», сказалъ я, попадалось мнѣ нѣсколько герцеговинскихъ эмигрантовъ. Они осуждали всѣ оккупованныя народности, только однихъ чеховъ хвалили. Чехи, говорили они, не только въ частномъ общеніи, но и въ служебномъ, рѣзко отличаются отъ остальныхъ австрійскихъ народностей, не исключая и славянскихъ. Въ нихъ больше человѣчности, больше сочувствія къ угнетеннымъ и обездоленнымъ, больше желанія помочь бѣдному и заступиться за того, кому причиняется неправда. Я сообщилъ тамъ объ одномъ фактѣ, чрезвычайно меня обрадовавшемъ и наполнившемъ одушевленіемъ—именно: между чехами и оккупованными настало, говорятъ, какъ-бы побратимство, тѣсное душевное сближеніе т. е. не какое-либо формально заключенное дружество, но только духовное тѣсное сближеніе. Это сближеніе двухъ народовъ, столь отдаленныхъ одинъ отъ другого пространствомъ, воспитанныхъ въ различныхъ культурныхъ сферахъ, отдаленныхъ между собою и вѣрою, дѣйствительно достойно удивленія, хотя и оба эти народа одного и того же славянскаго происхожденія.

«Въ характерѣ и сердцѣ чеховъ, дѣйствительно, есть что-то такое», отозвался Лука, «что приблизило ихъ и сдружило съ нами. Скажу о томъ, что это—такое. Мы видимъ, что чехи нисколько не меньше образованы и воспитаны, чѣмъ и сами нѣмцы. Всюду, гдѣ только понадобится какая-либо серьезная работа, какая-нибудь тяжелая и отвѣтственная задача—всегда поручаютъ ее чеху. А что пользы отъ этого самимъ чехамъ? Среди оккупованныхъ народовъ они, конечно,

пользуются уваженіемъ, имѣютъ вліятельный на нихъ голосъ, сообразный съ ихъ опытностью; но награждены ли они по заслугамъ? Если бы это случилось, чехи встали бы во главѣ оккупаціи, которая, несомнѣнно, имѣла бы другія послѣдствія! Но чехи всюду—на второстепенныхъ мѣстахъ и даже на самыхъ подчиненнѣйшихъ, нежели какъ бы то слѣдовало быть по ихъ правоспособности. Здѣсь уже появилась поговорка: «окресный предстойникъ (начальникъ округа) — хръватъ, судачъ (судья) — полякъ, надцестарь (дорожный мастеръ)—чехъ, а цестарь (дорожный работникъ) герцеговацъ». На этой общественной лѣстницѣ чехъ стоитъ ближе къ намъ; поэтому мы и наиболѣе его любимъ».

— «Но что въ высшей степени утѣшило меня», заговорилъ я снова, «то именно то обстоятельство, что тамошніе эмигранты въ особенности любили чешскихъ дустойниковъ (офицеровъ) и вообще вояковъ (солдатъ). Одинъ эмигрантъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай. Когда онъ былъ еще дома, въ какомъ-то герцеговинскомъ городѣ, ему пришлось присутствовать на пирушкѣ австрійскихъ дустойниковъ, которую они устроили на посрамленіе Черной Горы: говорили о ней такъ, какъ будто уже завтра же имѣли получить ее на «габельфрыштыкъ», даже еще болѣе, какъ будто бы уже съѣли ее; а черногорскія скалы какъ будто уже были ничѣмъ инымъ, какъ костями. оставшимися послѣ ихъ «мясного завтрака». На присутствовавшаго тутъ въ сторонѣ герцеговинца дустойники не обращали никакого вниманія. Конечно, въ ихъ глазахъ онъ и не стоилъ вниманія, да при этомъ, безсомнѣнія, они вовсе и не предполагали, что онъ понимаетъ ихъ рѣчи. Но герцеговинецъ, тогда еще не протягивавшій своей ноги за предѣлы родины, отъ самихъ оккупачниковъ научился по-нѣмецки хотя бы на столько, чтобы понимать дустойниковъ и высказать на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько словъ такъ, чтобъ и его поняли. Онъ выступилъ впередъ и сказалъ цѣлому обществу по-нѣмецки приблизительно слѣдующее: «Взгляните на Черную Гору, юнаци! Неужели вы думаете, что черногорскія скалы — головки сахару. Да еслибы онѣ были и такими героями, какъ вы, попадали бы вы отъ нихъ, какъ мыши отъ мышьяка. Оставьте въ покоѣ черногорскія скалы и радуйтесь, покуда онѣ стоятъ мертвыми! А разбудите ихъ къ жизни—тогда горе вамъ! Попадаютъ вамъ на головы и засыплютъ васъ!» — Was sagt der Kerl? спрашивали одни дустойники, а другіе объясняли высказанное. И все общество, понявши смыслъ словъ герцеговинца, воспрянуло, какъ одинъ мужъ; всѣ запылали гнѣвомъ: одни схватились за сабли, другіе кричали солдатамъ, чтобы арестовали смѣльчака и отвели въ тюрьму. Въ то время въ оккупованныхъ земляхъ еще царило военное положеніе. Герцеговинецъ былъ готовъ понести жестокое наказаніе: былъ взволнованъ, но велъ себя спокойно. Онъ выска-

залъ только то, что давно уже имѣлъ въ сердцѣ, что постоянно огорчало его. Воинская стража уже пришла. Оставалось только взять виновника, но тутъ выступилъ одинъ изъ дустойниковъ, чехъ, и обратился къ остальнымъ съ вѣскою рѣчью. Онъ говорилъ имъ: «Господа товарищи, руку на сердце! Мы сами больше виноваты, чѣмъ этотъ герцеговинецъ. Мы говорили здѣсь о Черной Горѣ, какъ о непріятелѣ нашей монархіи; но не имѣли на то никакого права. Для насъ только тотъ непріятель, на кого намъ укажетъ, какъ на непріятеля, нашъ государь. Мы сами не имѣемъ никакого права возбуждать и измышлять нашему государству непріятелей. Какъ честные мужи, достойные своего званія и положенія, въ Черной Горѣ мы можемъ видѣть только добраго и мирнаго сосѣда. Пока Черногорія не провозглашена за непріятеля, мы, какъ кавалеры, не смѣемъ говорить о ней, какъ о непріятелѣ. Но это не все, господа товарищи, что хочу сказать вамъ! Черная Гора—малое, бѣдное, подверженное угрозамъ владѣніе, а наше государство—великая держава. Сообразно ли съ честью дустойниковъ этой державы питать въ своемъ сердцѣ непріязнь къ малой Черногоріи! Если хорошо посмотрѣть на дѣло, господа товарищи, то думается мнѣ, что на Черную Гору мы должны смотрѣть скорѣе съ почтеніемъ, чѣмъ съ враждебностью. Она слыветъ во всемъ образованномъ мірѣ, какъ земля юнаковъ (героевъ). Дойдетъ ли дѣло до того, чтобы мы помѣрялись въ полѣ съ черногорцами — добре, помѣряемся! Но если бы и поразили ихъ, то все-же не было бы у насъ никакой причины къ ненависти. Еслибы Черная Гора была провозглашена нашимъ непріятелемъ, тогда и биться съ такимъ непріятелемъ было бы нашею честью! Черная гора, господа товарищи,—пусть она пріятель или непріятель—заслуживаетъ нашего уваженія, какъ земля героевъ и воинской доблести, какъ земля, равной которой въ этомъ отношеніи на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одной. И я, господа товарищи, поднимаю эту чарку за славу Черной Горы!»

— «Hoch! hoch!» кричали дустойники и звонили бокалами. Опорожнили бокалы. А этотъ достойный чехъ продолжалъ: «мы признались, господа товарищи, въ одной ошибкѣ; признаемся же и въ другой. Этотъ герцеговинецъ чувствуетъ себя за-одно съ черногорцами, а мы глубоко оскорбили его народность. Онъ вскипѣлъ, не могъ удержаться, и высказалъ намъ нѣсколько словъ, которыхъ я уже и самъ не помню. Знать—это были такія слова, за которыя онъ, вѣроятно, раскаивается. Но, господа товарищи, онъ бы не высказалъ ихъ, еслибы не былъ вынужденъ къ тому нами. А вторить вызовамъ цивильныхъ господъ, господа товарищи,—пусть это остается ремесломъ цивильныхъ! Но и между цивильными такой фактъ никогда не придастъ чести. Пусть уйдетъ этотъ цивиль съ миромъ!» Герцеговинецъ былъ сохраненъ, а дустойникъ—чехъ сталъ его личнымъ, особенно

вѣрнымъ пріятелемъ. Когда же герцеговинецъ, будучи уже не въ состояніи выносить долѣе оккупачныхъ урядовъ, рѣшился эмигрировать на Черную Гору, дустойникъ-чехъ проводилъ его «къ ярости цивиловъ». И такіе мужи между чешскими дустойниками—не бѣлыя вороны. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и не повѣрилъ бы, если бы мнѣ разсказалъ это кто-нибудь другой, а не самъ эмигрантъ съ своей родины изъ — за даровъ оккупаціи. Мы имѣемъ дома много дорожекъ къ войску, въ особенности къ званію дустойника; но какъ относятся чешскіе дустойники къ своей народности? Они издавна имѣютъ распоряженіе, часто приводимое имъ на память, не говорить въ общественныхъ мѣстахъ по-чешски. Военная музыка не смѣетъ играть чешскихъ народныхъ и патріотическихъ пѣсенъ. Чешскіе вояки на перекличкахъ за чешскій отвѣтъ одного слова «здѣ» своими старшими чинами наказываются такъ сурово, что вы содрогнулись-бы, еслибы я сталъ говорить о томъ».

«Ну, да», сказалъ на то Лука, «именно это и сблизило насъ съ чехами; мы видѣли, что вы болѣе даже цѣлыми столѣтіями, нежели мы десятилѣтіями, стоите подъ оккупаціей и еще до сихъ поръ страдаете отъ нея».

— «А что касается войска», продолжалъ я, «упомянутые эмигранты не могли ничего сказать о томъ, чтобы чешскаго вояка, служащаго въ оккупованныхъ земляхъ, ограничивали въ его народныхъ чувствахъ такъ, какъ онъ ограниченъ въ этомъ дома. Я слышалъ еще отъ нѣскольких чешскихъ дустойниковъ о томъ, что они переведены въ оккупованныя земли за то только, что въ своей родной землѣ, особливо же въ пограничныхъ чешскихъ городахъ, не закрывали воинскимъ двойнымъ сукномъ своей чешской народности и языка. Здѣсь они чувствуютъ себя свободнѣе, чѣмъ дома, но также способствуютъ и свободѣ другихъ».

«Ну, да», подтверждалъ снова Лука Грбешичъ, тряхнувъ старою головою, «все это такъ, какъ мы здѣсь и говоримъ; это насъ и сдружило съ чехами и выяснило намъ то, что они — единственная австрійская народность, съ которою мы можемъ сдружиться. Чехъ далъ бы свободу и намъ, убогимъ оккупованцамъ, если бы это отъ него зависѣло. Это мы хорошо знаемъ. Но другіе, которые пришли съ нимъ сюда, думаютъ только о себѣ, желаютъ получить здѣсь теплыя и выгодныя должности и думаютъ, что первое основаніе изъ успѣха заключается въ томъ, чтобы какъ можно болѣе увеличивать начатыя оккупаціею ошибки, — чтобы тѣснить насъ и въ нашихъ занятіяхъ, и въ школѣ, и въ храмѣ».

Послѣ короткой паузы онъ продолжалъ: «Чортъ побери! мы еще народъ признательный. Скажешь намъ ласковое слово—души наши обольешь какъ бы медомъ. За одно доброе слово мы все сдѣлаемъ:

раздадимъ, что имѣемъ и себя продадимъ; но за слово злое, за притѣсненіе и принужденіе... съ нами никто не справится!»

«Такъ», сказалъ Омеръ чрезъ плечо, «таковы влахи (т. е. православные). Влаха не бей, а только гладь, — и до пекла пойдетъ за тобой».

Я имѣлъ на языкѣ вопросъ: «почему же вы не сдѣлали съ ними этого». Но удержался высказать, чтобы не задѣть другихъ вопросовъ. Кромѣ того еще не вполнѣ увѣрился въ томъ, что оккупованное обывательство на самомъ дѣлѣ не поддается гнёту, какъ объ этомъ твердилъ Лука Грбешичъ.

«Въ нашихъ земляхъ», говорилъ дальше Лука, «найдете много такихъ людей, которые отъ чеховъ, особенно отъ чешскихъ вояковъ, научились по-чешски. Въ этомъ уже имѣете самое краснорѣчивое свидѣтельство о дружескихъ отношеніяхъ нашего обывательства къ чехамъ!»

Объ этомъ я уже во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій упоминалъ. Все же не могу умолчать о томъ, что особенно печалитъ меня. Чехи чѣмъ дальше, тѣмъ больше, увлекаются вульгарнымъ и тривіальнымъ разговоромъ; искажаютъ и безобразятъ свой языкъ всевозможными способами. Говорятъ неправильно, безъ нужды употребляютъ чужія слова, имѣютъ неблагородный, въ чадныхъ корчмахъ воспитанный, тонъ рѣчи, пропитанный къ тому же грубыми и суровыми выраженіями и образами. Этого часто вовсе не сознаютъ, напротивъ еще думаютъ, что выражаются прекрасно и утонченно. Значительно способствуетъ этимъ особенностямъ чешскаго говора и жизнь въ казармахъ. Къ тому-же чешскій говоръ возникъ въ періодъ самаго глубокаго униженія нашего материнскаго языка. Иностранцы смѣялись надъ чешскимъ языкомъ, а выродившееся, несчастное, подлое, рабское поколѣніе развило эти стороны говора, которыя такъ забавляли ихъ пановъ. Уже прошло много времени и мы, чехи, имѣемъ возможность воспитать свой языкъ, имѣемъ школы большія и малыя, академіи, театры, имѣемъ литературу и искусство; тамъ и сямъ произносятъ иногда наше имя съ почтеніемъ, — а мы не имѣемъ главнаго, что необходимо должно бы служить основнымъ камнемъ народнаго развитія. Народное самосознаніе ни въ чемъ такъ не проявляется, какъ въ почтеніи къ материнскому языку. Идите въ село, въ городъ, на большую дорогу, на улицу, зайдите въ общество, гдѣ чехи говорятъ отъ сердца, свободно высказываютъ все, что лежитъ на сердцѣ и въ особенности когда забавляются—и вы услышите такія чудеса грубости, что они поразятъ васъ, какъ громомъ.

Совсѣмъ иначе объясняется сербъ! О сербскомъ языкѣ извѣстно, что изъ всѣхъ славянскихъ языковъ онъ—самый благозвучный, а въ Герцеговинѣ и на Черной Горѣ и самый чистый. Каждый простой

человѣкъ, крестьянинъ, пастухъ, говоритъ чистымъ литературнымъ языкомъ. При каждомъ звукѣ своего голоса онъ заботится о правильности и благозвучіи; его говоръ нравится ему самому. Вы наблюдаете, какъ онъ самъ наслаждается имъ, какъ въ каждомъ словечкѣ онъ забавляется и, если слушаетъ его чужое ухо, то и оно залюбуется.

Любовь къ своему языку, по моему мнѣнію, должна выражаться въ томъ, чтобы правильно и хорошо говорить на немъ, имѣть чутье къ его красотамъ и секретамъ творчества, мыслить на немъ, жить въ немъ и имѣть въ немъ цѣлую свою жизнь. Къ несчастью! мало такихъ чеховъ, которые бы свой языкъ дѣйствительно и глубоко любили. Если и есть такіе, то ихъ нужно искать гдѣ-нибудь въ захолустныхъ горныхъ окраинахъ: не въ Кралевской Прагѣ, а въ широкихъ и далекихъ окрестностяхъ ея. Развитіе общественной жизни научило нынѣшняго чеха пользоваться чешскимъ языкомъ, но въ немъ доселѣ много механическаго, какъ будто фонографъ воспроизводитъ звуки, ранѣе запечатлѣнные въ немъ. Причину этого полагаю въ томъ, что чехи въ періодъ своего возрожденія возвращались къ своему языку съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы этимъ самымъ они приносили жертву; но не изъ дѣйствительной, пробужденной любви къ нему. И на этой ступени они замерзли. Общественная агитація въ продолженіи многихъ десятилѣтій научила чеха пользоваться своимъ языкомъ, но до сихъ поръ въ немъ еще не пробуждена нѣжная любовь къ языку, какую обнаруживаютъ другіе народы, въ средѣ которыхъ сербы, кажется, занимаютъ первое мѣсто.

Тамъ, гдѣ (напр. въ окупованныхъ земляхъ и въ Бокѣ Которской) стояли долгое время чешскіе полки, можно и теперь встрѣтить домородца, болтающаго по-чешски. Но это обстоятельство нисколько не радовало меня; напротивъ служило поводомъ къ печальнымъ мыслямъ, потому что, когда я слышалъ изъ однихъ и тѣхъ же устъ двоякую рѣчь, то она была именно такою, какъ я охарактеризовалъ вульгарную чешскую рѣчь. Считаю своею обязанностью обратить вниманіе читателя на это обстоятельство. Надѣюсь, найдутся такія личности, которыя займутся исправленіемъ чешскаго говора въ Прагѣ и въ другихъ городахъ, подражающихъ этимъ пражскимъ особенностямъ. Даже еслибы я и не былъ чехомъ и этотъ вульгаризмъ не касался меня вовсе, все же меня печалила бы возможность такой несообразности, какъ одинъ и тотъ же народъ ораторствуетъ и какъ онъ разговариваетъ. То, что дѣлаютъ чехи, заслуживаетъ полной похвалы. Въ особенности похвально то, что они дѣлаютъ изъ побужденій собственной мысли и чувства, что сами научились этому. Слыша издали о дѣяніяхъ чешскаго народа, мы сказали бы: «этотъ народъ призванъ къ совершенію великихъ дѣлъ». Если же возбужденные любознательностію подойдутъ ближе, къ самымъ устамъ этого народа, то

услышать изъ нихъ нѣчто такое, что стоитъ въ совершенной дисгармоніи съ его дѣяніями. Этого факта нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ только тѣмъ, что эта дисгармонія залегла въ самой душѣ чеха новаго періода.

Объ этомъ наблюденіи я долженъ былъ сообщить въ особенности потому, что я опасаюсь, какъ бы говоръ съ пражскихъ площадей не исказилъ и нашего литературнаго языка. Въ беллетристикѣ періода дурно понятаго реализма и натурализма получило господство слѣдующее правило: Пиши, писатель, такъ, какъ говоритъ народъ! Отсюда: если народъ говоритъ дурно, и ты, если желаешь считаться хорошимъ писателемъ, долженъ писать испорченно, безъ вкуса и грубо!

Но возвратимся къ разговору съ Лукой Грбешичемъ.

На сообщеніе Луки Грбешича о томъ, что многіе изъ оккупованныхъ научились говорить по-чешски отъ чешскихъ вояковъ, я отвѣтилъ:—«Не придаю этому большаго значенія. Мнѣ было бы пріятнѣе услышать, что чехи среди васъ учатся по-сербски. Какъ хозяева земли, вы въ правѣ требовать, что бы съ вашимъ языкомъ освоивался каждый, кто долго остается у васъ, имѣетъ среди васъ дѣло своего призванія—урядъ, ремесло. Обратное для васъ не обязательно. И у насъ, чеховъ, въ періодъ колонизаціи чужихъ интересовъ, было то же самое; но это ввергнуло насъ въ войны, отъ которыхъ чешскій народъ не освободится, покуда живъ.

— «По-моему, есть другія болѣе важныя стороны сближенія чеховъ съ вами—оккупованными. Напр. меня интересуетъ то обстоятельство, что 3—4 года сему назадъ боснійское правительство строго наказало многихъ чешскихъ урядниковъ за какія то недозволенныя отношенія ихъ къ обывательству? Можешь ли сказать мнѣ что-нибудь объ этомъ?»

«Немного. Что многіе изъ чешскихъ урядниковъ были наказаны—это правда. Но за что?—О томъ больше болтаютъ, чѣмъ знаютъ что-либо опредѣленнаго. Думаютъ, что правительство искало между ними такого, кто корреспондируетъ въ «Нàродни Листы» и сообщаетъ чешскимъ делегатамъ нѣкоторыя тайны правительства. Число наказанныхъ, какъ слышно, простиралось до 42. Высшіе урядники отдѣлались домашнимъ арестомъ; потомъ и средніе чешскіе чиновники должны были отбыть свое наказаніе, которое для нѣкоторыхъ продолжалось до 6 недѣль, въ зданіяхъ урядовъ Мостарскихъ и Сараевскихъ. Низшіе же чиновники были оставлены безъ наказанія. Вотъ и все, что мнѣ извѣстно».

— «Какъ подѣйствовало на нихъ наказаніе? Измѣнились ли они послѣ того?»

«Думаю, что все это была напраслина и что правительство, предполагая, что между ними есть виноватый, но не будучи въ состо-

яніи розыскать его, наказывало сплошь. О томъ, чтобы намъ хотя чешскіе урядники оказывали предпочтеніе, не можетъ быть и рѣчи. Мы сознаемъ, что при своемъ подчиненномъ положеніи они и не могутъ иначе дѣйствовать. Они тоже насъ бьютъ, когда должны; но дѣло въ томъ, что вовсе не бьютъ, когда не должны. Тѣмъ они и отличаются отъ другихъ».

— «Все же я знаю объ одномъ уродѣ, происшедшемъ отъ чешской матери и творившемъ въ вашей Герцеговинѣ такія злодѣйства, за которыя и въ пеклѣ не могутъ наказать по заслугамъ. Я слышалъ объ истомъ своемъ краянѣ, который въ Гачкѣ, при содѣйствіи своего помощника Зеленбуга, заманивалъ черногорцевъ перейти границу и убивалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы ихъ семьи могли думать, что ихъ убивали герцеговинцы; но также онъ убивалъ герцеговинцевъ, а трупы ихъ бросалъ на черногорской границѣ, что бы мѣстонахожденіемъ убитыхъ родичи были введены въ обманъ и думали, что умершіе пали отъ руки черногорцевъ. Такимъ путемъ онъ хотѣлъ поссорить герцеговинцевъ съ черногорцами. Вѣрно ли это?»

Лука Грбешичъ не сказалъ мнѣ на это: ни «да», ни «нѣтъ»; но только улыбнулся. «Вотъ видите, и этотъ вашъ краянъ, который кажется вамъ страшнымъ извергомъ, лучше, чѣмъ здѣшній его товарищъ другой народности. То, что дѣлалъ онъ, дѣлали также и другіе. Помилуйте: честолюбивый человѣкъ, не имѣющій достаточной квалификаціи, но желающій хотя бы поториться туда, гдѣ онъ могъ бы что-нибудь значить и имѣть какую-либо силу: сколько такого народу пришло къ намъ! Да такіе люди убили бы не только герцеговинца и черногорца, которыхъ не навидятъ, но и отца съ матерью, которыхъ любятъ, лишь бы получить то, что получилъ вашъ краянъ. Но на своемъ теперешнемъ мѣстѣ, которое раньше занималъ нѣмецъ, впавшій въ немилость, вашъ краянъ завелъ не одно значительное улучшеніе. Не одна грудь уже отдохнула подъ его управленіемъ; между тѣмъ какъ его предшественникъ только тиранилъ и мучилъ. Вашъ краянъ нынѣ старается достигнуть своего только такими средствами, которыя не причиняютъ другимъ боли.

Этотъ отвѣтъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Больше, нежели все другое, онъ объяснилъ мнѣ то, что герцеговинцы и босняки во время оккупаціи подвержены жестокому угнетенію. Чтò же тамъ происходитъ и творится, если и такого злодѣя, которому Дантъ указалъ бы въ своемъ Аду еще почетное мѣсто, считаютъ еще «за лучшаго» чиновника! Вообще же, кромѣ этого страшнаго случая, можно констатировать фактъ, что изъ всѣхъ австрійскихъ народностей чехи составляютъ единственную народность, оказавшуюся способною воспитательницею оккупованнаго обывательства; а въ Босніи и Герцеговинѣ представляютъ собою наиблагороднѣйшее населеніе, ходатайствующее за идеальныя отношенія къ оккупован-

нымъ. Этимъ фактомъ котораго я нисколько не преувеличиваю и къ которому я приложилъ также и тѣнь, съ народа чешскаго снята клятва, которую призвали на него пресловутые чешскіе бюрократы Меттернихо-Баховскаго періода. Этотъ фактъ служитъ показателемъ самыхъ цвѣтущихъ культурныхъ успѣховъ чешскаго народа нашего времени.

Предъ нами, совсѣмъ близко, стоитъ пограничный каменный срубъ Дріено, который съ 1875 г. сталъ извѣстнымъ тѣмъ, что кучка первыхъ повстанцевъ долгое время облегала его. А все-таки, сколь бы поучительными ни были мѣстности тамъ за границей, глазъ не можетъ преодолѣть себя, чтобы не обратиться назадъ и не бросить послѣдняго прощальнаго взгляда на синѣющуюся Адрію, которая разстилается на необозримое пространство за роскошною жупскою долиною, по каймѣ которой пролегаетъ значительная часть большой дороги дубровницко-требинской.

Это—одна изъ самыхъ прекрасныхъ, великолѣпнѣйшихъ картинъ, раскрывавшихся предъ нами на далматскомъ поморьи.

III.

О путешествіи въ оккупованныхъ земляхъ.

Меня занималъ очень важный, но оказавшійся потомъ совершенно излишнимъ, вопросъ о томъ, пустятъ-ли меня въ оккупованныя земли. Удивительная вещь: въ сосѣднихъ съ Босніею и Герцеговиною австрійскихъ земляхъ, въ Хорватіи и Далмаціи, никто не могъ сказать мнѣ ничего опредѣленнаго о томъ, каждому-ли дозволенъ доступъ въ эти оккупованныя земли. Если бы меня и не пустили туда, то все же это не составило бы самого большого несчастія въ моей жизни. Я сталъ бы только бѣднѣе печальными впечатлѣніями и опытомъ.

Нѣсколько лѣтъ сему назадъ въ «Народныхъ Листахъ» появилась корреспонденція изъ Босніи и Герцеговины. Это была одна изъ тѣхъ, на которые такъ досадовало боснійское правительство. Эта корреспонденція заключала въ себѣ такія извѣстія, которыхъ могъ знать только оккупачный чиновникъ. Между прочимъ тамъ было упомянуто и о моей милости — именно: боснійское правительство въ 1883 г, дало распоряженіе всѣмъ пограничнымъ четницкимъ (жандармскихъ) станціямъ, на случай, если бы я путешествовалъ въ оккупачныхъ земляхъ, слѣдить за мною и сообщить о мнѣ въ Сараево немедленно, лишь только я перейду границу. Не знаю, чѣмъ я такъ интересовалъ боснійское правительство. Считаю совершенно невозможнымъ предположеніе, будто оно хотѣло воспрепятствовать мнѣ въ путешествіи; скорѣе я склоненъ думать, что, наоборотъ, оно желало способствовать облегченію моего путешествія.

Вслѣдствіе этого сообщенія я былъ подготовленъ къ всевозможнымъ случайностямъ и ѣхалъ къ герцеговинской границѣ, имѣя съ собою дорожные паспорты, какъ на дальнюю чужбину.

Лука Грбешичъ хорошо зналъ о томъ, что не будетъ остановленъ. На границѣ подошелъ къ намъ четницкій стражмистръ съ книгой, перомъ и каламаромъ. Лука схватился за поясъ, гдѣ каждый юго-

славянъ хранитъ свои «omnia»; но стражмистръ кивнулъ головой, чтобъ онъ не безпокоился. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ книгу и благородно предложилъ, чтобъ я записался. Въ книгѣ были сдѣланы рубрики: имя и фамилія; званіе; откуда и куда путь. Я перевернулъ нѣсколько страницъ, что бы узнать, кто чаще всѣхъ навѣщаетъ оккупованныя земли: оказалось: торговцы и половые (кельнеры). Мнѣ показалось страннымъ то обстоятельство, что никто не былъ записанъ кириллицею и я расписался этими письменами. Лука не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, чтобъ кто-нибудь отважился на такой подвигъ. Но ничего не сказалъ, только поднесъ книгу близко къ своимъ глазамъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли я тотъ самый чужеземецъ, съ которымъ сегодня свелъ его случай, и подписался тѣмъ же самымъ письмомъ, которое для него священно. При другихъ обстоятельствахъ онъ не отважился бы записаться кириллицею, но теперь расписывался здѣсь съ такимъ видомъ, какъ будто-бы и записанное предо мною имя, «Mathilde Reif, Kellnerin aus Budapest, reiset nach Trebinê» онъ принималъ за свое собственное. Онъ произнесъ это имя въ слухъ, такъ, чтобы и Омеръ слышалъ. Омеръ отпрянулъ. Стражмистръ взялъ обратно книгу, посмотрѣлъ на мою запись, усмѣхнулся, вѣжливо кивнулъ мнѣ головою и закрылъ книгу.

«Только что проѣхала», сказалъ онъ Лукѣ и отошелъ. Омеръ быстро побѣжалъ къ своимъ любимымъ конямъ.

По этому поводу разскажемъ о томъ, какъ путешествуетъ въ оккупованныхъ земляхъ чужеземецъ и какъ—туземецъ.

Первоначально полицейскіе и политическіе органы въ обѣихъ оккупованныхъ земляхъ дѣлали всевозможное для того, что путешествія и остановки здѣсь иноземцевъ становились для нихъ непріятными, хотя бы сами путешественники и не были особенно подозрительными. Цѣлыя своры шпіоновъ преслѣдовали каждаго путешественника, ходили по-пятамъ, сторожили въ гостиницахъ и даже въ частныхъ домахъ. Зашелъ ли путешественникъ въ кофейню, нѣсколько шпіоновъ — прямо за нимъ. Присаживались къ его столу, смотрѣли ему въ ротъ, переглядывались между собою, перешептывались, дѣлали замѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Домъ, въ которомъ спалъ путешественникъ, днемъ и ночью былъ осматриваемъ полицейскими. Если путешественникъ благодарилъ за чрезмѣрное вниманіе или же порицалъ, то назойливые стражи отвѣчали ему, что такой бдительности требуетъ личная его безопасность, потому что-де онъ очутился среди такихъ людей, которые ненавидятъ чужеземцевъ. Конечно, путешественникъ наскоро собиралъ свои вещи и возвращался туда, откуда приходилъ. Если бы онъ не догадался сдѣлать этого, то получилъ бы намекъ.

Въ послѣдніе же годы здѣсь заведены другіе полицейскіе способы. Для такого иностранца, котораго урядники рады видѣть, они сняли-

бы и голубой покровъ неба; но и такого путешественника, который имъ непріятенъ, они уже не прогоняютъ столь нагло и безсовѣстно, какъ это было раньше. Впрочемъ, этого и не требовалось, потому что лишь только путешественникъ записался въ книгѣ на границѣ и сдѣлалъ шагъ дальше, какъ уже уподоблялся мухѣ, запутавшейся въ тонкой паутинѣ. Онъ не видитъ, но уже чувствуетъ, что всюду, куда-бы онъ ни обратился, надъ нимъ бдитъ «высшее око». Это дѣлается такъ. Пограничная станція тотчасъ же даетъ свѣдѣнія телеграфомъ въ то мѣсто, куда вы ѣдете,—о томъ, что вы уже приближаетесь. Ни одна личность, никакое положеніе и состояніе не защитятъ васъ отъ этого чрезвычайно назойливаго вниманія. Въ каждомъ городѣ вы найдете подходящій готель и чистую постель, что, какъ и на Черной Горѣ, составляетъ заслугу правительства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, куда путники рѣдко попадаютъ и гдѣ вслѣдствіе этого не было никакой надежды на то, что соорудитъ готель частная предпріимчивость, само правительство устроило готели. Во всѣхъ готеляхъ найдете пищу и напитки за очень умѣренную цѣну. Нѣтъ ни одного готеля безъ горничной. Въ Мостару правительство устроило замѣчательно чистый и солидный готель «Неретву», другой готель «Европа», хозяиномъ котораго состоитъ извѣстный вождь боснійскихъ православныхъ сербовъ Григорій Евѳановичъ, могъ бы служить съ честью каждому большому городу.

Лишь только вы пришли въ готель, прежде чѣмъ сняли шляпу, вамъ подносятъ книгу для записи иностранцевъ; въ нее вы тотчасъ же должны занести свое имя. Если бы вы хотя на минуту откладывали запись, вамъ скажутъ прямо, что дѣлаютъ это по очень строгому предписанію и что вы причинили бы непріятную нелюбезность, еслибы тотчасъ же не исполнили ихъ любезной просьбы. Затѣмъ съ вашимъ именемъ моментально мчатся въ полицейскій урядъ, въ жандармское управленіе, или же въ полицію. Тамъ провѣрятъ, согласно-ли ваше записанное имя съ означеннымъ въ телеграммѣ и рѣшатъ, какое вниманіе должно быть посвящено вамъ во время вашего прибыванія въ городѣ.

Незамѣтное для васъ наблюденіе было уже обращено на васъ еще дорогою. Всѣ вышины, съ которыхъ можно хорошо осмотрѣть край, снабжены жандармскими станціями и всѣ онѣ, взаимнымъ сообщеніемъ между собою, составляютъ одну систему. Со станціи въ телескопъ осмотрятъ каждаго, кто появится вблизи и, если ваша личность заинтересуетъ, то о васъ даютъ знать при помощи зеркальнаго телеграфа также и сосѣднимъ станціямъ. Нынѣ между станціями устроено и телеграфное сообщеніе. Въ захолустныхъ окраинахъ, гдѣ посѣтитель—большая рѣдкость, эта обязанность телефонистамъ доставляетъ пріятную забаву. Когда въ захолустной деревнѣ загремятъ по деревенской дорогѣ колеса, или когда на ней появится

чужое лицо, тогда все съ любопытствомъ бросается къ окнамъ. Но учреждать дорогую службу съ цѣлію наблюденія надъ чужими экипажами и чужими лицами по деревнямъ, конечно, было бы большею странностью. Такъ и здѣсь, въ оккупованныхъ земляхъ, нужно удивляться той догадливости и предусмотрительности, съ какою устрояютъ здѣсь контроль надъ каждою особою. Но на вопросъ: «зачѣмъ? для чего все это?» нѣтъ отвѣта.

Сомнѣваюсь, чтобъ для оккупачныхъ урядниковъ я былъ особенно желательнымъ гостемъ; тѣмъ не менѣе, признаюсь, не могу разсказать ни объ одномъ приключеніи, которое бы имѣлъ съ ними. Требинскій предстойникъ, напередъ увѣдомленный о моемъ пріѣздѣ, позаботился объ обществѣ для меня моихъ краяновъ въ тотъ же вечеръ. Предстойникъ въ Гачкѣ, галицкій руссъ, пришелъ лично меня привѣтствовать и послалъ молодого лѣсничаго—чеха, служащаго подъ его непосредственнымъ начальствомъ, составить мнѣ компанію. Отъ такого компаніона, хотя и милаго, нельзя было ожидать, что укажетъ мнѣ рубъ вещи (изнанку, суть дѣла). Какъ проводникъ, онъ чрезвычайно милый, но въ качествѣ информатора (справщика) онъ не годится, потому что, по его мнѣнію, въ оккупованныхъ земляхъ все ясно и цвѣтуще, нигдѣ нѣтъ даже малѣйшей тѣни, ни малѣйшаго пятна, недостатка. ошибки. Вообще должно признать, что эта форма насадки на путешественника оффиціозныхъ очковъ достойна цивилизованныхъ людей!? Кто удовлетворится этими очками и не посмотритъ безъ нихъ, тотъ, конечно, и созданъ для того, чтобы видѣть дурно. Можно-ли сваливать вину собственной близорукости на жандармскіе органы?!

Въ Невесинѣ предстойникомъ состоитъ Раухъ, извѣстный въ обѣихъ оккупованныхъ земляхъ. Происхожденіемъ онъ скорѣе всего—польскій жидъ. Еще до пріѣзда въ Невесинъ я слышалъ о немъ, какъ особенно извѣстномъ своею наглостью. Напр. невесинскаго священника онъ приказалъ запереть на 5 дней только за то, что, уходя изъ дома Рауха, онъ надѣлъ свою шляпу въ дверяхъ его комнаты, а не на лѣстницѣ, какъ это узаконено въ уложеніи о наказаніи господ. Рауха. Однажды двѣ турецкія женщины усѣлись на ступеняхъ лѣстницы его дома. Увидѣвши это, Раухъ приказалъ арестовать ихъ на 24 часа.Напрасно умоляла его одна изъ нихъ, имѣвшая дома грудного ребенка, который не можетъ такъ долго оставаться безъ пищи. Но ребенокъ долженъ былъ голодать, потому что такъ хотѣла строгая воля господ. предстойника Рауха. Понятно, по пріѣздѣ въ Невесинъ, я желалъ встрѣтиться съ этимъ знаменитымъ мужемъ. Но не получилъ этого утѣшенія. Вечеромъ я сидѣлъ въ гостинницѣ одинъ у стола и съ любопытствомъ смотрѣлъ на сосѣдній столъ, о которомъ мнѣ сказали, что это былъ столъ урядниковъ. Тотчасъ же мною овладѣло безотчетное почтеніе къ этому столу и я не могъ отворо-

тить отъ него глазъ, хотя онъ былъ и празднымъ. Собралось и общество урядниковъ, только мѣсто во главѣ стола было еще не занято. Нѣсколько молодыхъ людей изъ этого урядническаго кружка говорило между собою по-чешски, что было для меня пріятно. Я вспоминалъ о всемъ томъ, что похвальнаго слышалъ въ оккупованныхъ земляхъ о чешскихъ урядникахъ. Очень желалъ познакомиться съ ними и терпѣливо ожидалъ повода къ знакомству. О томъ, что поводъ явится, я не сомнѣвался, потому что минутами въ этой невесинской гостинницѣ было точно такъ же, какъ въ какомъ-нибудь захолустномъ чешскомъ городѣ. У другого стола сидѣло общество дустойниковъ и оттуда также слышался чешскій разговоръ. Содержатель гостинницы — чехъ (но долженъ былъ, какъ видно, скромно скрывать свое чешство, покуда не спрашивали его о томъ), семейство его также чешское; одинъ изъ половыхъ тоже — чехъ, дворникъ и кучеръ—чехи. Всѣ эти чехи, при тамошнихъ отношеніяхъ, должны были сначала спрашивать по-нѣмецки и только въ томъ случаѣ, если гость не расположенъ говорить по-нѣмецки, они обращались уже на дорогомъ своемъ языкѣ.

— «Вы—шваба?» спросилъ я старшаго полового.

«Шваба и мадьяръ» отвѣтилъ онъ въ святой простотѣ.

На этотъ разговоръ обратилъ вниманіе тотъ, кого ожидало праздное мѣсто въ челѣ урядническаго стола. Онъ только что усѣлся; сталъ смотрѣть на меня, а я—на него. Онъ мнѣ нравился, а я ему, къ сожалѣнію, нѣтъ, какъ это обнаруживалось въ его взглядѣ. Онъ подозвалъ къ себѣ старшаго полового. что-то шепталъ ему, указывалъ чрезъ плечо на меня пальцемъ; а половой, смотря уже прямо на меня, отвѣчалъ ему тоже шепотомъ. Послѣ того половой поспѣшно отошелъ и принесъ гостинскую книгу. Я уже понялъ, что рѣчь была обо мнѣ. Всюду въ оккупованныхъ земляхъ, во всѣхъ гостинницахъ, я записывалъ свое имя кириллицею, чтобъ выяснить себѣ то, дѣйствительно-ли это святое славянское письмо не въ любви у оккупачныхъ урядовъ. Любопытство мое было тѣмъ большимъ и настоятельнѣйшимъ, что въ тѣхъ книгахъ я не встрѣтилъ ни одного имени, записаннаго этимъ письмомъ. Даже вожди сербскаго народа оккупованныхъ земель, какъ я уже упомянулъ, не пользуются этимъ правомъ и не записываются въ гостинскихъ книгахъ кирилльскимъ письмомъ, но всегда латинкою, при чемъ свои имена искажаютъ такъ же, какъ это дѣлается въ цезар. королев. войскѣ. Напр. зажиточный герцеговинскій сербъ, хозяинъ упомянутаго готеля въ Невесинѣ и пивовареннаго завода въ Мостару, господинъ Биличъ, который часто совершаетъ по оккупованной землѣ свои торговыя поѣздки и потому его имя чаще всего встрѣчается въ гостинскихъ книгахъ, всегда подписывается латинкою и всюду—«Billich».

Это была картина, достойная кисти художника, когда предсѣдатель невесинскаго урядническаго стола принялъ изъ рукъ полового рас-

крытую книгу и увидѣлъ въ ней мое скромное имя! Въ первое мгновеніе—ей Богу! я думалъ, что онъ падаетъ въ обморокъ. Лицо позеленѣло, губы надулись. затряссяя всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ и уставился на меня, не сводя глазъ. И я съ своей стороны тоже долго не спускалъ съ него глазъ, хотя всего этого я и не ожидалъ. Чувство человѣчности подсказывало мнѣ: вскочи и облей холодной водой этого бѣднягу! Но, оглядѣвъ общество, я оставилъ это намѣреніе, потому что подать ему первую помощь не было моею обязанностью. Что бы я могъ сдѣлать тутъ? Сотоварищи остолбенѣвшаго сидѣли безмолвно, но не было видно въ нихъ другой перемѣны, кромѣ той, что говорившіе доселѣ по-чешски словно замерли. Остолбенѣвшій быстро пришелъ въ себя и скорѣе отскочилъ, чѣмъ отошелъ, къ ближайшей двери, безъ шляпы и верхняго пальто. Я долго ожидалъ его, думая еще разъ посмотрѣть на него; но не дождался.

Это былъ невесинскій предстойникъ госп. Раухъ, мужъ, гордящійся тѣмъ, что Невесинъ, который въ турецкій періодъ былъ очагомъ всѣхъ мятежей и гдѣ еще въ 1875 г. былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ, онъ скрутилъ такъ, что по его приказанію каждый отецъ готовъ зарѣзать и сжечь на жертвенномъ алтарѣ своего первенца-сына.

Удовольствія лично познакомиться съ госп. предстойникомъ Раухомъ я не получилъ.

Въ Мостару я не замѣчалъ того, чтобы былъ подъ надзоромъ полицейскихъ. Сужу на основаніи того, что вообще не было посвящено мнѣ вниманія. Въ Сараевѣ по городу и окрестностямъ всюду за мною ходили полицейскіе, но всегда на почтительномъ разстояніи. На надоѣдливость ихъ не могу жаловаться; скорѣе могу говорить о томъ вниманіи, какое было оказано мнѣ. Въ Сараевѣ однажды навѣстилъ меня господ. Мирославъ Губмайеръ, извѣстный многимъ моимъ читателямъ по началу герцеговинскаго повстанья 1875 г. Когда мы вспоминали о той порѣ, онъ казался мнѣ такимъ, какъ будто бы состоялъ полицейскимъ довѣреннымъ господ. Каллая. Затѣмъ разъ вечеромъ онъ вызвалъ меня и пригласилъ къ себѣ на чай, обѣщая высказать свои политическіе идеалы, которые—скажу сейчасъ же—состояли въ томъ, чтобы если не весь Балканъ, то хотя бы только Сербія до Солуня подчинилась Австріи. Планъ, мимоходомъ сказать—не новый, потому что для него уже въ 1875—1876 г. работали многіе агенты и среди нихъ нѣкоторые вожди возстанія. Господ. Губмайеръ завелъ меня въ отдаленныя, пустынныя улички. За нами раздавались поспѣшные шаги. Было ясно, что кто-то догонялъ насъ. Я прибавлялъ шагу; преслѣдующій бросился въ догонку. Тутъ Губмайеръ остановился у одного укромнаго дома, построеннаго въ романскомъ стилѣ. «Здѣсь я живу», сказалъ онъ мнѣ, хватаюсь за звонокъ. Въ это время предсталъ предъ нами нашъ преслѣдователь. Люцерна го-

рѣла ясно. Онъ подскочилъ радостно, какъ витязь; но тотчасъ же на лицѣ тріумфатора обнаружилось выраженіе обмана, когда онъ увидѣлъ и узналъ моего камрада. Быстро снялъ шляпу, отвѣсилъ господ. Губмайеру глубокій поклонъ, пожелалъ добраго вечера и ушелъ назадъ. Я не спросилъ г. Губмайера, хотя и имѣлъ въ мысляхъ очень важный вопросъ о томъ, ктò — этотъ почтенный его знакомый. Но я уже не сомнѣвался въ томъ, что господ. Губмайеръ въ Сараевѣ—очень важная личность.

Послѣ долгой, не мало поучительной для меня, лекціи г. Губмайеръ сказалъ мнѣ о томъ, что одинъ изъ начальниковъ боснійскаго правительства очень жалѣетъ, что я доселѣ не навѣстилъ его, и не зналъ «alteram partem». Я отвѣтилъ на это тѣмъ, что по моему мнѣнію «altera pars» составляетъ оккупованный народъ, не имѣющій въ правителяхъ той защиты, какой онъ требуетъ и заслуживаетъ.

Болѣе ничѣмъ я не воспользовался со стороны охранителей нынѣшняго порядка въ оккупованныхъ земляхъ. Хотя этого и немного,— все же можно представить, какъ господа оккупачники принимаютъ нынѣ иноземцевъ. Разумѣется, тотъ, кого г. оккупачники считаютъ своимъ человѣкомъ, пользуется со стороны ихъ ласковымъ и любезнымъ обхожденіемъ: его встрѣчаютъ и окружаютъ такими удобствами, что онъ выноситъ оттуда самое пріятное впечатлѣніе.

И если такой путешественникъ не понимаетъ языка и жизни народа, тогда всецѣло можетъ подпасть подъ вліяніе различныхъ личностей, исполняющихъ тайно, или оффиціально, полицейскія обязанности. Но и нашимъ братомъ оккупачники не гнушаются. Однако ихъ внимательность имѣетъ силу не для самого путешественника, но для тѣхъ земляковъ, съ которыми онъ только встрѣчался, но не увезъ ихъ съ собою.

Въ первые годы оккупаціи путешествовавшему здѣсь иностранцу заявляли о томъ, что необходимо оберегать его отъ народа, опаснаго для его личности и багажа. Если бы и теперь продолжали заявлять то же, тогда бросался бы нехорошій свѣтъ на самихъ оккупачниковъ. Каждый могъ бы на это отвѣтить: «вѣдь вы въ продолженіи 20 лѣтъ могли завести такіе порядки, чтобы неприкосновенность личности и багажа путника были совершенно обезпечены!» Нынѣ никто уже не будетъ отпираться отъ того, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы препятствовать вамъ имѣть сношенія съ народомъ, но о самомъ народѣ, которому запрещено это общеніе съ путешественниками. Въ видахъ этого сооруженъ великанскій механизмъ, стоющій громадныхъ суммъ, но работающій съ точностью, свойственною вѣку механизма.

Хорошо. Но какая же опасность для дѣла оккупаціи можетъ произойти отъ встрѣчъ иноземцевъ съ оккупованнымъ народомъ?

Въ сосѣдней Черногоріи дѣло поставлено совсѣмъ иначе. Тамъ

вовсе нѣтъ полицейской службы. Прибывшій въ Черногорію иностранецъ такъ же свободенъ во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ народомъ, какъ и всякій черногорецъ. Никто не скажетъ ему, что на Черной Горѣ не безопасно, такъ какъ тамъ полная безопасность личности и имущества, никто не шпіонитъ за нимъ, не препятствуетъ ходить куда-угодно и распрашивать о какихъ—угодно вещахъ. Этою свободою на Черной Горѣ особенно утѣшаются которицкіе шпіоны и агитаторы. Черногорцы о всемъ разсказываютъ имъ, все укажутъ. Также довѣрчиво черногорцы относятся и къ воинскимъ лазутчикамъ. Даже сами приведутъ ихъ на всѣ мѣста, какія они хотятъ видѣть, не возбраняютъ имъ снимать фотографій, или дѣлать описанія. Воинскія начальники оккупованныхъ земель съ удовольствіемъ высылаютъ въ Черногорію солдатъ, которые тамъ выдаютъ себя за дезертеровъ. Но должно прибавить, что при избраніи особъ для этой службы они даютъ преимущество чехамъ, желая воспользоваться братскими чувствами между чехами и черногорцами. Я слышалъ о такихъ примѣрахъ. Явится австрійскій дезертеръ и доложитъ о себѣ въ черногорскихъ урядахъ: его любезно примутъ и, если онъ умѣетъ что-нибудь, дадутъ и занятіе. Если же онъ не умѣетъ, то все-же угостятъ его. Не будутъ распрашивать его и вызывать на откровенность. Братья черногорцы быстро осмотрятъ гостя. Нареканіямъ на Австрію и на все, что въ ней, они не придаютъ значенія. Для нихъ поучительнѣе то, что занимаетъ гостя, и какое впечатлѣніе онъ желаетъ произвесть на черногорцевъ описаніемъ военныхъ сооруженій подъ черногорскими границами. Эти сооруженія безспорно велики. Если же гость говоритъ лишь вообще объ ихъ величіи, но не говоритъ о нихъ подробно, хочетъ только устрашить черногорцевъ, тогда послѣдніе уже видятъ, къ какому разряду слѣдуетъ отнести гостя. Когда же гость совершенно убѣдится въ томъ, что черногорцы попались въ ловушку, а онъ перехитрилъ ихъ, вдругъ, совершенно неожиданно, спрашиваетъ его кто-нибудь изъ толпы: сколько же, братецъ, тебѣ платить за то, что ты шпіонишь на Черной Горѣ? Скоро-ли окончишь ты свою задачу? Какъ великъ срокъ, на какой тебя откомандировали дезертеромъ на Черную Гору?» Съ такою прямотою спрошенный, обыкновенно, не имѣетъ присутствія духа притворяться. Нѣкоторые уходили съ Черной Горы съ позоромъ, другіе—съ плачемъ о низости своей миссіи,—но всегда безопасно и безъ притѣсненій до тѣхъ поръ, какъ исчезнутъ за границею.

Въ чемъ же заключается различіе между Черногоріею и оккупованными землями въ этомъ отношеніи? Въ томъ, что въ Черногоріи—полное единство между правительствомъ и народомъ. Въ Черной Горѣ нѣтъ полиціи—но напротивъ, можно оказать, что каждый черногорецъ, отъ мала до велика, заботится о внѣшней и внутренней безопасности своего отечества, каждый составляетъ собою органъ и

помощника правительства. Наоборотъ то недовѣріе правительства и его органовъ къ обывательству въ оккупованныхъ земляхъ свидѣтельствуетъ о глубокой пропасти, отдѣляющей правительство отъ народа.

Соотвѣтственно такому отношенію, австрійское правительство ограничило столкновенія и среди самого обывательства. Чужеземецъ подверженъ явному или тайному надзору, но все же можетъ изъ конца въ конецъ пройти обѣими провинціями, если не случится съ нимъ ничего такого, что бы дало полиціи поводъ ускорить его отъѣздъ. Между тѣмъ этого не можетъ сдѣлать доморoдный обыватель.

До послѣдняго времени ни одинъ оккупованный не смѣлъ безъ дорожнаго билета шагнуть даже въ сосѣдній городъ. Кто погрѣшалъ противъ этого, былъ оштрафованъ суммою даже въ 100—150 злат. и штрафъ этотъ долженъ былъ заплатить тотчасъ же, если бы вопреки штрафу снова отважился на то же. До сихъ поръ каждый ѣдущій въ городъ долженъ имѣть дорожный билетъ; но отступленія отъ этого правила уже есть, какъ мы видѣли на Лукѣ Грбешичѣ и Омерѣ, потому что иначе должны были бы показывать стражамъ свои билеты и особы, извѣстные своею безопасностію. Дорожный билетъ имѣетъ значеніе только въ теченіи 10 дней,—такимъ образомъ на одинъ, или на два торговые дня. По истеченіи 10—дневнаго срока оккупованный долженъ снова просить объ обновленіи билета. Платы за билетъ каждый разъ взимается 5 крейц. Каждый просящій билета долженъ объявить, зачѣмъ онъ хочетъ отлучаться изъ своего золотого мѣстожительства. Явившись же въ то мѣсто, куда взялъ билетъ, — онъ подвергается досмотру со стороны жандармскаго уряда, который наблюдаетъ за тѣмъ, дѣйствительно ли владѣтель билета прибылъ съ тою цѣлію, какая прописана въ билетѣ. Бывали случаи, что нѣкоторые просились на рынки въ большіе города -- резиденціи высшихъ урядовъ, а между тѣмъ жаловались тамъ на своихъ мелкихъ притѣснителей, недостатка въ которыхъ не бывало въ аккупованныхъ земляхъ. Подобный «подводникъ» (обманщикъ) и «буричъ» (мятежникъ),—какъ говорится на языкѣ оскорбленныхъ органовъ безопасности,—уже никогда болѣе не получитъ дорожнаго билета и уже заключенъ въ своемъ мѣстожительствѣ, доколѣ не представитъ доказательства своего исправленія и ручательства въ томъ, что никогда болѣе уже не допуститъ подобной провинности. Имѣющій предостереженіе обыватель уже совершенно успокоивается, чтобы не убить своей торговли и средствъ къ жизни.

Тутъ возможно одно изъ двухъ: или дѣйствительно у обывательства—достаточно причинъ къ такому ограниченію его столкновеній и торговли, тогда это—печально для оккупаціи! Или же вовсе нѣтъ достаточныхъ причинъ къ ограниченію столкновеній, — въ такомъ случаѣ это затрудненіе и ограниченіе столкновеній—совершенно напрасная, неизвинительная секатура въ отношеніи къ обывательству. А это печально для обывательства!

IV.

Одно хорошо.—Картина нравовъ.—Господинъ Фельдбаба и госпожа Фельдбабова.

На самой границѣ оккупованной земли построенъ новый ханъ *) съ вывѣской: «Gasthaus in Drieno». Проходящій мимо этой надписи могъ бы подумать: вѣроятно, это—предпріятіе культуртрегора Моисеева закона! Не тутъ-то было! Это—предпріятіе доморodцевъ, но уже оккупованныхъ. Неразговорчивые, съ темнымъ, пытливымъ взоромъ, здѣшніе невольники внушаютъ мысль, что собственно здѣсь и совершается окончательная провѣрка особъ, вступающихъ въ оккупованныя земли.

Отъ Дріена до самого монастыря Дужимъ у Требина простирается окраина, давно знакомая мнѣ, еще съ 1875 года. Съ любопытствомъ разсматриваю вправо и влѣво, слѣдя взорами по мѣстности, гдѣ разыгрались первыя выбухи герцеговинскаго возстанія и, подъ предводительствомъ Пеко Павловича, произошла первая значительная битва съ турецкимъ войскомъ. Разспрашиваю у своихъ спутниковъ о подробностяхъ. Они не могутъ понять, почему я интересуюсь этими мѣстами: какъ можетъ знать объ этомъ иностранецъ, не состоящій подъ оккупаціей? Почему ты спрашиваешь и откуда все это знаешь? Омеръ положительно встревоженъ: вертится на козлахъ, какъ будто бы сидѣлъ въ сѣдлѣ.

«Откуда ты знаешь это? Почему ты знаешь? Зачѣмъ приходишь сюда, господине? Поручилъ тебѣ кто нибудь изучить эти вещи?

Я отвѣчалъ: «изъ любви къ вашему народу я знаю это, изъ любви къ нему прихожу; изъ любви изучилъ эти вещи».

Омеръ вертѣлся на козлахъ. Его очи блестѣли, но голосъ былъ печально—мягкимъ, когда съ удивленіемъ спрашивалъ: «Нѣтъ-ли тамъ гдѣ нибудь, откуда пришли оккуповать насъ, еще такихъ людей, которые бы приходили къ намъ съ любовью и приносили любовь?

---

*) Ханъ - кабакъ, гостинница; ханція - кабатчикъ, хозяинъ кабака, гостинницы.

Какъ бы мы были благодарны,—съ какою радостью учились бы у васъ,—съ какимъ бы удовольствіемъ стали слушать всѣ ваши рады (совѣты) и какою бы искреннею любовью отплатили за вашу любовь!»

— «Милый Омеръ», сказалъ я: «мы, чехи, любимъ вашъ народъ, потому что мы и вы—одно семейство, говоримъ сходнымъ языкомъ и легче можемъ понимать другъ друга, нежели еслибъ были также чуждыми другъ другу, какъ волкъ и коза. Любимъ васъ также и потому, что кромѣ родства крови насъ соединяетъ и общая участь. Послушай, Омеръ! *Братрске ласки си важь, по чизи небажь*. Старайся пріобрѣсти какъ можно больше сочувствія у братскихъ народовъ, такъ чтобы не приходилось благодарить чужого. Вотъ мы—на мѣстахъ, гдѣ пролито много христіанской и магометанской крови. Еслибы мы дѣйствительно признавали себя братьями, каковыми мы и есть на самомъ дѣлѣ по языку и по родинѣ, какого огромнаго вреда, какихъ безмѣрныхъ испытаній, какихъ неисцѣльныхъ ранъ мы избѣгли бы! На этихъ мѣстахъ вы должны думать о чемъ-угодно, только не о любви къ вамъ чужихъ народовъ. О любви *къ своимъ* должны вы здѣсь размышлять! Чужой можетъ вамъ дать все, кромѣ любви. Онъ иначе мыслитъ и чувствуетъ, нежели вы; его любовь—не любовь, даже еслибъ онъ самъ думалъ и вѣрилъ, что относится къ вамъ съ любовью. Онъ можетъ стать добрымъ учителемъ; но все же его уроки вы должны усвоить сами, хотя бы его уроки были преподаны вамъ и орѣховою дубиною. Если будете ожидать, пока вамъ будетъ преподано изъ любви—не дождетесь; и тогда вы не получите ни любви, ни науки».

«Дивны, непостижимы пути Господни», покойно сказалъ Лука Грбешичъ: «еслибы мы были предоставлены самимъ себѣ, то, вѣроятно, уже погубили себя междоусобицами. Мы пылали страшною взаимною непріязнью. Видно, Господу угодно было тѣхъ и другихъ (православн. и магометан. сербовъ) отдать въ руки филистимлянъ, чтобы мы познали свои ошибки и научились находить себя въ другихъ и любить какъ братьевъ. Богъ—всемогущъ: Онъ можетъ и зло обратить къ добру».

— «Стало быть, вы признаете, что оккупація все-же принесла вамъ какую-нибудь пользу?»

«Еще нѣтъ», усмѣхнулся Лука, «но думается, что принесетъ намъ она большую пользу тѣмъ, что соединитъ насъ разрозненныхъ; въ особенности же научитъ насъ православныхъ сербовъ распознавать то различіе, какое существуетъ между швабою и турчиномъ. Шваба, пока мы не знали ея собственнымъ опытомъ, казалась намъ верхомъ просвѣщенія и нравственной облагороженности; турчинъ же, напротивъ, казался намъ олицетвореніемъ глупости и суровости. Но опытъ научилъ, что и турчинъ имѣетъ свои добрыя свойства, если даже и

не принимать въ соображеніе того обстоятельства, что домашніе магометане составляютъ одинъ съ нами сербскій народъ. У турчина нѣтъ фальши все равно: другъ онъ вамъ, или недругъ; шваба же всегда фальшивъ и въ роли пріятеля и въ роли непріятеля. Между тѣмъ до оккупаціи православный считалъ самымъ злымъ своимъ врагомъ—турчина, а турчинъ—православнаго».

Мнѣ хотѣлось окончить этотъ разговоръ. Въ оккупованныхъ земляхъ вообще наблюдается сближеніе съ одной стороны магометанъ съ православными и съ другой—магометанъ съ католиками. Но душевнаго единства во всемъ народѣ вовсе нѣтъ—уже потому нѣтъ, что во время оккупаціи разверзлась глубокая пропасть тамъ, гдѣ раньше было доброе согласіе: между католиками и православными.— Я вспомнилъ о томъ, что на границѣ Лука, и въ особенности Омеръ, были встревожены тѣмъ обстоятельствомъ, что въ книгѣ иностранцевъ появилось имя «Mathilde Keif aus Budapest». Было замѣтно, что они были очень сильно и непріятно встревожены. Я пожелалъ узнать причину этого.

Я перенесъ разговоръ на новую тему:—«Швабовъ, дѣйствительно, вы не любите, какъ думается. Но можете ли сказать то же о швабкахъ?»

Омеръ такъ и прискочилъ на козлахъ, повернулся ко мнѣ бокомъ, въ одной рукѣ держа вожжи, а другою опираясь о козлы, и сказалъ съ колкостью: «господине, я не ожидалъ, что ты будешь наблюдать за нами и въ отношеніяхъ съ швабками!»

— «Успокойся, Омеръ; я хотѣлъ только перевести разговоръ на ту «кельнерицу», которая записалась предъ нами на границѣ. Почему ты тогда такъ смутился, когда услыхалъ ея имя? Если-бы ты былъ равнодушенъ къ ней, то и казался бы совершенно равнодушнымъ».

«Пфуй, пфуй, пфуй!» и на самомъ дѣлѣ отплевывался Омеръ, какъ будто впервые слышалъ имя Матильды Рейфъ, кельнерицы изъ Будапешта; покраснѣлъ и озирался глазами. Если бы была рѣчь о чемъ-либо другомъ, то смякнулъ бы онъ и около пальца дался бы обернуть себя. Но при этомъ несчастномъ имени представлялся образъ искренняго турецкаго фанатика, мгновенно застигнутаго въ разгарѣ того чувства, когда онъ способенъ на все. Еслибы съ этого именно мы начали съ нимъ знакомство, то тотчасъ же разошлись-бы на вѣки. Омеръ запылалъ бы ко мнѣ ненавистью и сталъ бы призирать меня, какъ самого цурного шваба. Но онъ уже обнаружилъ ко мнѣ довѣріе, пріятельски обернулся ко мнѣ, и дружба взяла перевѣсъ въ его душѣ.

«Какъ ты мнѣ досадилъ этимъ!» жаловался Омеръ. «Еслибы ты сказалъ мнѣ это слово тотчасъ же въ Дубровникѣ, то за 100 злат. за 1000 не повезъ бы тебя; руки бы не подалъ тебѣ, даже и не-

взглянулъ бы на тебя! Какъ тебѣ не стыдно подумать, чтобы почтенный турчинъ къ такой особѣ могъ чувствовать что-нибудь другое, кромѣ презрѣнія?»

— «Успокойся, милый Омеръ! Если чувствуешь къ кому презрѣніе, то онъ также для тебя не безразличенъ. Я вовсе не спрашиваю тебя о томъ, почему Матильда Рейфъ, кельнерица изъ Будапешта, не безразлична для тебя; по чему ты презираешь ее? Какъ знаешь ее? Откуда знаешь? И давно ли?

«Не дай, Боже, и знать ея!»

— «Такъ какъ же можетъ тебя сильно огорчать нѣчто такое, что совершенно неизвѣстно тебѣ? Не сердись, Омеръ. Повѣрь, что я ни зги въ этомъ не понимаю; а радъ бы знать, потому что ты - добрый человѣкъ».

Омеръ успокоился; а Лука Грбешичъ, наконецъ понявшій, что нужно объяснить мнѣ эту вещь, началъ говорить о томъ, какія были въ Босніи и Герцеговинѣ семейныя и личныя отношенія до оккупаціи, и какими стали онѣ нынѣ, въ 20-мъ году оккупаціи. Я и въ другихъ мѣстахъ имѣлъ возможность получить общія свѣдѣнія объ этомъ важномъ вопросѣ, что и хочу изложить въ цѣломъ.

Семейная жизнь новой Европы совершенно противуположна семейной жизни турокъ. Въ Европѣ всюду стремятся къ тому, чтобы женщина получила общественныя права, равныя съ мужчиною, чтобъ не оставаться ей на попеченіи мужа, чтобъ быть ей госпожею своей души и тѣла. Между тѣмъ какъ этою эмансипаціею женщина достигаетъ не только преимуществъ, но и занятій, свойственныхъ мужу, она совершенно утрачиваетъ свойственное женщинѣ преимущество, а отъ спеціально женскихъ занятій не освобождается.

Совершенно иначе живетъ турецкая женщина. Скажемъ прямо, что и ея жизнь имѣетъ свои дѣйствительно свѣтлыя стороны. Она вполнѣ зависима отъ своего мужа, живетъ съ нимъ — и для себя, и для мужа, и для дѣтей. Домашнее хозяйство, гаремъ — для нея цѣлый міръ. Своего мужа она обожаетъ: сохрани Аллахъ, чтобъ захотѣлось ей въ чемъ-нибудь равняться съ мужемъ! Мужъ въ ея глазахъ—средоточіе всѣхъ мужскихъ добродѣтелей, верхъ всего совершенства. Она хочетъ, чтобы мужъ ея былъ господиномъ, хранителемъ, руководителемъ: хочетъ зависимости отъ него, повиноваться ему, льнуть къ нему, — хочетъ цвѣсти на его рукахъ, сосать изъ его рта, — хочетъ, чтобъ мужъ былъ сильнымъ и утѣшается собственною слабостью и безпомощностью въ сравненіи съ нимъ. Она примиряется и съ многоженствомъ мужа, если матеріальныя средства позволяютъ ему это. Сначала тайно ревнуетъ, когда видитъ мужа подъ инымъ кровомъ у своихъ соперницъ; но потомъ болѣзнь сердца проходитъ: при одиночествѣ соперницы станутъ ея подругами и пріятельницами. Состарѣвшаяся жена-магометанка сама озаботится,

вмѣсто себя, привести на ложе мужа молодую намѣстницу—только не какъ жену, но какъ свою рабыню. Этимъ она предохраняетъ мужа отъ того, чтобъ онъ не искалъ случаевъ паденій внѣ своего дома.

Въ Европѣ такая жена, которая желаетъ быть любимою только своимъ мужемъ, стала уже бѣлою вороною. Разсмотрите литературу современныхъ европейскихъ народовъ и увидите, что цѣлые стоги книгъ посвящены брачной невѣрности, что писатели ни о чемъ другомъ даже и не пишутъ. Человѣкъ изъ другого культурнаго міра можетъ подумать, что невѣрность составляетъ цѣль европейскаго брака.

И дѣйствительно, во многихъ земляхъ запада дѣвица за тѣмъ только и выходитъ замужъ, чтобы «получить свободу». До замужества дѣвица связана и общественнымъ мнѣніемъ и предразсудками: должна держать на уздѣ и свой языкъ, и прихоти, и страсти; должна казаться лучшею, чѣмъ есть въ дѣйствительности, чтобы скорѣе вступить въ бракъ и чрезъ то достичь той свободы, о которой она мечтала съ той поры, какъ пробудилась въ ней женственность.

Что̀—въ сравненіи съ нею жена-магометанка? Послѣдняя только въ дѣтствѣ свободна и то только тѣмъ, что можетъ ходить свободно, безъ покрывала. Но лишь выдана замужъ, какъ уже заперта, и до самой смерти не освободится изъ заключенія. Однако, это заключеніе имѣетъ свои особенныя прелести для жены, рожденной съ убѣжденіемъ, или пришедшей къ убѣжденію, что исключительнымъ ея удѣломъ служитъ: жить для своего мужа, дѣлать пріятною его жизнь, любить его, давать ему хорошее потомство и воспитывать его дѣтей. Въ гаремномъ заключеніи ея есть еще нѣчто таинственное, что̀ овладѣваетъ женскою душею и наполняетъ ее поэзіею.

Дѣйствительно, въ средѣ западныхъ христіанъ не найдемъ столько супружеской и семейной любви, какъ у магометанъ. За нѣжность мужъ награждаетъ жену, или женъ, тоже нѣжностью. Въ сущности гаремъ составляетъ ни что другое, какъ будуаръ современной дамы. Жена отдѣлена имъ отъ мужа, чтобы постоянно между ними оставалось нѣчто такое, что не позволяло бы имъ становиться взаимно надоѣдливыми. Здѣсь, въ отсутствіи мужа, она одѣвается и украшается, чтобы въ глазахъ мужа всегда являться въ полной красѣ—природной и искусственной. Но и мужъ не смѣетъ переступить порога гарема своей жены безъ доклада. Въ гаремѣ жена живетъ съ своими служанками и малолѣтними дѣтьми. Никакихъ матеріальныхъ заботъ у нея нѣтъ; ихъ имѣетъ только мужъ. Единственною заботою жены составляетъ то, чтобъ еще въ большей мѣрѣ заслужить любви мужа,—чтобы узы любви не ржавѣли отъ времени, не распались, но чтобы еще крѣпче закаливались. Замѣтитъ ли она, что

мужъ любитъ видѣть ее одѣтою со вкусомъ—одѣнется и передѣнется семь разъ въ день. Она играетъ на тамбурѣ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ востока, поетъ при этомъ пѣсни—разученныя, а также и тѣ, которыя сама сложила; прекрасно ткетъ и вышиваетъ. Вышиванье—это ея поэзія, въ которой она выражаетъ свои любовныя чувства; символическими знаками вышивки она обѣщаетъ любовь, страстно желаетъ любви, сама клянется въ любви и домогается клятвы.

Гаремъ не предполагаетъ непремѣнно многоженства. Магометанинъ долженъ имѣть гаремъ и тогда, когда живетъ въ одиночествѣ. Имѣвщихъ только одну жену магометанъ было всегда довольно много и число ихъ постоянно прибываетъ сообразно съ тѣмъ, что магометанскій міръ бѣднѣетъ. А если принять во вниманіе, что Магометъ позаботился и о томъ, чтобы женѣ и при самомъ бѣдномъ состояніи хозяйства дать особенное мѣстечко, которое бы она имѣла лично для себя вслѣдствіе особенности и слабости своего пола, то мы удивимся—если мы справедливы — нѣжности и знанію человѣческой природы Магомета. Онъ вѣрно подмѣтилъ, чѣмъ собственно ограничено одноженство въ общественной жизни: ограниченностью средствъ къ жизни мужей. Магометъ не былъ мужемъ чистой теоріи; онъ былъ мужемъ практики. Поэтому, въ своемъ ученіи онъ и узаконилъ гаремъ и былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что послѣ него никто уже не создастъ болѣе цѣльной и упорядоченной жизни людей, такъ чтобы она стала сообразною и съ божескими и человѣческими требованіями. Будучи убѣжденъ, что бѣдный остановится на одной только женѣ, самымъ узаконеніемъ многоженства Магометъ ограничилъ многоженство зажиточныхъ людей, а женщину спасъ отъ проституціи.

Пока въ магометанскій міръ не заявлялись западные европейцы, или какъ называютъ ихъ на Балканахъ, швабы (прежде называли ихъ «франками»), тамъ не было вовсе проституціи. И въ Царьградѣ, гдѣ проституція сосредоточена въ пресловутой Галатіи, дома разврата— только для европейцевъ. То обстоятельство, что даже до конца 60-хъ годовъ 19 столѣтія въ Галатіи часто убивали европейцевъ, объясняется гнѣвомъ турокъ за соблазнительную жизнь европейцевъ. Галатійскіе дома наполняются христіанками—болѣе всего гречанками и американками. Никогда еще ни одна магометанская женщина въ своемъ отечествѣ не была протиступованною и скажемъ прямо—это потому, что не имѣла къ тому достаточной свободы.

Если читаешь о «турецкихъ берлогахъ въ Царьградѣ», то нужно имѣть въ памяти то, что это—христіанскія берлоги для христіанъ, а турки не имѣютъ въ нихъ другого участія, какъ только вынуждены терпѣть ихъ.

Сказанное вовсе не означаетъ того, что магометанскій міръ со-

вершенно свободенъ отъ полового порока; онъ такъ же имѣетъ его, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Распространяться объ этомъ не будемъ: намъ нужно было только указать на то, какова домашняя жизнь магометанской жены, и какъ о ней позаботились. А это для того, чтобы читатель могъ собственными глазами увидѣть ту разницу, которая стоитъ между женою магометанскою и женою западно-европеянкою. При этомъ нужно отмѣтить еще и то обстоятельство, что въ характерѣ магометанина, и въ вѣроученіи Магомета, покоится внимательность также и къ женамъ-иновѣркамъ. Магометанское вѣроученіе не возбраняетъ брака съ иновѣркою; при томъ Коранъ не запрещаетъ женѣ-иновѣркѣ оставаться въ своей вѣрѣ и, сообразно съ вѣроученіемъ, исполнять свои молитвы и обряды.

Въ первыя столѣтія магометане, даже во время своихъ войнъ, оберегали непріятельскихъ женъ и дѣтей. Предъ магометанскими полками высылался отрядъ всадниковъ, разсыпавшійся по той окрестности, въ которую имѣла двинуться турецкая армія, съ цѣлію предупредить обывателей и дать имъ возможность уводить далеко съ военной дороги своихъ женъ и дѣтей. Убѣжищами послѣднихъ были твердые города, дремучіе лѣса и неприступныя горы. Даже позднѣе, когда турецкія войны лишились первоначальнаго серьезнаго характера бойовниковъ за правду Божію (по своему воззрѣнію!) и когда свирѣпость безпорядочныхъ азіатскихъ ордъ переходила и на полководцевъ, турки продолжали еще обманывать свою совѣсть тѣмъ, что отпирали ворота завоеваннаго города съ тѣмъ, чтобы жены, дѣти и старцы могли безпрепятственно удалиться изъ города. Но схватывали ихъ за воротами города и устрояли торги плѣнниками. Стоявшіе на стѣнахъ города воеводы выбирали собственными глазами наиболѣе понравившіеся имъ экземпляры. Пользуясь правомъ перваго выбора, они или просто брали ихъ себѣ, или же покупали у воиновъ.

Такого предохраненія обывательства отъ оскорбленій со стороны войска никогда не бывало въ Западной Европѣ, солдаты которой еще въ 17 вѣкѣ не обращали никакого вниманія на безоружное обывательство, даже собственныхъ своихъ или дружескихъ государствъ. Только въ 19 вѣкѣ сдѣлано въ этомъ отношеніи значительное улучшеніе и устранены дикія звѣрства войска. Еще предъ пораженіемъ турокъ у Вѣны австрійская солдатеска, нѣмецкая по языку, стоявшая станомъ въ Хорватіи съ тѣмъ, чтобы ударить въ чело турецкаго войска, на неповинномъ хорватскомъ обывательствѣ творила такія жестокости и мерзости, какихъ оно не знало вовсе въ періодъ своихъ постоянныхъ непріятельскихъ столкновеній съ турками. Тогда хорваты вынуждены были избирать изъ двухъ золъ меньшее: и переходили на сторону турокъ.

Такимъ образомъ и въ войнѣ турки не теряли совершенно чув-

ства гуманности, внимательности къ требованіямъ человѣчности. И только со временемъ, когда турокъ развратилъ дурной примѣръ ихъ христіанскихъ непріятелей и когда они очень далеко отстали отъ высокаго уровня арабской культуры, въ которой Исламъ дожилъ до своего разцвѣта, они стали забывать чувства гуманности. Съ тѣхъ поръ оии постепенно становились болѣе ограниченными духовно и болѣе лѣнивыми, такъ что безумно стали все разрушать и опустошать. Только нынѣ единичные, наиболѣе ясные ихъ умы начинаютъ осматриваться. Душевный упадокъ турокъ сопровождался ростомъ слѣпой вѣры, доходившей до фанатизма, отъ котораго первоначальныя задачи магометанства были совершенно свободны, равно какъ фанатизмъ никогда не овладѣвалъ наиболѣе просвѣщенными магометанами. Участь ихъ была рѣшена, какъ скоро вся вообще духовная дѣятельность магометанъ стала сосредоточиваться только въ вѣрѣ. Но здѣсь она и прекратилась вслѣдствіе суевѣрія, будто вѣра сама по себѣ должна быть цѣлію,—будто человѣкъ — тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ меньше сомнѣвается въ своей вѣрѣ—словомъ, будто одной вѣры человѣку вполнѣ достаточно для обезпеченія блаженства и въ этомъ и въ загробномъ мірѣ.

Вмѣстѣ съ мужемъ поглупѣла и жена—магометанка, преданная ему съ такою безпримѣрною привязанностью. Пока магометанинъ стоялъ на высотѣ арабской культуры, тамъ была съ нимъ и его вѣрная подруга; нынѣ же оба они очень низко упали. Однако все — же остались неизмѣнно учтивыми, внимательными и нѣжными въ взаимныхъ отношеніяхъ. Благодаря замкнутости, семейная жизнь турокъ осталась ненарушенною, и въ настоящій, уже долголѣтній, упадокъ магометанства только она еще пробуждаетъ въ туркахъ надежду на то, что ихъ упадокъ не будетъ вѣчнымъ и непредотвратимымъ.

Магометанской женѣ очень близка нравственно православная балканская сербка. Сербку связываетъ православное воззрѣніе на назначеніе и цѣль жены въ семействѣ, на семейное и общественное значеніе мужей и правила благонравія. Близость этихъ женщинъ (магометанки и православной сербки) видна уже во внѣшности. Покрой одежды православныхъ сербокъ въ общемъ не отличается отъ покроя магометанокъ. Православныя женщины только не закрываютъ своего лица,—въ этомъ—и все различіе. Но закрытіе лица магометанками вовсе не составляетъ предписанія Корана и во многихъ мѣстахъ даже совершенно не вошло въ обычай. Димлье (нижняя часть женскаго платья, панталоны)—общая у магометанокъ и городскихъ сербокъ одежда, и считается у нихъ символомъ чистыхъ нравовъ, ручательствомъ стыдливости, которую желаютъ сохранить какъ дѣвушки, такъ и женщины. (Молодая угорская сербка состояла учительницею въ Мостару и жила тамъ съ своею матерью-старушкою. Онѣ скоро стали самыми желательными гостями въ семействахъ пра-

вославныхъ и магометанскихъ. Какъ православныя, такъ и магометанскія женщины, познакомившись близко съ ними, совѣтовали имъ разстаться съ интернаціональнымъ платьемъ и одѣваться въ димлье. Мать первая подала примѣръ своей дочери). Противъ интернаціональнаго платья имѣютъ укорѣнившійся предразсудокъ, что оно не даетъ достаточно яснаго свидѣтельства о женской стыдливости.

Послѣ всего сказаннаго каждый увѣрится и признаетъ вполнѣ естественнымъ, что та общественная жизнь, какая вошла въ Боснію и Герцеговину вмѣстѣ съ оккупаціею, должна была произвести тамъ гноеніе и извращеніе. Нарушеніе образа мыслей должно было стать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грязнѣе былъ потокъ, которому открылся путь въ Боснію и Герцеговину и чѣмъ меньше устроившіе оккупацію помышляли о томъ, что оккупованному обывательству нужно было прежде всего указать на свѣтлыя стороны общественной европейской жизни. Но этого не случилось и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ оккупованныя земли внесенъ горячій внутренній споръ, въ которомъ на одной сторонѣ сгруппировались магометане съ православными, а на другой оккупачники и католики съ примѣсью очень немногихъ магометанъ, которые полагаютъ, что цивиллизацію нужно принимать въ томъ видѣ, какъ она предлагается, и не разбираться въ ея дарахъ.

Первоначально, когда оккупація была военнымъ дѣломъ, здѣсь всюду царилъ строгій военный судъ. Каждый провинившійся предъ оккупаціею подвергался жестокому наказанію. Но ни одинъ воякъ не смѣлъ коснуться ни имущества, ни жены оккупованныхъ мужей. Только послѣ того, какъ военное дѣло оккупаціи было выполнено, были открыты на-стежь врата общественнымъ формамъ западной жизни. Впрочемъ, и всюду, когда западноевропейская цивилизація приходитъ въ народъ иной культуры, или вовсе безъ культуры, она прежде всего показываетъ народамъ свои наименѣе похвальныя особенности. Это вовсе не составляетъ только австрійской спеціальности, а потому и нельзя Австрію обвинять за то, что въ Боснію и Герцеговину она пришла съ «подобною пѣснію». Нужно только сожалѣть о томъ, что оккупація не привела къ оккупованному обывательству отъ своихъ австрійскихъ народностей такихъ личностей, которыя бы совмѣщали въ себѣ высокое образованіе и высокое нравственное благородство и подавали бы оккупованнымъ собою примѣръ такого совмѣщенія. Оккупачное войско, какъ извѣстно, не было привѣтствовано большинствомъ обывательства Босніи и Герцеговины; но все же каждый тамъ признается въ томъ, что то было доброе мужественное и благовоспитанное войско. Къ несчастью, вслѣдъ за героями крови и желѣза, не пришли туда герои человѣческой чести, апостолы гуманности, которые бы раны, сдѣланныя мечами и пулями, поливали бальзамомъ любви къ ближнему и тѣмъ

построили бы мостъ чрезъ пропасть между двумя различными культурными принципами, общественными порядками, воззрѣніями и предразсудками. Правда, приходятъ туда также и добрые люди, но доброта ихъ никогда не была безъ коварства, безъ желанія порисоваться, сыскать себѣ похвалу или извѣстность; и всюду они приспособляются къ тенденціямъ оккупаціи. Между тѣмъ высшая человѣческая гуманность не должна знать различія между народностями, между языками, вѣроисповѣданіями и одеждами. Безъ всякаго предпочтенія, безъ всякаго односторонняго воззрѣнія, даже и безъ ожиданія признательности, она должна склоняться къ каждому, кто въ ней нуждается. Въ Австро-Венгріи такихъ людей нѣтъ.

На обѣ земли налетѣла стая авантюристовъ—мужей и женъ; отношенія стали измѣняться на другой ладъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли ветхія, грязныя ханы съ скромными запасами, возникли новыя, большія зданія съ такими удобствами, о которыхъ обитателямъ лачугъ прежде и не снилось, и съ женскою прислугою. Большая пышность гостиницъ была расчитана на то, чтобъ дать возможность тратить какъ можно больше денегъ,—чтобъ гости были расточительными. Въ Боснію и Герцеговину были привезены новыя игры и забавы, новыя закуски и напитки.

Боснякъ и герцеговинецъ воздерженъ такъ же, какъ и Черногорецъ. Невоздержность въ ихъ глазахъ — большой порокъ, не согласный съ достоинствомъ мужа и юнака. Правда, при большихъ дорогахъ въ Босніи и Герцеговинѣ было много гановъ, но въ нихъ не было другихъ напитковъ, кромѣ чернаго кофе (1 чашечка кофе стоила на австрійскія деньги $2^1/_2$ крейц.), ракіи и мастики (греческая ракія). Вино, какъ домашній продуктъ, также продавалось и въ герцеговинскихъ ханахъ. Но въ Босніи винограда не родится, такъ что еще 40 лѣтъ сему назадъ этотъ напитокъ былъ извѣстенъ боснякамъ только по имени. Магометане, которымъ, какъ извѣстно, религія воспрещаетъ винные напитки, не позволяли пить вина также и христіанамъ, чѣмъ они снискали себѣ уваженіе за то, что обезпечили воздержность въ странѣ. Нуждавшіеся въ винѣ для совершенія таинства эвхаристіи христіане должны были запасаться виномъ съ большою осторожностью.

И вотъ къ такому-то народу, вмѣстѣ съ оккупаціею, пересилились сотни людей, замыслившихъ основать среди нихъ гостинническія заведенія. Первоначально гостинницы предназначались для войска и «швабовъ». (Останемся по-прежнему при этомъ названіи, которое своимъ понятіемъ обозначаетъ всѣхъ иностранцевъ всякой народности и вѣры, объятыхъ западно-европейскою цивилизаціею). Тогда наступила странная повинность для оккупаціи—помогать людямъ, пришедшимъ сюда, вслѣдъ за оккупаціею изъ австро-венгерскихъ земель, въ надеждѣ устройствомъ гостинницъ, здѣсь совершенно необычныхъ,

помочь дѣлу цивилизаціи забытаго народа. Привлеченія народа къ своимъ гостинницамъ оккупачники достигаютъ обложеніемъ старыхъ хановъ чрезвычайно высокими данями, или же прямымъ отнятіемъ у ханціевъ гостинничеcкой концессіи. Доводомъ къ этому стѣсненію они представляютъ то, будто хановъ чрезвычайно много, и тѣмъ показываютъ видъ, какъ будто искорененіе хановъ ведется только въ интересахъ воздержности оккупованнаго обывательства. Между тѣмъ, еслибы на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣлась въ виду воздержность народа, то именно и нужно-бы было сохранять старые ханы, какъ охрану народной воздержности. До сихъ поръ еще никто не рѣшался допустить въ отношеніи къ боснякамъ и герцеговинцамъ другого еще болѣе несправедливаго упрека, какъ только: обжорливый народъ, относящій въ ханъ каждый заработанный грошъ. Если прочтете гдѣ-нибудь такую характеристику этого народа, то знайте, что имѣете предъ собою писателя-сторонника оккупаціи, пишущаго для посрамленія добраго имени бѣднаго народа, у котораго онъ отнимаетъ одну изъ самыхъ прекрасныхъ его особенностей.

Просимъ покорно читателя на минуту пожаловать въ герцеговинскій ханъ. Это—колиба (хижина), сплетенная изъ прутьевъ и облѣпленная глиною. Кровля ея также — изъ прутьевъ, имѣетъ вверху отверстія, которыми выходитъ дымъ изъ хижины, но чрезъ нихъ же проникаетъ въ нее и дождь. Полъ колибы глиняный; въ срединѣ его—горнъ, надъ которымъ привѣшенъ котелъ. Кругомъ горна — нѣсколько камней для сидѣнья. Въ одномъ углу колибы отгороженъ, тоже прутьями, малый простѣнокъ, скорѣе клѣтка, гдѣ ютится семейство, если хочетъ отдалиться отъ рѣдкихъ гостей. Мебели и посуды почти совершенно нѣтъ. Мѣдный чайникъ для кипяченія воды, турецкая мѣленка для кофе, нѣсколько чашекъ и стакановъ, кувшинъ ракіи—вотъ и все, что находится въ ханѣ.

Ханція — еще молодой мужчина пріятной наружности; донашиваетъ хорошую одежду изъ лучшихъ временъ. Задумчивъ и только при разговорѣ нѣсколько оживляется. Молодая, преждевременно устарѣвшая его жена одѣта въ одно платье (юбку) безъ кофты. Четверо дѣтей. Трое изъ нихъ сидятъ на полу въ пыли и пеплѣ; четвертаго мать привлекаетъ къ худой, безмолочной груди. Дѣти имѣютъ пріятныя черты лица, но желты, грязны и полунагія. Кость да кожа... тонкія горла и большія головы... Вы видите, что это означаетъ англійскую болѣзнь, того нимилосерднаго Геродеса дѣтей всѣхъ народовъ, къ которымъ проникла западно-европейская цивилизація. Въ турецкую эпоху, суровую и варварскую! (Извольте сами избрать для нея нелестные эпитеты, по собственному усмотрѣнію) этотъ народъ также имѣлъ различныя бѣды, его поражали различныя раны; но англійская болѣзнь не душила и не увѣчила его дѣтокъ. Выро-

стали здоровыя поколѣнія, сильныя и бодрыя, которыя умѣли показать кулакъ, когда показывалъ имъ его турчинъ.

Ханція, о которомъ я разсказываю, сообщилъ мнѣ о всѣхъ предписаніяхъ податныхъ урядовъ, которыми вычисленъ доходъ и опредѣлены дани. Годичный доходъ хана оцѣненъ урядомъ въ 100 злат. Изъ этой суммы платится 25 злат. промысловой дани. Заплативши дань, ханція получаетъ двѣ росписки: одну изъ нихъ хранитъ дома и на ней должна быть марка 1 зл. цѣнности; другая же росписка остается въ податномъ урядѣ,— на ней тоже должна быть марка 40 крейц. цѣнности.

Въ такомъ мѣстѣ, какъ ханъ, не раскутишься. Дѣйствительно, еслибы кто-нибудь сталъ говорить о себѣ, что онъ кутилъ въ колибѣ, никто бы ему не повѣрилъ. Онъ уподобился бы тому ребенку, который, сося палецъ своей ножки, хвастается: питаюсь!

Къ горькой участи ханціи присоединяется еще неопредѣленность его положенія. Онъ не знаетъ ни дня, ни часа, когда можетъ быть отнята у него концессія. Остановилась у него на чашку кофе такая особа, къ которой жандармерія не имѣетъ довѣрія—и конецъ концессіи, конецъ скромному содержанію; а лучшаго занятія найти не возможно! Какъ энергично производится закрытіе хановъ—укажетъ слѣдующій случай: Въ 1897 г. въ городѣ Ливнѣ всѣхъ патентовъ на право содержать гостинницы было 43,— между ними 24 содержателя гостинницъ были католики и 21—православные. Изъ числа послѣднихъ въ одинъ прекрасный день было отнято 17 патентн.; между тѣмъ изъ католиковъ никто не пострадалъ. Можетъ быть, дойдетъ очередь и до нихъ; но православные уже считаются съ секатурою, которою ихъ преслѣдуютъ за православное вѣроисповѣданіе.

Гоненіе на ханы производится совмѣстно въ обѣихъ оккупованныхъ земляхъ и признается всѣмъ домороднымъ обывательствомъ, въ особенности же православнымъ, слишкомъ тягостнымъ для него.

Украшеніемъ гостинницы, по швабскому воззрѣнію, стала «кельнерица». Она ловко служитъ гостямъ; для каждаго имѣетъ ласковое слово и улыбку. (Въ большихъ гостиницахъ всюду есть и мужская прислуга). Оккупованные разсказываютъ страхи о пагубномъ вліяніи кельнерицъ на нравы мужей—молодыхъ и старыхъ. Всюду считаютъ ихъ за проститутокъ. Это сужденіе о нихъ, вѣроятно, опрометчиво; а изображеніе послѣдствій присутствія ихъ въ оккупованныхъ земляхъ—преувеличено. Однако, нужно констатировать фактъ, что въ оккупованныя земли кельнерицы приходятъ изъ различныхъ австро-венгерскихъ земель уже послѣ долгой практики и какъ на послѣднюю уже станцію. И между нами (швабами) кельнерицы имѣютъ многихъ непріятелей и клеветниковъ; особливо же къ нимъ не расположены тѣ, кто видитъ въ нихъ конкуренцію. А все-же, еслибы мы и считали совершенною неправдою все, что о нихъ слышно,

нужно вспомнить о положеніи сербской женщины до временъ оккупаціи.—Тогда мы признаемъ совершенно естественнымъ тотъ фактъ, что уже одно появленіе кельнерицы поражаетъ чувства домороднаго обывателя, въ особенности-же женской его половины. Если бы зашла рѣчь о кельнерицахъ, никто здѣсь не будетъ говорить о нихъ безъ сильнаго раздраженія, огорченія или призрѣнія. Здѣшнему доморoдному обывательству кажется, что Боснія и Герцеговина кельнерицами обращены въ Содомъ и Гоморру.

Наши взгляды болѣе либеральны; мы совершенно благосклонны и къ кельнерицамъ, если онѣ честно заработываютъ себѣ хлѣбъ насущный. Но, чтобы кельнерица не могла выходить изъ рамокъ приличія—о томъ, по нашему и вашему мнѣнію, заботятся полицейскіе органы. У насъ женщина все болѣе и болѣе обрекается на свои слабыя силы. Если же она должна снискивать сама себѣ скромное содержаніе, то со стороны мужчинъ было бы слишкомъ жестоко оставаться при старыхъ предразсудкахъ въ отношеніи къ ней. Но тамъ, гдѣ мужъ признаетъ своею обязанностью заботиться о всѣхъ потребностяхъ жены, гдѣ эту свою повинность онъ чувствуетъ и съ удовольствіемъ несетъ—тамъ въ данномъ случаѣ дѣло касается уже не предразсудковъ, но различія въ міровоззрѣніяхъ и строѣ общественной жизни.

Кельнерица влечется въ оккупованныя земли, какъ гусеница, когда въ ней пробудится инстинктъ превратиться въ мотылька. Она дождалась очень счастливой метаморфозы. Но самая счастливая метаморфоза кельнерицы—это превращеніе въ «госпожу Фельдбабову».

Господинъ «Фельдбаба» и госпожа «Фельдбабова»—самые оригинальные типы, созданные оккупаціею; это самые типичные колонисты. Боснія и Герцеговина составляетъ ихъ эльдорадо.

Господинъ «Фельдбаба» не обиженъ природою. Онъ учился въ нѣсколькихъ среднихъ школахъ и имѣлъ совершенно другіе планы жизни, нежели стать фельдбабою. Но такъ или иначе онъ долженъ былъ прекратить свое образованіе. Между тѣмъ наступилъ воинскій возрастъ и его взяли въ солдаты на 3 года. Каждаго новичка, обыкновенно, спрашиваютъ о томъ, что онъ умѣетъ дѣлать; и его тоже спрашивали. Когда онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, то господинъ лейтенантъ и господинъ гейтманъ удивились тому, что «этотъ мужъ» знаетъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько каждый изъ нихъ, если еще не столько, сколько оба они вмѣстѣ,—во всемъ, кромѣ военнаго искусства. Въ такихъ «мужахъ» была нужда, потому что послѣ 1866 г., когда австрійскаго солдата поразилъ «прусскій учитель», какъ онъ самъ хвастался, также и въ Австріи чувствовалась потребность привлечь въ армаду нѣсколько больше интеллигенціи. Возведеніе въ «фельдбабу» нашего героя произошло быстро; но за то на этой ступени онъ и застрялъ. Если бы онъ былъ даже геніа-

емъ, еслибы за генія признали его господ. лейтенантъ и госп. гейтманъ, все же изъ него не могло бы выйти ничего болѣе, какъ только Фельдбаба, потому что онъ «не имѣлъ на то школы».

Первоначально душа господ. Фельдбабы наполнилась довольствомъ. До сихъ поръ она была охвачена напрасным усиліемъ причленить-ся къ какому-нибудь обществу; но ни одна изъ попытокъ къ тому ему не удалась. Всюду пожимали плечами надъ нимъ, какъ надъ погибшимъ существомъ. Но вдругъ онъ такъ возвысился: сталъ господ. Фельдбабой! Въ его сотнѣ состоитъ нѣсколько десятковъ мужей подъ его личнымъ начальствомъ; а надъ нимъ—господ. лейтенантъ и господ. гейтманъ. Низшіе должны были трястись предъ нимъ, а высшіе должны были въ душѣ признавать его своею прозорливостью, а каждое его скромное мнѣніе—намекомъ, котораго они не посмѣютъ не послушать. Если низшій чинъ дастъ Фельдбабѣ нѣсколько крейцеровъ, Фельдбаба не откажется принять и зажмуритъ глазъ, чтобъ не замѣчать опущенія по службѣ солдата; если дастъ ему цѣлую златку, *) зажмуритъ оба глаза на цѣлый мѣсяцъ. Онъ посвященъ во всѣ тайны своихъ начальниковъ; онъ—ихъ довѣренный, хранитель тайнъ, ихъ факторъ. Идетъ ли дѣло о любовномъ приключеніи—Фельдбаба уже увѣдомленъ. Касается ли дѣло одолженія денегъ у жида—Фельдбаба непремѣнно долженъ быть посредникомъ. Всюду онъ долженъ взять и нѣкоторую вину на свои бока. Молчаливъ, какъ гробъ и терпѣливъ, какъ мескъ; онъ увѣренъ въ томъ, что при своемъ настоящемъ положеніи будетъ за все щедро вознагражденъ. Своихъ высшихъ начальниковъ онъ можетъ обернуть вокругъ своего пальца; но показываетъ видъ, какъ будто бы проникалъ въ душу каждаго изъ нихъ сморщиваніемъ своихъ бровей, какъ будто бы уже могъ исполнить все, что еще не было даже и въ мысляхъ, не говоря уже о распоряженіяхъ, начальства. Показываетъ видъ, какъ будто и его тоже боялись подчиненные; на самомъ же дѣлѣ онъ не былъ ни боязливымъ, ни страшнымъ. Онъ заботился только о выгодахъ для себя съ той и другой стороны. Для выгоды онъ сдѣлаетъ все,—очень хитро и осторожно такъ, чтобы ничѣмъ не рискнуть. Постепенно въ немъ развилось большое честолюбіе. Онъ мыслилъ про себя: Подождите, всѣмъ вамъ, пожимавшимъ надо мною плечами, я покажу, чего я добьюсь!

Протекли три года обязательной службы Фельдбабы. Самъ господ. гейтманъ проситъ его «остаться на повторительную службу», потому что-де Фельдбаба сталъ правою рукою господ. гейтмана, который не можетъ съ нимъ разстаться. Пожалуйста возьми «вторую капитуляцію». За это получишь денежное вознагражденіе, да и самъ господ. гейтманъ кой-чѣмъ наградитъ тебя за то, что исполнилъ его желаніе. Послѣ второй возьми третью!

---

[1]) Златка т, е. 1 златой, или 1 гульденъ; срав. рус. рублевка

Мы слѣдуемъ за Фельдбабою въ оккупованныя земли.

Онъ имѣетъ спокойную самоувѣренность человѣка, который чувствуетъ, что занимаетъ на земномъ шарѣ свое мѣсто. Этой увѣренности онъ не имѣлъ, пока не былъ Фельдбабою; поэтому онъ съ увѣренностью полагается на свой «военный чинъ» и на собственную особу. Замѣчаетъ, что приблизилось время жениться.—Онъ человѣкъ практики.

Выбирая себѣ невѣсту, не смотритъ ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко: прямо на особу соразмѣрную себѣ и удачную,—на такую особу, которая не будетъ пренебрегать имъ, какъ совершенно равная ему, подобная ему и по нравственнымъ устоямъ, да часто и по одинаковой судьбѣ—на особу, которая составляетъ его двойникъ въ юбкѣ и какъ бы сотворена госпожею Фельдбабовою: на кельнерицу.

О своемъ намѣреніи жениться Фельдбаба сообщилъ господину гейтману, который одобряетъ его намѣреніе и даже оказывается настолько любезнымъ, что самъ идетъ свидѣтелемъ (шаферомъ) къ алтарю, пожертвовалъ отъ себя и денежную помощь на свадебные расходы и почтилъ молодыхъ своимъ присутствіемъ на свадебномъ обѣдѣ. Предъ полночью гейтманъ шепнулъ счастливому жениху за спиной невѣсты, которая сидѣла между ними, такъ чтобы и она слышала: «Sie Feldwebl...» То былъ привѣтъ прелестямъ невѣсты, по крайней мѣрѣ такъ казалось по ея выступившему румянцу. Фельдбаба вскочилъ; вытянулся, какъ свѣчка, брякнулъ шпорами и наклонилъ голову въ знакъ того, что онъ чувствуетъ себя счастливымъ, потому что и самъ господинъ гейтманъ нтересуется его женою [1]).

Кондюитъ господ. Фельдбабы чистъ, какъ стекло. Самъ господинъ гейтманъ составляетъ ему надежную протекцію. Фельдбаба затужилъ по гражданской службѣ. Въ военномъ вѣдомствѣ его карьера окончена; въ гражданскомъ же—только теперь ему открывается она.

Не забудьте, что мы въ оккупованныхъ земляхъ.

Въ гражданскомъ вѣдомствѣ господ. Фельдбаба можетъ стать всѣмъ, чѣмъ угодно ему. Въ 80-хъ годахъ австрійское правительство старалось награждать особъ, послужившихъ дѣлу оккупаціи, и за ними оставлять государственныя должности въ оккупованныхъ земляхъ. При этой системѣ замѣщенія должностей Фельдбаба могъ занять мѣста: сторожа при судѣ, пристава, канцеляриста, податного инспектора, тюремнаго смотрителя, даже инженера и предстойника. Особенное же призваніе онъ имѣлъ къ полицейской службѣ. Фельдбаба быстро прошелъ первыя ступени служебной лѣстницы и наконецъ сталъ предстойникомъ. Держится своего мѣста зубами и ногтями и старается поставлять на подчиненныя его вліянію должности тоже фельдбабовъ, такъ какъ онъ убѣжденъ въ томъ, что

---

[1]) Дальнѣйшее изложеніе главы передается съ значительными сокращеніями. Перев.

фельдбабы—чудо человѣчества и ими только держится весь добрый порядокъ въ государствѣ и обществѣ.

Кельнерица участвуетъ въ каждомъ случаѣ служебной дѣятельности своего мужа.

Въ своей новой должности господ. Фельдбаба недоступенъ, какъ 40-метровая стѣна; ведетъ себя ревностнымъ стражемъ закона. Постоянно досадуетъ на то, что законъ исполняется недостаточно строго и умѣло. Его уста раскрыты, чтобы постоянно дѣлать выговоры, а рука поднята для наказаній. Предписаній закона онъ не знаетъ, но знать ему и не нужно. «Я—Законъ!» кричитъ онъ на бѣдныхъ поселянъ, ударяя себя въ грудь. Я—вамъ богъ»! заявляетъ онъ тѣмъ, кто припоминаетъ имя Бога. Пріобрѣлъ толстую книгу, которая постоянно лежитъ на столѣ его уряда. Когда кто-нибудь изъ несчастныхъ подчиненныхъ возражаетъ Фельдбабѣ, онъ возьметъ въ руки эту толстую книгу и скажетъ: «Законъ гласитъ!..» Герцеговинецъ и боснякъ лишь только услышитъ изъ устъ господина Фельдбабы слово «Законъ», какъ уже не имѣетъ своего мнѣнія, покорно склоняетъ свою голову, какъ мокрая курица, и господ. Фельдбаба уже можетъ дѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Боснякъ и герцеговинецъ уже о каждой толстой книгѣ думаетъ, что эта книга—Законъ, и боится ея еще издали, какъ будто-бы это была кухарка госпожи Фельдбабовой. Когда же видитъ, что господинъ Фельдбаба роется въ толстой книгѣ, то думаетъ про себя: «бѣда, худо будетъ!» Надъ господ. Фельдбабой никто не имѣетъ власти, кромѣ госпожи Фельдбабовой. Только она можетъ смягчить его гнѣвъ и сохранить отъ него того, на кого онъ готовъ уже обрушиться. Отъ изъявленій же благодарности она не отказывается.

Но пора окончить объ этихъ двухъ доблестныхъ піонерахъ европейской цивилизаціи въ Босніи и Герцеговинѣ.

Конечно, не каждая кельнерица такъ счастлива, чтобы стать госпожею Фельдбабовою. Однако, въ оккупованныхъ земляхъ она уже имѣетъ то, что называется «общественнымъ положеніемъ». На нее смотрятъ уже съ боязнью, въ особенности же потому, что никто не знаетъ о томъ, какого вліянія она достигнетъ. Бѣда той, которая навсегда останется кельнерицею. Она вынуждена будетъ переносить на себѣ всю ненависть, все подозрѣніе домороднаго обывательства, которое считаетъ ее микробомъ нравственной порчи и проституткою.

О томъ, что такой видъ проституціи ведется при оккупаціи, нѣтъ нужды говорить, а тѣмъ болѣе расписывать это общественное зло. Особенно зло нарекаютъ на кельнерицу магометане, которые убѣждены въ томъ, что боснійское правительство имѣетъ тайное намѣреніе отравить ихъ стихію и уничтожить ихъ этимъ сладкимъ ядомъ. Но чтобы проституція, дѣйствительно, могла идти смѣло, бокъ о-бокъ,

съ добрымъ полицейскимъ управленіемъ—этого никто не могъ мнѣ подтвердить.

Если будемъ судить о томъ, какъ будутъ развиваться эти дѣла далѣе, то можетъ считать вполнѣ правдоподобнымъ, что нравственное развращеніе коснется глубже магометанскаго населенія, потому что съ этой стороны оно было совершенно закрыто, а также и потому, что то растеніе, къ которому не было доступа воздуху и свѣту, всегда болѣе нѣжное и слабое. Но все же развращенію подпадутъ только единичныя личности, а самыя основы чистаго семейнаго быта магометанъ останутся въ общемъ ненарушенными. А до тѣхъ поръ, пока общество покоится на ненарушенномъ семейномъ бытѣ, оно не потеряно. Чего не достаетъ магометанамъ, такъ это именно какого-либо образованія. Въ этомъ отношеніи они должны во многомъ догонять другіе народы. Имъ грозитъ опасность, въ погонѣ за образованіемъ, по примѣру Царьграда, стать поверхностными, односторонними и успокоиться только верхушками европейскаго просвѣщенія. Въ пути за просвѣщеніемъ союзниками, руководителями и нравственною опорою магометанъ будутъ ихъ братья православные. Они, какъ выше было сказано, наиболѣе близки къ магометанамъ нравственно; но отличаются отъ магометанъ между прочимъ еще и тѣмъ, что, соблюдая въ своемъ обществѣ чистую семейную жизнь, они допускаютъ въ нее человѣка и иного вѣроисповѣданія. Эта особенность ихъ быта составляетъ краеугольный камень образованности. Магометане только консервативны; православные же консервативны въ семейной жизни, вѣроисповѣданіи и народныхъ обычаяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ мысль открыта для всего, что означаетъ человѣческій прогрессъ.

Нынѣшнее сближеніе магометанъ и православныхъ сербовъ въ оккупованныхъ земляхъ для будущаго — особенно знаменательный фактъ.

V.

Торговля.

Мы приближались къ Требину. Я завелъ разговоръ о торговыхъ отношеніяхъ, чтобы еще послушать Луки Грбешича прежде, чѣмъ разстанусь съ нимъ.

Лука Грбешичъ говорилъ: «Мы сами удивляемся, даже страшимся того, какъ сильно падаетъ торговля въ оккупованныхъ земляхъ— не только здѣсь, но и всюду на Балканахъ. Относительно лучше еще торговля тамъ, куда вѣтеръ еще не заносилъ порошковъ швабской культуры. Прежде до оккупаціи на Балканахъ было много зажиточныхъ и цвѣтущихъ городовъ; а наши отцы и дѣды говорили, что во время ихнихъ отцовъ и дѣдовъ было и еще лучше. Былъ Травникъ, Сараево, Ливно, Тузла, Мостаръ, Требинь, Фоча, Новый Пазаръ, Призрень, Скотье, Солунь, Пловдивъ, Дринополь, Битоли, Скадеръ, Лѣсъ. Драчъ. Всѣ эти и еще многіе другіе города Балкана положительно плавали въ богатствѣ.

Я не могъ удержаться отъ замѣчанія: — «Только этого богатства нигдѣ не было видно».

Лука нѣсколько разгорячился этимъ замѣчаніемъ: «Не было видно, потому что не было нужды носить свое богатство на-показъ, гордиться надъ бѣдными и пробуждать въ нихъ зависть. За то, чѣмъ тебя надѣлилъ Богъ, и благодари Его; но не думай, что все это не будетъ и отнято у тебя. Если ты богатъ, помогай бѣднымъ, удѣляй милостыню, жертвуй на благолѣпіе храма Божія, на содержаніе школы, ставь мосты, строй дороги, больницы, но не предавайся глупой роскоши и тщеславію, потому что никто столь не противенъ Богу, какъ гордый!»

Меня заинтересовало это христіанско-магометанское воззрѣніе на имущество. Пріучившись просматривать не одну только личину матеріи, но и самый «рубъ», я возразилъ:—«Хорошо-бы, дѣйствительно было, еслибы каждый богачъ имѣлъ строгое уваженіе къ себѣ и са-

мимъ дѣломъ доказывалъ, что ничего не задерживаетъ у себя изъ того, что́ долженъ жертвовать Богу и страждущему ближнему. Между тѣмъ и въ старое время вы скрывали свое имущество и не дѣлиться имъ съ каждымъ сильнымъ: пусть это будетъ государственный чиновникъ, воинскій дустойникъ, или кичливый бегъ, когда у нихъ увеличилась бы жажда къ вашему золоту».

«Это правда», объяснялъ Лука, «никогда нашъ купецъ не былъ увѣренъ въ томъ, что завтра не придетъ къ нему сильный, не положитъ на столъ своего кулака и не прикажетъ: отопри мнѣ всѣ свои сундуки!» Однако, и наша братія не была мухою противъ сильныхъ. Наша братія сама высматривала себѣ въ средѣ сильныхъ защитника, который охранялъ ее отъ другихъ сильныхъ. Кромѣ того мы были юнацкимъ племенемъ и умѣли какъ поставить себя въ томъ случаѣ, еслибъ для самосохраненія не было достаточно одного разума.

«Въ этомъ случаѣ мы съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ турокъ: турокъ не хотѣлъ, чтобы мы только боялись его и покладали свои руки за спину въ то время, какъ онъ приходилъ и требовалъ отъ насъ большаго, нежели сколько было справедливо требовать. Турокъ желалъ, чтобы мы оборонялись и не ждали того, чтобъ онъ самъ далъ намъ въ руки оружіе. Вслѣдствіе этого было не легко нашего купца довести до погибели. Купцы составляли изъ себя твердо организованное общество, всѣ члены котораго были вполнѣ солидарными между собою. Если бы кого-нибудь изъ нихъ постигло несчастіе отъ Бога, или человѣка, остальные купцы не дали бы ему погибнуть. Когда было военное время и царь (султанъ) требовалъ много денегъ, сами купцы распредѣляли между собою эту подать и уплачивали требуемую сумму сообща, такъ что кромѣ нихъ никто не зналъ, какую часть внесъ каждый изъ нихъ и какъ великъ его капиталъ. Когда казалось, что кошелекъ купца былъ вычерпанъ до дна, на самомъ дѣлѣ онъ всегда имѣлъ еще нѣкоторый запасъ, съ которымъ снова начиналъ работать, и могъ снова стать зажиточнымъ. Нынѣ же все—на оборотъ. Нынѣ каждый хочетъ считаться зажиточнымъ и богатымъ, хочетъ возбуждать мнѣніе о себѣ, какъ о такомъ богачѣ, у котораго денегъ, какъ плевковъ; а на самомъ дѣлѣ онъ—бѣднякъ, на которомъ часто даже чужіе штаны».

— «Ну, Лука Грбешичъ, счастливы ваши сыновья и внуки! Видно старыя купеческія балканскія традиціи глубоко засѣли въ васъ и, если ваши внуки пустятъ на вѣтеръ все ваше выстраданное имущество, то все-же они будутъ знать, къ кому обращаться за новыми средствами къ жизни, требуемыми нашимъ временемъ».

Лука не понялъ шутки. Невесело пожималъ плечами и говорилъ: «Не нашли бы вы такихъ довѣрителей (кредиторовъ), которые бы на

такую ипотеку хоть—что нибудь одолжили имъ. Мы уже около 10 лѣтъ работаемъ въ убытокъ и, если еще кое-какъ прозябаемъ, такъ только потому, что еще можемъ опираться на старыя сбереженія и запасъ. Но они не бездонные; а надежды на поворотъ къ лучшему нѣтъ. Такъ что не только мы, но и наши сыновья, должны подготовляться къ тому печальному концу, когда дойдетъ дѣло до нищенской сумы».

— «Если бы это было правдою, то вы представили бы хотя одно доказательство того, что недостаточно имѣете въ себѣ ловкости и упругости, чтобъ съ успѣхомъ конкурировать съ новыми стихіями, приведенными оккупаціею въ вашу землю».

Лука, какъ-будто не слушая меня, продолжалъ о томъ, какъ было у нихъ въ прежнее время, и какъ теперь. «Прежде люди были честными и солидными. Данное слово значило больше, нежели нынѣшняя росписка. Нарушить данное слово считалось самымъ большимъ позоромъ; прежде не было обмановъ, нынѣ же все—иначе. Нынѣ люди стали признавать, что только письменное обязательство, гербовая бумага и свидѣтели имѣютъ значеніе. Дѣлаютъ всякіе обманы, которые облегчены тѣмъ, что придерживающіеся старыхъ основъ беззащитны противъ нихъ. Идти въ Зеницу (криминалъ) за торговлю—для нихъ составляетъ не муку и позоръ, а утѣшеніе. Зеница для нихъ стала высшимъ училищемъ. Тамъ они научаются барской жизни и удобствамъ, тамъ узнаютъ о многихъ новыхъ потребностяхъ, которыя станутъ для нихъ необходимыми, когда войдутъ на свободу; а ради удовлетворенія имъ они станутъ способными къ новымъ злодѣяніямъ. Когда нынѣшній злочинецъ отправляется въ Зеницу, ему весело, какъ будто бы шелъ на балъ, потому что онъ уже увѣренъ въ томъ, что вернется на свободу и что онъ поступаетъ такъ, какъ всюду это принято».

На это я возразилъ: «Слишкомъ мрачно вы смотрите на вещи, Лука Грбешичъ. Отбывающій наказаніе имѣетъ право ожидать отъ общества, чтобъ ему была дана возможность стать новымъ человѣкомъ, порядочнымъ обчаномъ [1]), и на оборотъ общество имѣетъ повинность каждому наказанному простить вину и послѣ отбытія наказанія считать человѣка очистившимся. Если такъ поступаете въ оккупованныхъ земляхъ, то могу только одобрять».

«Такъ было прежде, до оккупаціи», отвѣтилъ Лука. «Турки не разъ наказывали сурово. Но какъ скоро кончался срокъ наказанія, наказанному уже не напоминали о злодѣяніи и онъ могъ не только перемѣнить образъ своей жизни, но и продолжать дѣло своего призванія. Тогда высшею честью мужа считалось не измѣнять своему убѣжденію и занятію, хотя бы ему грозила за это и петля. Самъ

1) Членомъ общества, гражданиномъ.

опытъ, о которомъ я сказалъ, говоритъ о томъ, что въ Зеницѣ люди пріобрѣтаютъ еще большую наклонность къ злому и умѣнье освобождаться отъ наказанія».

— «Мы, швабы, говоримъ о такихъ людяхъ, что они становятся рафинованнѣйшими. Но этого не должно бояться, потому что тѣмъ же самымъ способомъ и общество лишается своей простоты и примитивности: для рафинованнѣйшихъ лисицъ оно приготовляетъ рафинованнѣйшія ловушки. Милый Лука, мнѣ думается, что вы слишкомъ глубоко увязли въ старомъ, слишкомъ часто обращаете свои мысли къ минувшему и потому ошибаетесь. Кажется мнѣ, что вы должны проворнѣе схватиться за новыя орудія духа, за новыя средства къ пріобрѣтенію благобыта, чтобы удержаться на переднихъ мѣстахъ и не дать выбить себя окончательно съ арены, или хотя на заднія мѣста ея. Въ старое время, когда людъ не умѣлъ читать и писать, данное слово вообще должно было имѣть значеніе. Но въ цивилизованныхъ земляхъ, гдѣ безграмотные составляютъ исключеніе, гдѣ взаимныя сношенія увеличиваются, а правовыя отношенія становятся болѣе сложными, данное слово становится всюду недостаточнымъ уже по одному тому, что стало уже недостачно одной памяти, чтобъ она обнимала все это и на долгое время.

Лука Грбешичъ покачалъ головою въ знакъ того, что онъ не согласенъ. Посмотрѣлъ мнѣ въ глаза такъ пытливо. Ему не нравилось то, что я высказалъ; въ немъ возникли сомнѣнія, можно-ли-де ему говорить со мною съ полнымъ довѣріемъ; но довѣріе взяло въ немъ перевѣсъ.

«Я разскажу тебѣ случай, произшедшій у насъ въ Требинѣ въ послѣднихъ годахъ. Въ 1896 г. захворалъ требинскій сосѣдъ Стефанъ Черовичъ. Почувствовавъ приближеніе кончины, онъ задумалъ часть своего капитала пожертвовать сербской православной школѣ въ Требинѣ. Сообщилъ своему семейству о томъ, что желаетъ обезпечить эту школу капиталомъ въ 40,000 зл. Семейство согласилось; но явились нѣкоторыя недоразумѣнія, коихъ прежде не было. Боснійское правительство вдругъ [1]) издало распоряженіе, чтобъ каждый даръ, дѣлаемый въ пользу православнаго храма или школы, не превышалъ 10 зл. Что дѣлать? Пригласили о. архимандрита Христофора Михайловича и просили его совѣта. О. Христофоръ разсудилъ, что правительственное распоряженіе касается даровъ, а не отказовъ по завѣщанію и предложилъ, чтобы сосѣдъ Стефанъ отказалъ эти 40,000 зл. для богоугодной цѣли по завѣщанію, если не можетъ ихъ подарить. Но приспѣла новая бѣда. Стефанъ Черовичъ не умѣлъ писать,

---

[1]) Именно для предотвращенія этого пожертвованія правительство и издало такое распоряженіе. Перев.

а также и никто изъ его семейства [1]). Пригласить какого-нибудь чиновника написать завѣщаніе не рѣшались изъ опасенія, что такимъ путемъ воля завѣщателя не будетъ исполнена. Между тѣмъ силы больного улетали. О. Христофоръ преподалъ ему послѣднее утѣшеніе и умирающій еще разъ подтвердилъ свою волю—чтобъ опредѣленная имъ сумма поступила на требинскую православную школу. Стефанъ Черовичъ скончался. О. Христофоръ, съ согласія его семейства, составилъ духовное завѣщаніе, переданное устно, росписался за Стеф. Черовича и представилъ этотъ документъ на судъ для распоряженій по исполненію завѣщанія. Между тѣмъ судъ, не смотря на присягу родныхъ завѣщателя, принялъ это завѣщаніе за подлогъ; вслѣдствіе чего о. Христофоръ былъ осужденъ за подлогъ на $3^1/_2$ года въ тюрьму на тяжелое заключеніе и въ оковахъ былъ отвезенъ въ Лепоглаву въ Хорватію. Сколько было слезъ, когда мы узнали о томъ, что въ тюрьмѣ ему обрили бороду, остригли волосы и одѣли въ арестанское платье».

— «О. Христофоръ ошибался—не сомнѣвайтесь въ этомъ. Онъ могъ самъ написать завѣщаніе, но при жизни завѣщателя и пригласить двухъ свидѣтелей, которые бы подтверждали это. Или завѣщатель могъ бы устно высказать свое завѣщаніе въ присутствіи двухъ свидѣтелей и оно осталось бы ненарушеннымъ. Если же о. Христофоръ написалъ завѣщаніе по смерти завѣщателя, но отъ его имени, то онъ допустилъ провинность. Вы несправедливо удивляетесь тому, что онъ наказанъ».

Все же Лука не переставалъ удивляться.

«Иначе мы никогда не дѣлали своихъ завѣщаній», говорилъ онъ торжественно, «какъ предъ отцомъ духовнымъ и никогда не было никакихъ обмановъ, никакихъ споровъ! А здѣсь справедливость завѣщанія подтверждало цѣлое семейство, а не только два свидѣтеля. О. Христофоръ не имѣлъ никакого злого умысла; напротивъ онъ думалъ поправить дѣло написаніемъ завѣщанія. Цѣлая Боснія и Герцеговина убѣждена въ томъ. что о. Христофоръ страдаетъ невинно. Мостарское общество хотѣло подать ходатайство о помилованіи его, но воспретилъ это правительственный комисаръ. Между тѣмъ во времена турецкія всякому гражданину было позволено подавать петиціи во всѣ оттоманскіе уряды—духовные и гражданскіе, правительству и Государю», выразилъ Лука.

Этого уже вполнѣ достаточно, что бы любезный читатель узналъ и составилъ себѣ понятія о различіи взглядовъ домашняго и приш-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ переводчику, подъ этимъ духовнымъ завѣщаніемъ подписались въ качествѣ свидѣтелей, кромѣ о. архим. Христофора, также: Марко Дучичъ, Тодоръ Перовичъ, жена завѣщателя Черовича и игуменъ о. Герасимъ Іовановичъ—всѣ они были осуждены на тюремное заключеніе. *Прим. перевод.*

лаго купечества въ оккупованныхъ земляхъ. Мы чехи, живемъ въ торговой сферѣ, въ которой оккупованные купцы видятъ не только опасность конкурента, но и совершенную свою погибель. Нашъ торговецъ, конечно, будетъ того мнѣнія, что на такихъ старосвѣтскихъ началахъ въ наше время нельзя торговать, но у тѣхъ началъ онъ не можетъ отрицать заслуженной почтенности и уваженія. Въ европейской торговлѣ, вслѣдствіи вліянія англичанъ и жидовъ, слово «нравственность» встрѣчается все рѣже и рѣже; скоро совершенно исчезнетъ и слово «солидность». Тогда единственнымъ началомъ торговли будетъ корысть, корысть за всякую цѣну. Этотъ путь противорѣчитъ консервативнымъ творцамъ оккупованныхъ земель. Въ этомъ случаѣ есть нѣчто очень, очень трагическое: столь жизнеспособный остатокъ стараго свѣта, при томъ такой купецъ по природѣ скорѣе матеріально погибаетъ, чѣмъ покидаетъ свои увѣковѣченныя основы, на которыхъ его предки соорудили хорошее родовое имущество. Даже съ этимъ имуществомъ онъ нынѣ разстается и только потому, что хочетъ остаться вѣрнымъ своимъ основамъ. Но все-же онъ не погибнетъ, не бойтесь за него! Если борьба за жизнь вынудитъ его принять новыя основы и средства, какими пользуется «міровая» торговля, то врожденный сербскому купцу торговый талантъ будетъ снова приглашенъ къ своему праву и тогда, если не изъ старыхъ боснійско-герцеговинскихъ купцовъ, то изъ среды ихъ сыновей, выйдутъ еще гораздо большіе плуты, мошенники и обманщики, чѣмъ какимъ слыветъ до сихъ поръ избранный (еврейскій) народъ! Изъ того, что сказалъ Лука Грбешичъ о воспитанникахъ зеницкаго криминала, мы видимъ уже ясное указаніе на это.

Продолжимъ рѣчь о торговыхъ отношеніяхъ въ оккупованныхъ земляхъ.

Въ Сараевѣ мнѣ разсказывали объ одномъ купцѣ, скопившемъ 4 — 5 милліоновъ. Онъ былъ столь аккуратенъ, что и каждое яйцо мѣрялъ, прежде чѣмъ купитъ его. Для этого онъ имѣлъ при себѣ проволочное колечко, чрезъ которое и пропускалъ каждое яйцо. Яйца, свободно проходившаго чрезъ это колечко и слѣдовательно не имѣвшаго нужной мѣры, онъ не покупалъ. Если бы кто увидѣлъ его, какъ въ своихъ засаленныхъ шароварахъ онъ мѣрялъ на торгу яйца, смиловался бы надъ нимъ и далъ бы ему крейцеръ, не предполагая того, что видитъ предъ собою владѣтеля нѣсколькихъ милліоновъ. Другіе купцы, безсомнѣнія, не были столько же большими ригористами при покупкѣ яицъ; но всѣ были особенно скромными и разсчетливыми. Имѣя очень малыя собственныя потребности, они могли продавать свои товары гораздо дешевлѣ, чѣмъ другіе европейскіе купцы. При томъ же стройная организація купеческаго сословія и веденія имъ торговли дѣлала такую торговлю не только не убыточною, но даже исключала возможность всякаго риска. Цѣны товаровъ могли быть

меньшими потому, что покупавщій не вынуждался переплачивать продающему за привозъ товаровъ. Но что составляло самое главное основаніе преуспѣянія торговли въ турецкое время, такъ это было именно то обстоятельство, что торговцы были свободными отъ даней — за право торговли, какъ это и доселѣ ведется въ турецкихъ провинціяхъ и на Черной Горѣ. Вообще здѣсь были такія благопріятныя условія для развитія торговли, какихъ нынѣ не имѣетъ ни одно изъ новыхъ государствъ. Впрочемъ, здѣсь была также и густая тѣнь. Купецъ долженъ былъ дѣлать много подарковъ и различныхъ частныхъ платежей, не урегулированныхъ никакими предписаніями закона. Но все-же можемъ вѣрить на—слово купцамъ, что въ турецкое время во всѣхъ бакшишахъ они работали съ большею выгодою, нежели теперь. Были наложены на нихъ пошлины не только государственныя, но и частныя, т. е. такія, коихъ сильные беги самовольно налагали на товары, провозимыя чрезъ ихъ земли. Эти пошлины (если оставимъ названіе ихъ этимъ словомъ!) до 30 годовъ 19 столѣтія были распространены только на домашнихъ купцовъ; между тѣмъ какъ на купцовъ чужестранныхъ, охраняемыхъ приставленными къ тому консулами и дипломатическими посланниками, беги не рѣшались налагать пошлинъ. Однако, при всемъ томъ домашняя торговля преуспѣвала такъ, что нынѣшнее поколѣніе съ грустью вспоминаетъ о тогдашнихъ временахъ, какъ о временахъ расцвѣта торговли.

Есть и другія причины хозяйственнаго упадка нынѣшняго босно-герцеговинскаго купечества.

Если мы сказали о томъ, что босно-герцеговинское купечество прежде было болѣе зажиточнымъ и что между купцами встрѣчались замѣчательные капиталисты, то отнюдь не нужно здѣсь подразумѣвать будто бы купечество владѣло необозримыми сокровищами восточныхъ сказокъ. Владѣтель 4—5 милліоновъ слылъ въ Босніи уже «боснійскимъ королемъ» и оккупованныя оставили за нимъ это прозвище, чтобъ удержалась въ Босніи иллюзія, будто въ ней есть босно-словное богатство. Но что такое этотъ «боснійскій король въ сравненіи съ Ротшильдомъ, Блейхродеромъ, Гиршемъ и другими королями капитализма? Къ этимъ капиталистическимъ величинамъ нельзя и приравнивать босно-герцеговинскаго купца. А все-же оккупація поставила его лицемъ къ лицу съ необходимостью помѣриться своими силами съ великимъ чужимъ капиталомъ. Этотъ великій чужой капиталъ, хорошо организованный, наступательно—воинственный и при томъ охраненный, быстро овладѣлъ полемъ. Въ оккупованныхъ земляхъ онъ дѣлаетъ хорошую торговлю—о томъ не можетъ быть спора, равно какъ и о томъ, что всѣ служащіе ему, всѣ гонящіеся за капиталомъ, посредники капитала, чувствуютъ себя вполнѣ спокойными и любуются тѣмъ, что торговля въ оккупованныхъ земляхъ

расцвѣтаетъ. Тѣмъ не менѣе этимъ нельзя привести въ заблужденіе того, кто не желаетъ видѣть одну только сторону медали и не имѣетъ основанія считать себя великимъ капиталистомъ.

Домашній средній капиталъ дѣйствительно убилъ малый чужой капиталъ, прибывшій сюда за счастьемъ вслѣдъ за оккупаціею. Не было примѣра, чтобы въ теченіи 20 лѣтъ оккупаціи въ Босніи и Герцеговинѣ усилился какой-нибудь «малый жидъ». Все, что называется этимъ именемъ, здѣсь только прозябаетъ. «Малому жиду», приходящему въ оккупованныя земли съ цѣлію представлять собою посланника міровой цивилизаціи, устроять нѣмецкія фирмы и тѣмъ пріобрѣтать для себя протекцію оккупаторовъ, нѣтъ успѣха. Не помогли «малому жиду» и тайныя взятки чиновникамъ и дустойникамъ съ тѣмъ, чтобъ они не ходили къ доморocéнымъ сербскимъ купцамъ и покупали все нужное для себя у «малаго жида». Домашній купецъ устоялъ въ борьбѣ съ этимъ противникомъ и довелъ его до такого положенія, въ которомъ ему опасно оставаться.

Но горе домашнимъ купцамъ отъ борьбы съ «великимъ жидомъ». Противъ него средній домашній капиталъ могъ бы противустать лишь сдруженнымъ. Только въ такомъ случаѣ онъ могъ бы явиться значительно отпорною силою, въ которой чужой капиталъ могъ бы видѣть хотя бы свои компромиссы, если домашній соперникъ не выбилъ бы его окончательно съ поля битвы, принявши въ помощь сдруженному капиталу свойственный ему торговый талантъ и ненарушенную еще честность своего сословія. Но судьбу средняго домашняго капитала рѣшили взгляды политическіе.

Ядро босно-герцеговинскаго купечества составляютъ православные сербы. Купцы всегда были главнымъ столпомъ православной сербской церкви и школы. Изъ причинъ, которыя вполнѣ выяснить удастся только будущему историку оккупаціи и которыя намъ теперь неизвѣстны, даже и непонятны, и мы можемъ только догадываться о нихъ, сараевское правительство стало очень немилостивымъ къ сербской православной стихіи въ оккупованныхъ земляхъ, а тѣмъ самымъ и къ православному купечеству. Правительство просто-напросто не дозволяетъ торговаго, банковскаго и предпринимательнаго общества и особенно ревностно бдитъ надъ тѣмъ, чтобъ не сдруживать, въ интересахъ сербскаго хозяйства, православныхъ съ магометанами. Это обстоятельство возбуждаетъ подозрѣніе въ томъ, что всѣ препятствія, дѣлаемыя боснійскимъ правительствомъ въ культурныхъ вопросахъ страны, имѣютъ своею причиною торговую ревность чужого капитала, приглашеннаго сюда боснійскимъ правительствомъ. Соединеніе остальныхъ принциповъ, цѣлей и интересовъ— нравственыхъ и хозяйственныхъ—въ каждомъ политическомъ шагѣ становится неизбѣжнымъ и неразлучнымъ.

бой домашняго босно-герцеговинскаго капитала съ чужимъ, поощряемымъ самымъ правительствомъ, выяснятъ слѣдующіе примѣры.

Въ Сараевѣ открылся Земскій Банкъ, правленіе котораго состоитъ на половину изъ членовъ, назначенныхъ вѣнскимъ Банкферейномъ. А другую половину членовъ правленія банка назначаетъ само боснійское правительство. Построили въ Сараевѣ на акціяхъ пивоварню, которая имѣетъ нѣмецкую фирму «Aktienbrauerei in Sarajevo». Главнымъ акціонеромъ пивоварни состоитъ госп. Каллай. Это общество изъ своихъ видовъ не продаетъ акцій православнымъ сербамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ боснійскіе уряды отнимаютъ у нихъ патенты на продажу пива и передаютъ ихъ особамъ изъ своего лагеря. Мнѣ сообщено, что пивоварня имѣетъ въ запасѣ 84 патента, явившіеся такимъ образомъ. На подобныхъ же основахъ сооруженъ въ Сараевѣ и акціонерскій лиговаръ (спиртный заводъ).

Достаточно извѣстна въ Босніи также чужая фирма «Morpurgo a Parente», которой боснійское правительство отдало на срубку прекрасныя босно-герцеговинскіе лѣса. Эта фирма прежде платила самое большое 4 зл. за дубъ, потомъ 5 зл., нынѣ 7 зл. и наконецъ, когда явился большой спросъ на лѣсъ, то даже 26 зл.

Въ Зеницѣ есть привиллегированная бумажная фабрика чужого предпринимателя жида Эд. Мусила. Правительство помогаетъ его предпріятію: отпускаетъ ему каменный уголь по баснословно дешевой цѣнѣ: 1 м. ц. за 10 кр. и даже само выстроило для него вѣтвь желѣзной дороги. Далѣе правительство обязалось для канцелярскихъ нуждъ въ своихъ оккупованныхъ земляхъ не получать бумаги отъ другихъ фабрикъ, такъ только изъ этой фабрики. Эд. Мусиль можетъ выработать самъ только $^2/_3$ требуемой бумаги, а остальную $^1/_3$ онъ получаетъ отъ другихъ фабрикъ. Вся бумажная торговля въ обѣихъ оккупованныхъ земляхъ находится въ его рукахъ и онъ диктуетъ ей свои цѣны. Вслѣдствіе этого бумага въ оккупованныхъ земляхъ дороже, нежели въ другихъ австрійскихъ областяхъ.

Въ Узорѣ возникъ сахарный заводъ. Кто владѣтель его—это большой секретъ, такъ что даже бухгалтерское чиновничество не знаетъ о томъ ничего опредѣленнаго, оно знаетъ только то, что капиталъ долженъ приносить 10%, что правительство поручилось за эту прибыль, и что капиталъ на постройку завода и на первое обзаведеніе данъ самимъ правительствомъ. Само правительство получаетъ для завода и свекловицу. Въ 1895 г. оно доплатило на сахарный заводъ 300,000 зл.

О другихъ предпріятіяхъ боснійскаго правительства умолчимъ.

Видя, что старые пути къ обогащенію запрещены, а новыя не открыты, (Правительство основало нѣсколько низшихъ коммерческихъ школъ, соотвѣтствующихъ скорѣе чешскимъ мѣщанскимъ школамъ и не имѣющихъ почти никакого значенія для коммерческаго образова-

нія домородцевъ. Не могу сказать объ этихъ школахъ того, что онѣ соотвѣтствуютъ коммерческимъ нуждамъ области), купецъ самъ озаботился тѣмъ, чтобъ его капиталъ возрасталъ.

До оккупаціи въ Босніи и Герцеговинѣ, какъ и всюду въ Турціи и на цѣломъ Балканѣ, господствовало натуральное хозяйство. Оккупація же завела хозяйство денежное. Прежде было мало денегъ, за то онѣ были рѣдки и дороги; тогда, уже вслѣдствіе одного этого, зажиточность босно-герцеговинскихъ купцовъ до оккупаціи казалось значительно большею, нежели какою она стала при хозяйственномъ переворотѣ оккупаціею, принесшею въ землю больше денегъ, болѣе дешевый кредитъ, домогательство денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большую ненадежность капитала. Босно-герцеговинскій крестьянинъ прежде могъ, если бы хотѣлъ или былъ вынужденъ, обходиться безъ денегъ круглый годъ. Себя и семейство онъ кормилъ съ поля, скотъ—съ луговъ и нивъ; лѣсъ на топливо и строеніе онъ получалъ безплатно; новую «кучу» (избу) ему строилъ господинъ поземка, одежду изъ шерсти и льна выработывали сами женщины, а онъ выдѣлывалъ обувь («опонки») для всего семейства изъ кожи домашнихъ животныхъ. Даже для развлеченія и роскоши могъ обходиться безъ денегъ: могъ посадить табаку, накурить ракіи, или сливовицы столько, чтобы было достаточно для него и гостя, залетавшаго подъ его стрѣху (кровлю).

Но нагрянула оккупація, а съ нею и денежное хозяйство. Крестьянинъ почувствовалъ нужду въ деньгахъ, даже необходимость. Оккупація привела съ собою въ землю большіе капиталы, но не для того, чтобы оставить ихъ тамъ, но чтобы унести изъ страны все, что удастся. Капиталы не для того пришли въ землю, чтобы всевозможными средствами разойтись даже до кучи крестьянина и пастуха, но искусственно нѣкоторыми способами они разверстались такъ, что стали оттягивать тукъ земли и обывательства къ своей корысти, къ своему резервуару.

Нуждаясь въ деньгахъ, къ кому теперь долженъ обратиться за ними крестьянинъ? Естественно — къ своему родаку и знакомому купцу. А также естественно и то, что купецъ долженъ непремѣнно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ одной стороны самому получить отъ этого прибыль и съ другой — помочь своему сородичу и единовѣрцу. По предпосланному изложенію хозяйственныхъ отношеній предъ оккупаціею и вообще о хозяйственныхъ переворотахъ, принесенныхъ въ Боснію и Герцеговину оккупаціею, понятно, кредитъ, сдѣланный купцомъ-крестьянину, не могъ быть тотчасъ-же дешевымъ. Дѣйствительно, если представитъ себѣ тѣ послѣдствія, которыя явились бы въ томъ случаѣ, если бы крестьянинъ, еще вчера не имѣвшій никакой нужды въ деньгахъ и съ деньгами не умѣлъ вести хозяйства, равно какъ и пріобрѣтать ихъ, а сегодня вдругъ получилъ бы за незначительную работу много денегъ, то поймемъ,

что деньги оказались бы очень пагубными для крестьянина, что онѣ предвѣщали бы его матеріальную и нравственную гибель. Въ этомъ случаѣ могъ оказать помощь только постепенный переходъ и онъ удавался, пока кредиторомъ крестьянина былъ купецъ.

Но уряды, замѣтивъ, что этотъ купецъ, «простой купецъ», какъ называютъ его съ большимъ неудовольствіемъ оккупачники, эта тварь, болѣе всего ненавистная имъ, высвободится изъ болота, да еще нашелъ способъ увеличивать свой капиталъ, выступили противъ него, чтобы запретить ему денежную торговлю. Правительство имѣло доброе намѣреніе пріобрѣсти для крестьянина дешевый кредитъ сооруженіями окресныхъ банковъ, въ которые каждый крестьянинъ долженъ былъ вносить 4% прибавку къ своимъ податямъ и эта прибавка тотчасъ же по уплатѣ податей откладывалась въ его пользу. Но чиновники, набивъ свои головы различными политическими тенденціями, уничтожаютъ это доброе предпріятіе правительства своимъ «фельдбабовскимъ» произволомъ. Окресные банки находятся подъ управленіемъ политическихъ урядовъ. О томъ же, какъ здѣсь получается кредитъ, рѣчь будетъ впереди. Здѣсь нужно упомянуть только о томъ, что уряды усиленно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы крестьянинъ кредитовался не у купца, а въ окресной кассѣ. Они сами предлагаютъ крестьянамъ не платить купцамъ своихъ долговъ. Въ оккупованныхъ земляхъ въ этомъ случаѣ есть нѣчто совершенно новое: можно дѣлать долги и не платить ихъ! Въ турецкій періодъ считалось священною повинностью каждаго заплатить свой долгъ. Случалось, что должникъ уже не имѣлъ льготы и все-же просилъ обождать; но чтобы прямо рѣшиться: не заплачу, или чтобы еще уряды своимъ авторитетомъ предлагали ему не платить, этого никогда не бывало. Кто же виноватъ въ томъ, что крестьянинъ опустилъ многія основы своихъ отцовъ и примирился съ порядкомъ, который кажется ему выгоднымъ? Ну и вотъ, онъ не платитъ. Кредиторъ жалуется. Тяжба тянется даже до осени, когда наступаетъ для крестьянина повинность платить десятину. Тогда судъ признаетъ требованіе заимодавца справедливымъ, принуждаетъ должника къ уплатѣ и вѣрителю дозволяется дѣлать экзекуцію. Но все-же государство имѣетъ преимущественное право напередъ получить съ крестьянина, а вслѣдъ за нимъ имѣетъ право на полученіе и господинъ поземка. Напередъ должно очистить десятину и третину за текущій годъ и недоимки за прежній годъ, потомъ должникъ уже можетъ расчитываться и съ своими частными кредиторами. Но тутъ урядъ заявляетъ, что должникъ уже ничего не имѣетъ у себя (и на самомъ дѣлѣ онъ ничего не имѣетъ, какъ увидимъ позднѣе); тогда кредиторъ уходитъ ни съ чѣмъ.

Съ того времени, какъ начали отнимать у купцовъ патенты на продажу пива, уряды, идущіе сподружно съ крестьянами противъ

кредиторовъ—купцовъ, стали совѣтовать послѣднимъ заявлять о томъ, что долгъ купцамъ они сдѣлали за спиртныя напитки. Такимъ образомъ здѣсь дѣло получило такой видъ, какъ будто-бы уряды были озабочены охраненіемъ народа отъ пьянства. Это обстоятельство хвалоречники оккупаціи тоже выставляли предъ неосвѣдомленными чужестранцами одною изъ великихъ заслугъ боснійскаго правительства и его органовъ. Пьянство!? Кто же не одобрилъ бы, если бы была поставлена преграда сохранить отъ него народъ! Кто бы не поблагодарилъ распространителей трезвости! Но, какъ уже было сказано, оккупованный народъ столь воздерженъ, что смѣло можно поставить его въ примѣръ каждому другому народу. Наибольшій спиртный напитокъ ихъ — это медовина; а употребленіе ракіи у него такое же, какъ чернаго кофе во многихъ здѣшнихъ окраинахъ и цѣлію своею имѣетъ только порализовать вредное вліяніе нездоровой воды. Тотъ, кто выдаетъ здѣшнихъ обывателей предъ чужими людьми за невоздержныхъ, допускаетъ тяжкую несправедливую ложь противъ нихъ и грабитъ ихъ добрую репутацію именно тамъ, гдѣ они заслуживаютъ безграничной похвалы.

Лежащія на правительствѣ и урядахъ причины упадка босно-герцеговинской торговли я не считаю самыми главными, — это высказываю явно для того, чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто я имѣю въ виду опозорить его. Причины, зависящія отъ самого правительства, нынѣ существуютъ, а завтра ихъ можетъ и не быть. Если освѣдомленная печать укажетъ на нихъ, нужда искорененія ихъ можетъ осуществиться. Православные купцы, которые нынѣ въ немилости, могутъ попасть въ милость; а съ своей стороны босно-герцеговинскіе купцы вообще, безъ различія исповѣданія, могутъ приспособиться къ другимъ обычаямъ, взглядамъ и торговымъ традиціямъ. Къ своему консерватизму они ничѣмъ не привязаны: онъ — добровольный. Но и консерватизмъ допускаетъ перемѣны и прогрессъ.

Главная причина упадка торговли—въ другомъ: въ перемѣнѣ міровыхъ торговыхъ путей,—ведущихъ въ оккупованныя земли и чрезъ эти земли соединяющихъ ихъ коммерчески съ иностранцами. До оккупаціи торговыя пути шли по преимуществу на встрѣчу Болканамъ, отъ запада къ востоку, отъ Ядерскаго моря къ Эгейскому, къ Солуни и Царьграду. Это были дороги стараго и средняго вѣковъ, дороги прорѣзывавшія нѣкогда могущественныя, цвѣтущія и богатыя государства бассейна Средиземнаго моря. Эти государства нынѣ почти — на мели. А съ той стороны, гдѣ въ настоящее время — очагъ политической мощи, воинской силы, промышленнаго производства, торговой смѣтливости, духовнаго движенія [1]), не было никого, кто бы возбранилъ пробить новые пути міровой торговли въ центръ

---

[1]) Т. е. со стороны Россіи. *Перев.*

Балканъ. Такимъ бразомъ открыла себѣ дорогу на Балканы средняя Европа. Это случилось въ періодъ необыкновенно благопріятный для нея, когда весь христіанскій Балканъ, не одна Боснія съ Герцеговиной, именно о томъ и просилъ униженно; а между тѣмъ турки, при своей ограниченности и необразованности, даже и не понимали того, въ чемъ здѣсь—дѣло. Тогда средняя Европа, при помощи своихъ западныхъ союзниковъ, вытолкнувъ Россію изъ Болгаріи, не имѣла уже на Балканѣ не только непріятеля, а даже и соперника.

Это должно было случиться, такъ какъ Нѣмеччина объединилась и стала законодательствующимъ государствомъ въ Европѣ. Австро-Венгрія должна была идти на Балканы и прорѣзать туда дорогу нѣмецкой торговлѣ, промышленности и нѣмецкой культурѣ, хотя и одѣтой въ народный славянскій костюмъ. Еслибъ Австро-Венгрія попыталось взять это дѣло самостоятельно, то Нѣмеччина принуждена бы была сама ухватиться за это дѣло. Австро-Венгрія, не оправившись еще и отъ одного Кралевскаго Градца, тогда пошла бы на встрѣчу другимъ несчастіямъ, и Нѣмеччина потянулась бы на Балканы чрезъ потоки австро-венгерской крови.

Было бы заслоненіемъ дѣйствительнаго положенія вещей и чрезмѣрною мечтою, если бы всю вину или заслугу—какъ угодно считать—приписывала себѣ Австро-Венгрія, Вѣна и Пештъ. Важнѣйшимъ дѣятелемъ здѣсь — Берлинъ; Вѣна работаетъ, только какъ факторъ Берлина, а Пештъ сильно желаетъ отпутаться отъ Вѣны, но каждымъ распутываніемъ дѣлаетъ болѣе тѣсною свою связь съ Берлиномъ, въ пользу коего и отстраняетъ своего конкурента въ восточной торговлѣ и политикѣ. Чѣмъ слабѣе Вѣна будетъ конкурировать съ Берлиномъ, тѣмъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ будетъ ему, тѣмъ больше будетъ зависѣть отъ него и тѣмъ счастливѣе будетъ при этой зависимости. Это подтверждаютъ факты нашихъ дней.

Посылая предъ собою на Балканы Австро-Венгрію, сама Нѣмеччина, снискавъ довѣріе Турціи, уже строитъ свои торговыя дороги въ Малой Азіи даже до самого Бѣлграда, откуда рѣка Тигръ завершитъ ея сношеніе съ Персидскимъ заливомъ. Изъ Малой Азіи и Царьграда Нѣмеччина будетъ помогать Австріи проложить дорогу нѣмецкой торговлѣ и промышленности не только въ Сараево, но и въ Новый Пазаръ и Митровичи, вслѣдствіе чего Берлинъ окажется въ прямомъ сообщеніи съ Солунью, потому что дорога отъ Митровича до Солуни уже выстроена. Изъ Солуня есть недлинная морская дорога въ Царьградъ. Другая большая дорога изъ средней Европы въ Царьградъ уже готова. Она ведетъ чрезъ Бѣлградъ, Нишу, Солунь, Пловдивъ и Дринополь. Подрядчикъ этой міровой дороги, Миланъ Обреновичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и бдительнымъ дозорщикомъ ея. (Стародавняя магистрала, идущая изъ Царьграда на Дринополь, Пловдивъ, Софію, Нишу къ Дунаю и оттуда продолженная до Пешта, въ

турецкій періодъ служила главнымъ образомъ для переправы войскъ, а торговля, направленная туда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ конкуррировать съ торговлею по Средиземному морю).

Чешская земля и всѣ другія славянскія земли Австро-Венгріи, кромѣ Галича, лежатъ по направленію этихъ новыхъ торговыхъ путей. Мы, чехи, не имѣемъ причины быть недовольными тѣмъ, если бы вошли въ культурныя и торговыя сношенія съ тѣмъ Востокомъ, гдѣ обитаютъ милліоны славянскаго народа, куда глядѣлъ пути еще Карлъ IV, откуда къ чехо-моравамъ пришли святые славянскіе апостолы. По мнѣнію чеховъ, чѣмъ больше хорошихъ, короткихъ и сподручныхъ торговыхъ путей, тѣмъ лучше для интереса чешской земли и народовъ, прилегающихъ къ ней и даже отдаленныхъ отъ нея. Только нужно, чтобы большія торговыя дороги не застряли въ рукахъ единичныхъ государствъ, исключительно для себя ихъ приспособившихъ, а остались бы міровыми въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. чтобы стали артеріями торговаго и культурнаго движенія цѣлой семьи народовъ,—всѣхъ, кто нуждается въ нихъ и пожелаетъ ими воспользоваться. Мы, австро-венгерскіе славяне, можемъ только сожалѣть о томъ, что до сихъ поръ еще не выстроена дорога отъ Сараева до Митровича и что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ оккупованныхъ земляхъ стало въ зависимости отъ иныхъ воззрѣній, но не отъ торговыхъ и культурныхъ, равно какъ и отъ одушевленія только двухъ народовъ—нѣмецкаго и угорскаго.

Эти два народа вмѣстѣ тянутся на Балканы, имѣютъ тождественныя цѣли, но тѣмъ не менѣе могутъ взаимно вредить себѣ, покуда дѣло идетъ о нѣмцахъ австрійскихъ. Пештъ, живущій въ постепенно усиливающемся антагонизмѣ съ Вѣною, всею душею преданъ Берлину; а все же Берлинъ до сихъ поръ стоитъ за кулисами. Перевѣсъ, достигнутый мадъярами съ помощію нѣмцевъ въ оккупованныхъ земляхъ, сказался и на Балканахъ. Пештъ достигъ прямого сообщенія съ Сараевомъ на Бродъ, а Вѣна лишилась его. Слѣдствіемъ этого стало то, что Пештъ, усиливши свое владѣніе на Дунаѣ, растетъ въ укоръ Вѣнѣ, которая чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе, становится провинціальнымъ городомъ Берлина. Вѣнѣ, когда ея погибель будетъ довершена, не останется ничего другого, какъ перестать быть резиденціею. Если столица Австро-Венгріи будетъ перенесена въ Пештъ, Вѣнѣ уже не избѣжать отдаться Берлину на милость и немилость и заключить съ нимъ полное единство. Это составляетъ идеалъ всѣхъ нѣмцевъ—заграничныхъ и австрійскихъ. Чтобы это отношеніе сдѣлать еще болѣе поразительнымъ, вспомнимъ о малочисленности мадъярскаго населенія, которое и съ ренегатами недостаточно численно для того, чтобы въ оккупованныхъ земляхъ и на Балканахъ сдѣлать мадъярскую народность популярною.

Въ теченіи 20 лѣтъ Австро-Венгрія соорудила въ оккупованныхъ земляхъ столь много желѣзныхъ дорогъ, что это заслуживаетъ крайняго удивленія. По наслѣдству отъ турокъ она получила короткій путь Доберлинъ-Банялука; сама же выстроила дороги: Бродъ-Сараево, Сараево-Яйце, Сараево-Мостаръ, Мостаръ-Габела. Угры не желаютъ ни за какую цѣну допустить того, чтобы боснійская дорога была соединена съ одной стороны чрезъ Травникъ и Ливно съ Сплетомъ, т. е. съ далматскою горною дорогою Сплетъ-Книнъ, и съ другой стороны— чтобъ эта далматская дорога чрезъ Клинъ на Новый была соединена съ Загребомъ. Тутъ мы уже ясно видимъ кружево политическо—народной ревности, занесенной главнымъ образомъ нѣмцами въ сердце всѣхъ здѣшнихъ народностей, вслѣдствіе чего нѣмцы и угры еще болѣе воспитали въ своихъ сердцахъ эту ревность до невиданнаго доселѣ разцвѣта ея. Мадъяры заявляютъ о томъ, что дорога на Загребъ, имѣющая въ виду прямое сообщеніе съ Босніею не только Хорватіи, но и Вѣны и Цислейтаніи, убила-бы морскую торговлю Рѣки. Они преднамѣренно загрязнили Рѣку съ тѣмъ, чтобы захватить жилу цислейтанскаго Тріеста; но все-же это не повредило ни Тріесту, ни всей портовой и прибрежной торговлѣ Далмаціи, судьба которой рѣшена искусственнымъ развитіемъ Рѣки и открытіемъ торговыхъ сухопутныхъ путей изъ Австріи въ оккупованныя земли.

Далмація нынѣ застигнута суровымъ несчастіемъ. Пока въ Босніи и Герцеговинѣ были турки, далматская торговля еще кое-какъ прозябала. Австрія не знала, что съ нею дѣлать. Она думала, что поможетъ ей, если пріобрѣтетъ для нея Босну и Герцеговину въ качествѣ «hinterland»а. Но не помогаетъ ни «vorderland» «hinterland»у, ни «hinterland» «vorderland»у. Нѣкоторые еще надѣются, что одно другому помогло бы, еслибы Далмація была соединена съ оккупованными землями административно. Къ такимъ ожидателямъ принадлежитъ и господ. Каллай. Въ августѣ 1897 года онъ задалъ въ Вѣнѣ обѣдъ боснійцамъ, путешествовавшимъ на брюссельскую выставку и во время обѣда провозгласилъ здравицу единодушной дѣятельности (einheitliches Zusammenwirken) Босніи и Далмаціи, въ пользу чего онъ работалъ уже съ 1886 г., какъ признался на обѣдѣ. Въ отвѣтъ на эту здравицу далматскій посланникъ Біанкини въ своемъ органѣ «Narodni Listy» доказалъ и безъ всякаго прикрытія провозгласилъ, что Далмація не считаетъ для себя выгоднымъ соединенія съ Босніею и Герцеговиною, какъ думаетъ о томъ господ. Каллай. Если примемъ во вниманіе то, что говорилъ посланникъ Біанкини объ этомъ соединеніи предъ 25 годами и какъ работалъ надъ этимъ вопросомъ—словомъ, письмомъ и дѣломъ, начиная съ 1875 г. вплоть до оккупаціи, то можетъ себѣ представить, до какого несчастнаго разочарованія дожили за время оккупаціи и тѣ наши братья, которые только отчасти прикасаются къ оккупаціи.

Вѣтвь Вѣна—Загребъ—Новый—Сплетъ оживила бы въ оккупованныхъ земляхъ конкуренцію Вѣны съ Пештомъ и возвысила бы въ Хорватіи вліяніе Вѣны, которую всегда тамъ привѣтствовали. Но оккупованнымъ землямъ вмѣстѣ съ прилегающею къ нимъ Далмаціею и эта желѣзная дорога не помогла бы, потому что и она также, какъ и ея соперница—дорога изъ Пешта, способствовала бы только эксплуатаціи природныхъ богатствъ Босніи и Герцеговины. Чтобы освѣжить производство тамошняго народа, а вмѣстѣ съ этимъ и торговлю, нужно бы въ оккупованныхъ земляхъ соорудить также и поперечныя дороги, въ полномъ соотвѣтствіи историческимъ торговымъ балканскимъ путямъ. Вкусы и потребности балканцевъ совершенно другіе, чѣмъ у «швабовъ»; но съ сооруженіемъ поперечныхъ желѣзныхъ дорогъ у нихъ развился бы прекрасный домашній промыселъ, который нынѣ гибнетъ, потому для вывоза на сѣверъ, гдѣ иной вкусъ, онъ не годится, а дома у него отняты условія жизни, не говорю уже о разцвѣтѣ. Хорваты часто указываютъ на нужду выстроить поперечную дорогу Сплетъ—Сараево- Бѣлградъ, но ихъ голосъ совершенно напрасенъ, потому что также и политическо-народныя причины возбраняютъ осуществленіе этой мысли уже потому, что Австро-Венгрія намѣрена твердо къ себѣ припутать Сербію, а Обреновичи уже вполнѣ пріобрѣтены [1]) въ пользу этой связи.

Проэктъ великолѣпной балканской трансверсалки, которая бы шла изъ Россіи чрезъ Румынію, Сербію, Македонію, Албанію до Скутари надъ Бояною и соединяла бы Черное море съ Ядерскимъ (Адріатическимъ), въ первой разъ возникъ въ 1891 году, когда въ Сербіи у кормила правленія стояли радикалы. Но проэктъ спалъ мертвымъ сномъ до 1897 года, когда былъ посланъ съ нимъ изъ С.-Петербурга въ Царьградъ и Бѣлградъ ловкій дипломатъ Янъ Вальчикъ съ тѣмъ, чтобъ оба правительства расположить въ пользу проэкта. Милана тогда не было дома и король Александръ, когда ему была изложена благодѣтельность проэкта, утвердилъ свое согласіе на проэктъ своею подписью. Едва это состоялось, какъ тотчасъ же безъ передышки прибылъ въ Сербію Миланъ; свергнулъ правительственную партію, въ которой было нѣсколько мирныхъ радикаловъ и превозгласилъ себя генералиссимусомъ сербской арміи.

Но проэктъ уже былъ скрѣпленъ подписью короля Александра и воротить подпись было невозможно. Чтобы воспрепятствовать осуществленію этого проэкта, нужно было политическими кознями разогнать хотя бы участвовавшія въ проэктѣ партіи, разорвать союзъ и дѣло о сооруженіи трансверсалки убить въ самомъ его зародышѣ. Миланъ выполнилъ это быстро. Къ оцѣнкѣ этого дѣла Милана нужно прибавить то, что балканская трансверсалка была бы особенно важна для Сербіи, пограничный городъ которой Нишъ сталъ бы узломъ

[1]) Писано еще при жизни экс-короля Милана. *Перев.*

желѣзнодорожнаго сообщенія на Царьградъ, Солунь и Скадеръ. Объ этомъ заманчивомъ проэктѣ едва-ли хотя бы одинъ сербъ могъ отозваться неблагосклонно.

Вся длина Черноморско-Ядерской дороги составила бы 645 километровъ — именно: турецкая линія (св. Никола на устьѣ Бояны— противъ итальянскаго порта Бриндизи—около Скадра чрезъ Призрѣнь и Приштину на Преполацъ до сербской границы) 290 километр., сербская линія (Преполацъ, Куршумлье, Прокуплье, Княжевацъ, Зайечаръ, Неготинъ-Дунай) 265 километр., румынская линія 90 килом., такимъ образомъ на такое же разстояніе, какъ Подмокли чрезъ Прагу, Брно, Моравское поле до Остригома. Крайними пунктами, которыя были бы приведены въ сообщеніе такимъ желѣзнодорожнымъ соединеніемъ, были бы Одесса и Бриндизи. Моремъ изъ Одессы чрезъ Царьградъ около Греціи до Бриндизи 2100 километровъ, а до св. Николы на Боянѣ 1920 километровъ. Такое разстояніе быстроходнымъ пароходомъ можетъ быть пройдено въ 108 часовъ, или въ $4^1/_2$ дня. А по желѣзной дорогѣ, если разстояніе между Одессою и св. Николою на Боянѣ считать въ 1300 километр., могло бы быть совершено не болѣе, какъ въ 38 часовъ, т. е. въ $1^1/_2$ сутокъ. Непрерывное движеніе сухимъ путемъ, въ сравненіи съ морскимъ, выиграло бы такимъ образомъ цѣлые 3 дня.

А все-же, Богъ знаетъ, почему Австро-Венгрія думаетъ, что сооруженіемъ балканской трансверсалки была бы засажена ей «рана въ самое сердце».—Конечно, Австро-Венгрія полагаетъ, что трансверсалка повредила бы міровой — разумѣю средне-европейской — торговлѣ на Балканѣ! Но изъ сказаннаго нами довольно ясно освѣщается то, что излишнія опасенія здѣсь совершенно несправедливы. Совершенно наоборотъ высматривали бы тогда вещи! Трансверсалка усилила бы хозяйственный корень балканскаго обывательства, а это послужило бы для большаго успѣха и торговли средне-европейской. Все, что имѣетъ міровое значеніе, не можетъ быть односторонне—племеннымъ и служить только эгоизму жаждущихъ господства народностей. Это доказывается и до—нынѣшнею торговлею на Балканѣ. Только трансверсалкою Балканъ былъ бы открытъ истинно—міровой торговлѣ, потому что она привела бы на Балканы не только русскихъ, но также итальянцевъ и французовъ, которые бы ѣздили въ Скадръ и въ черногорскій Баръ покупать балканское сырье и привозить туда свои колоніальные товары. Австро-Венгрія при этомъ не потеряла бы рѣшительно ничего, потому что привозъ предметовъ обработывающей промышленности, предвосхищенный со времени оккупаціи англичанами, остался бы въ ея рукахъ. Ежегодный привозъ изъ Австро-Венгріи въ оккупованныя земли=5 милл. злат., а вывозъ только на 2,2 милл. при чемъ $^1/_2$ милл. приходится за бочарныя доски изъ государственныхъ лѣсовъ. Сравненіе этихъ чиселъ ясно показываетъ, что оккупація

только пользовалась оккупованными землями и вовсе не имѣла въ виду завести равновѣсія между привозомъ и вывозомъ. Нынѣшній торговый балансъ совсѣмъ невыгоденъ для оккупованнаго обывательства.

Печально, что Австро-Венгрія послѣ 20-лѣтней опытности не сумѣла на Балканѣ уладить своихъ интересовъ и выгодъ съ интересами и выгодами тамошняго обывательства. Когда узнали, что проэктъ балканской трансверсалки не благословилъ возвратившійся тогда въ Сербію Миланъ, въ Асвтро-Венгріи не сумѣли отвѣтить иначе, какъ только собственнымъ проэктомъ узкоколейной дороги съ стратегическими цѣлями: Габела-Требинь Гружъ (Дубровникъ)—Бока Которска. На сооруженіе этой дороги, нанесшей окончательно смертельную рану приморской далматской торговлѣ, сдѣланъ заемъ въ 11 милліоновъ злат., между тѣмъ эта дорога не можетъ имѣть никакого другого значенія, какъ только доказательство непріятельскихъ отношеній къ малой и хозяйственно-слабой Черногоріи.

VI.

Бой противъ имени сербъ и кириллицы.

Въ половинѣ 7 часа мы переправились чрезъ р. Требинчицу Арслан-агичовымъ мостомъ и очутились въ Требини. Арслан-агичовъ мостъ-соперникъ достопамятнаго мостарскаго моста. Онъ виситъ дугою надъ рѣкою, текущею въ глубокой пропасти. Длиною мостъ 92 метра, а шириною 3 метра; онъ подпертъ двумя большими срединными сводами и двумя меньшими по краямъ. Кромѣ того есть еще нѣсколько меньшихъ сводовъ подъ мостомъ на томъ и другомъ берегу рѣки. Какъ указываетъ названіе моста, его соорудилъ Арслан-агичъ, имя котораго увѣковѣчено этимъ памятникомъ. Арслан-агичи были могущественнымъ магометанскимъ родомъ въ Герцеговинѣ. Какъ извѣстно, послѣдователямъ Пророка Коранъ вмѣнилъ въ обязанность сооружать такія постройки, которыя бы служили для общественной пользы. Богоугоднымъ дѣломъ по Корану—выстроить молитвенный домъ, но еще богоугоднѣйшимъ — заботиться о благѣ ближняго. Чрезъ рѣки ставь мосты и перекладины для ближняго; пробивай дороги, чтобъ облегчить ему путь; при дорогахъ выкапывай колодцы, чтобъ усталый путникъ могъ освѣжиться холодною водою; найдешь свободное мѣсто — посади на немъ дерево, чтобъ путникъ и иной твой ближній, проходящій тутъ, имѣлъ мѣсто отдыха и пищу. Это прекрасное наставленіе о способахъ проявленія дѣятельной любви къ ближнему свидѣтельствуетъ о томъ, что Магометъ своихъ послѣдователей приготовлялъ не къ одной только войнѣ, но также и къ дѣламъ мира. Къ прискорбію, въ исторической жизни магометанскаго міра война пересилила дѣла мира и сильно воспрепятствовала этимъ культурнымъ началамъ поддержать свою энергію и вліяніе внѣ предѣловъ арабской народности. Тѣмъ не менѣе нужно констатировать тотъ фактъ, что и среди сербскихъ магометанъ всегда бывали такія личности, которыя оставались послушными наставленіямъ Магомета и сооружали постройки, служившія благу каждаго

безъ различія вѣроисповѣданія. Особенно характерно то обстоятельство, что магометане, вознамѣрившись сдѣлать что-нибудь для общественнаго блага, не скупятся средствами, между тѣмъ какъ въ своемъ семейномъ быту они живутъ очень скромно, а въ домашней обстановкѣ своихъ жилищъ не имѣютъ даже слѣда ни искусства, ни дороговизны.

Въ этомъ случаѣ они совершенно сходятся съ своими земляками—православными сербами.

За мостомъ раскинута новая часть Требини. Вы видите предъ собою высокіе, бѣлые, правильно расположенные дома съ высокими дверями и окнами. Видите широкую, вымощеную улицу съ тротуарами по краямъ ея. На домахъ висятъ дощечки съ надписями, на которыхъ всюду бьетъ въ глаза нѣмчина. Васъ поразитъ то обстоятельство, что слишкомъ мало надписей, писанныхъ кириллицею. Если гдѣ онѣ и есть, то всегда уступаютъ первое мѣсто нѣмчинѣ. Кромѣ нѣкоторыхъ надписей урядовъ нигдѣ не найдете такой сербской по языку надписи, которая бы была написана кириллицею и латинкою вмѣстѣ. Поэтому тотчасъ же вы догадаетесь, что уже вступили въ область борьбы этихъ двухъ письменъ. И дѣйствительно такъ.

Такъ какъ мнѣ было уже извѣстно, что сербская православная часть населенія въ оккупованныхъ земляхъ болѣе другихъ нуждается въ опорѣ, то я велѣлъ провести меня въ сербскій готель, хозяинъ котораго былъ бы православнымъ. Мои узлы были принесены въ чистую, простую комнату. Каждый привѣтствовалъ меня, или обращался съ рѣчью, по-нѣмецки. Я еще не успѣлъ снять и шляпы, какъ въ комнатку уже вошла молоденькая дѣвушка, лѣтъ 16 или 17, съ раскрытою книгою въ одной рукѣ для записи пріѣзжающихъ и съ письменнымъ приборомъ въ другой. Нужно прибавить что вышесказанное о кельнерицахъ совсѣмъ не относилось къ этой дѣвицѣ,—хотя уже самое появленіе женской прислуги въ гостинницахъ составляетъ здѣсь швабское нововведеніе, потому что до оккупаціи здѣсь, какъ и всюду на Востокѣ, всѣ обязанности прислуги отправляли мужчины. Съ оккупаціею же въ готеляхъ заведена женская прислуга и православный содержатель требинскаго готеля принужденъ былъ не отставать отъ духа времени. Одну изъ своихъ прислугъ, которая еще недавно пасла козъ на герцоговинскихъ лугахъ, онъ повысилъ въ званіе горничной, или «собарицы»; вмѣстѣ съ тѣмъ ея обязанностію стало привѣтствовать гостей и подавать имъ книгу для записи останавливающихся въ гостинницѣ. Молоденькая герцеговинка уже была одѣта не въ народное платье; но въ ея костюмѣ не было ничего и такого, что могло бы поражать обезьянствомъ. Высматривала робко, дрожала всѣмъ тѣломъ, привѣтствовала по-нѣмецки, а книгу и каламаришъ положила на столъ, и выжидала, чтобъ я, все оставивъ на себѣ, какъ было, тотчасъ же записался въ книгу.

— «Еси-ли ти герцеговка, о дѣвойко?» спрашиваю.

«Есамъ», едва слышно отвѣтила она.

— «Знашь-ли швабски?»

«Не знамъ».

— «А знаешь-ли, продолжаю, что строго запрещено говорить по-нѣмецки тому, кто не умѣетъ?»

Дѣвица не поняла моихъ словъ, ничего не сказала, и затаила дыханіе.

— «Принеси свѣжей воды».

«Не смѣю».

— «Какъ? Не смѣешь воды принести? Зачѣмъ же тебя держатъ здѣсь?»

«Пока не запишетесь въ книгу, даже воды не смѣю принести вамъ».

— «И, Боже мой, какая ты строгая, удивительно!»

Дѣвица не усмѣхнулась, даже бровью не повела; стояла, какъ вкопанная въ землю. Я взялъ книгу, переворотилъ нѣсколько страницъ. Печатныя рубрики означены сначала по-нѣмецки, а потомъ и по-сербски, тѣмъ и другимъ письмомъ (кириллицею и латинкою). Но никто не былъ записанъ въ книгу кириллицею. Я сдѣлалъ начало этому. Дѣвица смотрѣла на мою руку и, когда увидѣла, что́ я дѣлаю, подскочила ко мнѣ и обѣими руками схватилась за мою правую руку такъ, что она не могла и пошнуться.

«Не майте, за бога!» робко просила она.

— «Теперь сама ты должна убѣдиться въ томъ, на сколько ты—странна. Не знаешь сама, чего хочешь. Сначала просила, чтобъ я скорѣе расписался, а теперь запрещаешь писать».

«Распишитесь, распишитесь, только другимъ письмомъ!»

— «Какимъ?»

«Другимъ, швабскимъ,—только не нашимъ, сербскимъ!»

— «А что будетъ, если я все-же распишусь сербскимъ письмомъ? Спросилъ я и написалъ въ книгѣ все, что требовалось рубриками, по-сербски и кириллицею».

«Будешь имѣть непріятности».

— «Умѣешь читать, дѣвойко; не правда-ли? Умѣешь читать печатное и писанное?»

«Умѣю».

— «Тогда посмотри въ эту книгу, надъ которой ты дрожала. Здѣсь, въ рубрикахъ книги находятся слова, напечатанныя не только по-швабски, а также и по-сербски. Отъ кого эта книга? Отъ начальства. Это означаетъ строгое приказаніе, чтобы каждый сербъ расписывался въ книгѣ по-сербски. А кто не расписывается такъ, тотъ противится волѣ начальства; онъ и будетъ имѣть непріятность, а не я. Я исполняю только то, что требуетъ урядъ».

«Дѣвица окончательно была сбита съ толку; не знала, почѐму такъ

и въ чёмъ дѣло. Признавала, что на самомъ дѣлѣ должно бы быть такъ, какъ я говорилъ; но въ дѣйствительности видѣла совсѣмъ иначе. Мнѣ не было нужды поучать ее въ этомъ отношеніи еще далѣе. Пусть позаботятся объ этомъ доморощцы, если сами будутъ сознавать свои права и проникнутся убѣжденіемъ въ томъ, что они не должны уступать и самого малаго изъ права народнаго, чтобы этимъ самымъ не лишиться своихъ великихъ правъ и не стать недостойности ихъ.

— «Принеси, дѣвойко, чернаго кофе, а я между тѣмъ умоюсь и одѣнусь».

«Не смѣю».

— «Ага, стало быть, нужно бы идти въ кофейню, а ты не можешь оставить дома. Ну, такъ пойди въ кухню и спроси, что̀ будетъ на ужинъ».

«Господаръ, я ворочусь домой ровно въ 9 часовъ и тогда вы прикажете, что̀ желаете имѣть на ужинъ. До 9 часовъ мы не можемъ ничего вамъ дать».

— «Не о томъ спрашиваю, женская голова, что̀ пожелаетъ имѣть на ужинъ твой хозяинъ. Я забочусь о себѣ; я хочу ужинать, понимаешь? Сбѣгай и спроси, что̀ будетъ на ужинъ?»

«Для гостей мы не смѣемъ ничего варить», наконецъ я получилъ объясненіе. «Мы можемъ дать гостю только ночлегъ, вычистить его одежду и обувь, и больше ничего не можетъ. Если бы вы и дукатъ предлагали за чашку кофе, кружку пива, или погаръ вина, мы не могли бы исполнить вашего желанія. Наша гостинница не имѣетъ на то разрѣшенія. Но безвозмездно, какъ своему гостю, я могу вамъ, господарь, зажарить хоть цѣлаго барана; но деньги могу взять съ васъ только за ночлегъ. Своихъ гостей, мы посылаемъ обѣдать къ Нагличеву».

Здѣсь вы уже имѣете нѣкоторое представленіе о томъ, какъ ограничены въ своихъ средствахъ къ жизни православные обыватели оккупованныхъ земель. Православный сербъ желаетъ приспособиться къ новому теченію жизни и имѣть свой новый заработокъ, какого онъ не зналъ до оккупаціи. Выстраиваетъ себѣ дорогой домъ и, когда домъ съ готелемъ при немъ уже совсѣмъ готовъ, онъ не получитъ патента на содержаніе гостинницы. Если же и получитъ патентъ, то тѣмъ самымъ уже повѣситъ надъ своею головою на тонкомъ волоскѣ тяжелый Дамокловъ мечъ. Онъ будетъ вѣчно дрожать предъ опасностью потерять патентъ и въ то время, какъ думаетъ, что уже вполнѣ обезпеченъ въ владѣніи патентомъ, а въ урядѣ числится на хорошемъ счету, вдругъ отнимаютъ у него патентъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ жизни.

Ужинать я отправился къ Нагличеву, какъ указала дѣвица. Это—очень приличная гостинница съ садикомъ и уже наполненная

дустойниками и урядниками. Со всѣхъ сторонъ слышался нѣмецкій разговоръ, но изрѣдка кое-гдѣ прорывались рѣчи и на другихъ языкахъ, обычныхъ въ Австріи и до сихъ поръ милостиво терпимыхъ. Такое отношеніе непривеллегированныхъ австро-венгерскихъ языковъ къ языку нѣмецкому замѣтно всюду, гдѣ только соберется общество, служащее опорою привиллигированному нѣмецкому языку—все равно: одѣто-ли оно въ униформы, или же въ свѣтское платье. Были слышны звуки и чешскаго языка.

Я еще и не сѣлъ къ столу, какъ уже кельнерица, въ чистомъ передникѣ и съ засученными рукавами, подавала мнѣ меню ужина. Едва ли нужно прибавлять, что она предлагала меню, написанное на нѣмецкомъ языкѣ.

— «Шта е то?» спрашиваю я и указываю, что этотъ листъ напрасно напечатали: онъ—не для меня, потому что я не понимаю его.

«Wie?» отвѣчала подобнымъ же вопросомъ и кельнерица. Но голосъ ея звучалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ голосъ той дѣвицы въ сербскомъ готелѣ: звучалъ смѣло, самоувѣренно, вызывающе, съ намѣренною насмѣшкою въ тонѣ. Можетъ быть, прежде она служила гдѣ-нибудь въ Таборѣ, или въ Чаславѣ, только видно было, что мой вопросъ не могъ ее изумить. Но, казалось, ее изумлялъ не самый вопросъ, но лишь то, что она услышала его здѣсь, на югѣ Герцеговины, среди стольких вѣрныхъ стражей старо-австрійскихъ нравовъ.

«Дойдете ми про господаре», просилъ я.

Подошелъ полный господинъ съ большою, черною, значительно посѣдѣвшею бородою.

— «Вы—господинъ Нагличъ? Прошу васъ присѣсть и потрудиться перевести мнѣ это нѣмецкое меню на сербскій языкъ. Я не понимаю по-нѣмецки».

«На сербскій языкъ?» спрашивалъ удивленно господинъ Нагличъ, и звучный басъ его энергично разливался по всему садику. «Я не знаю этого языка, никогда не слыхалъ даже, чтобы и существовалъ такой языкъ. Если вы не желаете нѣмецкаго, то могу послужить вамъ на хорватскомъ или чешскомъ языкѣ, но по-сербски я не умѣю».

Эти слова онъ говорилъ по-сербски. Было уже нетрудно догадаться, что я имѣю передъ собою одного изъ мелкихъ піонеровъ велико-хорватской идеи на границахъ черногорскихъ. Я уже видѣлъ, что предо мною стоитъ мужъ, который знаетъ, чего хочетъ, и котораго нельзя поучать, но можно съ нимъ только полемизировать. Прежде, чѣмъ я успѣлъ отозваться, какъ уже былъ окруженъ тремя земляками, которые оказались въ садикѣ. Сцена получила совсѣмъ другой видъ. Господ. Нагличъ присѣлъ и дѣлалъ переводъ на чешскій. Но онъ не перевелъ, а лишь облегчилъ свою работу, заявилъ о томъ, что сегодня на его кухнѣ приготовлены всѣ самыя лучшія кушанья и что онъ можетъ рекомендовать ихъ мнѣ съ со-

вершенно чистою совѣстью. По-чешски онъ умѣлъ довольно хорошо и было замѣтно, что прежде, когда имѣлъ случаи чаще говорить по-чешски, онъ еще лучше владѣлъ чешскою рѣчью. Въ Требини же онъ не имѣлъ такихъ случаевъ, потому что здѣсь чешскій языкъ вышелъ изъ употребленія. Очень интересно то обстоятельство, что г-нъ Нагличъ научился говорить по-чешски въ Врхлаби, гдѣ три года сему назадъ служилъ въ военной службѣ.

Однако, на основаніи всего высказаннаго здѣсь, пожалуйста, не извольте относиться къ путешественнику, какъ къ искателю приключеній. Въ цѣломъ это путешествіе состоитъ изъ очень непріятныхъ эпизодовъ, какихъ каждый, завернувшій въ оккупованныя земли, можетъ встрѣтить, сколько угодно. Все-же эти эпизоды именно тѣмъ, что онѣ—такъ непріятны, прекрасно характеризуютъ народный и политическій бой, тѣ тенденціи и стремленія оккупачниковъ, которыми распоряжается и руководитъ правительство. Господ. Нагличъ, въ угоду сараевскому правительству, во время пребыванія въ оккупованныхъ земляхъ совершенно забылъ о томъ, что среди многихъ народовъ Богъ сотворилъ также и народъ, называющій себя сербами, а въ тѣхъ земляхъ, которыя Австрія оккуповала въ 1878 г., онъ уже полторы тысячи лѣтъ живетъ, какъ абориrенъ. Правительство распорядилось изъять самое слово «сербскій» и наградить названіемъ «боснійскій». Но, скажите ради Бога, что же это за боснійскій языкъ въ Герцеговинѣ? По крайней мѣрѣ, было бы еще логично, еслибъ правительство распорядилось здѣсь называть вмѣсто «сербскій» герцеговинскимъ, а въ санджакѣ новопазарскомъ—«новопазарскимъ». Если бы исполнилось горячее желаніе господ. Каллая и еслибы это благо распространилось бы и на Далмацію такъ, чтобъ и она вошла въ составъ земель, управляемыхъ Каллаемъ, тогда и тамъ по чиновническому могуществу долженъ былъ бы явиться языкъ далматскій, какого тамъ на самомъ дѣлѣ никогда не было, какъ нѣтъ и особеннаго языка герцеговинскаго и боснійскаго. А если бы Австрія постоянно пріобрѣтала на Балканѣ все болѣе и болѣе почвы, если бы, скажемъ, подчинила и Черную Гору, то она должна бы и тамъ провозгласить языкъ черногорскій, а въ старой Сербіи—языкъ старосербскій. Сообразно съ этимъ, если бы далѣе обывательство всѣхъ этихъ земель послушалось австрійскаго правительства, а его декреты даже до шовинизма проникли бы въ его кровь,—какое бы смѣтеніе настало тогда? Оно не только разбило бы обывательство на враждующія партіи, но остановило бы и весь правительственный строй жизни. Это—одна изъ самыхъ несчастныхъ идей, которыми такъ прославилось боснійское правительство, постановившее и самое слово «сербскій» изъять изъ употребленія. Эта идея столь же несчастна, какъ и неестественна. На нее, должно быть, натолкнула боснійское правительство Турція, которая въ одномъ изъ прежнихъ своихъ вла-

дѣній, желая убить въ своихъ народахъ историческое воспоминаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрепятствовать воскресавшему народному самосознанію, раздѣлила ихъ на вилайеты, получившія свои названія по именамъ резиденцій пашей—губернаторовъ. Такая политика—противна природѣ, грѣхъ противъ св. Духа и можетъ привести ни къ чему другому, какъ къ совершенно противуположному тому, чего желаетъ правительство.

Боснійское правительство съ большимъ удовольствіемъ содѣйствуетъ своимъ хвалоречникамъ распространять о себѣ славу, будто оно стоитъ на высшей ступени своего призванія, сдѣлало успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ, а въ отношеніи административномъ оно—верхъ совершенства, — словомъ будто боснійское правительство — самое модерное и образцовое изъ всѣхъ правительствъ міра. Но для того, чтобы эти распространяемыя хвалы о немъ соотвѣтствовали дѣйствительности, не достаетъ очень многого. Модерное и просвѣщенное правительство непремѣнно будетъ считаться съ прирожденными условіями обывательства, на нихъ именно будетъ строить, ихъ обращать къ своимъ особеннымъ цѣлямъ; при чемъ главными цѣлями такого правительства всегда составитъ духовное и хозяйственное развитіе народа, переданнаго его попеченію и управленію. Между тѣмъ такое правительство, которое полагаетъ свое дѣло въ извращеніи и отнятіи всего даннаго и прирожденнаго землѣ и обывательству, столь же безразсудно ведетъ свое дѣло правленія, какъ и строитель желѣзной дороги, нисколько не обращающій вниманія на почву, но видящій свою славу въ томъ, что встрѣтивъ горы, сталъ бы превращать ихъ въ долины, а встрѣтивъ долины, обращать ихъ въ горы, самымъ рѣкамъ сталъ бы давать другое направленіе ихъ теченію и старался устроить ихъ такъ, чтобы рѣка текла не сверху внизъ, но снизу вверхъ и т. д. Чѣмъ болѣе таланта, искусства и энергіи употребилъ бы при этомъ такой строитель желѣзной дороги, тѣмъ болѣе печальными оказались бы послѣдствія его работы.

Тотъ фактъ, что въ оккупованныхъ земляхъ обитаетъ сербскій народъ и что сербы, выросшіе въ твердыхъ традиціяхъ, какъ религіозныхъ, такъ и народныхъ, принесшіе за нихъ тысячи жертвъ и закаленные въ бояхъ за нихъ, какъ булатъ, составляютъ первый и главный элементъ Босніи и Герцеговины,—этотъ фактъ невозможно ничѣмъ вознаградить, даже если мы и допустимъ, что католическая часть сербскаго населенія имѣетъ любовь къ иному народному имени (хорватъ) и называетъ себя этимъ именемъ, а народонаселеніе магометанское до сихъ поръ проникнуто однимъ только религіознымъ сознаніемъ, а народное сознаніе его находится еще въ пеленкахъ. И вотъ у такихъ-то сербовъ сараевское правительство и хочетъ отнять ихъ народное имя! Это усиліе правительства совершенно напрасно и не можетъ имѣть успѣха уже потому, что у сербовъ съ ихъ народ-

ностью неразлучно срослась ихъ вѣра, которая также называется сербскою. Еслибъ правительству и удалось принудить обывательство къ тому, чтобъ оно начало называть свой языкъ боснійскимъ, то все-же имя сербъ неизмѣнно означало бы православнаго и такимъ образомъ сербы оккупованныхъ земель остались бы тѣмъ же сильнымъ дѣятелемъ, какимъ они являются и теперь.

Совсѣмъ другихъ послѣдствій достигло бы правительство въ томъ случаѣ, если бы въ вопросѣ объ языкахъ безъ заднихъ мыслей у всѣхъ сербовъ—по всей чертѣ своего владѣнія, какъ у магометанъ, такъ и у католиковъ—санкціонировало наименованіе языка сербскимъ. Боснійско-герцеговинскіе магометане никогда не забывали о томъ, что они происходятъ отъ православныхъ сербовъ и говорятъ на ихъ языкѣ. Католики пристали бы къ нимъ уже потому, что составляютъ меньшинство населенія и, кромѣ своего количественнаго меньшинства, также и качественными способностями они не могутъ стать главнымъ элементомъ въ землѣ. Политика, превращающая отношенія вверхъ ногами и высматривающая себѣ опоры въ меньшинствѣ, а большинство, на которомъ должна бы была сооружать благо народа, поставляющая въ оппозиціонное отношеніе къ себѣ, уже давно практикуется въ австро венгерской державѣ, однако никогда не была хорошею.

Вѣрное старо-австрійскому духу, но невѣрное самому себѣ, боснійское правительство не имѣетъ ничего противъ того, чтобы въ оккупованныхъ земляхъ имя «хорватъ» выступало войною противъ имени «сербъ». Если бы оно было послѣдовательнымъ, то должно бы принуждать тѣхъ, которые присягаютъ хорватству, признавать свой языкъ боснійскимъ. Между «хорватами» и «сербами» большое неравенство. хорвату позволено дѣлать пропаганду своему языку не только въ оккупованныхъ, но и въ неоккупованныхъ сербскихъ земляхъ. Даже само правительство заботится о томъ, что бы «сербъ» никогда не оставался безъ своей тѣни «хорвата». Тамъ, гдѣ возникнетъ «сербская» школа, типографія, журналъ, непремѣнно вскорѣ же по почину, или же только по вліянію правительства, сооружаются и соотвѣтствующія учрежденія съ означеніемъ того, что онѣ—«хорватскія».

Для боснійскаго правительства хорватъ и сербъ одинаково непріятны; но только изъ видовъ политическихъ, временно и повидимому только,. оно отдаетъ преимущество хорвату. Просто на—просто оно желаетъ черта выгнать дьяволомъ; идеаломъ же боснійскаго правительства служитъ такое состояніе, когда не будетъ ни черта, ни дьявола, когда одинъ уничтожитъ другого и надъ ихъ трупами оно развернетъ свои ангельскія крылья. Не говоримъ о какомъ-либо физическомъ потребленіи, объ этнографическомъ уничтоженіи, но лишь о нравственномъ охромленіи, о томъ, что оккупованные,—пусть держатся своего имени «сербъ», или отдаютъ преимущество

имени «хорватъ» — могутъ оказаться сброшенными, въ особенности если сами будутъ домогаться того, съ высоты своихъ гордыхъ сновъ о своемъ минувшемъ и будущемъ величіи и подвергнуться тому давленію, которое очень удобно въ отношеніи къ уплатѣ дани и поставленію рекрутовъ, но при которомъ не можетъ быть и тѣни своей самостоятельной жизни и еще менѣе собственнаго политическаго творчества.

Бой имени «хорватъ» противъ имени «сербъ» отзывается на славянинѣ въ высшей степени печально, столь же печально, сколь комически онъ отзывается на не-славянинѣ, знающемъ, въ чемъ здѣсь — дѣло. Одинъ и тотъ же народъ раздвоенъ съ тѣмъ, чтобъ самъ себѣ сдѣлалъ «шахъ», чтобы самъ уменьшилъ свои собственныя силы. Ничего другого здѣсь нѣтъ, какъ только простая фикція. Представьте себѣ хорошенько это дѣло. Воодушевленные именемъ хорватъ, какъ напр. пресловутый Киселякъ, совершавшій дальныя и трудныя путешествія по свѣту съ тѣмъ, чтобъ только написать свое прекрасное имя всюду, куда еще не ступала нога ни одного Киселяка, заносятъ это имя «хорватъ» въ края и города, въ которыхъ до временъ оккупаціи вовсе и не слыхали этого имени и дѣлаютъ это съ ревностью почти фанатическою, какъ будто бы они имѣли въ виду какую-нибудь великую, міровую идею. Австрійскому правительству не разъ предлагали поднять подобный же бой за одно только имя въ народѣ чехославянскомъ. Учили моравановъ ненавидѣть и не употреблять имени «чеха». Когда же это не удавалось, прикрывались славянскою мыслію и распространяли въ Моравіи имя «славянинъ», чтобъ только выгнать этимъ имя «чехъ». Но между тѣмъ какъ въ нашемъ народѣ этотъ глуповатый маневръ не удался, въ оккупованныхъ земляхъ онъ творитъ чудеса. Но все-же недалеко то время, когда само правительство, сотворившее эти чудеса, будетъ сожалѣть о томъ, что не обратило своего остроумія и посредничества къ чему-либо болѣе полезному.

Если бы боснійское правительство провело послѣдовательно замѣну народнаго имени областнымъ, то оно само же и очень скоро принуждено было бы снова соединить то, что разъединило. Дѣствительную потребность такого объединенія правительство уже почувствовало,—это очевидно изъ того, какъ оно обходится съ сербскимъ языкомъ въ своихъ публикаціяхъ — напр. въ большой иллюстрированной газетѣ «Nada» и въ «Hlàvni vysledky popisu obyvatelstva». Анта Старчевичъ, апостолъ ненависти къ всему сербскому, почувствовалъ нужду въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ пользоваться провинціализмами, всевозможными странностями и особенностями, чтобы его языкъ какъ можно болѣе отличался отъ сербскаго. Между тѣмъ самая уже публикація этихъ сочиненій, изданныхъ латинкою и кириллицею, даетъ наилучшее доказательство тому, что въ Босніи и

Герцеговинѣ есть только одинъ славянскій языкъ. Это открывается въ каждомъ словѣ, въ начертаніи каждаго слова. Ни въ чемъ нѣтъ отступленія, исключенія, особенности, все—одинаково до волоска. И языкъ этотъ есть именно сербскій, хотя бы кто-либо и усиливался дать ему еще другое какое-либо наименованіе.

А все-же и въ томъ фактѣ, что правительство было вынуждено подтвердить практически единство сербскаго языка въ оккупованныхъ земляхъ, можно видѣть его намѣреніе отодвинуть сербовъ назадъ, потому что при этомъ отнято значеніе у кирилльскаго письма. Въ то время, какъ Австрія входила въ Боснію и Герцеговину, она еще не имѣла этого намѣренія. Кирилльскому письму она отдавала первое мѣсто, латинскому третье и турецкому второе мѣсто, сообразно съ числовымъ отношеніемъ населенія православнаго, католическаго и магометанскаго. Тутъ было законное основаніе. Отступивши же отъ него, само правительство замѣтило то злосчастное смятеніе, изъ котораго не могло произойти ничего хорошаго. Но это смятеніе устроено намѣренно, такъ что оно вошло и въ правительственные органы. Изъ нихъ «Bosnjak» говоритъ по-сербски, а пишетъ латинкою, также и «Bosanska pošta». «Сараевскій Лист» уже употребляетъ, оба письма, но предпочтеніе отдаетъ латинкѣ. «Nada» выходитъ кириллицею и латинкою. Первыя двѣ газеты совершенно попираютъ кириллицу, другіе же двѣ признаютъ ее, но каждая своимъ способомъ. Въ упомянутой правительственной публикаціи «Hlàvni vysledky popisu obyvatelstva» кириллицу находимъ на послѣднемъ мѣстѣ; на второмъ мѣстѣ — латинку, а на первомъ — швабахъ. Здѣсь правительство, какъ кажется, уже подоспѣло туда, куда хотѣло придти. Оба лагеря сербскаго народа должны бы это хорошо понимать! Басня о львѣ разыгралась здѣсь въ самой жизни сербскаго народа. Звѣри не могли полюбовно раздѣлить скромную добычу; тогда левъ разрѣшилъ споръ тѣмъ, что всю добычу присвоилъ себѣ.

Бой между латинкою и кириллицею въ аккупованныхъ земляхъ, равно какъ и въ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи, ведется не исключительно за одну азбуку. Уже въ минувшемъ столѣтіи онъ пріобрѣлъ значеніе подкопа подъ одинъ изъ столповъ, подпирающихъ сербскую народность въ Австріи. Этотъ бой раскрылъ Юрій Мужицкій въ своей статьѣ «Судбине кирилски писмена у аустриској држави (см. Гласник друштва србске словесности, 1847). Особенно жестоко была преслѣдована кириллица въ царствованіи Маріи Терезіи, хотя уже и передъ нею усиливались отучить сербовъ отъ кириллицы. На всѣ стороны издавались распоряженія противъ кириллицы. Сербамъ твердили, что кириллица свойственна только церковнымъ книгамъ. Іосифъ II толерантнымъ патентомъ сдѣлалъ и православныхъ равноправными. Тогда враги кириллицы условились работать противъ нея

«самыми культурными средствами и тайно, дѣломъ и словомъ». По ихъ инициативѣ въ 1781 г. было постановлено угорскою канцеляріею, именемъ государя, потребовать отъ завѣдывавшаго сербскою митрополіею въ Карловцахъ, Моvсея Путникова, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ препятствій введенію латинки въ сербскія школы. Но народъ упорно противился этому нововведенію. Городъ Вуковаръ прежде всѣхъ заявилъ правительству, что ни за какую цѣну онъ не приметъ латииики. Предвидя, какая опасность грозитъ отъ этого нововведенія для сербской народности и церкви, преосвященный Моvсей 26 нояб. 1781 г. подалъ отъ имени духовенства и народа просьбу государю о томъ, чтобы кириллица не была сокращаема въ своемъ правѣ. Затѣмъ 13 дек. 1781 г. было повторено правительственное распоряженіе о введеніи латинскаго письма съ прибавленіемъ, что отъ этого распоряженія не будетъ нималѣйшаго отступленія — вособенности потому, что на то есть наивысшая государева воля, требующая, чтобы всѣ школьныя книги, исключая словарей и катихизисовъ, были одинаковыми. Краевымъ директорамъ было поручено слѣдить за исполненіемъ этого распоряженія; преосвященному же архіепископу Путникову отдѣльно было приказано помочь этому нововведенію. Сербы продолжали противиться латинкѣ, вслѣдствіе чего въ 1784 г. Моvсею Путникову былъ данъ ультиматумъ, имѣвшій смыслъ прежнихъ распоряженій. Наиболѣе строгое приказаніе было дано завѣдующимъ сербскими школами, чтобы они вели учебное дѣло сообразно съ этимъ правительств. распоряженіемъ.

«Общій страхъ объялъ нынѣ народъ», говоритъ І. Мужицкій, «начался ропотъ изъ опасенія того, какъ бы не вышло отсюда неблагопріятныхъ послѣдствій и для самого православнаго исповѣданія». Преосв. Арсеній, на распоряженіе завѣдующаго сербскими народными школами Степ. Вуяновскаго и въ согласіи со всѣми владыками, собравшимися въ то время въ Карловцахъ, отъ имени духовенства и народа послалъ Государю обширное посланіе о важности кирилловскаго письма не только для сербовъ, но и для всѣхъ славянъ. Подобный же докладъ онъ послалъ графу Кауницову и воинскому управленію, требуя полной свободы кирилльскому письму. Іосифъ II передалъ это дѣло придворной школьной коммиссіи, которая разсуждала о томъ 26 янв. 1785 г. и постановила, что не можетъ согласиться съ внезапнымъ искорененіемъ кирилльскаго письма, потому что государство должно было бы вознаградить 40,442 златыми типографію Курцбека, которому коммиссія заказала напечатать кирилльскимъ письмомъ школьныя книги, и что небезопасно возбуждать въ сербскомъ народѣ опасеніе за то, что эта перемѣна письма можетъ накликать будущую перемѣну и его вѣроисповѣданіи. Вслѣдствіе этихъ доводовъ распоряженіе правительства о введеніи латинскаго письма было отсрочено на неопредѣленное время.

Но дѣйствительною причиною этой отсрочки было то обстоятель-

ство, что государство нуждалось въ сербахъ для войны съ турками. Когда-де окончится война, сербы будутъ повырѣзаны, а государство не будетъ въ нихъ больше нуждаться, тогда и наступитъ-де удобная пора къ повторенію правительственной попытки отнять кириллицу.

Нѣтъ нужды продолжать исторической справки о боѣ правительства противъ кириллицы, который продолжается также и въ Галиціи, гдѣ кириллицею пользуются русскіе. Вполнѣ достаточно сказать о томъ только, что этотъ бой никогда не потухалъ и продолжается до сихъ поръ. Если правитсльство временами закрывало свои глаза на кириллицу, то всюду принуждали его къ этому тѣ же политическія соображенія, изъ-за которыхъ оно и раньше не хотѣло раздражать сербовъ. Но лишь только эти соображенія не имѣли значенія, правительство снова обращало вниманіе на кириллицу и сербовъ. Изъ этого факта слѣдуетъ то, что правительство этому бою латинки съ кириллицею придаетъ большое значеніе и что въ его глазахъ здѣсь идетъ рѣчь о большемъ, несравненно большемъ, дѣлѣ, чѣмъ о боѣ между двумя азбуками въ одномъ и томъ же языкѣ.

Послѣ выясненія отношеній между хорватами и уграми, миссію изгнать кириллицу приняли на себя хорваты. Очень интересно будетъ освѣдомиться когда-нибудь о всѣхъ доводахъ этой ошибочной и непохвальной миссіи, изъ которой сами хорваты не могутъ предвидѣть для себя никакой пользы. Когда въ 1873 г. хорватскимъ баномъ сталъ Иванъ Мажураничъ, началось великое преслѣдованіе кириллицы, сербскихъ знаменъ и сербскаго имени, которое не могло быть даже и произносимымъ въ загребскомъ сеймѣ. На того же, кто осмѣлился произнести это имя, съ правительственныхъ креселъ кричали: «Предатель!» Всѣ восторженные хорваты распѣвали пѣснь о пріобрѣтеніи Босніи и Герцеговины, этихъ земель сербской народности, въ которыхъ кириллица всегда была всеобщимъ письмомъ. Съ давнихъ поръ писали кириллицею также и магометане и называли ее «босанчица».

Полагаю, изъ сказаннаго уже ясно то, какимъ оброзомъ бой противъ кириллицы *долженъ* былъ перенестись со времени аккупаціи и въ Боснію съ Герцеговиной и что уже напередъ все было подготовлено къ тому, чтобы въ аккупованныхъ земляхъ была проведена староавстрійская политика, которая всегда и всюду меньшинствомъ обуздывала большинство.

Можно только удивляться тому обстоятельству, что хорваты столь сильно воодушевлены совершенно чуждою для нихъ миссіею, которая не можетъ принести имъ никакой пользы; она полезна только тому, кто поручилъ имъ эту миссію и пользуется хорватами, какъ орудіемъ. Хорваты оттерли православныхъ сербовъ на послѣднее мѣсто, но сами не заняли ихъ перваго мѣста, которое обезпечила себѣ нѣмчина. Если бы осуществилась мечта «красныхъ» хорватовъ, которые нынѣ ве-

дутъ подкопную работу подъ самыми стѣнами Черногоріи; еслибы дѣйствительно было такъ, что весь славянскій народъ Балкана былъ не болгарскимъ и сербскимъ, но хорватскимъ и еслибы вовсе не существовало сербовъ, то и тогда эти „красные“ хорваты, изъ которыхъ каждый окруженъ десятью нѣмцами, обнаружили бы предательство только по отношенію къ своему хорватскому народу.

Бой противъ кириллицы въ оккупованныхъ земляхъ шелъ въ гору (прогрессировалъ) даже до конца 1897 года. Уряды уже и подъ дѣлами сербской православной церкви не подписывались кириллицею. Это стало вслѣдствіе указа правительства, даннаго сербскимъ церковнымъ властямъ весною 1898 г. Почтовое вѣдомство до того времени сплошь отказывалось принимать и пересылать газеты, на которыхъ адресъ былъ написанъ кириллицею. Правительственнымъ же указомъ это дѣло было разрѣшено такъ: простыя посылки съ кирилльскимъ адресомъ должны были приниматься и пересылаться, но посылки денежныя непремѣнно должны были означать посылаемую сумму латинскими буквами. За то на желѣзныхъ дорогахъ всюду царитъ латинка.

Таковы — правительственныя предписанія, которыхъ нынѣ рѣдкій чиновникъ придерживается. Притѣсненія, направленныя къ изъятію кирилльскаго письма, слышны постоянно. Если же временами утихаютъ, то каждый уже по пережитому опыту догадывается, что это затишье—только на время и кажущееся и считаетъ это признакомъ того, что правительство въ аккупованныхъ земляхъ предчувствуетъ что-то очень важное, при чемъ уже не требуется непрерывнаго огорченія сербскаго большинства.

VII.

Требинь.—Требиньскій табакъ.

Требинь всегда былъ очень оживленнымъ городомъ. Изстари проходила чрезъ него большая дорога изъ Дубровника въ Царьградъ Въ Дубровникѣ привозимые на лодкахъ и баркахъ товары перегружались на соумары т. е. на вьючный скотъ и караванами отправлялись далѣе, вглубь Балкана. За дубровницкою заставою, по направленію къ Требини, бывало, останавливались сотни соумаровъ — одни отправлялись, другіе возвращались. Въ Требини былъ первый конакъ т. е. ночлегъ. Такихъ конаковъ отъ Требини до Ниша насчитывалось 15, а до Царьграда - 30. Этою дорогою въ 1096 г. потянулись и крестоносцы. Она вела тогда землями «славонскою» и македонскою. Французскія посольства въ 14—16 вѣк., отправляясь въ Царьградъ, не знали туда другой дороги. Вслѣдствіе соединенія большою дорогою съ Дубровникомъ Требинь славился своимъ богатствомъ.

Столь важный по положенію и богатый торговый городъ, какъ Требинь, всегда стремился получить и политическое значеніе. Уже Константинъ Порфирородный упоминаетъ о Требини, какъ объ одной изъ сербскихъ жупъ. Латинскіе историки называютъ Требинь—Terbunii и Travunii. Требиньское княжество граничило на западѣ съ Дубровникомъ, на востокѣ съ Билечемъ и Пивою, а на югѣ съ Дуклою. Въ турецкій періодъ Требинь всегда считался вторымъ городомъ въ землѣ.

Также и самою природою Требинь богато одаренъ. Къ югу отъ него простирается прекрасная равнина, кругомъ закрытая голыми горами; по ней многими изгибами вьется рѣка Требинчица. Лежа невысоко надъ уровнемъ моря (300 метр.), требиньское поле имѣетъ такую же атмосферу, какъ и Далматское поморье. Южныя растенія, господствующія въ Поморьи, растутъ и здѣсь. Въ особенности же

требиньское поле прославилось своимъ табакомъ, который въ свою очередь лучше всего водится у манастыря Дужи.

Во время турецкаго владычества въ Требини господствовала могучая, богатая и воинственная магометанская шлехта. Передовыми требиньскими магометанскими родами были: Диздаревичи, Резульбеговичи, Арсланагичи, Омерпашичи и др. Султаны давали имъ различныя выгоды съ тѣмъ, чтобы они защищали герцеговинскую границу отъ черногорцевъ, съ которыми за-одно держало сельское населеніе, въ особенности же жившее при самой черногорской границѣ. Вслѣдствіе этого постоянно возникали здѣсь мелкія ополченія и «частныя» войны, или такъ сказать—безконечныя возстанія. Требиньскія окрестности до сихъ поръ усѣяны «кулами»—крѣпостями беговъ, которые отсюда объявляли войны, предпринимали походы и выдерживали въ нихъ осады. Нынѣ эти «кулы» разрушены. Гордые, кичливые беги сосредоточивались въ Требини, гдѣ они прозябали и тревожно ожидали своей дальнѣйшей судьбы. Юнацкія (геройскія) подвиги ихъ воспѣты въ безчисленныхъ народныхъ пѣсняхъ, для созданія которыхъ турецкая эпоха служила богатою почвою, какой уже нѣтъ у насъ при организаціи шаблоннаго труда, на который мы любуемся. По стариннымъ справкамъ число требиньскаго населенія простиралось до 3—4 тысячъ человѣкъ; но въ этомъ числѣ заключалось и окрестное обывательство. Въ 1885 г. Требинь безъ окрестностей имѣлъ всего 1013 обывателей (442 магомет., 269 православн., 296 католиковъ, 4 жид. и 2 иныхъ вѣроисповѣданій). Нынѣ же, по переписи 1895 г., въ немъ 2966 обывателей и въ томъ числѣ 1674 солдатъ. Всѣхъ домовъ въ Требини 438: 264 жилыхъ и 177 нежилыхъ. Изъ обывателей: 1188 домовладѣльцевъ, 393 переселенцевъ изъ Цислейтаніи, 102—изъ Транслейтаніи и 63 изъ чужихъ государствъ.

Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что прибыль домороднаго обывательства въ теченіи десятилѣтія 1885—1895 г. была весьма незначительною и не вяжется съ тою важною ролью этого города, какую онъ получилъ во время оккупаціи. Оккупація сдѣлала Требинь резиденціею цѣлаго ряда воинскихъ и гражданскихъ урядовъ, уставовъ (институтовъ) и заводовъ. Въ ней имѣются: таможня, податной урядъ, табачный складъ, бригадная команда, мѣстная команда, гарнизонный судъ и тюрьма, военнный лазаретъ, военный цейхгаузъ, саперное управленіе, воинская станція почтовыхъ голубей, общественная больница, окрестный политическій урядъ, судъ, почта, телеграфъ и т. д. Почти всѣ эти присутствія и учрежденія помѣщаются въ большихъ, новыхъ зданіяхъ, спеціально для нихъ сооруженныхъ. Они собраны въ западной части города, гдѣ—широкія и правильныя улицы и площади, какъ о томъ уже сказано. Среди этихъ зданій есть нѣсколько принадлежащихъ и частнымъ лицамъ. Дома съ меблированными комнатами, такъ какъ здѣсь много иноземнаго

(пришлаго) обывательства, приносятъ много дохода, равно какъ торговля и ремесла, поставленныя здѣсь на новыхъ, разумныхъ началахъ.

Все это на поверхностнаго паблюдателя, въ особенности же предубѣжденнаго противъ доморощевъ, можетъ произвести впечатлѣніе прекраснаго развитія здѣшней жизни. Очень возможно, что полный удивленія наблюдатель воскликнетъ: «Вотъ что сдѣлано здѣсь для прогресса! Все это сдѣлано въ австровенгерскую эру, во время оккупаціи!» Когда же начнемъ изслѣдовать (анализовать) этотъ прогрессъ то убѣдимся, что онъ—мнимый, потому что не составляетъ всеобщаго достоянія обывательства, и выходитъ не изъ его почина. Конечно, не можетъ быть и спора о томъ, что ни господ. окрестный начальникъ, ни господ. судья, ни господ. податной инспекторъ и т. д., хотя бы они были и очень способными и совершенными господами, однимъ своимъ присутствіемъ далеко еще не составляютъ дѣйствительнаго прогресса жизни. Прогрессомъ можно назвать только общій духовный и хозяйственный подъёмъ, вызываемый въ обществѣ образованными и просвѣщенными личностями, и когда этотъ подъёмъ не моментальный только, но постоянный, когда основаніе свое имѣетъ въ постепенномъ, непрерывномъ ростѣ культурной жизни.

Но въ этомъ смыслѣ невозможно говорить о прогрессѣ ни относительно Требини, ни относительно другихъ городовъ и мѣстечекъ оккупованныхъ земель. Въ то время, какъ въ 1878 г. послѣ твердаго отпора австрійское войско взяло Требинь, генералъ Бабичъ приказалъ измѣрять землю для новой части города, которая потомъ по воинскому прямолинейному плану и была начата постройкою. Такъ какъ въ Требини недостаетъ еще зданія для еraря, то съ постройкою его, дѣйствительно, и будетъ закончено все то что, оккупачники называютъ прогрессомъ. Собственно говоря, это — прогрессъ безъ всякой возможности прогресса!

Это—новая Требинь. Старая же часть города слоняется подъ ногами новаго Требиня, какъ смердящій пёсъ. Упадокъ старой Требини можно уже представить на основаніи чиселъ, взятыхъ изъ переписи. Изъ 438 домовъ, какъ значится въ переписи, только 261 жилыхъ, остальные 177 нежилыхъ: пустые и покинутые. Слѣдовательно, на 3 дома жилыхъ два нежилыхъ! Если же примемъ во вниманіе то обстоятельство, что жилые дома главнымъ образомъ заняты казенными помѣщеніями, то получимъ понятіе о томъ, какъ незначительно вообще частное владѣніе въ Требини. Но еще болѣе критическимъ окажется состояніе Старой Требини, если мы сравнимъ, хотя бы на глазомѣръ, казенные дома съ домами частной собственности. Послѣдніе по большей части не дома, а лачуги, постепенно разрушающіяся, потому что хозяева ихъ не дѣлаютъ никакихъ поправокъ. Можетъ быть, не могутъ за неимѣніемъ на то капитала;

можетъ быть, и не хотятъ, не довѣряя господствующему положенію. Но то и другое очень печально!

Къ оккупаціи примкнула только малая часть обывательства, а изъ нея въ свою очередь еще меньшая доля — искренне. Большая же часть этого разряда людей смирилась съ оккупаціею по обстоятельствамъ, надѣясь получить отъ нея какую-нибудь пользу: земельный надѣлъ, пропитаніе. Только ничтожная часть обывательства убѣждена въ томъ, что аккупація взошла надъ Герцеговиною, какъ благотворное солнце. Разладъ обывательства, произведенный оккупаціею, проявляется въ Требини очень наглядно. Всякій, ожидающій отъ оккупаціи какой-нибудь корысти, или почести, — всякій успокоившійся политическимъ благодѣяніемъ ея, пріютился въ новой, вновь выстроенной части города. За—то тотъ, кто не пожелалъ пристать къ оккупаціи, или же отторгнутъ отъ нея, залезаетъ въ бѣдныя хаты стараго города: тамъ онъ корчится и прозябаетъ въ бѣдности. Тѣ, кому оккупація принесла болѣе или менѣе выгоды, сосредоточены въ лѣвой части города за военными и гражданскими домами — представителями оккупаціи; тѣ же, кто отсюда уходитъ, очевидно, не получили отъ оккупаціи ровно—ничего. Напротивъ, они постепенно упадаютъ, хотя ихъ упадокъ, нужно прибавить, не былъ начатъ оккупаціею, а только ускоренъ ею. И такихъ людей громадное большинство, можно сказать — почти все обывательство! Упомянутое меньшинство, прильнувшее къ оккупаціи, состоитъ изъ людей, владѣющихъ наличнымъ капиталомъ и желающихъ увеличить свой капиталъ подъ кривдами оккупаціи. Уже было сказано о томъ, что въ экономическомъ отношеніи оккупація означаетъ проникновеніе на Балканъ капиталистическихъ основъ жизни. Капиталъ и есть тотъ клинъ, который раскалываетъ босно-герцеговинскую народность. Молохъ капитала—это божество, поставляющее по правую сторону только богатыхъ безъ всякаго вниманія къ ихъ честности и чести,—только тѣхъ, которые въ своихъ вертепахъ приносятъ жертвы золотымъ богамъ; а всѣхъ другихъ гонитъ безъ милосердія отъ своего лица и ввергаетъ въ матеріальную безпомощность и погибель.

Можетъ быть, я—человѣкъ изъ другой глины; во всякомъ случаѣ я не могъ бы такъ горделиво прохаживаться съ саблею, или съ шпагою, между этими пропадающими лачугами, изъ которыхъ каждая очень похожа на старую, больную нищенку, ожидающую своего печальнаго конца на сорной кучѣ. Да, это—нищенки, но въ очахъ ихъ еще и въ послѣднемъ вздохѣ можно прочитать укоръ, что онѣ пали невинно и умираютъ съ чувствомъ отверженныхъ наслѣдниковъ. Зимнимъ холодомъ вѣетъ отъ каждаго взгляда, брошеннаго изъ этихъ лачугъ на васъ. И въ этомъ холодѣ задушены всѣ остальныя непріятныя чувства и подернуты имъ. Въ этомъ взорѣ нѣтъ зависти, ненависти,

вражды, боязни, жажды мести—только холодъ: леденящій, ужасный холодъ!

Поймите же: тутъ уже—плотина, дальше которой не можетъ идти оккупація; тутъ — предѣлъ ея вліянію на людей. Эти люди могутъ молчать и не припятствовать оккупаціи; но все-же навсегда останутся чуждыми ей, какъ и она—имъ. Они не примутъ даже и добрыхъ ея даровъ; а ея дары — увы! вовсе не добрые. Правда, здѣсь, на югѣ Герцеговины, обывательство совсѣмъ иначе представляло свою судьбу послѣ сломки турецкаго ига; оно вовсе не думало о томъ, что будетъ передано въ оккупацію Австріи и, когда австрійское войско прибыло сюда, оно полагало успѣшный отпоръ. Въ Требини и ея окрестностяхъ произошла знаменитая, жестокая битва, въ которой пало много и чешскихъ сыновъ. Но все-же пусть сами оккупачники зададутъ себѣ вопросъ и отвѣтятъ на него—именно: воспользовались ли они въ теченіи тѣхъ двадцати лѣтъ всѣми способами для того, чтобы снискать расположенія къ себѣ обывательства?

Человѣкъ, достаточно честный—по крайней мѣрѣ, на столько, чтобъ быть прямымъ, на этотъ вопросъ отвѣтитъ такъ: оккупація пришла сдѣлать порядокъ и цивилизовать, а вовсе не заискивать расположенія обывательства, на неспокойную и упорную натуру котораго жаловались и турецкіе представители на берлинскомъ конгрессѣ. Но въ этомъ отвѣтѣ и заключается одна изъ тѣхъ ошибокъ судьбы, изъ которыхъ оккупація соорудила свое дѣло. Никто безъ своей воли, безъ своего участія, не можетъ ни спасенъ быти, ни оцивилизованъ. Оцивилизуйте кого-либо насильно — и вы получите урода, который будетъ карикатурою цивилизаціи. Здѣсь же заблужденіе оказалось еще большимъ потому, что въ Босніи и Герцеговинѣ вовсе не было нужды полагать какихъ-либо новыхъ основъ цивилизаціи. Нужно было сооружать дѣло цивилизаціи просто и на основахъ старыхъ, къ которымъ отъ вѣчности не было еще прибавлено ничего новаго; но тѣмъ не менѣе онѣ не были ни вывѣтрившимися, ни извращенными, такъ что совершенно безопасно было основывать на нихъ зданіе цивилизаціи. Можно было и нужно было!

Не только въ Австріи, но и во всей западной Европѣ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ сталъ господствовать чисто промышленный взглядъ на цивилизацію. Когда западная Европа поймала въ южной Африкѣ дикаря и прикрыла его наготу фракомъ и цилиндромъ, она уже радовалась, думая, что оцивилизовала его. Прогрессъ промышленности расширилъ это воззрѣніе, такъ расширилъ, какъ стряпуха растягиваетъ скалкою блинъ для лапши. Ширина здѣсь означаетъ воспріимчивость. Чѣмъ бо́льшую ширину получитъ эта воспріимчивость, тѣмъ будетъ она мельче и поверхностнѣй. Вѣдь не одни портные и шапошники здѣсь—привелигированные апостолы цивилизаціи, но гдѣ кто: желаетъ быть имъ и сапожникъ, гребенщикъ,

мыловаръ, производитель пуговицъ и наконецъ, въ послѣднемъ ряду, но не послѣднiй по значенiю для цивилизацiи, фабрикантъ велосипедовъ. Каждый изъ нихъ показываетъ видъ, какъ будто бы дѣло его рукъ представляетъ собою цѣлую европейскую цивилизацiю и стоитъ у него только что-либо купить—и варваръ окончательно превращается въ цивилизованнаго человѣка. По его воззрѣнiю каждый, кто иначе одѣвается и обувается, есть варваръ, а кто не пользуется для своихъ нуждъ цивилизацiи изъ его источника—дурной человѣкъ.

Въ этомъ нельзя обвинять только одну Австрiю. Вся западная Европа понимаетъ цивилизацiю, только какъ внѣшнiй лоскъ, который она приготовляетъ и которымъ натираетъ каждаго, попадающагося въ ея руки: — хочетъ-ли онъ быть натертымъ, или же вовсе не хочетъ того. Но разъ ты поддался, или распустился — долженъ заплатить А затѣмъ уже обнаруживается дѣйствительная цѣль натиранiя: польза для натирателей. Окажется-ли натиранiе полезнымъ налощеному и понравится ему, тогда къ его услугамъ — натиральщики и въ другихъ отношенiяхъ. Ревность натиральщиковъ не обращаетъ вовсе вниманiя на то, нужно-ли натиранiе и не сотретъ-ли онъ своимъ новымъ натиранiемъ старое и можетъ быть лучшее натиранiе. Она только натираетъ и натираетъ; натираетъ все и всюду, наперерывъ, натираетъ и того, кто надъ этимъ смѣется и того, кто плачетъ. Все индивидуальное и личное подъ этимъ натиранiемъ приходитъ на смарку и, еслибы подъ слоемъ натиранья все-же проглядывалъ бы гдѣ-нибудь признакъ оригинальности и самобытности, натиральщики не пощадятъ его и щетка ихъ будетъ ходить по немъ до тѣхъ поръ, пока подъ натираньемъ не исчезнетъ и послѣднiй слѣдъ того, что народъ, или отдѣльный человѣкъ, имѣетъ право назвать своимъ. И каррскiй мраморъ, и драгоцѣнный камень, и золото и серебро—все должно подлежать этому натиранiю, какъ будто-бы только этимъ натираньемъ оно и прiобрѣтало себѣ цѣну.

Каждый изъ торгово-промышленныхъ агентовъ мѣряетъ цивилизацiю на свой аршинъ. Путешествуетъ-ли съ патентованными спрынцовками, онъ не признаетъ общества цивилизованнымъ, пока не купятъ у него товару. Но то же самое будетъ съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ, если путешествуетъ такой агентъ съ подтяжками, подвязками, зубочистками, крахмальными манжетами и запонками. Тотъ, кто не покупаетъ, самъ вредитъ себѣ въ доброй репутацiи. Правда, въ общемъ эти путешествующiе торгаши, разливающiеся изъ западной Европы по всему бѣлому свѣту, проходящiе каждую пядь земли, каждый уголокъ даже по обѣимъ сторонамъ, произвели нѣкогда страшную агитацiю, агитацiю всестороннюю, разработанную до мельчайшихъ подробностей, неутомимую и неустрашимую; но не забывайте и того, что въ этотъ перiодъ торгово-

промышленнаго разцвѣта западная Европа, выработывающая всѣвозможные и невозможные, нужные и ненужные товары, не репрезентируетъ никакой идеи, не пропагандируетъ ея, не стоитъ за нее и не борется и именно потому только, что не имѣетъ ея, такъ какъ выгорѣло ея сердце, а мозгъ высохъ, будучи насыщенъ горячечною дѣятельностью для пріобрѣтенія земельныхъ, только земельныхъ владѣній!

Славяне, высоко цѣня тѣ дары, которые западная цивилизація расплогаетъ во всемъ мірѣ и которые дѣйствительно имѣютъ всемірную и всечеловѣческую цѣну, при всемъ томъ расходятся во взглядахъ относительно вопроса о томъ, нужно-ли, хорошо-ли и способствуетъ-ли самому дѣлу цивилизаціи сглаживаніе съ народа всякой индивидуальной особенности, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она имѣла и преимущества, утраты которой не можетъ вознаградить ни народу, ни самой себѣ, даже и разцвѣтшая чужая цивилизація. Въ этомъ вопросѣ славяне стоятъ на почвѣ самостоятельности, народной индивидуальности и особитости. И славянинъ можетъ только глубоко опечалиться, видя, какъ быстро коренное обывательство Босніи и Герцеговины поддается сильному напору оккупаторской цивилизаціи, или падаетъ до потери сознанія и въ нищету.

Францъ Бартошъ прекрасно выясняетъ, какимъ образомъ возникли на Моравѣ сказанія о «дивоженкахъ». Какое то погибавшее племя уступало свое мѣсто-жительство новому племени и уходило въ горы, лѣса и пещеры. Затѣмъ въ то время, какъ новые обыватели жили въ изобиліи на плодоносныхъ поляхъ, старые обыватели терпѣли одну нужду въ своихъ одинокихъ вертепахъ и временами только, побуждаемые крайнею нуждою, выходили въ долину, чтобы постоять подъ окнами своихъ новыхъ господъ и получить отъ нихъ милостыню. Но и изъ своихъ лѣсныхъ убѣжищъ они приносили своимъ втершимся насиліемъ наслѣдникамъ много добраго. Въ особенности же научили ихъ пользоваться своими цѣлебными травами. Но все-же близкихъ сношеній между обоимъ населеніемъ не было; одно боялось другого. Изгнанное несчастное племя получило себѣ отъ племени выгнавшаго имя «дикихъ людей», а женская половина его — «дивоженокъ».

Въ оккупованныхъ земляхъ отношеніе между обѣими стихіями народа, оккупачниками и оккупованными, еще не получило столь безнадежно-несчастной формы, но уже очутилось на дорогѣ къ ней. Съ одной стороны, видна нищета и безпомощность оккупованныхъ, а съ другой—гордость и презрѣніе оккупаторовъ по отношенію къ оккупованнымъ: вотъ двѣ рѣзкія стороны, между которыми уже пробита пропасть!

Но между тѣмъ, какъ противуположность между новымъ и старымъ, между чужимъ и своимъ, между оккупаторомъ и домородцемъ,

всюду въ оккупованныхъ земляхъ бьетъ въ глаза, все-же эта пропасть еще нигдѣ не является столь очивидною, столь горькою и, такъ сказать—неизгладимою, какъ въ Требини.

Увы, уже наступившій первый вечеръ открылъ неутѣшительную картину! Выходимъ на улицу... Въ той части города, гдѣ находятся высокіе, бѣлые, новые дома, раздаются звуки разстроенныхъ арфъ и скрипокъ, сопровождаемыхъ дерзко-нахальнымъ пѣніемъ пропитаго женскаго голоса. Напѣвъ вальса обнаруживаетъ уже накрашенную, такъ сказать — публичную, пошлую женщину. Въ другой же части города, въ которой стоятъ низкія, бѣдныя, ветхія лачуги, бренчатъ старыя гусли подъ звуки какой-то юнацкой пѣсни. Звуки пѣсни придавлены, какъ-будто выходятъ изъ захолустья и не рѣшаются вступить въ соперничество съ инструментомъ, на которомъ былъ виртуозомъ царь Давидъ и такъ прославился. Должно быть, это-та самая арфа, на которой игралъ Давидъ, потому что, судя по звукамъ, она принадлежитъ скорѣе музею, чѣмъ рукамъ игрока.

О, гусли! Сербская народная пѣсня, зародившаяся при твоихъ звукахъ, извѣстна всему образованному міру и всюду гласитъ славу сербскаго народа. Народъ, создавшій сербскую народную поэзію, на сценѣ міровой исторіи блистательно доказалъ, что принадлежитъ къ самымъ талантливѣйшимъ и способнѣйшимъ къ культурной работѣ народамъ. Сербская народная поэзія представляетъ собою богатый вкладъ въ сокровищницу всемірной культуры, такъ что и глубокій политическій упадокъ сербскаго народа не убавляетъ вѣса въ его гривнѣ... Если бы вы только вчера упали съ луны, то и тогда не удивились бы тому обстоятельству, еслибы оккупація, приближаясь къ этому народу, въ своихъ рукахъ, дѣйствительно, несла лютню и на цыпочкахъ подходила къ нему изъ опасенія, что-бы не помѣшать народному поэту въ его творчествѣ!

Гусли вѣрно слѣдуютъ за судьбою сербскаго народа во всѣхъ его земляхъ, также и въ земляхъ оккупованныхъ. Онѣ—уже въ отступленіи, но еще бренчатъ и тамъ, гдѣ смѣющійся надъ гуслями профанъ-оккупаторъ не ожидаетъ уже ихъ услышать. Однако, и среди оккупаторовъ встрѣчаются такія личности, которыя собираютъ плоды сербской народной поэзіи. Собираютъ,—но все же съ тѣмъ умысломъ, чтобы отчуждать ихъ отъ сербскаго народа и наложить на нихъ свою марку. Большинство же, даже почти всѣ оккупаторы, не видятъ въ гусляхъ ничего достойнаго вниманія также, какъ и въ самомъ народѣ, слагающемъ при нихъ свои славныя пѣсни, и не понимаютъ того, какимъ образомъ оккупованный народъ можетъ какъ-бы еще гордиться своимъ варварствомъ и торчатъ въ немъ «по-уши» и не бѣжать отъ несносныхъ гуслей въ веселый шантанъ, приведенный къ нему, покинутому, оккупаціею.

Есть и другая причина, почему оккупаторское ухо не любитъ гуслей; эта причина—политическая.

Владиміръ Каричъ въ своей книгѣ «Србiја» о гусляхъ говоритъ слѣдующее: «чужеземцы совершенно равнодушны къ звукамъ нашихъ гуслей, равно какъ и тѣ изъ доморoдныхъ сербовъ, которые проникнуты чужимъ духомъ, западною образованностью и начали вырождаться. Но на селянина звукъ гуслей и до сихъ поръ производитъ могучее вліяніе,—въ особенности же на горца. Звуки гуслей не возрождаютъ въ немъ мягкихъ, женскихъ чувствъ и желаній, но приводятъ въ напряженіе всѣ мужскія его чувства: чувство правды и справедливости, любви къ свободѣ, чувство гордости, и юначества (геройства), а также чувство желанія мести и духъ отпора, дѣлающій серба способнымъ положить и голову за свои идеалы. Сколько сербовъ звуками гуслей было уведено въ горы въ общество гайдуковъ и даже много позднѣе того времени, когда сербы освободились отъ турокъ!».

Здѣсь—объясненіе, почему оккупаторское ухо не любитъ гуслей: гусли политически неблагонадежны по отношенію къ цѣли правительства: свести духъ народа съ той дороги, которую онъ ревностно оберегаетъ—съ дороги самобытности и народной свободы. Эта народная услуга гуслей правительствомъ считается политическимъ агитаторствомъ и вслѣдствіе этого органы, имѣющіе своею цѣлію охранять политическій покой и порядокъ, совершенно не расположены къ гуслямъ. А все-же эта ссора съ гуслями служитъ доказательствомъ того, что здѣсь дѣло идетъ о какомъ-то ограниченіи сербской народности, потому что всякаго серба, который поощряетъ значеніе и славу гуслей, гусли превозносятъ, какъ народнаго юнака и онъ уже не боится ихъ гласа и суда. Споръ съ гуслями особенно характеренъ тѣмъ, что гусли никогда не возбуждаютъ къ прямой политической агитаціи. Политическая пѣсня имъ также противна, какъ и поэту Гёте. Гусли ничего другого не дѣлаютъ, какъ лишь поютъ славу юнакамъ, которые были разцвѣтомъ сербскаго народа; онѣ воспѣваютъ ихъ дѣятельность и подвиги, но не умалчиваютъ и о слабостяхъ ихъ. Но уже одно то, что гусли сохраняютъ народныя традиціи, идеалы, духъ и характеръ народа, дѣлаетъ ихъ небезопасными въ глазахъ тѣхъ, кто считаетъ своимъ призваніемъ—искоренить народныя традиціи, затемнить народные идеалы, исказить народный характеръ навязываніемъ сербамъ всего чуждаго и неподходящаго къ ихъ быту.

Пока живъ, я не могу забыть столь мучительнаго, столь болѣзненно-тяжелаго впечатлѣнія, какое я получилъ недавно въ фрушкогорскомъ монастырѣ Раваницы въ нарочитый день памяти о Коссовской битвѣ, воспоминаніе о которой сербскій народъ творитъ до сихъ поръ. Предъ самымъ монастыремъ, сидѣли слѣпцы—гусляры и всѣ разомъ, какъ

это всегда бывало въ этотъ день, запѣли о паденіи сербскаго царства на несчастномъ Коссовомъ полѣ, о царѣ Лазарѣ, о Милошѣ Обиличѣ, Вукѣ Вранковичѣ, о девяти Юговичахъ. Вдругъ подошло къ пѣвцамъ нѣсколько жандармовъ въ полномъ вооруженіи. Жандармы начали отводить въ сторону слѣпцовъ-гуслярей съ тѣмъ, чтобы своимъ пѣніемъ они не возбуждали народа, и нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали. Это случилось въ управленіи того самого бана Ивана Мажуранича, который былъ безпощаднымъ преслѣдователемъ кириллицы. Несчастная память о немъ увѣковѣчена въ пѣснѣ «на смерть Смаилъ аги Ченгича», составленной въ духѣ пѣсенъ тѣхъ гусляровъ которыхъ онъ приказалъ арестовать! Иванъ Мажураничъ, поставленный въ Загребѣ баномъ-примирителемъ, задачею своей дѣятельности поставлялъ осуществленіе идеи хорватско-угорскаго примиренія не только въ земляхъ хорватскихъ, но и на другомъ берегу Савы. Онъ хотѣлъ дать примѣръ такого народно-политическаго направленія, какое, по его мнѣнію, должно будетъ настать въ недалекомъ будущемъ, когда Австро-Венгрія пріобрѣтетъ на Балканахъ право рѣшающаго голоса.

Примѣръ Мажуранича очень поучителенъ. Онъ указываетъ на то, что бой противъ всего самобытнаго у славянскихъ народовъ изъ-за вліянія западной Европы не случайный, не составляетъ излюбленной мечты только единичныхъ личностей, но является результатомъ того культурнаго направленія, какое даетъ славянамъ Австрія и несетъ далѣе на востокъ. Винить одну Австро-Венгрію въ изглаженіи самобытности восточныхъ народовъ было бы несправедливо. На ея мѣстѣ то-же самое дѣлало бы и каждое другое западно-европейское государство. Но здѣсь дѣло—не въ обвиненіи, но только въ констатированіи того факта, что оккупація уже сама собою, — вслѣдствіе одного того, что она существуетъ,—не способствуетъ не только разцвѣту, но и сохраненію самобытныхъ особенностей оккупованнаго народа. Между тѣмъ сохраненіе, воспитаніе, развитіе своей самобытности составляетъ одну изъ славянскихъ основъ, одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ славянскаго духа, одинъ изъ девизовъ правомыслящихъ славянъ. Тотъ, кто нарушаетъ и подкапываетъ свою славянскую самобытность, тотъ уже дѣйствуетъ не по-славянски, хотя бы былъ и славяниномъ по происхожденію. До 1878 г. венгерскіе славяне совершенно не понимали этого; иначе они ни на мгновеніе не могли бы помыслить, даже и во снѣ, о томъ, что оккупація или собственно аннексія, вслѣдствіе пріобрѣтенія оккупаціонныхъ земель можетъ усилить и дѣйствительно усилитъ славянскіе интересы въ Австро-Венгріи. Такое усиленіе славянскихъ интересовъ въ Австро-Венгріи не могло стать фактомъ, потому что оккупація, не была ни плодомъ, ни дѣломъ славянской мысли. Она была придумана только берлинскимъ конгрессомъ, въ качествѣ хода «шахъ королю» противъ славянской мысли, а австрійское славянство при этомъ ходѣ играло

роль притянутой «пѣшки». Въ дѣйствительности же съ оккупаціею Босніи и Герцеговины ничего не измѣняется: ни справедливая иллюзія однихъ, ни закрытіе истиннаго положенія дѣлъ другихъ. Оккупацію можно привѣтствовать, только какъ побѣду капитализма, какъ прогрессъ нѣмеччины, мадьярщины, католичества, но вовсе не въ качествѣ прогресса для славянской идеи.

Обратимся къ другой области оккупаторской дѣятельности въ Требини. Посѣтимъ большую табачную фабрику, сооруженную здѣсь австрійскимъ правительствомъ. Насъ привѣтствуютъ господа чиновники. Имѣйте въ виду, что заводъ, ими сооруженный, во всякомъ случаѣ образцовый. Господа чиновники охотно даютъ вамъ отвѣты на всѣ предложенные вами вопросы.

Въ турецкій періодъ не было табачной монополіи; Австрія завела ее впервые. Въ турецкій періодъ воспитаніе табака было совершенно свободнымъ занятіемъ и только съ потребленія платилась дань, сообразно съ качествомъ табаку. Съ оки*) худшаго сорта эта дань составляла 40 крейцъ, съ оки лучшаго — 80 кр. Селянинъ платитъ помѣщику дань съ табака въ размѣрѣ третины, также какъ и съ другихъ плодовъ; остатокъ же принадлежалъ ему. Онъ могъ продать, подарить, или самъ выкурить. А требиньскій табакъ пользовался особенною славою. Онъ былъ темно-бураго цвѣта, съ блестящими золотомъ мелкими монетками нарѣзанныхъ листовыхъ стебельковъ и имѣлъ запахъ меда. Селяне рѣзали табакъ сами и самымъ примитивнымъ способомъ. На доскѣ изъ твердаго дерева прикрѣплялся однимъ концомъ старый остронаточенный ножъ, подобный косѣ. Лѣвою рукою подкладывался подъ ножъ сдавленный табакъ, а правою онъ рѣзался на тонкія ленточки. Требиньскій табакъ имѣлъ богатый сбытъ контрабандою въ Дубровникъ, гдѣ другого табаку не курили ни государственные чиновники, ни государственные полицейскіе.

Австрія же тотчасъ, какъ только пришла въ Герцеговину, провозгласила табачную монополію, которая, само собою разумѣется, учитается особенно строго. Выдѣлка табаку со времени австрійскаго управленія страною увеличилась болѣе, чѣмъ въ 4 раза: съ 10,000 мет. цент. на 40—45 м. цент. Изъ нихъ только около половины разработывается въ домашнихъ товарнахъ. Въ 1895 г. грубый пріемъ табачной боснійско-герцеговинской режіе (тары) составлялъ 4,600,000 зл., а работникамъ по воспитанію табака съ доставкою его было уплочено 1,800,000 зл.

Требиньская табачная товарная (фабрика) ежегодно покупаетъ табаку отъ крестьянъ около 2300 м. цент. Воспитаніе здѣшняго табака совершается подъ строгимъ надзоромъ финансовыхъ органовъ. Въ то время, какъ растеніе выгонитъ листъ, приходятъ финансовые чиновники; пересчитаютъ, запишутъ каждое растеніе и сколько на каж-

*) Ока=$2^1/_4$ фунта.

домъ листьевъ и, сообразно съ этими записями предполагаютъ будущій урожай. Тутъ же вычислятъ и то количество, сколько нужно оставить крестьянину зрѣлаго табачнаго листу на осень для сѣмянъ. Оставляется не больше 2,5 процента, включая сюда и то количество табака, какое мож. быть предоставлено крестьянину для его собственнаго употребленія. Для работника опредѣлено 6 кил. и для каждаго мужчины старше 16 л., живущаго съ нимъ подъ однимъ кровомъ, 3 кил. Но въ общемъ количество табака, ассигнованнаго на одну кучу, не можетъ превышать 21 кил. Этотъ ассигнованный табакъ выдается крестьянамъ уже изъ склада, куда они должны отвести весь урожай до послѣдняго листа.

Отводка табака начинается въ октябрѣ. Крестьянинъ обязанъ самъ выполоть табакъ, даже разсортировать его (по руководству) и въ такомъ видѣ поставить на товарну. Пріемъ табака производится цѣлою коммиссіею, состоящею изъ чиновника табачной режіи, представителя финансоваго вѣдомства и довѣреннаго отъ общества, котораго избираетъ самъ откупной урядъ, рекомендуетъ окресный урядъ, а утверждаетъ инспекторъ табачной режіи.

Когда табакъ примутъ, первоначально выдѣляется часть его помѣщику—хозяину крестьянскаго поземка. Въ различныхъ случаяхъ она составляетъ половину, осьмую, или даже двѣнадцатую часть. Ага-хозяинъ поземка—непремѣнно присутствуетъ при этомъ и долго, долго ожидаетъ квитанціи на деньги за свою часть. Отсчитаютъ, сколько слѣдуетъ ему получить, напишутъ квитанцію и больше его уже не удерживаютъ. Съ квитанціею въ рукахъ онъ уходитъ изъ канцеляріи товарны.

Послѣ него очередь за крестьяниномъ. Отвѣсятъ и ему принадлежащую часть изъ оставшаго послѣ разочтенія аги табака; разсчитаютъ, сколько онъ долженъ получить натурою и сколько деньгами, потомъ даютъ и ему тоже квитанцію. Цѣна за 1 кил. самаго лучшаго сорта—1 зл. 70 кр., а за 1 кил. самаго худшаго 10 кр. Крестьянинъ съ квитанціею бѣжитъ вслѣдъ за агою.

Остроуміе этой процедуры состоитъ въ томъ, что ага и его крестьянинъ уже не встрѣтятся вмѣстѣ въ финансовомъ урядѣ, имѣющемъ уплатить деньги по квитанціи за поставленный на откупъ табакъ. Податный чиновникъ не останавливаетъ и не откладываетъ уплаты денегъ по квитанціямъ. Возьметъ квитанцію, просмотритъ ее, подойдетъ къ своимъ книгамъ, посмотритъ немного въ книгу, снова на квитанцію, потомъ еще посмотритъ на квитанцію и въ книгу; беретъ листокъ чистой бумаги съ напечатанными на немъ рубриками, наполнитъ рубрики числами, выписанными изъ книгъ и квитанціи, потомъ подъ числами проведетъ при помощи линейки толстую черту, подъ нею тотчасъ же подпишетъ цифру, начертаетъ свою неудобочитаемую подпись, приложитъ штемпель своего

уряда и наконецъ подаетъ агѣ эту бумагу, подвергнутую всей этой процедурѣ.

«Приплатить для очистки дани столько-то», объяснитъ агѣ. Ага тихимъ шагомъ уходитъ изъ канцеляріи финансоваго уряда; на улицѣ встрѣчаетъ своего крестьянина, размахивающаго руками и желающаго, чтобы вмѣсто рукъ были у него крылья для того, чтобы хотя нѣсколькими секундами раньше предъявить финансовому уряду квитанцію откупного уряда. Скоро онъ отойдетъ оттуда, также тихо и грустно, какъ и его ага.

«Финансовый урядъ по квитанціи откупного уряда тотчасъ же уплачиваетъ деньги», закончилъ, торжественно возвысивъ голосъ, урядникъ, сопровождавшій меня по требиньской табачной товарнѣ. По его тону можно было узнать, какъ онъ гордится и своимъ и урядомъ, и всею оккупаціею, — гордится тѣмъ, что она завела столь образцовый порядокъ тамъ, гдѣ прежде былъ хаосъ и гдѣ финансовый урядникъ былъ самымъ послѣднимъ изъ всѣхъ лицъ, заслуживавшихъ какого-либо вниманія.

А все же, не смотря на этотъ—достойный похвалы порядокъ, нынѣшній требиньскій табакъ не можетъ идти и въ сравненіе съ пикантно-пріятнымъ вкусомъ прежняго табака, воспитываемаго въ турецкій періодъ безпорядка безъ всякихъ правилъ. Цвѣтъ нынѣшняго требиньскаго табака, если хотите, сталъ лучшимъ, также и рѣзка его тоньше. Возьмете полную горсть нынѣшняго требиньскаго табака— получите пріятное ощущеніе, какъ будто бы вы ухватитесь за роскошный русый клокъ волосъ. Всѣ ощущенія нынѣшнимъ требиньскимъ табакомъ удовлетворяются въ полной мѣрѣ; только самое главное въ этомъ отношеніи ощущеніе—вкусъ, какъ говоритъ нельстивый знатокъ: прежде былъ лучше!

Но также лучше было тогда и воспитателямъ табака. Чрезвычайно жалуется требиньское населеніе на финансовыхъ чиновниковъ, которые у каждаго изъ нихъ по нѣскольку разъ въ году пересматриваютъ кучу, пытаясь найти, бо̀льшее количество табака, чѣмъ сколько имъ позволено имѣть его. За каждую лишнюю щепотку доносятъ, а каждый доносъ оканчивается штрафомъ не менѣе, какъ 2 зл. У многихъ эти штрафы превысили уже цѣну, какая имъ уплачена за отданный въ откупъ табакъ. Финансовые полицейскіе получаютъ третью часть штрафа въ награду и потому они столь неутомимо надсматриваютъ надъ каждымъ, кто̀ бы противъ предписанія оставилъ себѣ табаку больше, хотя бы на одну сигарету. Результатомъ этого табачнаго хозяйства, зеведеннаго аккупаціею, является то, что герцеговинскіе табаководы вплоть отъ Требини до Столацъ рѣшили болѣе уже не заниматься табаководствомъ, а свои поля засѣвать хлѣбомъ.

(Рабочая цѣна на требиньской табачной товарнѣ слѣдующая: дѣти

получаютъ ежедневно 40 кр,, женщины 50 кр., мужчины 60—70 кр.. надсмотрщики 90 кр., инспекторъ 8—10 зл. въ недѣлю).

Имѣя въ виду не оставлять безъ вниманія ничего такого, что считается особенною заслугою оккупаціи и чѣмъ гордятся сами оккупаторы, упомянемъ еще о культивизаціи Ластвы и Суторины. Я лично не посѣтилъ этихъ мѣстъ, а потому долженъ представить ихъ такими, какъ о нихъ читалъ и слышалъ.

Индрихъ Реннеръ разсказываетъ о нихъ дѣйствительно чудеса.

Ластва находится на разстояніи 14 километр. отъ Требини, при черногорской границѣ, въ землѣ нѣкогда беспокойныхъ Кореничовъ. Это—малый рай. Прелестная долина, возвышающаяся на 770 метровъ надъ уровнемъ моря, до недавняго времени была пустынею. Обывательство не могло кормиться на голыхъ скалахъ и потому дѣлало постоянныя повстанія, чтобы такимъ способомъ добыть себѣ хлѣба. Въ 1892 г. въ Ластвѣ было найдено 40 гектаровъ земли, годной для виноградниковъ и садовъ. Были выстроены хозяйственныя постройки, погребъ и 5 домовъ для винарей, каждый — для двухъ семействъ. Эти работы были окончены къ осени 1893 года—на сумму 25.000 зл. Каждый винарь получилъ для себя лично жилище и $^1/_4$ итра земли, которая послѣ 10 лѣтъ пользованія должна перейти въ собственность винаря. Кромѣ того каждое семейство получаетъ 15 зл. въ мѣсяцъ жалованья и 50 кр. платы за каждый рабочій день. Воздѣланіе почвы и посадка виноградниковъ и плодовыхъ деревьевъ стоила правительству 70.000 зл. Если считать, что виноградниками занято 30 гектаровъ земли, а каждый гектаръ ежегодно приноситъ 40 гектолитровъ винограда, а каждый гектолитръ продается приблизительно за 18 зл., то получается общая сумма ежегоднаго дохода 21.600 зл. Отнимемъ ежегодную плату на режіи; тогда останется чистаго дохода 10.000 зл., что соотвѣтствуетъ 14% росту вложеннаго капитала. Допустимъ, что этотъ разсчетъ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и винодѣліе въ Ластвѣ поставлено, дѣйствительно, столь же прекрасно, какъ представляетъ дѣло хвалоречникъ оккупаціи,—все же, скажемъ, правительство допустило здѣсь ошибку, сдѣлавъ изъ Ластвы мадьярскую колонію. Розни и противорѣчій въ оккупованномъ обывательствѣ, полагаю, и безъ того довольно много и пора подумать правительству о томъ, что вредно умножать ихъ, что нужно же наконецъ вспомнить и о правѣ доморощевъ. Именно изъ нихъ нужно избирать людей и посылать ихъ туда, гдѣ винодѣліе ведется раціонально и затѣмъ провѣрить результаты этой командировки уже на ихъ родинѣ, гдѣ они могли бы на дѣлѣ показать то, чему научились.

Теперь очередь за Суториной, на которой, по увѣренію господина Реннера, оккупація проэктируетъ сдѣлать чудеса. Суторина—это полоса герцоговинской земли у Новаго Ерцега, тянущаяся по далмат-

ской границѣ и отдѣляющая Дубровникъ отъ Которска. До сего времени Суторина была пустыню, но сараевское правительство рѣшило превратить ее также въ рай. Природными условіями, благопріятными къ тому, считались африканская жара, царствующая тамъ въ лѣтніе мѣсяцы, а также и то, что у Новаго Ерцега родятся всѣ южные плоды: алое, агаве, пальмы, мирфы, ваврины, гранаты и фиги.

Обстоятельства этого проэкта были слѣдующія: политическіе чиновники обратили вниманіе господ. Коллая на то, что на Сутоpинѣ растетъ апельсинное дерево, приносящее 1000 апельсиновъ. Господ. Каллай тотчасъ же сообразилъ, сколько бы получилось апельсиновъ, еслибы вся Суторина была превращена въ апельсинный садъ и тотчасъ же пригласилъ изъ Пешта какого-то господ. Мольнара—знатока въ этомъ дѣлѣ. Мольнаръ подтвердилъ мысль г. Каллая, что дѣйствительно изъ Суторины можно сдѣлать рай и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалъ на морскомъ берегу основать новую Опатію. Между тѣмъ техники опровергли мнѣніе Мольнара и доказали господину Каллаю, что всѣ златки, пожертвованные на Суторинскій рай, пропадутъ, потому что Суторина—безводная мѣстность и совершенно беззащитна отъ бури. Тогда, послѣ долгихъ споровъ, этотъ планъ палъ.

Въ періодъ римскаго владычества южная Герцеговина стояла на высокой культурной ступени. Вторичное поднятіе ея на таковую ступень должно считать непремѣнною своею обязанностью каждому новому культивизатору ея. Но эту долгую и трудную работу нельзя замѣнить устройствомъ «раевъ». Начало ея должно быть болѣе скромнымъ.

VIII.

Вдоль черногорской границы.—Политика противъ Черногоріи.

Для тухлого туриста, путешествующаго съ цѣлію побывать тамъ и видѣть то, гдѣ были и что видѣли раньше его другіе тухлые туристы, въ оккупованныхъ земляхъ самимъ правительствомъ сооружена прекрасная дорога. Пароходомъ изъ Тріеста, или Рѣки онъ пріѣдетъ въ Метковичи, и полюбуется красотами Адріи. Въ Метковичахъ увидитъ великолѣпную регуляцію устья рѣки Неретвы и вырастающіе города за городами тамъ, гдѣ 20—25 лѣтъ сему назадъ были только гніющія болота, при которыхъ жили бѣдные обыватели, раждавшіеся и умиравшіе въ лихорадкѣ. (Какой-то молодой господинъ фонъ-К., одинъ изъ лучшихъ знатоковъ австровенгерской морской торговли, привелъ въ вѣнской газетѣ интересныя цифры о судоходномъ движеніи въ Метковичахъ. Въ 1886 г. тамъ останавливалось 495 пароходовъ съ 48.939 тоннами груза; въ 1895 г. уже 707 парох. судовъ съ 89.564 тоннами. Въ 1840 г. изъ Метковичъ отправлено 7843 тоннъ, и въ 1895 г. уже 37.859. Такой прогрессивный оборотъ торговли получили слѣдующіе товары: кофе, фига, сахаръ, мука, рисъ, оливковое масло, алкоголь, вино, керосинъ, тесаный камень, кирпичи и черепица, галуны и ленты, желѣзо, сталь, дерево для столярныхъ работъ, бурель, каменный уголь и судовыя мачты. Эти данныя подтверждаютъ справедливость нашего сообщенія о важности поперечныхъ дорогъ для балканской торговли. Но особенно удачно онѣ иллюстрируютъ несоразмѣрность между ввозомъ въ оккупованныя земли и вывозомъ изъ нихъ. Несоразмѣрность эта свидѣтельствуетъ о томъ, что Боснія и Герцоговина эксплуатируются оккупаціею).

Въ Метковичахъ тухлый туристъ сядетъ въ вагонъ желѣзной дороги, пріѣдетъ въ Мостаръ, а оттуда въ Сараево. Тутъ есть на что

посмотрѣть! Интереснѣйшія картины мѣстности и народной жизни раздвигаются предъ его глазами, которые, кажется, не знаютъ, на что прежде всего смотрѣть. Здѣсь все—ново для туриста, все приводитъ въ восторгъ и, какъ добрый человѣкъ, всю роскошь свѣжихъ впечатлѣній онъ приписываетъ заслугамъ боснійскаго правительства. Подавленный шаблонностью городовъ и однообразіемъ жизни, онъ чувствуетъ себя здѣсь какъ-бы освѣженнымъ душевно. Кто это сдѣлалъ? Кого благодарить за это освѣженіе? По наивности онъ думаетъ, будто до оккупаціи здѣсь было также дико, какъ въ средней Африкѣ и будто все здѣшнее, отличающееся отъ средней Африки, сдѣлано именно славною оккупаціею. Самое же большое утѣшеніе тухлаго туриста—въ томъ, что онъ можетъ проѣхать по оккупованной землѣ желѣзною дорогою. Это обстоятельство столь благопріятно для него, что онъ склоненъ думать, будто и желѣзная дорога устроена спеціально для него,—въ этомъ, впрочемъ, есть доля правды. Дѣйствительно, сооружая желѣзную дорогу, кромѣ цѣлей стратегическихъ и торговыхъ правительство расчитывало между прочимъ дорогою Метковичи—Мостаръ—Сараево сдѣлать себѣ рекламу предъ тѣми иностранными путешественниками, которымъ особенно доступны пріятныя впечатлѣнія уже по одному тому, что за свои деньги они захотятъ пользоваться всевозможными удобствами, увидѣть и полюбоваться тѣмъ, о чемъ бы могли разсказать дома. Навстрѣчу такому туристу выходятъ господа полицейскіе и еще другіе господа, приставленные боснійскимъ правительствомъ для услугъ туристамъ, которымъ они, такъ сказать, и «создаютъ мысль». Тухлый туристъ, никогда не повѣрилъ бы, что здѣшнее полицейское управленіе имѣетъ у себя такихъ благородныхъ, обворожительныхъ и услужливо-ласковыхъ господъ полицейскихъ, какихъ нѣтъ во всемъ мірѣ, если бы самъ не испыталъ на себѣ ихъ услугъ. Какъ счастливо, подумаетъ онъ, обывательство, которому небо ниспослало такихъ благородныхъ полицейскихъ для того, что-бы бдѣло надъ нимъ око такой полиціи! Строгаго осужденія со стороны всѣхъ добрыхъ, ласковыхъ, легковѣрныхъ людей заслуживаетъ это обывательство, недовольное и неспокойное подъ управленіемъ такихъ достойныхъ господъ!

Быстрый, моментальный проѣздъ желѣзными дорогами знаменито характеризуетъ поверхностность взглядовъ нашего времени, можетъ быть, дѣйствительно имѣющую въ этомъ свою причину. Путешествующій по желѣзной дорогѣ не можетъ основательно ни наблюдать, ни выслушать о наблюденіи другихъ. Смотритъ—не досмотритъ; слышитъ—не дослышитъ; тѣмъ не менѣе предается счастливому сознанію, что кое-гдѣ бывалъ, кое-что видѣлъ и испыталъ. Кромѣ того, желѣзныя дороги въ этомъ случаѣ служатъ готовыми маршрутами. При существованіи желѣзныхъ дорогъ путешественникъ уже не имѣетъ ни времени, ни отваги уклониться отъ нихъ, какъ будто подъ угро-

зою тяжелаго наказанія не смѣетъ уже сойти съ нея ни вправо, ни влѣво. Дѣйствительно, желѣзныя дороги вызываютъ вдоль своей колеи чисто-торговое и промышленное движеніе и самой жизни на нихъ и при нихъ сообщаютъ формы, общія всѣмъ землямъ и народамъ. Рабъ желѣзныхъ дорогъ всюду склоненъ опрометчиво судить о томъ, будто и въ цѣлой землѣ, по которой пробѣгаетъ желѣзная дорога, такое-же торгово-промышленное движеніе и такая-же общественная жизнь, какъ это показалось ему изъ окна вагона и въ вагонѣ. Въ дѣйствительности-же совсѣмъ иначе. Даже еслибы было такъ на самомъ дѣлѣ, то и не было бы въ этомъ ничего хорошаго.

Я значительно отдалился отъ этого маршрута, когда путешествовалъ по оккупованнымъ землямъ съ цѣлію вольнѣе разсмотрѣть ихъ. Избранный мною путь былъ гораздо дальше, нежели путь по желѣзной дорогѣ; но за-то онъ велъ въ глубь народа и доставилъ мнѣ нѣкоторыя особенныя удовольствія, которыхъ невозможно получить при путешествіи по желѣзной дорогѣ. Я договорился съ Омеромъ довести меня изъ Теребини въ Мостаръ. У меня не было желанія сдѣлать дорогу какъ можно скорѣе и, если мой путь продолжался четыре дня, то это вовсе не значитъ, будто я не могъ сдѣлать его въ два дня, если бы это было мнѣ нужно. Я ночевалъ въ Билечи, Гацкѣ, Невѣшинѣ и въ Мостару. «Почтивый турчинъ» Омеръ взялъ съ меня за дорогу въ Мостаръ 18 злат. и еще 1 зл. бакчиша.

«Не бери себѣ другаго извощика, какъ только турчина. Не скрою отъ тебя, ты нашелъ бы извощикомъ и шваба, если бы захотѣлъ. Но что за извощикъ шваба? И такихъ добрыхъ коней не имѣетъ шваба, и такъ дешево не подрядится, и не удовлетворится столь малымъ бакчишемъ, потому что имѣетъ постоянную жажду. Договоришься съ нимъ въ цѣнѣ—не сдержитъ слова и будетъ просить прибавки. А пріѣдешь къ конаку (на ночлегъ), вечеромъ напьется допьяна, а утромъ проспитъ. Турчинъ же дешевъ, скроменъ, остороженъ и, если дастъ тебѣ слово, то у него оно—каменное!»

Изъ этихъ немногихъ словъ вы уже видите, что магометане не признаютъ надъ собою нравственнаго преимущества шваба и что столкновенія могометанъ съ швабами могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь нравственный упадокъ въ нѣкоторой части магометанскаго населенія. Большей же массѣ магометанскаго населенія ясны всѣ слабыя и тѣневыя стороны швабовъ, которыя раньше, до столкновенія съ швабами, оставались невѣдомыми ей. Тотъ фактъ, что магометане гордятся своимъ нравственнымъ преимуществомъ предъ швабами, служитъ признакомъ того, что они вовсе не намѣрены поддаваться швабамъ.

Четырехдневное путешествіе по пустынному, каменистому, неплодородному, незаселенному и скучному, но необыкновенно красивому, краю пробудило мои воспоминанія о 1876 годѣ, когда я впервые по

сѣтилъ этотъ край съ черногорскимъ войскомъ. Вѣроятно, читатель не посѣтуетъ на меня, если я признаюсь въ томъ, что и на мягкихъ подушкахъ экипажа въ этомъ каменистомъ краю мнѣ было очень неудобно, такъ что представлялось, какъ будто большая дорога, по которой я ѣхалъ, была выбучена несчастіями военно-походной жизни.

Дорога крутится между горными вышинами и постепенно поднимается въ гору. Этимъ подъемомъ смягчается лѣтній зной и становится все пріятнѣе и пріятнѣе. Куда ни бросишь взгляда, всюду видишь голыя, сѣдыя вершины горъ. Горы закрываютъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ. На востокѣ и сѣверо-востокѣ—гордые великаны, на вискахъ которыхъ блестятъ налобники вѣчнаго снѣга. На морщинахъ чела темнѣются черныя шмары (мазины, полосы), какъ будто бы надъ глубокими рытвинами лежала тѣнь. Но еслибы пришли туда, увидѣли бы тамъ мощные, столѣтніе лѣса и дубравы, составляющія единственное богатство этой пустыни. Герцеговинскій дубъ—драгоцѣнное дерево. Для своего роста онъ требуетъ во много разъ больше времени, чѣмъ сколько нужно его товарищу, растущему въ мягкихъ равнинахъ, напр. въ Славоніи, гдѣ дубъ можетъ пустить корни по какому-угодно направленію, до какой угодно глубины, всюду проникаетъ своими корнями и безъ затрудненія получаетъ себѣ пищу. Совершенно иначе съ дубомъ герцеговинскимъ и черногорскимъ. Онъ растетъ почти на голой скалѣ. Его корни проникаютъ въ разселины скалы; раздвигаютъ эти разселины и оттуда могутъ черпать только очень скромное питанье. Скала держитъ ихъ, чтобъ не сбросила буря. Растетъ тихо, не торопясь, въ непрестанномъ боѣ за жизнь съ тяжелыми условіями; но за-то когда выростетъ такое дерево, то оно по твердости и крѣпости подобно уже ни дереву, а самой скалѣ.

Въ этомъ краю находится множество большихъ, тесаныхъ надгробныхъ камней, такъ называемыхъ «стечковъ».

Почти нигдѣ вы не встрѣтите человѣческаго жилья, даже поля; не встрѣтите и путника. Поля тамъ ничтожны и малы, какъ длани. Холмы полей кое-гдѣ порасли густыми чащами, служившими пастбищами козъ и потому не могли выростать.

Но лѣсничіе оккупаціи рѣшили, что козы — самые большіе губители молодого лѣса и что до тѣхъ поръ нельзя говорить о залѣснѣніи пустынь, пока козы будутъ объѣдать молодые побѣги деревъ. Только тогда, когда вырастутъ здѣсь такіе же мощные лѣса, какъ и на высокихъ вершинахъ, совершенно неприступныхъ, можно будетъ, говорятъ они, дозволить пасти здѣсь козъ. И вотъ ради сохраненія молодыхъ побѣговъ здѣшнія пастбища отняты у обывательства. Правительство воодушевилось мыслію облѣсненія и установило высокую годичную дань: съ каждой штуки козьяго скота 50 кр.,—такъ что скотоводство здѣсь стало совершенно невозможнымъ.

За такой способъ залѣсненія пастищъ даже и Генрихъ Реннеръ не можетъ воспѣвать гимновъ боснійскому правительству. Лѣса выростутъ въ очень далекомъ будущемъ, между тѣмъ бѣдный герцеговинецъ не можетъ бросить своего козьяго промысла, составляющаго главный источникъ его жизни, и нуждается въ древесныхъ листьяхъ для корма козъ. Это запрещеніе, хотя бы цѣль его была и хорошая, составляетъ большое стѣсненіе для герцеговинскихъ горцевъ, такъ какъ правительство не даетъ имъ возможности жить. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ служитъ доказательствомъ того, что и добрыя намѣренія правительства могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ вредъ обывательству, когда правительство и его органы въ своихъ кабинетахъ проводятъ реформы безъ надлежащаго знанія дѣйствительныхъ отношеній и когда заботятся только о томъ, чтобы было все хорошо и полезно болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Вся эта окраина нѣма, какъ бы послѣ мороваго повѣтрія. Не раздается ни одного звука, кромѣ стука молотовъ рабочихъ, разбивающихъ на грубой, твердой дорогѣ камни, и грохота рабочихъ, телѣгъ. Никто не догоняетъ насъ, никто не попадается навстрѣчу, если не считать старика—починщика зонтовъ, попавшагося намъ навстрѣчу. Онъ несетъ подъ-мышкою два зонта, лишившіеся обтяжки. Сгорбленный, шагаетъ медленно и опирается на сучковатую палку. Олицетворенная сатира! Этотъ мастеръ зонтовъ былъ здѣсь единственнымъ представителемъ австро-венгерской культуры, какого я встрѣтилъ дорогою изъ Требини въ Билечъ. Не будетъ изслѣдовать сердца этого убогаго человѣка. Судя по внѣшности, видно уже, что только нужда загнала его въ эти бѣдные края, которые при всемъ своемъ недостаткѣ все-же гостепріимны. У себя дома, гдѣ родились нынѣшнія цивилизаторы Балкана, онъ видѣлъ замки и палаты, высокія товарны и заводы, роскошные торговые дома, но самъ онъ не имѣлъ ни дворца, ни замка, ни магазина, ни богатой торговли; и никто изъ его сосѣдей, имѣвшихъ свои дворцы и палаты, не позаботился о насущныхъ нуждахъ этого бѣдняка, никто не облегчилъ его тяжкой бѣды. Онъ забрался уже сюда, гдѣ вечеромъ люди ложатся спать съ тѣмъ, чтобы заспать свой голодъ, а утромъ встаютъ, чтобы размыкать его. И этотъ обездоленный представитель австро-венгерской цивилизаціи пришелъ сюда раздѣлить свой голодъ съ здѣшнимъ народомъ.

Изъ-подъ стружки (щепки) часто выползетъ змѣя и затрепещется на солнцѣ, зазеленѣется ящерица, пролетитъ мимо васъ бѣлогрудая ласточка. Попадается въ-одиночку странное растеніе, лишенное листьевъ, пахучее, похожее на небольшой колосъ кукурузы, торчащее на низенькомъ стебелькѣ. Это—очень извѣстный здѣсь «козлецъ», по чешски—дьябликъ, arum maculatum, послѣдняя опора черцеговинцевъ въ голодные года. Въ періодъ турецкаго владычества здѣшніе обыватели могли удовлетворять свой голодъ также древесною корою,

чего никто не возбранялъ, не смотря на то, что и турецкимъ правительствомъ лѣса были провозглашены государственною собственностью. Напротивъ можно сказать, что вмѣстѣ съ этимъ провозглашеніемъ лѣса становились какъ-бы общественными. Тогда никому и во снѣ не снилось возбранять бѣдному, нуждающемуся въ хлѣбѣ, селянину надрать древесной коры, измолоть ее и напечь изъ того хлѣба! Только теперь, со времени оккупаціи, это строго возбраняется. Правительство задалось цѣлію хранить лѣса, сорганизовало лѣсничую службу, завело сложное лѣсное хозяйство—все это очень похвально! За 100, 200, 300 лѣтъ здѣсь на Корытахъ, а можетъ быть, и въ цѣлой Герцеговинѣ, зашумятъ могучія дубравы и каждый шелестъ и шумъ ихъ будетъ гласить славу правительства господ. Каллая и австрійской оккупаціи. Но что стало съ народомъ?! Герцеговинецъ вѣдь тоже состоитъ изъ мяса и костей; но онъ не дубовый: онъ можетъ много вытерпѣть, много перенести, а все-же не столько, сколько можетъ вынести дубъ, растущій въ горномъ краю его отчизны. Если оккупачному правительству герцеговинецъ — человѣкъ дорогъ хотя бы столько же, сколько и дубъ—герцеговинскій, то оно, если имѣемъ въ себѣ хотя капельку юнацкаго духа, должно же придти на помощь къ герцеговинцу,—если не потому уже, что онъ—человѣкъ, то хотя потому, что человѣкъ—слабѣе дуба.

«Hier ist jede Kreatur zu bedauern» [1]), говоритъ Индрихъ Реннеръ для характеристики этой мѣстности. Прославитель оккупаціи не говоритъ о томъ, съ какого времени его приговоръ имѣетъ значеніе: съ того-ли времени, какъ Герцеговина оставалась Герцеговиною, а Корыта — Корытою, или же только со времени прихода сюда оккупаціи!

Гораздо сердечнѣе и съ должнымъ пониманіемъ дѣла отзывается о населеніи южной Герцеговины Янъ Асботъ (въ соч. Bosnien und die Hercegovina): «Самая особенность почвы, тяжелыя условія, какія она представляетъ для жизни, дѣлаетъ обывателей воинственными. Только мощныя орудія могутъ преодолѣть эти условія и увѣнчать успѣхомъ предпріятія. Но за-то человѣкъ, выросшій здѣсь, будетъ силенъ тѣломъ и духомъ, станетъ энергичнымъ и способнымъ упорно противустать всему, что нарушаетъ его обычную колею жизни, гордо пренебрегать чужими, изнѣженными цивилизаціею нравами, привычками и пристрастіями. Вооруженный своимъ природнымъ умомъ, и смѣлостію, знатокъ всѣхъ особенностей и капризовъ своей родной почвы, онъ умѣетъ противустоять всѣмъ трудностямъ и страдамъ. Мастеръ въ всевозможныхъ военныхъ орудіяхъ, опасный и отважный непріятель при своихъ природныхъ крѣпостяхъ и стѣнахъ своихъ скалъ, изъ-за которыхъ въ безумной отвагѣ

---

[1]) Здѣсь каждая тварь слишкомъ жалка, печальна.

набрасывается на изумленнаго непріятеля, поднимаетъ страшный крикъ и, сверкая своими ганджарами, онъ умѣетъ также, съ удивительнымъ упорствомъ, противустать непріятелю, и во много разъ сильнѣйшему, чѣмъ онъ, если только обезпечено ему отступленіе».

Мужъ, къ которому относятся эти слова, нынѣ сидитъ на большой дорогѣ, разбивая мощною рукою камни. Его длань, нѣкогда державшая ганджаръ, теперь за очень скромную плату работаетъ мирно и настойчиво, а знойное лѣтнее солнце палитъ его наготу, просвѣчивающуюся дырами рубашки.

О своей участи, созданной оккупаціею, герцеговинецъ молчитъ. Но изъ упорнаго молчанія его нельзя узнать, что̀ въ его душѣ: покорность-ли своей судьбѣ, или же есть въ немъ и искра довѣрія къ лучшему будущему. Сами оккупаторы не считаютъ герцеговинца успокоившимся и еще недавно въ «Pester Lloyd»—органѣ очень близкомъ г. Каллаю—было сообщено о томъ, что боснійское правительство предвидитъ возстаніе въ Герцеговинѣ въ случаѣ, если только Австро-Венгрія будетъ готовиться къ какой-либо войнѣ. Австрія не можетъ забыть о томъ, что южная Герцеговина, возставши въ 1875 г. противъ Турціи, имѣла въ виду присоединиться къ Черногоріи. Вторичное возстаніе въ 1881 г., направленное уже противъ оккупаціи, дало Австріи доказательства того, что южная Герцеговина не потеряла своего идеала. Оккупація вовсе и не надѣется успокоить этого народа, но и не озабочена этимъ. Не будучи въ состояніи застраховать народа отъ востанія, она желаетъ только облегчить свое владѣніе его землею, его горами, прославившимися своею недоступностью.

Невозможно не удивляться той работѣ, какую Австрія провела для укрѣпленія Герцеговины—въ особенности же южной ея части, равно какъ и укрѣпленію Боки Которской, которая съ Герцеговиною составляетъ одну крѣпостную систему и имѣетъ одну и туже цѣль: охрану отъ туземнаго обывательства и отъ Черногоріи. Австрія думаетъ, что въ нынѣшнихъ своихъ границахъ Черногорія не имѣетъ возможности хозяйственнаго развитія и будетъ вынуждена—волею, или неволею—ухватиться за первый представившійся случай увеличить свои владѣнія, указанныя ей исторіею: съ одной стороны, къ морю и съ другой—въ той землѣ, которая съ Черногоріею составляетъ одно географическое и этнографическое цѣлое.

Если и раньше горы южной Герцеговины были неприступными крѣпостями, то уже недостаточно человѣческихъ словъ для изображенія того, чѣмъ онѣ стали нынѣ: такъ усовершенствована здѣсь природа! Каждая гора, высокая и низкая, имѣетъ здѣсь свое укрѣпленіе, на которое не пожалѣли ни трудовъ, ни денегъ. Уже между Требиномъ и Билечемъ выстроено 17 казармъ, цитаделей и бастіо-

новъ. «Von allen Höhen grussen Forts als Wache gegen Montenegro» [1]), говоритъ Реннеръ. На разстояніи четверти часа пути отъ Билеча уже стоитъ укрѣпленный лагерь. Цѣлая цѣпь крѣпостей противъ Черногоріи тянется вдоль всей черногорской границы. Число новыхъ крѣпостей постоянно прибываетъ; цѣпь становится все болѣе густою и широкою, такъ что уже цѣлая Герцоговина становится сплошною крѣпостью противъ Черногоріи.

Говорятъ, что и внутренности горъ также укрѣплены. Внутри каждой горы выдолблено пространство, въ которое ведетъ тайный входъ откуда-то съ задней стороны. Изъ этого пространства, въ которомъ поставлены пушки и митральезы, сдѣланы стрѣльны, скрытыя среди каменныхъ массъ такъ, что совершенно не видны и съ самой высокой горы. Если бы приблизились сзади черногорцы, то герцеговинскія горы, подобно вулканамъ, стали бы извергать скрытый въ нихъ огонь, и черногорцы сразу должны потерять всякое присутствіе духа. Куда-бы ни повернули черногорцы, всюду они должны очутиться подъ перекрестнымъ огнемъ. Кромѣ того герцеговинскія крѣпости соединены между собою еще телеграфомъ и фонографомъ, такъ что и малѣйшая опасность отъ непріятеля ни на одно мгновеніе не останется неизвѣстною цѣлой системѣ крѣпостей.

Сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, на всемъ земномъ шарѣ, было устроено такъ, чтобы вся страна была обращена въ одну сплошную крѣпость и сама природа, желавшая сдѣлать Герцеговину неприступною, была бы такъ дополнена съ такимъ искусствомъ и на такія громадныя суммы. Австро-Венгрія соорудила себѣ безсмертный памятникъ, который еще послѣ 1000-лѣтій будетъ гласить невѣдомымъ поколѣніямъ славу о томъ, что эту землю воздѣлало нѣкое государство, имя которому было Австро-Венгрія.

Невозможно пробѣжать между этими крѣпостями и не быть незамѣченной и куницѣ; также и ея пріятельница—птица не пролетитъ незамѣченною бдящими очами стражей противъ Черногоріи.

Всѣ особенности и подробности устройства этихъ страшныхъ крѣпостей отъ меня и моего любезнаго читателя закрыты непроницаемымъ покрываломъ. Въ крѣпости, и даже въ казармы этихъ мѣстностей, имѣетъ доступъ только особа военная, прикомандированная къ тому. Но мы и вы не состоимъ такими особами. Изъ числа профановъ временами можетъ попасть туда только нога бродячей пѣвицы, «но это останется глубокою тайною гарнизона», какъ замѣчаетъ шутливо Янъ Асботъ въ своей книгѣ.

По дорогѣ изъ Требини въ Билечъ стоитъ новый ханъ, въ которомъ

---

[1]) Во всѣхъ горныхъ вершинъ крѣпости—стражи противъ Черногоріи желаютъ здравствовать.

путешественники отдыхаютъ, а кучера закусываютъ и пьютъ. Ханжіемъ здѣсь какой-то поддустойникъ (унтеръ-офицеръ) въ отставкѣ. Конечно, не случайно то обстоятельство, что на спеціально-стратегической дорогѣ и корчма поручена особѣ, знающей военную службу. Кабатчикъ принимаетъ васъ любезно, спроситъ по-нѣмецки и съ отвращеніемъ отнесется къ сербской рѣчи, если вы не захотите говорить съ нимъ по-нѣмецки. Происхожденіемъ онъ—изъ австрійскихъ славянъ.

Здѣсь, въ тѣни хана, я немного отдохнулъ. Мои взоры, не могли отвратиться отъ укрѣпленныхъ горъ, а чрезъ нихъ скоро стали блуждать и по близкой цѣпи пограничныхъ черногорскихъ горъ, какъ будто бы хотѣли прочесть на ихъ понурыхъ челахъ то, о чемъ онѣ говорятъ и какъ имъ чувствуется.

Скоро прогремѣлъ какой-то экипажъ по требиньской дорогѣ. Изъ экипажа выскочилъ подполковникъ съ женою. Прибывшіе расположились у другого стола тоже передъ ханомъ. Подполковникъ, среднихъ лѣтъ, обладаетъ лаконическими движеніями к выраженіями и, очевидно, тщательно былъ ознакомленъ съ этими мѣстами, такъ что не посвятилъ ни малѣйшаго вниманія особенностямъ этой страны, между тѣмъ какъ эти особенности его, какъ спеціалиста, могли бы интересовать болѣе, чѣмъ меня—лаика. Гораздо болѣе онъ смотрѣлъ на меня, чѣмъ на горы съ крѣпостями. Взглядъ его не былъ любезнымъ и я уже ожидалъ, что онъ встанетъ и запретитъ мнѣ смотрѣть на окрестныя горы.

Подполковникъ, дѣйствительно, всталъ и, мимоходомъ, направляясь къ своему кучеру, чтобъ ѣхать далѣе, сказалъ мнѣ жесткимъ голосомъ: «Sie staunen, nicht wahr?» [1]).

— «E чему се дивити, пане. Маме предъ себоу валике дѣло рукоу лидскихъ, йежъ можно поставити по бокъ египетскымъ пирамидамъ!»

«Dumheiten!» [2]) ополчился энергичный лаконикъ. Дѣйствительно, это великое сооруженіе имѣетъ такое же практическое значеніе, какъ и египетскія пирамиды».

— «Какъ такъ? Глазъ и лаика видятъ, что къ этимъ страшнымъ крѣпостямъ непріятель даже и приблизиться не посмѣетъ; не говорю уже объ осадѣ».

«Er müsste ein ordentlicher Esel sein! Hören's mal, Sie Laie, von einem Beamten [3]). Герцеговина уже однажды повстала противъ Австро-Венгріи и ея повстаніе было утоплено въ ея собственной крови. Сама Герцеговина противъ Австро-Венгріи болѣе уже не повстанетъ. Если,

---

1) Вы удивляетесь—неправда-ли?

2) Глупости!

3) Дѣйствительно, онъ былъ-бы настоящимъ осломъ! Послушайте, лаикъ, компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица!

бы эти крѣпости были сооружены противъ повстанцевъ, тогда онѣ не имѣли бы никакой цѣны. Въ Герцеговинѣ можетъ дѣло дойти до повстанья лишь въ томъ случаѣ, если за повстанцами будетъ Черногорія».

«Jawohl. Еслибы Черногорія вздурила и въ одинъ прекрасный день объявила бы Австро-Венгріи войну, то она была бы разстрясена до самого основанія. Мы нагрянули бы на нее со всѣхъ сторонъ и, если бы не поразили ее, говорю примѣрно, то задушили бы ее и могли бы продолжать въ этомъ великомъ дѣлѣ укрѣпленій такъ, чтобъ каждая и черногорская гора была укрѣплена совнѣ и совнутри точно также, какъ и каждая гора герцеговинская. Aber das ist eben der Spass [1]), потому что ни Черногорія сама съ нами не начнетъ войны, ни мы съ нею. Дѣло—въ томъ, что еслибы мы по собственному почину начали эту войну, то весь міръ съ своими симпатіями сталъ бы на сторонѣ Черногоріи, какъ сторонѣ слабѣйшей и мы нравственно проиграли бы больше, нежели пріобрѣли бы оружіемъ. Черногорія можетъ имѣть столкновеніе съ нами, только въ качествѣ союзницы Россіи. Но и этотъ случай исключенъ изъ предѣловъ возможности, потому что Австрія желаетъ имѣть съ Россіею пріятельскія отношенія, но вовсе не непріятельскія. Еслибы дѣло дошло до войны съ Россіею, тогда Австро-Венгрія должна бы большую часть своей военной силы поставить противъ Россіи. А меньшая часть, занявшая эти позиціи, не могла бы уже придти къ наступательной войнѣ противъ Черногоріи вслѣдствіе того, что Черногорія не владѣетъ искусственными укрѣпленіями ни на одной изъ своихъ горъ, ни на одной даже своей стѣнѣ. Она ограждалась бы, какъ и всегда, своими природными крѣпостями, которыхъ вслѣдствіе ихъ разнообразія, могутъ знать только домородцы. Черногорцы дѣлали бы постоянныя нападенія на насъ и убѣгали бы назадъ тайными тропинками, ввергали бы насъ въ пропасти, рытвины и трясины, въ которыхъ даже женщины и дѣти стали бы избивать насъ камнями, какъ дѣлали это съ турками; а мы также, какъ турки, въ самомъ благопріятнѣйшемъ случаѣ могли бы только сохранить свою честь, какъ говорится. Но и въ этомъ случаѣ мы сплели бы только новый лавровый вѣнокъ Черной горѣ».

— «Простите, но я понимаю значеніе этихъ австро-венгерскихъ укрѣпленій именно въ томъ, что здѣсь имѣется ввиду оборона противъ Черногоріи, какъ о томъ всюду слышишь».

«Правда, противъ Черногоріи. Но она поведетъ съ нами только оборонительную войну. Если бы она собрала и всѣхъ своихъ мужей, которыхъ тамъ около 50.000, и привела бы ихъ сюда, то на нихъ высыпался бы со всѣхъ сторонъ огненный дождь и въ продолженіи

---

[1]) Но все это только—забава.

двухъ часовъ Черногорія была бы уничтожена на вѣки,—была бы вычеркнута изъ списка живыхъ и стала бы нашимъ «hinterland'омъ, такъ же, какъ и проклятая Герцеговина. Но если они, черногорцы, не сдѣлають намъ этой радости и не помогутъ славѣ нашего оружія, такъ чтобъ намъ можно было сказать: «Турки не могли одолѣть Черногоріи, даже въ то время, какъ были на верху своей славы, а Австрія совершила это!»—скажу вамъ, если желаете знать, о томъ, какъ поведутъ съ нами войну черногорцы. Именно такъ точно, какъ и всегда они воевали съ турками. Они будутъ нападать на насъ малыми летучими отрядами, будутъ встрѣчать насъ совершенно неожиданно со всѣхъ сторонъ и во всякое время, безпокоить и дразнить насъ, такъ чтобъ имъ удалось вовлечь насъ на Черную Гору, гдѣ мы окажемся совершенно безпомощными, потому что вдругъ мы лишились бы чувства безопасности, которое насъ здѣсь, въ этихъ запертыхъ крѣпостяхъ, изнѣжило. Но какъ скоро мы хотя бы на одно мгновеніе окажемся слабыми, непріятель-воинъ по своей природѣ и инстинкту—сразу почуетъ слабость своихъ противниковъ, очутится въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели мы, и воспользуется этимъ случаемъ надлежащимъ образомъ. Въ этой мѣстности можно вести только горскую войну, гуериллу, въ которой черногорцы на-всегда останутся недосягаемыми мастерами».

— «Такъ обучите свое войско гуериллѣ».

«Sie verstehen aber gar nichts! [1]) Правильнаго войска никогда невозможно приспособить для гуериллы. Въ правильномъ войскѣ каждый солдатъ полагается на приказанія своего старшаго, ожидаетъ приказанія и безъ приказанія ничего не сдѣлаетъ уже не изъ одного опасенія, чтобъ не испортить чего-либо въ военномъ планѣ, но совершенно по доброй волѣ, чтобъ не надрывать себя. Гуериллу можетъ вести только такой народъ, который знаетъ и любитъ каждую пядь своей родины и сознаетъ, что проливаетъ кровь за все, что мило и дорого его сердцу и, если теряетъ кровь, то онъ не загинетъ въ общей шахтѣ, но будемъ продолжать свою жизнь въ крови и душѣ своихъ родныхъ. А это, господинъ, придаетъ огромныя, сверхъестественныя силы!»

— «Именно тоже самое и я передумалъ прежде, чѣмъ вы мнѣ это высказали. Хотя я—и лаикъ въ этихъ дѣлахъ, однако вижу то, что видитъ каждый здоровый глазъ. Мечъ — о двухъ концахъ; имъ можетъ порѣзаться каждый съ той и другой стороны. Если черногорцы будутъ заманивать насъ туда, то мы будемъ ихъ заманивать сюда. Правда, они не пойдутъ сюда цѣлою массою, будутъ вскакивать въ Герцеговину маленькими отрядами; но это было бы вредно только для нихъ же, потому что, еслибы они пришли сюда массою,

---

[1]) Ничего вы не понимаете!

то получили бы уже то, чего желаютъ. Въ противномъ же случаѣ они только продлятъ свое страданіе. Но кто знаетъ, можетъ быть они и рѣшаться принять смерть первымъ изъ этихъ способовъ, потому что, конечно, знаютъ о томъ, что среди этихъ укрѣпленій не пройдетъ незамѣченнымъ ни одинъ пѣшеходъ, не говорю уже о цѣломъ отрядѣ и что каждый, попавшій сюда, будетъ выданъ головой на милость и немилость австровенгерскимъ осаднымъ войскамъ. Если же черногорцы будутъ заманены въ Герцеговину—тогда очевидно, какъ бѣлый день, какъ поведутъ себя при этомъ наши войска. Конечно, пропустятъ ихъ первымъ рядомъ укрѣпленій, можетъ быть и вторымъ, а потомъ уже будутъ имѣть ихъ въ своей власти: запрутъ имъ отступленіе и тогда начешутъ имъ тамъ, что что будутъ хорошо помнить».

«Ich wiederhole Jhnen: Sie verstehen gar nichts von ganzen G'schicht! [1]). Одно забываете вы точно также, какъ и хитрый архитекторъ этихъ крѣпостей. Во время жаркаго лѣта здѣсь невозможно вести войны, потому что въ этой раскаленной печи и въ этомъ безводномъ краю ни одно войско не выдержитъ долго. Между тѣмъ только въ жаркое лѣто, когда днемъ и ночью въ теченіи цѣлаго мѣсяца здѣсь—ясный воздухъ, эти укрѣпленія могутъ имѣть свою цѣль. Но какъ скоро начнутся туманы, тогда облака обложатъ горы съ головы до пятъ и голова вслѣдствіе мглы не будетъ видѣть того, что дѣлается на пятѣ. Цѣлью черногорцевъ будетъ дотянуть разрѣшеніе войны до осеннихъ тумановъ. Потомъ они будутъ пробѣгать герцеговинскими долинами и оврагами совершенно незамѣтно для насъ. Der Nebel hat immer eine wichtige Rolle gespielt in der Geschichte Österreichs!» [2])

— «На этомъ яичкѣ не объѣдете меня, господинъ! Защитники крѣпостей не будутъ спать на горѣ. Если же не будутъ въ состояніи пользоваться укрѣпленіями, то сойдутъ въ долины подъ прикрытіемъ мглы, и тамъ будутъ встрѣчаться съ непріятелемъ и поражать его».

«Das isi eben das!» [3]) засмѣялся побѣдоносно подполковникъ. «Ничего другого сказать я и не хотѣлъ, какъ только то, что эти укрѣпленія не выполнятъ нашей надежды, что онѣ во много разъ дороже стоютъ, нежели сколько можетъ уплатить намъ Герцеговина и съ Черногоріею вмѣстѣ, что въ рѣшительное время онѣ окажутся намъ ненужными и безцѣльными, и что на этой землѣ всегда, покуда стоитъ міръ, черногорцы поведутъ войну старымъ способомъ. Лишь только сойдутъ въ долины защитники горъ, тогда самымъ опытомъ будетъ доказано, что въ крѣпостяхъ вовсе не было нужды и для

---

[1]) Повторяю Вамъ: ровно ничего Вы не понимаете въ этомъ дѣлѣ!
[2]) Туманъ всюду игралъ важную роль въ исторіи Австріи!
[3]) Такъ точно!

цѣлей государства вполнѣ было достаточно нѣсколькихъ казармъ. Jhr Diener, Herr!» [1])

Подполковникъ уже уходилъ, сдѣлалъ шагъ впередъ; но остановился, шагнулъ снова назадъ, полунагнулся ко мнѣ и какъ-бы что-то прошепталъ, потомъ рѣзко вскрикнулъ, какъ будто желая, чтобы слышно было и за тремя стѣнами: «Am meisten haben sie Civilisten unser Werk beschädigt [2]). На вашей обязанности лежало заискать здѣшнее обывательство для Австріи; всевозможными способами вы должны бы были пріобрѣсти и приковать ихъ къ Австріи узами благодарности и вѣрности. Герцеговинцы должны были бы считать себя счастливыми надъ вашимъ управленіемъ, — грудь ихъ должна была бы наполняться сознаніемъ того, что въ сравненіи съ прежнимъ своимъ положеніемъ они встали на почетной ступени среди народовъ,— должны были бы гордиться тѣмъ, что находятся подъ вашимъ руководствомъ, а на Черногорію должны бы озираться черезъ плечо. Если бы вы учинили все это, герцеговинецъ уже не видѣлъ бы въ Черногоріи своего образца и примѣра, — какъ въ періодъ турецкій былъ бы готовъ биться каждую пору за Австрію съ каждымъ непріятелемъ, на котораго былъ бы посланъ, хотя бы и съ черногорцами. А черногорецъ тогда сталъ бы завидовать ему и, вѣроятно, тайно желалъ бы и самъ получить такой-же жребій. Такимъ образомъ вы должны бы были отторгнуть герцеговинца отъ черногорца! Sie haben alles verdorben, sie schwarzröckige, schmalbeinige Administrations Pfuscher! Jhr Diener!» [3]).

Подполковникъ поѣхалъ, а я еще немного позадержался, чтобъ закусить. Я не тужилъ о дальнѣйшемъ развлеченіи съ этимъ господиномъ, принадлежащимъ къ разряду такихъ, о которыхъ говорятъ: «когда они при войскѣ, тогда — лойяльны; когда же съ нами, убогими цивилистами, тогда грубіаны.

Взглядовъ господ. подполковника мы не будемъ ни разбирать, ни разрѣшать. Обратился къ другимъ сторонамъ сосѣднихъ отношеній Австро-Венгріи къ Черногоріи.

Лишь только Австро-Венгрія вошла въ оккупованныя земли, какъ слишкомъ поусердствовала о томъ, чтобы пріобрѣсти для себя почву въ срецѣ обывательства. Но при этомъ Австро-Венгрія вовсе не искала пути къ сердцу народа, старалась заискать не массу народа, но отдѣльныхъ личностей, имѣвшихъ вліяніе на массы, барановъ стада. Нѣкоторые изъ этихъ барановъ служили Австріи даже во время повстанья, какъ напр. Петаръ Узелачъ въ Босніи. По проведеніи ок-

---

[1]) Вашъ покорнѣйшій слуга, господинъ!
[2]) Болѣе всего повредили нашему дѣлу Вы, цивилы!
[3]) Вы погубили все, черносюртучные, тонконогіе администраторы—бумагомораки! Вашъ слуга!

купаціи выдающіеся воеводы повстанцевъ и другіе любимые народомъ личности получили отъ Австро-Венгріи высокіе посты, саны, жалованье, деньги. Можно сказать, о всемъ было приложено стараніе. Однако вскорѣ же оккупація поняла, что подачки и награды не достигаютъ предположенныхъ результатовъ. Мужи, которыхъ оккупація хотѣла заискать для себя, остались вѣрными своему прошлому и не пристали къ новымъ порядкамъ. Тогда оккупація оставила ихъ, лишила государственныхъ постовъ, урегулировала ихъ жалованье и всѣмъ этимъ снова возвратила ихъ массамъ народа.

Таковыми были напр. Лука Петковичъ въ Требинѣ и Богданъ Зимуничъ въ Гацкѣ.

Ключа къ сердцу народа оккупація не искала и не нашла. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни благобыта, ни уровня духовнаго просвященія народа оккупація не вознесла на такую ступень, такъ чтобы влекомый благодарностью народъ самъ сталъ льнуть къ ней. Отсюда, естественно, оккупація пожелала достичь своей цѣли путемъ постановленій и запрещеній, такъ чтобъ обывательство постепенно свыклось съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, а это должно было повліять на направленіе мыслей и желаній народа. И вотъ Австро-Венгрія поставила на черногорской границѣ такую чиновническую стражу, что всякія сношенія герцеговинцевъ съ черногорцами были совершенно прекращены. О томъ, какъ старались отличиться нѣкоторые особенно ревностные чиновники въ этомъ дѣлѣ, было уже упомянуто нами. Дурной примѣръ ихъ проявилъ свое вліяніе и на другихъ чиновниковъ, менѣе ревностныхъ, и съ теченіемъ времени ими было достигнуто то, что между герцеговинцами и черногорцами прекратилось всякое общеніе и торговля, между тѣмъ какъ во время турецкаго владычества черногорцы и герцеговинцы всегда считались за одинъ и тотъ же народъ, раздѣляющій свою участь взаимнымъ сочувствіемъ, хотя бы они были и подъ разными владычествами. Но нужно было устроить препятствія и для черногорцевъ, которые за границею могли бы отважиться продолжать общенія съ герцеговинцами. Самому герцеговинцу уже не стало никакой возможности перебраться за чѣмъ-либо за черногорскую границу, потому что безъ проводительнаго билета (паспорта) онъ никуда не смѣлъ отлучиться; но также не могъ надѣяться и на то, чтобы получить такой билетъ для посѣщенія Черногоріи. Особенно неудобно было черногорскимъ пастухамъ стадъ оберегаться земскихъ границъ. Если самъ пастухъ и знаетъ хорошо границу, то не знаетъ ея его скотъ и смѣло идетъ туда, куда ему вздумается, и туда, куда идти онъ не долженъ. Какъ скоро какая-либо черногорская овца, или коза перешла границу оккупованнаго обывательства, она уже была взята. Тогда пастухъ, подобно евангельскому пастырю, отпускалъ свое стадо, не перешедшее границы, чтобы высвободить заблудшую овцу. Но былъ взятъ и онъ, приведенъ къ до-

просу, обысканъ, даже подстороженъ, чтобы раззлобился и допустилъ словомъ или дѣломъ какую-либо грубую провинкость. Но черногорцы воспитаны—какъ стоики; нѣтъ для нихъ ничего такого, что бы взволновало, раздражило, раззлобило и поразило. Послѣ долгой или краткой проволочки оставалось только освободить черногорца. Вообще же черногорцы осторожно поступаютъ и держатъ себя сообразно съ намёкомъ своего правительства, которое признало нужнымъ тѣмъ осторожнѣе и внимательнѣе отвращаться отъ всѣхъ мерзостей и не сходится съ оккупаторскими органами, чѣмъ нахальнѣе послѣдніе желали какихъ-либо пограничныхъ распрей съ черногорцами. Привыкшіе подчиняться и наибольшимъ ограниченіямъ, черногорцы не позволяли себѣ переступать границы своей родной земли. Потомъ какъ будто даже и черногорскій скотъ понялъ, чего желаетъ черногорская политика; онъ также пересталъ переходить черногорскую границу.

Тогда пограничные органы оккупаторской страны сразу почувствовали недостатокъ въ мелкихъ конфликтахъ съ черногорскими чиновниками и правительствомъ. Въ погонѣ за конфликтами нѣкоторые оккупачные чиновники не пренебрегали и тѣмъ, что стали пріучать черногорцевъ приносить имъ черногорскаго табаку (табакъ старой Черногоріи былъ очень дурного качества, но пріобрѣтеніемъ Подгорича Черногорія получила обширное табачное поле, на которомъ родится прекрасный табакъ, которому уступаетъ и нынѣшній требиньскій). А этимъ дана возможность снова задерживать обманомъ сводимыхъ съ границы своей земли, уже какъ контробандистовъ. 2 — 3 года сему назадъ такое осужденіе постигло одного черногорскаго мальчика. Въ оккупованной землѣ съ нимъ было поступлено такъ же, какъ съ раффинованнымъ, хитрымъ, старымъ пройдохой. Это было уже слишкомъ. Тогда заинтересовался этимъ дѣломъ самъ князь Никола. Захваченный мальчикъ былъ освобожденъ и съ того времени уже не случается болѣе пограничныхъ дрязгъ также, какъ нѣтъ и никакихъ пограничныхъ столкновеній.

Недалеко отъ Билеча, на самой границѣ, стоятъ другъ противъ друга два монастыря: Добричево—на герцоговинской сторонѣ и Косійерово—на черногорской. Оба они пользуются благоговѣйнымъ почитаніемъ у герцеговинцевъ и черногорцевъ; оба во время паломническихъ хожденій бываютъ обильно посѣщаемы народомъ; оба имѣютъ за собою и юнацкое (геройское) прошлое. Австрійскіе уряды не терпятъ даже и этихъ рилигіозныхъ столкновеній черногорцевъ съ герцеговинцами. Паломничество добричевское исполняется подъ охраною жандармовъ, и черногорецъ, обманомъ отправившійся въ паломничество, долженъ возвратиться съ дороги и непремѣнно воротиться, если не желаетъ жандармскихъ проводъ.

Между тѣмъ Черногорія не имѣетъ никакой причины возбранять подобными угрозами общеній своего обывательства съ герцеговинскимъ.

На праздникъ св. Троицы ежегодно совершается паломничество въ славный черногорскій монастырь въ Острогу. Во время этого паломничества издавна валомъ валился сюда народъ изъ всего балканскаго полуострова. Путешествовали сюда и турки и албанцы. Это острогское паломничество и вознаграждаетъ черногорцевъ и герцеговинцевъ въ ихъ разлукѣ въ продолженіи цѣлаго года. Оно каждый разъ волнуетъ цѣлую массу герцеговинскаго народа. Напрасно оккупаціонные органы запрещаютъ герцеговинцамъ посѣщать св. Василья Острогскаго. Когда приблизится день паломничества, не помогутъ никакія запрещенія, никакіе отказы дать проводные билеты, никакіе предостереженія и угрозы. Цѣлыя тысячи народа хлынутъ чрезъ Никшинское поле въ долину рѣки Зеты, надъ которою высоко выдѣляется вытесанный въ крутой скалѣ гробъ св. Василія. Въ последніе годы все-же посѣщеніе этого монастыря значительно ослабѣло; но въ 1898 г. посѣщеніе было столь велико, что такого еще не бывало во время оккупаціи. Путники пришли даже изъ Босніи и Старой Сербіи; между ними было много и магометанъ. Столь сильное возбужденіе массъ народа импонируетъ. Никто не возбранялъ имъ дороги и не было слышно, чтобы и дома эти путники получили какія либо непріятныя послѣдствія.

Чрезмѣрная осторожность Черногоріи дѣлаетъ ей великую честь. хотя и невыносимо её тѣснитъ. Черногорецъ можетъ съ гордостью чувствовать, что съ его малымъ и бѣднымъ отечествомъ считаются, какъ съ великою державою. А все-же тѣмъ, что сказано нами, далеко еще не исчерпаны всѣ мѣропріятія Австро-Венгріи противъ Черногоріи. Картину нужно дополнить изображеніемъ боя на торговомъ полѣ.

О торговыхъ Австро-Черногорскихъ сношеніяхъ можно сказать то, что они составляютъ вообще непрерывную войну, направленную Австріею противъ Черногоріи, или прямѣе сказать — постепенную осаду Черногоріи съ цѣлію сгладить её съ лица земли и принудить «мирнымъ способомъ» сдаться на капитуляцію Австріи. Эта безкровная война самой Австріи стоитъ многихъ жертвъ, ощущаемыхъ главнымъ образомъ народомъ того края габсбургской державы, который требуетъ торговыхъ сношеній съ Черногоріею для собственнаго преуспѣянія. Этотъ край—Бока Которская.

Австрія никогда не любила Черногоріи. Когда же она задѣлалась госпожею Боки Которской, то начала тѣснить пошлинами черногорскую торговлю съ приморьемъ, между тѣмъ какъ во времена венгерской республики эта торговля была совершенно свободною. Вообще отношенія между Австріею и Черногоріею раньше были довольно сносными; но послѣ берлинскаго конгресса эти отношенія ухудшились до послѣдней степени, какъ показано уже выше.

Австрійскіе коммерческіе политики обращаютъ вниманіе только на

общую хозяйственную силу обоихъ государствъ. Въ ихъ глазахъ Черногорія—почти ничего незначущій червячокъ, съ которымъ якобы можно играть, пока не захочется растоптать его ногою; а этотъ червячокъ противъ Австро-Венгріи не имѣетъ никакого оружія и даже не можетъ опереться ни на какое другое государство. Эта точка зрѣнія лишена здраваго смысла, не имѣетъ признаковъ нравственной политики и основывается только на перевѣсѣ грубой, матеріальной силы. Здравомыслящій австрійскій коммерческій политикъ долженъ помнить о томъ, что цѣлый край австрійскій—Бока Которская лишена торговыхъ сношеній съ Черногоріею. Съ этими двумя единицами: съ Бокою и Черногоріею должно считаться. Бока вообще не можетъ существовать безъ торговыхъ сношеній съ Черногоріею. Между южною Герцеговиною и Черногоріею торговыя границы еще могутъ быть запертыми, потому что оба эти края, какъ географически и этнографически, такъ и по хозяйственному производству, составляетъ одно цѣлое. На обѣихъ сторонахъ границы существуютъ одни и тѣже хозяйственныя условія. Одинъ край не можетъ на торгъ другого края привезти новыхъ товаровъ, которыхъ бы тотъ не имѣлъ. Здѣсь снова видимъ примѣръ того, какъ самый характеръ Балкана противится торговымъ сношеніямъ по направленію отъ сѣвера къ югу и обратно (т. е. отъ юга къ сѣверу)!

Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ торговымя сношеніями между Черною Горою и Бокою Которскою.

Для вывоза въ Австрію Черногорія имѣетъ у себя: мелкій и крупный скотъ, шерсть, дубильное корье, руй (растеніе которое употребляется для окрашиванья кожи), сушеную рыбу, самую лучшую бугарицу (растеніе, изъ котораго дѣлается порошокъ для истребленія насѣкомыхъ), сырыя невыдѣланныя овечьи шкуры, барановъ, кожи, бобковый листъ, оливковыя косточки, сѣно, дрова, звѣрей и ихъ шкуры, воскъ, медъ, сушеное мясо, сыръ, картофель, дичь. Черногорія же нуждается въ слѣдующихъ австрійскихъ товарахъ для ввоза: въ хлопчатобумажной и шелковой матеріяхъ, тонкомъ сукнѣ, кофе, сахарѣ, рисѣ, керосинѣ, мылѣ, спиртѣ, пивѣ, мукѣ, краскахъ, писчей и патронной бумагѣ, желѣзныхъ издѣліяхъ всѣхъ родовъ, доскахъ, соли и во многихъ другихъ мелкихъ товарахъ. Австрійскіе коммерческіе политики убѣждены въ томъ, что Австрія можетъ обойтись безъ черногорскихъ сырыхъ продуктовъ, но Черногорія совершенно не можетъ обойтись безъ австрійскихъ промысловыхъ производствъ. На этомъ и основана вся дѣятельность ихъ противъ Черногоріи.

Черногорія желала бы заключить съ Австро-Венгріею надлежащій торговый договоръ, такъ чтобы пошлинныя отношенія на ихъ границахъ были урегулированы законнымъ образомъ. Австрія проявила

съ своей стороны готовность къ договору, но лишь для торговли съ одною Бокою Которскою, исключивъ Боснію и Герцеговину изъ этого торговаго договора. Черногорія не согласилась на то, а вслѣдствіе этого и произошло то, что между обоими государствами нѣтъ пошлиннаго договора т. е. открыто поле немилосердной пошлинной войнѣ.

При этомъ Черногорія оказалась въ значительно бо́льшей невыгодѣ, потому что высокими пошлинами она болѣе бы повредила своему обывательству, нежели своему противнику, который легче выдержалъ бы напоры Черногоріи, нежели Черногорія, которая не могла бы обойтись безъ товаровъ австрійской промышленности. Оказавшись въ такомъ положеніи, Черногорія должна была удовлетвориться минимальными пошлинами на австрійскіе товары, между тѣмъ Австрія налагаетъ на черногорскіе товары максимальныя пошлины. Черногорія получаетъ съ австрійскихъ товаровъ 60% пошлину, считая съ наличной цѣны (съ дровъ только 40%), между тѣмъ Австрія въ въ таможняхъ поморскихъ и герцеговинскихъ получаетъ отъ Черногорцевъ: съ 1 штуки говяжьяго скота 15 зл. и еще 5 зл. 67 кр. добавочныхъ. (Говяжій скотъ черногорскій, какъ и герцеговинскій мелкій и цѣна 1 штуки не досягаетъ 100 зл.). Съ штуки свинаго скота 13 франк.; съ теленка-молокопойка 7 франк. Съ 1 цента сыра 55 фр., съ 1 цента солонины—44 франк. Съ штуки баранины 1 зл., что равняется 50% цѣны.

Потери Черногоріи возникаютъ еще вслѣдствіе того, что она пользуется австрійскою монетою и потому не имѣетъ вовсе выгодъ изъ дифференціи.

Въ другихъ государствахъ пошлины падаютъ тяжестью на потребителей; здѣсь же онѣ составляютъ бремя поставщиковъ. Одинъ черногорецъ изъ Грагова продалъ въ Риснѣ вола за 30 зл. Когда отсчитали пошлину, плату съ вѣсу, плату за врачебный осмотръ, то онъ получилъ за своего вола только 5 зл. За овецъ, послѣ отсчитанія пошлины и разныхъ другихъ платежей, черногорцы получаютъ часто то́лько нѣсколько гривенниковъ.

А все-же эта петля на шеѣ черногорца не могла удушить Черногорію. Неволя заставила черногорцевъ высматривать другіе пути для вывоза своихъ сырыхъ продуктовъ. Болѣе всего помогло имъ въ этомъ случаѣ приморье, полученное послѣ послѣдней войны. Князь Никола указалъ черногорцамъ на Италію, Мальту и Марсель, куда они могутъ вывозить свои товары. Черногорцы были тогда настолько угнетены, что уже не довѣряли самимъ себѣ, боясь еще большихъ утратъ. Когда они стали возражать, князь сказалъ имъ: «Если потеряете отъ этой новой торговли, я вознагражу вашъ убытокъ. И на будущій же годъ отправьте туда свои товары и свой скотъ и я тотчасъ же вознагражу все, въ чемъ получите убытокъ. Когда же узнаете чужіе торги и научитесь торговать, тогда не будете имѣть убытка».

Предпріятіе удалось. Черногорскіе привозные товары уже извѣстны

и въ итальянскомъ Барѣ, и на Мальтѣ и въ Марселли. Торговлѣ Черногоріи съ Франціею усердно помогаетъ французскій консулъ въ Цетиньи, господ. Депре! Вывозъ черногорскій уже сталъ превышать 2 милл. зл. въ годъ. Чрезъ эту торговлю приходятъ въ землю деньги, а онѣ даютъ возможность улучшить хозяйство. озаботиться лучшими породами скота и т. п.

Так. обр. хозяйственный бой съ Австро-Венгріею вдругъ обратился въ успѣхъ Черногоріи, совершенно такъ же, какъ нѣкогда случилось въ междоусобіи малаго Давида съ великаномъ Галіафомъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что это здоровое торговое сношеніе движется опять между востокомъ и западомъ.

Ущербъ, получающійся вслѣдствіе закрытія австрійской границы предъ черногорскими товарами на сторонѣ Боки, немалый. Австрія сама можетъ снабдить Боку Которскую своими товарами, но въ такомъ случаѣ дальняя доставка слишкомъ сдорожили бы товары. Дѣло дошло уже до того, что сами бокенки приходятъ въ Черногорію, покупаютъ тамъ все, что нужно для кухни, и накупленное контрobандою приносятъ домой. Недавно разыгрался на бокенской границѣ слѣдующій случай: десять бокенокъ пришло въ Черногорію, накупило мяса и другихъ продуктовъ, и возвращалось домой. На границѣ замѣтила ихъ стража и закричала: «стой!» Жены остановились. Нѣсколько мгновеній обѣ стороны насторожились одна противъ другой. Женщинамъ это показалосъ слишкомъ долгимъ: онѣ закричали, призывая на помощь своихъ мужей. Австрійскіе стражи, считая ихъ за черногорокъ и, ожидая начала битвы, сдѣлали «правильное отступленіе» къ крѣпости Гораждѣ, чтобы получить подкрѣпленіе. Въ это время женщины перебѣжали границу. Такихъ случаевъ бываетъ много.

Вообще австрійская политика противъ Черногоріи поспособствала тому, что Черногорія начала освобождаться отъ торговаго сношенія съ Австріею и съ замѣтнымъ успѣхомъ, а разросшіяся чисто-политическія и торговополитическія связи помогли Черногоріи получить громадное значеніе на всемъ Балканѣ. Каждый видитъ, что Австрія относится къ Черногоріи, какъ къ своему противнику, который не можетъ быть оцѣненъ ниже, чѣмъ слѣдуетъ его цѣнить.

Двадцатилѣтняя мирная война между Австро-Венгріею и Черногоріею составляетъ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ періодовъ славнаго княженія и верхъ политическаго такта князя Николы. Едва-ли кто надѣялся, чтобы Черногорія, бывшая по цѣлымъ столѣтіямъ воинскимъ лагеремъ, а на цѣли мира не имѣвшая ни времени, ни помышленій, вдругъ очутилась въ новомъ положеніи и съ такимъ успѣхомъ. Тѣмъ славнѣе этотъ періодъ для Черногоріи, что на новомъ, непривычномъ полѣ, гдѣ иные народы значительно испортились нравственно, она осталась вѣрною своему духу, своей исторіи, завѣтамъ и идеаламъ своихъ предковъ.

IX.

Билечъ.—Хозяйственныя реформы.—Аграрный вопросъ.

Около 6 часовъ вечера мы подъѣзжали къ Билечу. Впереди, предъ самымъ городомъ, видимъ рѣку Требинчицу. Какъ и многія другія рѣки этой страны, она выходитъ изъ скалы сразу готовою рѣкою. Истокъ ея находится по правую сторону, глубоко подъ дорогою. Это—роскошный поэтическій уголокъ. Высокія скалы своими вершинами бросаютъ на него вечернюю тѣнь; берега рѣки пріятно зеленѣются. Нашелся кто-то, понявшій прелесть этого уголка и поставившій для себя въ тѣни бесѣдку.

Чудная рѣка Требинчица течетъ отъ Билеча къ Черногорской границѣ и русло ея пробито между высокими стѣнами по западному направленію. Прорвавши себѣ путь въ Требиньское поле, она раздѣлилась здѣсь на четыре рѣки, вьющіяся многими извилинами по этому полю, увлажняя его. На сѣверо-западѣ отъ Требини она протекаетъ чрезъ плоскогоріе, простирающееся до Клека, и мѣстами имѣющее 3 килом. ширины. Это плоскогоріе называется Поповымъ полемъ. Весною русло рѣки здѣсь высыхаетъ, но къ осени оно наводняется такъ, что заливаетъ цѣлое поле, обращая его въ озеро. Въ то время вода приходитъ также изъ «поноровъ»—воронкообразныхъ пропастей, наводняющихся весною. Отъ осени до весны поле остается озеромъ. Обыватели этого поля—ихъ насчитывается до 5000 челов.—живутъ въ 20 весяхъ: плаваютъ по озеру въ лодкахъ и ловятъ въ немъ мелкую, очень вкусную рыбу, которая составляетъ спеціалитетъ этой воды и слыветъ у народа подъ именетъ «гаовица». Весною вода спадаетъ и оставляетъ на полѣ плодородный наносъ, на которомъ въ изобиліи родится хлѣбъ разныхъ сортовъ, кукуруза, дыни и мелоуны. Съ Попова поля Трибинчица далѣе не выбѣгаетъ наружу, течетъ подземнымъ русломъ и, по-

общему мнѣнію, выходитъ снова изъ скалы близъ Дубровника, гдѣ и ввергается прямо въ море, но уже подъ новымъ именемъ «Гумла (Омбла)».

Билечъ не отличается никакими особенностями. Расположенъ на невысокомъ холмѣ, имѣетъ одну площадь и нѣсколько короткихъ улицъ, разбѣгающихся отъ нея. Рекламисты оккупаціи прославляютъ генерала Гальгоція (Galgocyza), какъ «возстановителя» Билеча. Насколько велика заслуга этого генерала—увидимъ изъ дальнѣйшаго. Билечъ очень много потерпѣлъ въ первыхъ годахъ оккупаціи. Чтобы расположить къ себѣ обывательство этого города, оккупація выстроила здѣсь для православныхъ новый храмъ, а для магометанъ новую джамію—конечно, изъ ихъ же собственныхъ фондовъ. Оба сооруженія—очень красивы. Потомъ въ городѣ возникли новыя казенныя зданія: соединенныя таможенная и пошлинная конторы, команда военной бригады, военный госпиталь, военный цейгаусъ и военная станція для почтовыхъ голубей. Для удобствъ путешественниковъ на правительственныя суммы построенъ малый готель, называемый «Готель Жанъ» по имени нанимателя, происхожденіемъ словинца, но дѣйствительнымъ хозяиномъ готеля состоитъ госп. предстойникъ. Вотъ—всѣ зданія, построенныя въ Билечѣ правительствомъ для своихъ прямыхъ и косвенныхъ цѣлей! И этимъ уже исчерпывается вся правительственная предпріимчивость для этого города. Изъ частной же предпріимчивости возникли здѣсь двѣ-три кофейни съ кельнерицами.

По народной переписи 1895 г. въ Билечѣ было: 103 жилыхъ дома, 37 нежилыхъ, 1497 жителей; изъ этого числа 881 падаетъ на чиновничество, такъ что обывателей этого города всего только 616. Изъ нихъ 321 муж. и 295 жен. пола. Магометанъ въ городѣ 292, православныхъ 220 и католиковъ 98 (до оккупаціи католиковъ здѣсь не было).

Вывѣски на торговыхъ домахъ и лавкахъ всюду нѣмецкія; только одна вывѣска—чешская; она гласитъ: «Реставраце у мѣста Праги, Дюра Биберджича». Это—старая, полуразвалившаяся корчма. Кто былъ этотъ туземный почитатель чешскаго языка Дюро Биберджичъ—я не узналъ. Какъ бы на зло ему, книгопродавецъ Францъ Ванечекъ, вывѣсилъ свою фирму на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ.

Когда моя повозка остановилась предъ «готелемъ Жанъ», выбѣжала оттуда кельнерица привѣтствовать меня пріятною улыбкою. Когда же я вслѣдъ за нею входилъ въ гостинницу, она уже держала предо мною развернутую книгу для записи пріѣзжающихъ. Еще я не успѣлъ перенести другой ноги за порогъ маленькой скромненькой комнатки, указанной мнѣ господиномъ Жаномъ, какъ она уже настоятельно просила меня записаться въ книгу. Даже зонта не давала мнѣ положить въ сторону.

— «Вы слишкомъ любопытны», уклонялся я отъ записи съ омерзеніемъ.

«Я не любопытна, но исполняю строгое предписаніе господ. предстойника».

— «О, если такъ, тогда исполняйте все, что вамъ приказано! Но мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашего предстойника. Ко мнѣ не относится его распоряженіе».

«Имя каждаго пребывшаго должно быть сообщено въ полицію», защищала кельнерица добрый оккупачный порядокъ.

— «Мое имя и званіе узнаетъ ваша полиція и госп. предстойникъ прежде, чѣмъ минутъ 24 часа», сказалъ я, возвысивъ голосъ, такъ что кельнерица струсила. Положила книгу на столъ и ушла за свѣжей водой. Когда принесла воду, держала себя уже совершенно иначе, чѣмъ сначала: ходила на цыпочкахъ, вѣжливо допытывалась о моихъ желаніяхъ и распоряженіяхъ, а о книгѣ для записи иностранцевъ уже и не напоминала. А я забылъ о ней, какъ о смерти.

Почтенный турчинъ Омеръ пришелъ проститься со мною. Стыдливо и съ замѣшательствомъ онъ объявилъ мнѣ о томъ, что не можетъ ѣхать со мной въ Мостаръ, и что передаетъ меня своему брату Амету (Ахмету), который и повезетъ меня дальше. Онъ привелъ съ собою и Амета. Это былъ бодрый, статный, молодой мужъ съ правильными, почти красивыми, чертами лица, высокій, какъ ель; глаза полны юмора, что у магометанъ, обычно-важныхъ и замкнутыхъ, бываетъ очень рѣдко. Мнѣ было непріятно это заявленіе, потому что съ Омеромъ я могъ разговаривать о различныхъ вещахъ, касающихся его родины, между тѣмъ Аметъ, какъ говорилъ уже его первый взглядъ, не обладалъ природнымъ интеллектомъ Омера и не могъ вознаградить его. Мнѣ не хотѣлось разлучаться съ Омеромъ; онъ тоже былъ печаленъ и, какъ было видно по его глазамъ, искренне. Но я долженъ былъ понять, что иначе нельзя, потому что сообщеніе фіакромъ между Дубровникомъ и Мостаромъ, а также и съ другими городами, организовано обществомъ магометанъ—содержателей коней во всѣхъ мѣстностяхъ при большихъ дорогахъ, и Омеръ подлежалъ бы штрафу со стороны этой организаціи, еслибы повезъ меня дальше.

Аметъ не былъ роднымъ братомъ Омеру. Омеръ назвалъ его братомъ только въ смыслѣ «задружномъ». Въ Гацкѣ Аметъ передалъ меня другому «брату» Амиту (Гамиду), который наконецъ привезъ меня къ цѣли — въ Мостаръ. При разставаніи Омеръ поручилъ Амету разсказывать мнѣ о различныхъ вещахъ, совершающихся въ Герцеговинѣ. Какъ понялъ это порученіе мой новый возница — скажу объ этомъ ниже.

При «готелѣ Жанъ» есть малый садикъ. Кельнерица пригласила меня на ужинъ. Просто на-просто хотѣла она, чтобы я сѣлъ у

того стола, который былъ раскрытъ и стоялъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ садика. Нетрудно было догадаться, что это былъ столъ ежедневныхъ посѣтителей ресторана—господъ оккупачниковъ, потому что оккупованные до сего времени не оцивилизованы настолько, чтобъ въ гостинницѣ не видѣть ничего болѣе, какъ только домъ, назначенный для пристанища путешественниковъ и утоленія ихъ жажды и голода. Я выбралъ столикъ, поставленный въ сторонѣ отъ того стола. Кельнерица подскочила и оправила скатерть. Ее влекло желаніе, свойственное женщинамъ, когда представляется случай, хотя пальцемъ дотронуться къ чему-нибудь такому, что приготовили другіе; можетъ быть это—интрига, или же сюрпризъ. Мое присутствіе стало тотчасъ же замѣтнымъ, какъ скоро кельнерица, ставя предо мною печеную курицу и джбанекъ (кружку) пива, начала награждать меня высокими титулами, что я объяснилъ себѣ тѣмъ, что она принимаетъ мебя за высокую особу, посланную съ цѣлію инспекціи (дозора за здѣшними оккупачными порядками). То обстоятельство, что я сѣлъ въ сторонѣ, она считала предвѣстіемъ близкой бури, которая пронесется надъ головами тѣхъ господъ, которые ежедневно засѣдаютъ у главнаго стола.

Вскорѣ къ тому столу подсѣли два господина: одинъ въ цивильномъ (свѣтскомъ) платьѣ, другой — молодой поручикъ. Кельнерица привѣтствовала ихъ особенно услужливо; но волновалась, а глаза ея горѣли ожиданіемъ и злорадствомъ. Господа вели себя съ достоинствомъ: не оглядывались ни направо, ни налѣво, были заняты своимъ разговоромъ. Моя личность осталась совершенно не замѣченною ими,—по крайней мѣрѣ, сначала. Оба господина считали себя столь высокими въ сравненіи со всѣми другими живыми тварями въ Билечѣ, что въ перспективѣ жареной птицы видѣли только соусъ, но не людей. Господина въ цивильномъ платьѣ кельнерица называла «Herr Predstojnik». Но и безъ того я могъ уже понять, что вблизи меня сидѣлъ билечскій предстойникъ, потому что предстойники въ оккупованныхъ земляхъ занимаютъ столь высокое положеніе надъ оккупованнымъ народомъ, что, естественно, сами себя должны обожествлять и считать за сверхъ-естественныхъ, богоравныхъ существъ. Тѣ особенности, которыми въ турецкій періодъ дурно пользовались паши, всецѣло перешли на предстойниковъ.

Кельнерица была недовольна тѣмъ, что господинъ предстойникъ столь мало вниманія посвѣщаетъ мнѣ. Чтобы обратить на меня его вниманіе, она громко назвала меня «Herr Jnspector». Подѣйствовало: оба господина были озадачены, притихли, стороною посматривали на меня. Но предстойникъ не потерялъ не только самосознанія, но и присутствія духа. Мгновенно сообразилъ, что ему не грозитъ никакой опасности и что здѣсь нѣтъ никого такого, предъ кѣмъ бы

онъ могъ гнуть свою гордую шею. а лицо превращать въ покорную улыбку.-Дустойникъ видѣлъ, что его пріятель не поколебался въ своемъ сѣдлѣ, и спросилъ въ полголоса, указывая на меня пальцемъ, обращеннымъ назадъ: «Wer ist das?»

«Vielleicht, der neue Strassenmeister» [1]), отвѣчалъ предположительно предстойникъ, съ намѣреніемъ громче, чтобъ и я могъ слышать.

Потомъ они продолжали далѣе свой разговоръ.

До сихъ поръ для меня было тайною, о чемъ разговариваютъ господа лейтенанты. Я наблюдалъ надъ ними сто разъ; но никогда не слыхалъ, чтобъ они разговаривали живо и отчетливо, какъ будто-бы всюду они рѣшали великія проблемы. Я прислушивался къ нимъ и вблизи, но разговоръ ихъ моему уху всегда казался какъ-бы шумомъ мельницы. Напрасно ухо внимало единичнымъ звукамъ: въ нихъ никогда не находило никакого значенія и даже смысла. Только въ Билечѣ мнѣ улыбнулось счастье, такъ какъ здѣсь разрѣшилась эта загадка, безпокоившая меня многіе годы.

Господ. предстойникъ и его пріятель поручикъ разговаривали о воробьяхъ. Главное слово принадлежало дустойнику. Онъ говорилъ медлено и выразительно, отчеканивая каждое слово, какъ ружейную пулю: Каждое предложеніе онъ начиналъ словами: Ich hab' mir sagen lassen» [2]).

«Ich hab' mir sagen lassen, что воробей—праотецъ всего царства птицъ. Ich hab' mir sagen lassen, что самъ Дарвинъ неопровержимо доказалъ это. Ich hab' mir sagen lassen, что въ одной землѣ, называемой Feuerland [3]), воробьи выростаютъ до величины нашихъ гусей и тамъ относятся къ нимъ, какъ къ дичи. Ich hab' mir sagen lassen, что тамошній воробей есть праворобей, Ursperling, können wir sagen. Нашъ воробей—недоразвившійся и почти совершенно потерялъ свои первоначальныя особенности.Ich hab' mir sagen lassen, что въ Огненной землѣ напр. воробей ничего другого не ѣстъ, какъ только гусеницъ. Нашъ воробей также питается гусеницами, если находитъ ихъ; если же нѣтъ. то питается и зернами. Поэтому можно себѣ представить, что тамошнему воробью нужно, какъ и гусю, ежедневно большое количество гусеницъ. Ich hab' mir sagen lassen, что тамъ, въ Огненной землѣ, домохозяйки умѣло воспитываютъ и выводятъ гусеницъ. что тамъ очень удобно и быстро дѣлается, потому что при огнѣ той Огненной земли все развивается очень быстро. Тамошніе громадные воробьи не обратили бы и вниманія на такихъ малыхъ гусеницъ, какъ наши. Ich hab' mir sagen lassen, dass die feuerländischen Raupen so gross sind,

---

[1]) Вѣроятно, новый путейскій инспекторъ.

[2]) Позволю себѣ сказать.

[3]) Огненная земля.

wie bei uns Krenwürstel [1]). Само собою разумѣется, что также и мотыли, изъ яичекъ которыхъ производятся гусеницы, не меньше нашихъ курицъ. Самихъ мотылей жители Огненной земли не ѣдятъ, но употребляютъ въ пищу только ихъ яйца; ich hab' mir sagen lassen, онѣ имѣютъ пріятный (сладкій) вкусъ. Тамъ земля полна бóльшихъ или мéньшихъ трещинъ, откуда просачивается огонь; поэтому ученые и дали той землѣ имя Огненной земли, Feuerland. Для обывателей это очень удобно, потому что сама природа, «эта мудрая и щедрая мать» даромъ даетъ имъ топливо и освѣщеніе. Если положить яичко мотыля на тонкую дощечку и поставить ее на малую разселину съ тихимъ пламенемъ, то послѣ 24 часовъ изъ яичка высидится гусеница для воробья. Если же разбить яйцо на сковородѣ, прибавить кусокъ масла, и поставить сковороду на большое пламя, so haben Sie im Nu eine ausgezeichnete Eierspeise» [2]).

О многомъ и другомъ, подобномъ воробьямъ, разговаривали между собою эти два столпа оккупаціи въ Билечѣ; всего пересказать нѣтъ возможности. Я долженъ удовлетвориться однимъ только указаніемъ на этотъ ученый разговоръ, который разрѣшилъ мнѣ загадку, о какихъ предметахъ господа поручики болѣе всего любятъ разсуждать и какой смыслъ имѣютъ ихъ разговоры въ обществѣ. Въ томъ, что они говорятъ много, съ самоуслажденіемъ и даже, если можно такъ выразиться, съ какимъ-то самовдохновеніемъ--я никогда не сомнѣвался. Все слышанное мною тогда было очень поучительнымъ для меня, тѣмъ болѣе потому, что я такъ долго старался о томъ узнать. Этотъ разговоръ значительно обогатилъ мои свѣдѣнія, такъ что при всей скромности своей я не могу не похвастаться. Но окончимъ рѣчь объ этихъ премудростяхъ, услышанныхъ мною въ Билечѣ. Если вы думаете, что люди такихъ убѣжденій, какъ указано мною совершенно справедливо, обладаютъ способностью нести въ чужія земли какую-нибудь культуру, то я уступаю и спорить съ вами не стану.

Сообразивъ, что уже достаточно имѣю свѣдѣній, я собрался пройтись по улицамъ города. Былъ прекрасный лунный вечеръ. Вѣроятно, нигдѣ луна не очаровательна такъ, какъ здѣсь, когда она озаряетъ вершины герцеговинскихъ, черногорскихъ и далматскихъ горъ. На Поморьи это впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ, что освѣщенное мѣсяцемъ Синее море представляетъ собою прекрасное дополненіе и совершенный контрастъ грубымъ, суровымъ, глубоко задумчивымъ, а при лунномъ освѣщеніи какъ-бы свѣтящимся фосфоромъ, горнымъ вершинамъ.

Еще я не успѣлъ выйдти изъ садика, какъ господ. предстойникъ

---

[1]) Позволю себѣ сказать, что гусеницы въ Огненной землѣ по величинѣ равны нашимъ мотылямъ.

[2]) То моментально получите превосходную яичницу.

крикнулъ кельнерицу и приказалъ ей принести книгу для записи пріѣзжающихъ. Она объявила, что не могла принудить меня записаться въ книгу.

Предстойникъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

«Какъ онъ отважился на это?» съ безпокойствомъ спрашивалъ онъ. «Развѣ вы не сказали ему о томъ, что мое приказаніе—записываться каждому, кто только переступитъ порогъ вашей гостинницы и что я не терплю медленія?»

«Все это я говорила ему».

«А онъ что?» спрашивалъ предстойникъ уже спокойнѣе.

«Сказалъ, что послѣ 24 часовъ и безъ того узнаете».

Предстойникъ замолчалъ и задумался.

Моя прогулка по городу была непріятною, потому что тотчасъ же за мною появилась живая тѣнь, преслѣдовавшая меня всюду, куда я ни сварачивалъ. Когда я хотѣлъ уклониться въ побочную улицу, тамъ уже ожидала меня другая черная фигура, чтобы перехватить наблюденіе надъ ночнымъ путникомъ. Я хотѣлъ уйти за городъ, — откуда ни взялись два нѣмые проводника за моими пятами. Повернулся назадъ, чтобы воротиться въ готель—слышу свое имя: иду на голосъ. Изъ-за груды камней всталъ мужъ, идетъ ко мнѣ на встрѣчу, беретъ за руку и говоритъ: «Иди за мной!»

Это былъ Аметъ.

«Ночью не ходи по городу» сказалъ онъ мнѣ заботливо. Не знаешь, что могло бы случиться!».

— «Развѣ здѣсь не безопасно?»

Слишкомъ опасно. Какъ ты уже замѣтилъ: не сдѣлаешь и десяти шаговъ, какъ за тобою станетъ кто-нибудь наблюдать и замѣчать все, что̀ ты будешь дѣлать».

Вспомнивъ порученіе Омера — пересказать мнѣ о всевозможныхъ вещахъ относительно Герцеговины, Аметъ пожелалъ сообщить мнѣ о томъ, чему онъ посвятилъ свою жизнь, о чемъ онъ думаетъ, какъ смотритъ на вещи и вообще о всемъ, что составляетъ содержаніе его духовной жизни. Привелъ меня въ просторную конюшню Авдаги Селимовича, своего господина. Она была полна коней. Аметъ взялъ въ руку лампу, посвѣтилъ на каждаго коня, называлъ ихъ по именамъ, гладилъ, трепалъ и щекоталъ ихъ: онъ былъ въ своей сферѣ. Осмотрѣвши коней, мы сѣли па омётъ соломы и Аметъ съ неменьшимъ интересомъ сталъ разсказывать о билечской магометанской аристократіи, въ средѣ которой первыя мѣста занимали его господинъ и кади Алага Дрльевичъ. Потомъ онъ перенесъ разговоръ на требинскихъ и вообще на герцеговинскихъ беговъ. Разсказывалъ и о такихъ вещахъ, до которыхъ мнѣ не было никакого интереса. Онъ не понялъ порученія Омера, а я предоставилъ ему полную свободу говорить, зная его ограничность. Но все-же одно обстоятельство среди

этой бесѣды въ конюшнѣ Авгаги Селимовича стало мнѣ понятно—именно: среди оккупованныхъ есть такіе люди, мысли которыхъ идутъ своими особенными тропинками, такъ что ни разу не коснутся оккупаціи и того, что стоитъ въ связи съ нею. Еще яснѣе стало это для меня въ слѣдующія дни. Аметъ и смѣнившій его Амидъ вели себя примѣрно, покуда исполняли свою службу, за условленную цѣну. Они были учтивыми и вѣжливыми совершенно такъ, какъ поручилъ имъ Омеръ. Но какъ скоро мы дѣлали какую-либо остановку, они уже были въ своей средѣ между своими и смотрѣли уже чуждо на цѣлый свѣтъ, и на меня въ томъ числѣ. Вы скоро поймете, что магометане составляютъ свой замкнутый кругъ, особенное общество въ народѣ. Они какъ-бы отдѣлены какою-то оградою, изъ-за которой выходятъ, когда хотятъ, или могутъ войти въ столкновеніе съ внѣшнимъ для нихъ міромъ, въ который они только временами вступаютъ и снова неприступно замыкаются въ своемъ кругу, какъ скоро имъ покажется, что уже достаточно побыли внѣ своего круга. Вы замѣчаете, что магометане только къ себѣ льнутъ, вѣрятъ только себѣ, живутъ только собою. Они имѣютъ свою вѣру, свои взгляды и традиціи и свое самолюбіе. Новыя отношенія, приведенныя оккупаціею, касаются ихъ только поверхностно, только матеріально; духъ же ихъ остается нетронутымъ Оккупацію они считаютъ несчастіемъ, раною судьбы, наказаніемъ Аллаха; но хранятъ внутреннюю увѣренность въ томъ, что она—временное, преходящее состояніе. Они твердо вѣрятъ въ то, что они—избранники и орудіе Божіе и что снова наступитъ то время, какого они терпѣливо ожидаютъ. У нихъ свои особенные взгляды, они иначе смотрятъ на вещи, иначе и понимаютъ ихъ; у нихъ есть иная правда—невидимая и неосязаемая. Они имѣютъ иной идеалъ совершеннаго человѣка, иныя пути къ нравственному совершенству и земному благополучію, нежели пути, указанныя оккупаціею—этимъ піонеромъ и представителемъ западно-европейской цивилизаціи.

Я возвратился въ гостинницу. Въ садикѣ еще сидѣлъ предстойникъ съ своимъ пріятелемъ: они были совершенно одиноки. Кельнерица и рестораторъ (содержатель гостинницы), лишь только увидѣли меня, погнались за мной и просили ради Бога тотчасъ же записаться въ книгу ночлежниковъ. Господ. предстойникъ, говорили они, очень гнѣвается: содержателю гостинницы онъ грозитъ отнятіемъ патента, если еще разъ случится подобное же обстоятельство. Съ своей стороны и кельнерица объявила мнѣ, что я не могу остаться въ гостинницѣ переночевать, если не запишусь тотчасъ же.

Я записался. Оба летѣли съ книгою въ садикъ. Господ. предстойникъ взялъ книгу въ руки, всталъ и наклонился къ свѣту, чтобы лучше разсмотрѣть и прочесть. Дустойникъ приблизилъ свою голову къ книгѣ и тоже читалъ. О чемъ-то втихомолку стали разговари-

вать, какъ-бы обмѣниваться своими соображеніями. Но—о чёмъ именно—мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Когда я погасилъ огонь въ своей комнатѣ и ложился спать, то еще видѣлъ, кàкъ они крутили своими головами.

Задержаться въ Билечѣ—не входило въ мои планы; но если бы и входило, то я долженъ былъ бы отказаться отъ этого, потому что не было никакой надежды на то, что господ. предстойникъ сдѣлаетъ мое пребываніе пріятнымъ, чтó было видно уже въ первый вечеръ. Вспоминаю о томъ, что въ Требинѣ я записался въ книгѣ ночлежниковъ ѣдущимъ въ Гачекъ, куда и было дано увѣдомленіе теллеграфомъ гацкому предстойнику; а билечскому, очевидно, не было дано знать о мнѣ.

На утро я поѣхалъ въ Гачекъ, къ великому утѣшенію содержателя готеля «Жанъ».

И гачское поле—тоже мой старый знакомый отъ 1876 года. Пріѣхали на него тою же большею дорогою, которою тогда мы привалили съ черногорскою армадою.

Гачское поле лежитъ на 900 метр. надъ уровнемъ моря; оно 15 километр. длины и 5 килом. ширины. По немъ протекаетъ малая рѣчка Мушица, которая весною, когда на окресныхъ горахъ таетъ много снѣгу, не вмѣщаетъ всей воды, разливается по гачской плоскости и заливаетъ ее совершенно.

Въ видахъ помощи обывателямъ гачскаго поля противъ разлитія рѣки и для обезпеченія имъ правильнаго урожая хлѣба, боснійское правительство приняло проэктъ инженера Пассинія, о которомъ даетъ подробную справку госп. Индрихъ Реннеръ. Надъ осуществленіемъ этого проэкта нынѣ уже работаютъ. Вода рѣки Мушицы, текущая на черногорскую границу, будетъ загнана въ мѣстность Клины, находящуюся на разстояніи 2 часовъ пути отъ Гачка на сѣверъ, и здѣсь будетъ задержана циклопскою стѣною. Такимъ образомъ здѣсь образуется искусственное озеро, изъ котораго вода по желанію будетъ выпускаться въ равнину. Циклопская стѣна займетъ 11,000 куб. метр., будетъ построена на цементѣ, привозимомъ изъ Неаполя. Искусственное озеро будетъ вмѣщать 2 милл. куб. метр. воды. Изъ него пойдутъ два туннеля назначенные для того, чтобы ими ежедневно впродолженіи 8 часовъ текла вода и увлажняла гачское поле. Запираться вода будетъ желѣзными заслонами которые будутъ отодвигаться и задвигаться силою воды. Высота циклопской стѣны будетъ 22 метра, ширина 18, 70 метр. въ основаніи, и 14, 60 метр. вверху. Длина нижней части стѣны, глубоко лежащей въ рытвинѣ, буд. 60 метр., а въ верхней части—108 м. Все предпріятіе (Клины лежатъ на 1030 метр. надъ уровнемъ моря, а работать тамъ можно только 4 мѣсяца въ году) будетъ стоить 320.000 зл. Уже и нынѣ можно увлажнять часть пастбищъ,

до сихъ поръ бывшихъ совершенно безплодными. Вслѣдствіе этого уражай сѣна возросъ въ 3 раза. Изъ гачскаго поля было вывезено сѣна на 70.000 зл. для воинскаго ераря. Подобная же работа производится также и на Ливенскомъ полѣ на далматской границѣ въ юго-западной части Босніи.

Гачское поле заслуживаетъ особаго тщательнаго вниманія каждаго, кто интересуется оккупаціею. Оно—самый важный изъ предметовъ, которыми оккупація производитъ свои опыты, если не брать во вниманіе пресловутой Илиджи у Сараева, принадлежащей собственно къ другой категоріи правительственныхъ опытовъ. Цѣлью этихъ опытовъ составляетъ не одна забота о хозяйственномъ прогрессѣ оккупованнаго обывательства. Здѣсь имѣются въ виду главнымъ образомъ цѣли политическія.

Поземками гачскаго поля до оккупаціи владѣли исключительно магометане, особенно воинственные. Но не менѣе воинственно было окрестное и христіанское обывательство, которое всегда имѣло опору въ Черногоріи. На южномъ концѣ гачскаго поля была резиденція могущественныхъ, геройскихъ Ченгичевъ, а отъ нея только 2 часа пути до владѣнія черногорскихъ Дробняковъ (рода Дробняковъ), которые и въ то время, когда еще не были присоединены къ Черногоріи, какъ и райя Ченгичовъ, водили съ турками славные бои. Въ первыхъ годахъ оккупаціи обнаружились признаки того, что юнацкое обывательство забыло всѣ споры, въ которыхъ жило цѣлыми столѣтіями и здѣсь разрѣшало причины взаимныхъ раздоровъ магометанъ не только съ здѣшними христіанами, но и съ черногорскими.

Органы оккупаціи поставили своею главною цѣлію отвратить такое примиреніе. Было уже сказано о томъ, какъ искусно они возбуждали вражду между здѣшними христіанами и черногорцами. Кромѣ того каждаго христіанина правительство заподозривало въ тайномъ общеніи съ черногорцами. Было ужасно много разныхъ доносовъ, розысковъ, наказаній и штрафовъ. И вотъ, минуло десять лѣтъ и— геройскій народъ, не боявшійся никакой сѣчи и съ малолѣтства желавшій славной смерти въ бою, не преодолѣлъ деморализаторскаго вліянія полицейскихъ секатуръ, практикующихся противъ него непрестанно и безъ исключенія!

Черногорки еще болѣе упорны, чѣмъ черногорцы; между тѣмъ здѣшнія женщины оказались болѣе слабыми созданіями, чѣмъ мужчины. Политическіе органы заискали у здѣшнихъ женщинъ довѣріе и помощь противъ ихъ собственныхъ мужей. Вслѣдствіе этого настала здѣсь такая безнравственность, что отецъ уже не увѣренъ въ безопасности отъ своей дочери, братъ—отъ сестры, женихъ—отъ невѣсты. Каждое слово, какимъ облегчалъ свое сердце мужчина дома, было уже передаваемо полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ скромныхъ ку-

чахъ стали появляться предметы роскоши и удобства. Въ бывшей Воинской границѣ дустойники дарили обольщенныхъ дѣвушекъ черножелтыми шолковыми шарфами, изъ которыхъ онѣ дѣлали себѣ пояса и ими гордились, какъ особенною честью,—тѣмъ, что дустойникъ лишилъ ихъ чести. И вотъ то явленіе, за которое дѣвица еще такъ недавно была бы побита камнями, превратилось въ похвалу! Нѣчто подобное этому мы находимъ и на гачскомъ полѣ. На головахъ молодыхъ женщинъ видимъ подобныя же головныя платки, носить которыя не было обычаемъ до оккупаціи. Это—знакъ того, что здѣсь цивилизуютъ преимущественно свѣтскія особы.

Послѣ того, какъ обывательство было сломлено въ нравственномъ отношеніи, оккупаторы начали заботиться о поднятіи обывательства въ отношеніи хозяйственномъ, чтобы отвести мысли отъ того, чѣмъ они были заняты прежде. Кметамъ (селянамъ) начали помогать выкупиться на свободу отъ помѣщиковъ; доставили имъ дешевый кредитъ, чужихъ быковъ—племенниками, хозяйственныя машины и приспособленія; основали для нихъ образцовую земледѣльческую станцію, и за малую плату принимаютъ способныхъ сельскихъ мальчикомъ въ земледѣльческія школы.

Нынѣ гачское поле составляетъ какъ-бы часть выставки оккупаціи, убѣжденной въ томъ, что каждый, попавшій на эту выставку, будетъ прямо-таки пораженъ. Но она имѣетъ и свой сучекъ — задоринку.

Къ чему эти тяжелые швейцарскіе быки, когда домашній скотъ въ оккупованныхъ земляхъ мелкій? Объ этомъ уже было сказано. Также и въ хозяйственныхъ машинахъ обывательство вовсе не нуждается. Путешественникъ—чехъ, посѣтившій оккупованныя земли въ 1879 г., сѣтовалъ на герцеговинцевъ, живущихъ около Требина за то, что они слишкомъ равнодушны ко всему и даже къ хозяйственному прогрессу. Земское управленіе надѣлило ихъ самыми лучшими плугами, даже какимъ-то плугомъ, приводимомъ въ движеніе посредствомъ пара, сѣялкой и жалкой—съ тѣмъ, чтобъ удивить этимъ забытый Богомъ народъ и возбудить въ немъ аппетитъ на австрійскую культуру. Награжденные поблагодарили, спрятали эти подарки на чердаки и въ сараи и продолжали работать примитивными орудіями, какими работали ихъ предки. На первый взглядъ такой поступокъ обывательства кажется тупостью и неспособностью къ прогрессу; въ дѣйствительности же совершенно—напротивъ. Наши сохи, говорятъ обыватели, годятся и на глубокую почву, если въ ней нѣтъ препятствій. Но такой почвы въ оккупованныхъ земляхъ очень мало. Тамъ почва мелкая и каменистая и съ наилучшимъ успѣхомъ здѣсь всегда будетъ работать соха, которая пользуется и наколесникомъ тамъ, гдѣ есть столько пространства, что можетъ двигаться и поворотиться пахарь съ своимъ плугомъ, а плугъ — съ своимъ потагомъ. Еслибы

оккупація дала герцеговинцамъ такіе плуги, которые могли бы вспахать и скалистыя горы, то и тогда мало помогла бы имъ. То обстоятельство, что герцеговинцы, принявъ эти прекрасные плуги, поблагодарили и похвалили ихъ, свидѣтельствуетъ о ихъ благонравіи и признательности. Это—все, что оставалось имъ сдѣлать.

Въ продолженіи двадцати лѣтъ ни оккупачные органы не узнали дѣйствительныхъ насущныхъ нуждъ обывательства, ни само обывательство не отказалось отъ своихъ убѣжденій въ томъ, что оно можетъ заниматься земледѣліемъ только по своему старому способу. Вслѣдствіе этого постоянно возникаютъ непріятности между селянами и урядами. Господа предстойники, владѣя въ своихъ окресахъ неограниченною властью, думаютъ уже, что тотъ, кто всемогущъ, въ то же время есть и самый мудрый. Желая волей или неволей сдѣлать селянъ болѣе счастливыми и цивилизованными, они хотятъ получить блестящихъ результатовъ отъ своей дѣятельности, такъ чтобъ имъ удивлялись и иностранцы и признали, что только оккупаціи недоставало Босніи и Герцеговинѣ для того, что бы сдѣлать изъ нихъ новый Ханаанъ. Кто ослушается оккупачныхъ урядовъ въ употребленіи ея орудій, подвергается штрафу даже неоднократно, или же аресту; а вслѣдствіи этого гибнетъ его хозяйство и послѣдній грошъ его подвергаться фиску. Въ бѣдную же кучу, которая была прежде открыта для каждаго, вселяется незванный, непрошенный гость: отчаяніе. О приходѣ этого гостя не увѣдомляютъ полицейскихъ урядовъ и, еслибы увѣдомили ихъ, то поступили бы дурно, потому что испортили бы господ. предстойнику и славному правительству спокойный сонъ, представляющій имъ (частію пораженіемъ ихъ очей слѣпотою, частію же закрытіемъ очей похвалами). Оккупацію дѣйствительною богинею, изъ роговъ которой сыплются на главы обывательства щедрые дары, коихъ оно недостойно.

Кто не послушается чиновниковъ,—тому будетъ дурно; кто послушается—тому также не будетъ хорошо. Предостойникъ напр. предложитъ селянину взять новый плугъ. Селянинъ послушается. Плугъ ему обойдется въ 40 зл.—предстойникъ не получаетъ отъ этого никакого барыша. Селянинъ получитъ плугъ на годичную уплату. Какое благодѣяніе! не правда-ли? И вмѣстѣ съ этимъ селянинъ встапетъ къ предостойнику въ пріятныя отношенія, если возьметъ плугъ. Но когда возьметъ его, не обойдется безъ того, по крайней мѣрѣ въ девяти случаяхъ изъ десяти, чтобы не запрятать плуга на чердакъ, точно также, какъ поступили селяне во второмъ году оккупаціи, впервые одаренные плугами, и воздѣлывать свое поле по своему способу и разумѣнію. При томъ получившій плугъ увязнетъ въ долгу, который для Ротшильда, конечно, значитъ не болѣе нуля, но для боснійскаго селянина составляетъ уже капиталъ. Наконецъ, онъ попался

въ руки неумолимаго, самого страшнаго изъ всѣхъ кредиторовъ политическаго уряда.

Замѣчая, что недостатокъ денегъ затрудняетъ селянина и препятствуетъ ему вступить на путь денежнаго хозяйства, усиленно рекомендуемаго правительствомъ, само правительство основало такъ наз. «вспомоществовательные хозяйственные фонды», считаемые имъ великою своею заслугою. Начало фондамъ было положено въ 1887 г. на Гацкѣ; теперь же хозяйственные фонды заведены почти во всѣхъ округахъ оккупованныхъ земель. Эти фонды возникаютъ слѣдующимъ образомъ: При уплатѣ десятинъ у селянъ въ теченіи 5 лѣтъ. отчисляютъ 1 $^1/_2$ —2%. Кто пожелаетъ добровольно дать большій процентъ, не получитъ отказа. Правительство распорядилось и о томъ. чтобы въ пользу фонда была присчитана также и натурою часть зерна изъ общественныхъ хлѣбныхъ магазей, гдѣ таковыя существуютъ. Оно само заботится о томъ, что бы фондъ достигъ такого размѣра. какой нуженъ для того или другого окреса. Кромѣ того оно помогаетъ фондамъ и тѣмъ, что всѣ документы, касающіеся этихъ фондовъ. освобождены отъ гербоваго сбора и другихъ подобныхъ платежей.

Управленіемъ фонда завѣдуютъ предстойники; учётъ фонда считается обязанностью финансоваго уряда. Окресные фонды нынѣ владѣютъ капиталомъ съ 1 мил. зл. Кредитъ изъ нихъ не превышаетъ 50 — 100 зл. на 4%, между тѣмъ какъ обычный, сохранившійся изъ турецкихъ временъ процентъ составлялъ 12, но бывалъ и выше.

На бумагѣ все это—дѣйствительно. очень похвально. Въ дѣйствительности же не имѣетъ практической цѣны. Напротивъ и это мѣропріятіе стало новымъ бичемъ для селянъ. Не имѣетъ практической цѣны потому. что предостойникъ-реформаторъ, вмѣсто наличныхъ денегъ. ссужаетъ крестьянину какое либо изъ хозяйственныхъ орудій, которое ему совершенно ненужно, такъ что и долгъ сдѣлаемый селяниномъ. совершенно напрасенъ. То обстоятельство, что селянинъ закредитовался у господ. предстойника, выдаетъ селянина совершенно въ его руки. Онъ принужденъ уже безъ всякой отговорки во всемъ подчиняться его реформаторскимъ приказаніямъ и разумѣніямъ, хотя бы онѣ были и самыми неразумными. Если же должникъ впадетъ въ немилость предстойника, то будетъ подверженъ на окончательный учётъ господина финансоваго чиновника; а это уже равняется совершенной погибели, *полному уничтоженію*. Умолчимъ о томъ, какъ широко открываются двери для политической безнравственности, когда вопросы о кредитѣ обществу рѣшаетъ политическій урядъ и когда ему представлено рѣшительное слово касательно частной хозяйственной жизни гражданъ.

Правительство никогда не забывало о томъ, что на народъ болѣе всего оказываетъ вліяніе добрый примѣръ. Чтобы дать народу такой

примѣръ въ области земледѣлія, оно основало въ обѣихъ оккупованныхъ земляхъ семь хозяйственныхъ станцій (станицъ) т. е. образцовыхъ хозяйствъ. Въ нихъ учреждены практическіе хозяйственные курсы для сельской молодежи. Но еще и другія подобныя же учрежденія возникли заботами правительства по предложенію аграрнаго начальника (министра земледѣлія), рыцаря Микулы. Эти учрежденія заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія.

Въ Илиджи, довольно извѣстномъ водолѣчебномъ мѣстечкѣ близъ Сараева, сооружено большое правительственное помѣстье съ курсами по сельскому хозяйству. Въ конюшняхъ этого помѣстья воспитывается 60 экземпляровъ прекраснѣйшаго пинцгавскаго и симентальскаго скота; на молоко же имѣется постоянный сбытъ въ Сараево. На поляхъ засѣвается пшеница, жито, ячмень, свекловица, кортофель, кукуруза. Курсъ обученія въ этомъ помѣстьи 3-хъ годичный. Въ первые два года каждый ученикъ получаетъ отъ правительства ежемѣсячно по 15 зл., а въ третій годъ по 18 зл., кромѣ того полное содержаніе и одежду. Воспитанники обязаны выполнять всѣ земледѣльческія работы, какія поручаются имъ. Организаторы школы озаботились не только тѣмъ, чтобы воспитанники научились хозяйству практически, но чтобы также не отчуждались и отъ среды, изъ которой они вышли. Кромѣ того ежедневно по нѣскольку часовъ посвящается воспитанниками и обученію теоретическому и школьному.

Въ оккупованныхъ земляхъ имѣются еще три подобныхъ же института — именно: съ Модричѣ (градаческаго окреса), въ Ливнѣ (въ Босніи) и въ Гацкѣ. Въ каждомъ институтѣ воспитывается по 30 учениковъ, что съ илиджовскими учениками составляетъ ежегодно 115 юношей, воспитанныхъ въ земледѣльческихъ институтахъ. По окончаніи школы они идутъ въ среду народа, чтобы здѣсь, сообразно съ планами правительства, дѣйствовать словомъ и примѣромъ на своихъ земляковъ.

Господинъ Микула имѣлъ въ виду улучшить и другіе вѣтви хозяйства. Въ Босніи процвѣтаютъ фрукты, а въ Герцеговинѣ виноградъ. По примѣру земледѣльческихъ станицъ онъ соорудилъ также станицы фруктовыя и виноградныя. Фруктовая станція сооружена въ Дервентѣ (въ Босніи), а виноградная—въ Мостору и Ластвѣ въ Герцеговинѣ (послѣдняя—уже нарушена). На каждой станціи воспитывается по 12 учениковъ, получающихъ отъ правительства стипендію въ такомъ же размѣрѣ, какъ и на станціяхъ земледѣльческихъ. Кромѣ того въ Травникѣ сооружена помѣстительная школа плодовыхъ деревьевъ, въ которой воспитываются особенно хорошія породы. Крестьяне получаютъ изъ этой школы деревья для посадки у себя дома безплатно; лишь особенно хорошіе экземпляры покупаютъ по 15 крейц. за штуку.

Въ этихъ правительственныхъ хозяйствахъ и хозяйственныхъ реформахъ выдающуюся роль играютъ чехи.

Мы показали свѣтлыя стороны правительственныхъ реформъ. Да позволено будетъ теперь указать sine ira et studio также и на тѣневыя стороны ихъ.

Всѣмъ, кто имѣетъ доброе расположеніе оказать существенную помощь оккупованному народу и улучшить хозяйственный бытъ, нужно понять ту истину, краснорѣчиво подтверждаемую тѣневыми сторонами оккупаціи, что нельзя начинать постройки зданія со стропилъ, нельзя начинать реформы сверху, безъ участія въ ней народа. Если правительственныя воспитатели оккупованныхъ сельскихъ юношей и руководились добрымъ намѣреніемъ не отчуждать ихъ отъ сельской среды и жизни, все же они отчуждаютъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Совершенно иначе ведется земледѣльческая работа въ богатомъ и большомъ помѣстьи, чѣмъ при скромныхъ, часто излишне скромныхъ и примитивныхъ, условіяхъ у босно-герцеговинскаго кмета, для котораго 4 десятка златыхъ составляютъ уже большой капиталъ, между тѣмъ какъ его сынъ получаетъ отъ правительства однихъ только карманныхъ денегъ 15—18 зл. въ мѣсяцъ. Воспитанный въ такой хозяйственной школѣ юноша уже не будетъ доволенъ жизнію въ кучѣ своихъ родителей. Онъ принесетъ въ домъ иной нравъ, иныя интересы, потребность роскоши. Будетъ заводить дома нововведенія, которымъ научился въ правительственной станціи и всѣмъ этимъ принесетъ гораздо болѣе зла, чѣмъ добра. Съ селяниномъ и на селянинѣ нельзя производить экспериментовъ. Пока другіе собираются дѣлать на немъ свои опыты, онъ самъ сумѣетъ избѣжать опасности ихъ. Но когда принудятъ селянина къ тому, чтобы онъ самъ на себѣ продѣлывалъ эксперименты по чуждому для него рецепту, то это уже будетъ означать неотвратимую погибель для него,— что каждый знаетъ изъ своего домашняго опыта. Если селянинъ станетъ обезьянничать—подражать великопомѣстному хозяину, тогда онъ пропадетъ. Для большаго помѣстья извѣстная новота можетъ имѣть пользу, тогда какъ она же для селянина можетъ служить могилою. Сельская осторожность, недовѣрчивость и консерватизмъ пріобрѣтены тысячелѣтнимъ горькимъ опытомъ. Этотъ опытъ для селянина служитъ неотъемлемымъ его достояніемъ, которое остается его собственностью и во время его наибольшихъ успѣховъ, какъ и во время его утратъ. Отнимите у него это достояніе—и вы возьмете душу изъ его тѣла.

Практическое дѣйствіе этого благонамѣренія правительства останется ничтожнымъ. Въ обѣихъ оккупованныхъ земляхъ до сихъ поръ оно не ощутимо. Однако, тѣмъ большую славу эти хозяйственныя станицы доставили господину Каллаю за границами оккупованныхъ земель. Изъ года въ годъ устраивается въ Европѣ какая-

либо хозяйственная выставка, на которой боснійское правительство непремѣнно выстраиваетъ свой павильонъ. Туда посылаетъ оно хозяйственныя произведенія изъ своихъ хозяйствъ, присоединяетъ къ нимъ и нѣсколько избранныхъ экземпляровъ изъ своихъ воспитанниковъ. А эти воспитанники, одѣтые въ живописные народные костюмы, съ интеллигентнымъ выраженіемъ лица и самодовольствомъ, съ приличными и полными достоинства движеніями, прирожденными ихъ народу, и, наконецъ, съ нѣмецкою рѣчью въ устахъ, возбуждаютъ въ австро-венгерскомъ и европейскомъ вообще обществѣ удивленіе и предположеніе о томъ, что оккупація привела всѣхъ оккупованныхъ на такую же ступень развитія. Этотъ эффектъ имѣетъ наибольшую цѣну для боснійскаго правительства!

Пользы отъ земледѣльческихъ школъ при хозяйственныхъ станціяхъ гораздо болѣе для господъ предстойниковъ, чѣмъ для боснійско-герцеговинскаго земледѣлія. При помощи этихъ школъ предстойники пріобрѣтаютъ довѣрчивыхъ, мягкихъ и подданнѣйшихъ людей, какихъ до сихъ поръ не давало здѣшнее обывательство. Эти школы даютъ предстойникамъ матеріалъ, изъ котораго они могутъ дѣлать представителей общества, а эти представители въ свою очередь будутъ представлять собою погонщиковъ народа, подобныхъ тѣмъ, какими были чешскіе рыцари періода по-Бѣлогорской битвѣ. Они будутъ правительственными инструментами, будутъ внимательными къ каждому подозрительному шороху, къ каждому человѣку, который въ глубинѣ своей души могъ бы еще таить искру самостоятельнаго образа мыслей и любви къ народной свободѣ. Подъ солнцемъ благопріятныхъ политическихъ урядовъ имъ будетъ житься хорошо, хотя бы ихъ хозяйственныя реформы и вовсе не имѣли успѣха, и даже ихъ самихъ привели бы къ раззоренію, еслибы господ. предстойникъ не былъ ихъ твердымъ щитомъ отъ всякаго зла.

Сараевское правительство хочетъ передѣлать оккупованный народъ въ самомъ корнѣ. Въ наше время ни одна страна не имѣетъ уже столь ограниченнаго правительства, чтобъ оно не знало о томъ, что посредствомъ школы можно воздѣйствовать на душу народа такъ, чтобъ совершенно измѣнились прерожденныя особенности народа. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи угорское школьство, служащее образцомъ для господ. Каллая. Именно вслѣдствіе того, что это средство воздѣйствовать на народъ школою стало столь всеобщимъ, что имъ можетъ пользоваться и непросвѣщенное правительство, по видимому, дѣло клонится уже къ тому, что сама природа въ народахъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, скоро будетъ противиться дѣйствію яда, прививаемаго ей въ школахъ. Кто знаетъ, не будетъ ли и это лицемѣрное усиліе боснійскаго правительства имѣть такое же конечное слѣдствіе.

Рекламисты боснійскаго правительства знаютъ еще объ иныхъ за-

слугахъ оккупаціи въ хозяйственномъ прогрессѣ оккупованныхъ земель. Напр. они указываютъ на то, что съ 1895 г. прибыло здѣсь пахатной земли на 525.000 гектаровъ, а лѣсовъ уменьшилось съ 2,727,200 на 2,681,910 гектаровъ, т. е. на 45,296 гект. Но такъ какъ лѣса составляютъ богатство оккупованной почвы, то уменьшеніе ихъ нельзя считать заслугою. Относительно же прибыли пахатной землѣ въ Босніи и Герцеговинѣ нужно сказать, что нынѣ къ пахотной землѣ присчитываютъ также и пастбища, такъ что эту присчитанную пахоту далеко нельзя назвать пшеничною. Наконецъ, должно держать въ памяти и то обстоятельство, что въ оккупованныхъ земляхъ ведется и пастушеское хозяйство, а поэтому превращеніе пастбищь въ пахату вовсе не означаетъ хозяйственнаго прогресса. Обратите швейцарскія пастбища въ пахоту,— найдетъ-ли въ этомъ свой благобытъ швейцарецъ?

Все то, что предпринимаетъ боснійское правительство въ оккупованныхъ земляхъ своими реформами, не составляетъ вовсе ничего утѣшительнаго, потому что въ основѣ своихъ реформъ босно-герцеговинское правительство полагаетъ чужеземные образцы, гдѣ — совершенно иныя условія и прежде всего такіе образцы, которые были указаны господамъ правителямъ въ тѣхъ институтахъ, гдѣ они сами обучились. Но все — же у этихъ господъ урядниковъ нельзя по крайней мѣрѣ отрицать ихъ добраго намѣренія. Еслибы политическіе органы помогли имъ найти истинные и прямые пути для подъема хозяйственнаго быта обывательства, то они, конечно, съ большею и искреннѣйшею охотою взялись бы за дѣло. А все—же корень зла— здѣсь. Главною цѣлью хозяйственныхъ реформъ въ окупованныхъ земляхъ было желаніе помочь не народу, но правительственной политикѣ, которая совершенно ошибочна, потому что противународна. Какъ будто съ цѣлію ухудшить положеніе здѣшнихъ отношеній, политическіе уряды въ Босніи и Герцеговинѣ имѣютъ у себя гораздо менѣе способныхъ, высоко образованныхъ, просвѣщенныхъ и гуманныхъ чиновниковъ, нежели иные правительственные уряды этихъ земель. Между тѣмъ, въ пользѣ, значени и силѣ политическому уряднику долженъ уступить каждый другой урядникъ. Политическіе урядники держатъ въ своихъ рукахъ не только судьбу оккупованныхъ гражданъ, но также и судьбу своихъ собственныхъ товарищей во всѣхъ другихъ областяхъ службы, между тѣмъ послѣдніе выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, но не смѣютъ противиться, чтобъ не повредить матеріально себѣ и своимъ семействамъ.

Скорби сельскаго сословія оккупованныхъ земель собралъ и лучше всѣхъ выяснилъ «Босанско-Херцеговачки Аграрни Меморандумъ», поданный австрійскому Императору въ 1897 г. Не можетъ быть и спора о томъ, чтобъ этотъ достойный вниманія Меморандумъ, поданный

Высочайшей особѣ въ государствѣ, могъ содержать въ себѣ что-либо несправедливаго и превратнаго. Можно легко представить себѣ то, съ какою мыслію предстали простые мужи, выросшіе въ патріархальныхъ отношеніяхъ, къ ступенямъ трона: они предстали, какъ бы предъ престоломъ суда Божія. Уже одна важность этого момента сама собою исключала всякую возможность какой-либо лжи и спекуляціи. Вслѣдствіе этого на Аграрный меморандумъ нужно смотрѣть, какъ на документъ.

Выберемъ изъ него наиболѣе важныя части, чтобы узнать о сѣтованіяхъ оккупованныхъ селянъ и получить цѣльную картину аграрнаго вопроса въ оккупованныхъ земляхъ.

Первое сѣтованіе касается того, о чемъ только что была рѣчь: чиновничества. Въ меморандумѣ не сдѣлано никакого различія чиновническихъ должностей, хотя изъ цѣльнаго положенія дѣлъ очевидно, что главнымъ образомъ обыватели жалуются на политическихъ чиновниковъ. «Земскія уряды и урядники обращаются съ нами безчеловѣчно, считаютъ насъ за вещь и скотъ, лишенный всякаго чувства и права; мы подвержены всякимъ неправдамъ и суровостямъ; урядники всюду надѣляютъ насъ позорными именами и оскорбленіями. Когда ищешь у нихъ охраны, уряды арестуютъ и запираютъ, даже и безъ провинности съ нашей стороны грозятъ намъ тюрьмою. Да часто свои угрозы они приводятъ и въ исполненіе. Мы глубоко оскорблены, унижены и вѣримъ, что въ цѣломъ образованномъ мірѣ не бывало еще столь подавленныхъ людскихъ тварей. Жестокое обращеніе съ нами земскихъ урядовъ и урядниковъ, собранныхъ изъ разныхъ чужеземцевъ, не знающихъ ни нашей земли, ни нашихъ обычаевъ и нуждъ, ни нашего языка и не имѣющихъ любви къ нашимъ землямъ, и народу, доводитъ насъ до такого безвыходнаго положенія, что многіе изъ нашихъ братьевъ магометанской вѣры оставляютъ свою родину и бѣгутъ далеко отъ нея. Даже нынѣ, въ настоящемъ случаѣ, когда мы вынуждены обратиться къ наивысшей инстанціи власти—единой нашей надеждѣ и прибѣжищу,—преслѣдуютъ насъ, полагаютъ намъ непреодолимыя препятствія, угрожаютъ тюрьмою, такъ что съ этимъ меморандумомъ мы должны были отправиться въ дорогу тайно: иначе насъ провозгласили бы бунтовщиками».

Передавая Боснію и Герцеговину въ оккупацію Австро-Венгріи, Берлинскій конгрессъ ясно опредѣлилъ ей привести въ порядокъ тамошнія огларныя отношенія, потому что онѣ были причинами постоянныхъ волненій. Но оккупація ничѣмъ не поспособствовала съ своей стороны улучшенію этихъ отношеній, ничего не придумала и только, на основаніи существовавшихъ аграрныхъ отношеній, приняла турецкій законъ 14 сефера 1271 г. (31 авг. 1859 г.). Все доброе, что было въ этомъ законѣ, оккупація съ теченіемъ времени

исказила во вредъ сельскому населенію; а то, что завела она новаго, своимъ послѣдствіемъ имѣло ухудшеніе отношеній между магометанскими бегами и ихъ селянами (кметами) — какъ христіанами, какъ и магометанами.

«На основаніи закона 14 сефера мы, кметы, подъ оттоманскимъ правительствомъ должны были отдѣлять отъ всѣхъ своихъ плодовъ земли десятую часть въ пользу государственной казны — десятину; а бегамъ и агамъ—третину плодовъ съ той земли, которую имъ даровалъ въ пользованіе Его Величество Султанъ. Всѣ эти подати платились только изъ плодовъ—именно: *десятину* ежегодно изъ всѣхъ плодовъ годичнаго урожая государству и *третину* бегу изъ чистаго урожая послѣ отчисленія десятины и сѣмянъ. По турецкимъ законамъ эти подати платились въ четыре срока. Повинная подать не вымогалась до тѣхъ поръ, пока не исполнился трехмѣсячный срокъ льготы къ отбыванію каждой подати; вымоганіе могло происходить только по личному произволу бега».

Оккупація удержала десятину и третину. Но ухудшеніе отношеній явилось вслѣдствіе того, что во 1-хъ десятина взимается не плодами съ урожая, но деньгами; во 2-хъ, третина бегамъ платится уже безъ отчисленія сѣмянъ и многіе изъ беговъ не принимаютъ даже въ плодахъ, но по примѣру государства также деньгами и въ 3-хъ, для платежа десятины и третины установленъ только одинъ срокъ въ году, отъ 1-го сент. по 30 октября, и по прошествіи этой четверти года неуплоченныя подати уже безъ милосердія и безъ вниманія къ бѣднякамъ подвергаются вѣчной экзекуціи.

Способъ выбиванія податей и проведенія экзекуціи заслуживаетъ подробнѣйшаго описанія, такъ что къ этому мы еще воротимся, когда скажемъ о другихъ жалобахъ Аграрнаго меморандума.

Селяне оккупованныхъ земель жалуются далѣе: «Не смотря на то, что несчастная податная система лишаетъ насъ результатовъ и плодовъ нашей тяжелой и кровавой работы, въ послѣднее время начинаютъ отнимать у насъ и самую землю, которая воздѣлана нашими трудами и стала уродною потому, что мы обработывали ее съ незапамятныхъ временъ, а также и ту невоздѣланную и неуродную землю, на которую мы и наши дѣды съ незапамятныхъ временъ имѣли различныя кметовскія права — какъ-то: право выгона, сѣнокоса, рубки дровъ въ лѣсахъ и под. правъ нашихъ, хранимыхъ въ турецкую эпоху».

Права и обазанности кметовъ, опредѣленныя турецкимъ закономъ 1859 г., слѣдующія: 1) помѣщикъ (спагія, чифлюкъ сагибія) не смѣетъ прогнать кмета съ помѣстья (чифлюкъ) безъ согласія послѣдняго, если онъ воздѣлалъ исправно хотя бы только третью часть данной ему земли при одворинѣ; 2) Если бы помѣщикъ пожелалъ продать тотъ поземокъ (участокъ), которымъ пользуется его кметъ, то

кмету принадлежитъ право первой купли или выкупа и помѣщикъ не смѣетъ никому другому продать участка, покуда онъ не предложилъ купить или выкупить его своему кмету, живущему на немъ и даже потомъ, когда помѣщикъ продалъ уже участокъ чужому человѣку, кметъ въ теченіи года имѣетъ право уплатить купившему участокъ деньги, сколько онъ заплатилъ за него, и перевести владѣніе участкомъ на свое имя. 3) Помѣщикъ обязанъ поддерживать въ добромъ состояніи (въ исправности) кучу [1]) и хлѣвы кмета.

Аграрный меморандумъ не перечислилъ еще другихъ выгодъ кметовъ, обезпеченныхъ турецкимъ закономъ 1859 г. и подтвержденныхъ въ 1876 г., когда турецкое господство было уже при концѣ и за горами встала оккупація.

Но самъ помѣщикъ не имѣлъ того же права, какое имѣлъ его кметъ; онъ не смѣлъ произвольно нарушить своего отношенія къ кмету. Право кмета было наслѣдственное въ семьѣ, но не подлежало ни продажѣ, ни переводу. Только оставшійся безъ наслѣдниковъ участокъ помѣщикъ могъ перевести на другого кмета, или продать, или же удержать за собою.

Янъ Асботъ говоритъ: «Еслибы эти статуты (законы, узаконенія) были выполняемы со всею справедливостью, то судьба земледѣльца въ Босніи и Герцеговинѣ была бы благопріятнѣйшею, чѣмъ во многихъ культурныхъ европейскихъ государствахъ» и прибавляетъ къ этому: «ясно, что въ Босніи, гдѣ скотоводство составляетъ главную вѣтвь сельскаго хозяйства и гдѣ право выгоновъ для пастбищъ почти неограничено и ничего не стоитъ, селянинъ гораздо болѣе ѣстъ мяса, чѣмъ селянинъ въ Нѣмечинѣ, Италіи и Франціи».—Но нужно бы еще прибавить: «и въ Австро-Венгріи».

Книга Асбота написана въ половинѣ минувшаго десятилѣтія, когда боснійское правительство еще не успѣло ухудшить аграрныхъ отношеній оккупованныхъ земель и когда безъ измѣненія продолжались тѣ же отношенія, какія были получены оккупаціею въ наслѣдство отъ Турціи. Асботъ желалъ высказать о томъ, какъ хорошо живется боснійскимъ селянамъ во время оккупаціи; въ дѣйствительности же онъ только засвидѣтельствовалъ то, какъ имъ жилось въ турецкій періодъ.

Въ турецкій періодъ не было вовсе кадастра (поземельныхъ книгъ). Составленіе поземельныхъ книгъ оккупачное правительство считаетъ одного изъ первыхъ своихъ заботъ. Перепись земли была начата въ 1880 г. и окончена въ 1886 г.; она стоила 2.854.063 зл. Вмѣстѣ съ этимъ было положено и начало писцовыхъ книгъ. Въ обѣихъ земляхъ насчитано всей почвы 5.410.200 гектар., изъ нихъ 1.811.380 гектар. пахатной земли, 1.667.500 гектар. лиственнаго лѣса и 1.059.700 гектар. хвойнаго лѣса.

---

[1]) Куча (ц.—сл. куща)—домъ крестьянина, хата.

Эта работа правительства, была въ высшей степени неотложною и необходимою. Еслибы турецкое правительство выполнило эту работу по измѣренію земли и учредило поземковыя книги, то не вспыхнуло бы возстанія и Боснія съ Герцеговиною не были бы оккупованы другимъ государствомъ. Но Турція забыла добрый аграрный законъ дополнить надлежащимъ измѣреніемъ земли (такъ, чтобы каждый твердо зналъ, что — его и что сосѣда) и основаніемъ поземковыхъ книгъ, такъ чтобы на каждомъ поземкѣ кметамъ были обезпечены права и повинности.

Австро-венгерское правительство повело свое дѣло совершенно обратно. Землю оно перемѣряло, но о справедливыхъ землевладѣльныхъ отношеніяхъ не постаралось. Съ первыхъ же лѣтъ своего владѣнія, оккупація встала на ложную дорогу. На Боснію и Герцеговину она стала смотрѣть, какъ на пріобрѣтенную землю, а на обывателей ея, какъ на покоренныхъ остріемъ меча, лишенныхъ всѣхъ правъ, какъ будто съ ними можно ей обращаться по праву побѣдителей. Это чрезмѣрное заблужденіе повредило оккупаторамъ; но что было самымъ главнымъ: избавило ихъ отъ тяжелой работы, которая имъ предстояла по изученію босно-герцеговинскихъ аграрныхъ отношеній въ общемъ и въ частностяхъ.

Въ то время какъ въ Россіи, въ царствованіи Александра II, была произведена сельская крестьянская реформа, всюду были учреждены съѣзды міровыхъ судей, цѣлью которыхъ служило опредѣленіе отношеній между помѣщиками и крестьянами во всѣхъ правовыхъ случаяхъ, исходящихъ изъ реформы. «Міровые суды» работали много лѣтъ.

Боснійское же правительство упростило это дѣло. Всѣ несогласія и споры, опредѣленіемъ 22 марта 1886 г. за № 18.042/I, оно изъяло изъ вѣдомства разныхъ судебныхъ инстанцій и всѣ распри между кметами и помѣщиками передало политическимъ урядамъ. «Съ того времени», жалуется Аграрный меморандумъ, «потемнѣло у насъ предъ глазами и со дня на день мы лишаемся надъ головою покрова, а подъ ногами почвы и пастбищъ для скота, служащаго для насъ самымъ важнымъ источникомъ для уплаты тяжелыхъ повинностей. Между тѣмъ какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ поземковыя книги служать первымъ основнымъ началомъ къ упорядоченію владѣльческихъ отношеній; у насъ онѣ съ тѣхъ поръ, какъ заведены и на основаніи ихъ производится управленіе, стали острымъ ножомъ, распарывающимъ наше живое тѣло. Наши поземковыя книги составлены иноземцами, совершенно незнакомыми съ нашими аграрными отношеніями, съ особенностями нашего землевладѣнія. А потому чужеземцы и не внесли въ книги этихъ особенностей. Кромѣ того насъ всюду считали за безправныхъ тварей, обязанныхъ только слушаться; а мы, неученые и безграмотные и, кромѣ того еще запуганные со стороны каждаго наиболѣе усерднаго чиновническаго органа,

не имѣли ни случая, ни возможности (это учрежденіе книгъ было для насъ совершенно новымъ, чуждымъ и непонятнымъ) участвовать въ этой работѣ и сохранить свои кметовскія права и обязанности. При всемъ томъ въ земскихъ урядахъ мы не имѣемъ такихъ друзей, которые научили бы насъ, несвѣдущихъ, тому, что нужно намъ сдѣлать для сохраненія нашихъ правъ и обязанностей, принадлежащихъ намъ съ незапамятныхъ временъ».

Послѣдствія поземковыхъ книгъ очень печальны для народа. Оказалось то, чего и въ турецкое время не могло быть; а еслибы всетаки случилось, то вызвало бы иныя событія, но не посланіе депутаціи. Безразсудные помѣщики начали отбирать у кметовъ ихъ кучи, поземки и паствины.

Все это они дѣлали на основаніи поземковыхъ книгъ. Кметы обращались съ жалобами въ урядъ; а онъ на томъ же основаніи поземковыхъ книгъ разрѣшалъ дѣла во вредъ кметамъ. Нѣкоторые помѣщики пользовались поземковыми книгами для неслыханнаго вымогательства у кметовъ, принуждая ихъ платить и сверхдолжныя платы, если они желали остаться на данныхъ поземкахъ подъ кровлею, которую строили уже сами кметы. Уряды не сохраняютъ кметовскаго права первой покупки или выкупа, а потому не хранятъ его и помѣщики.

Аграрный меморандумъ приводитъ слѣдующій случай: Кметы Стоянъ и Перо Медвѣдь изъ Войнова въ 1895 г. выкупились отъ своего помѣщика Гафни Сабича изъ Баньялуки и дали ему задаткомъ 45 зл. съ тѣмъ, что по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они уплатятъ и остальное. Но по истеченіи трехмѣсячнаго срока оказалось, что помѣщикъ продалъ поземокъ другому лицу, задатка же братьямъ Медвѣдямъ онъ не возвратилъ и даже требовалъ отъ нихъ, чтобы они возвратили ему третью часть и изъ той земли, которая была ими уже куплена и перешла въ полное ихъ владѣніе, а равно требовалъ себѣ третины даже и изъ тѣхъ поземковъ, которые всегда были ихъ полнымъ, свободнымъ владѣніемъ, не подлежавшимъ платежу въ пользу помѣщика. Политическій урядъ постановилъ такое рѣшеніе, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ даровалъ право помѣщику.

«Кромѣ того» — жалуется Аграрный меморандумъ — «нѣкоторые помѣщики начали продавать насъ другимъ помѣщикамъ, чего никогда не было въ турецкое время; а такіе покупщики душъ, какъ напр. Магмутъ бегъ Билечевичъ изъ Крупы, налагаютъ на насъ новыя, несправедливыя бремена съ тѣмъ, чтобъ получать отъ насъ больше корысти».

Въ турецкое время при неурожайныхъ годахъ помѣщики не только сами выжидали податей отъ кметовъ до года урожайнаго, но еще даромъ давали имъ и сѣмена для посѣвовъ. Во время же оккупаціи помѣщики совершенно отчуждились отъ своихъ кметовъ, немилосердно требуютъ своего оброка и въ годы неурожайные; а если кметъ не

можетъ уплатить, выгоняютъ его при помощи урядовъ изъ кучи и съ поземка. Такъ дѣлаютъ Рагибъ бегъ Долиничъ въ Баньялукѣ. Подумается-ли этому помѣщику, что какой-нибудь кметъ имѣетъ больше земли, чѣмъ слѣдуетъ, беретъ у него самый лучшій поземокъ для себя. Если же кметъ обороняется противъ его самоуправства, то бегъ приведетъ къ уряду ложнаго свидѣтеля съ показаніемъ, будто кметъ нехорошо воздѣлываетъ землю и урядъ постановляетъ такъ, что кметъ лишается права пользоваться землею. Гдѣ бы ни вздумалось, Рагибъ бегъ приказываетъ раззорять кучи кметовъ. Когда какая-нибудь вдова приметъ въ свой домъ родственника мужчину, Рагибъ бегъ принуждаетъ ее взять вмѣсто родственныхъ чужихъ людей, а родственниковъ ея, съ соизволеніемъ политическаго уряда, прогоняютъ жандармы. Подумается Рагибу, что какое нибудь кметовское семейство имѣетъ слишкомъ много стрѣхъ—тогда онъ прикажетъ раскатывать ихъ, принуждая многочисленное семейство жить подъ одною стрѣхою (кровлею). Уряды, съ своими принудительными средствами, конечно, на его сторонѣ.

Поземковая коммиссія безконечно много зла причинила обывательству тѣмъ, что общественныя паствины записывала владѣніемъ помѣщиковъ. Паствины до того внемени всегда считались общимъ владѣніемъ, какъ помѣщика, такъ и кметовъ. Приписаніе же ихъ въ неограниченное владѣніе помѣщиковъ отняло у кметовъ право выгонять на нихъ свой скотъ. Этимъ уже была засажена кметамъ огромная рана, потому что въ оккупованныхъ земляхъ до сихъ поръ ведется пастбищное хозяйство, а при горномъ характерѣ этихъ мѣстностей оно не можетъ прекратиться. Скотоводство было послѣднимъ прибѣжищемъ кметовъ, въ особенности во время оккупаціи. Въ неурожайные годы, когда поле не жалось, кметы жили однимъ скотомъ. Выгодами отъ скотоводства они защищались, хотя бы оккупація налагала на нихъ и большія дани. Но лишившись права пользоваться общественными пастбищами, кметы лишились и послѣдней надежды на свое существованіе.

Поземковая коммиссія также забыла записать и другія помѣщичьи обязанности, которыхъ въ турецкое время и пресловутый Рагибъ бегъ признавалъ и исполнялъ. «Въ турецкое господство»—говоритъ Аграрный меморандумъ—«помѣщикъ не смѣлъ безъ нашего согласія ни выкорчевывать, ни засѣвать паствинъ. Если же мы соглашались на это, то выкорчеванные и засѣянные поземки предоставлялись намъ въ пользованіи за десятину и третину и на нихъ было признаваемо наше кметовское право. Нынѣ же съ тѣхъ поръ, какъ заведены поземковыя книги, а неспособные политическіе уряды рѣшаютъ эти дѣла, все перемѣнилось. Нишихъ правъ и обязанностей не хранятъ и не признаютъ: ни бегъ, ни урядъ.

Вина въ этомъ забвеніи вовсе не падаетъ на безпечность и равнодушіе кметовъ, потому что новое положеніе дѣлъ было объявлено имъ только тогда, когда оно стало уже готовымъ фактомъ. Кметы протестовали противъ него еще въ 1886 г. предъ земскимъ правительствомъ, отъ котораго получили, указомъ отъ 14 сент. 1886 г. № 128, 945/I, отвѣтъ въ томъ смыслѣ; что: 1) изъ государственныхъ видовъ нельзя допустить, чтобы почва, ставшая изъ паствинъ полемъ, снова была превращена въ паствины; 2) Кметы имѣютъ еще достаточно паствинъ для скота и 3) кметы выкорчевывали паствины по распоряженію помѣщиковъ въ качествѣ ихъ поденщиковъ за ежедневную плату, чѣмъ дали имъ право (!) приписать паствины къ ихъ помѣстьямъ.

Всѣмъ этимъ вышеприведеннымъ и иллюстрируются похвалы оккупаціи, прибавившей столь много тысячъ гектаровъ пахотныхъ полей. Она прибавила, но въ ущербъ обывательству, а не для пользы и успѣховъ его: обывательство никогда не служило предметомъ ея заботъ. Всюду въ мірѣ, гдѣ духъ новаго времени требуетъ разрѣшенія аграрныхъ вопросовъ, это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы облегчить положеніе малаго человѣка, поселянина. Только въ Босніи и Герцеговинѣ за время оккупаціи сдѣлано совершенно на оборотъ. Не смотря на то, что берлинскій конгрессъ, уполномочившій Австро-Венгрію, поставилъ непремѣннымъ условіемъ австро-венгерской оккупаціи упорядочить аграрныя отношенія въ Босніи и Герцеговинѣ, все-же оккупація этого не сдѣлала, но напротивъ еще больше ухудшила и затруднила ихъ. Причиною споровъ при прежнихъ аграрныхъ отношеніяхъ служило то обстоятельство, что въ рукахъ единичныхъ владѣтелей было слишкомъ много земли, даже до 20.000 гектаровъ. Оккупація же еще болѣе увеличила ихъ владѣнія и именно на счетъ владѣній селянъ. Это—такой фактъ, за который оккупація не можетъ отдать отчета не только предъ Европою, но даже и предъ австро-венгерскою державою и ея народами.

Аграрный меморандумъ лишь грубо, въ главныхъ чертахъ, изображаетъ неволю оккупованнаго земледѣльца. За время оккупаціи также ухудшились и отношенія между кметомъ и помѣщикомъ, о чемъ говоритъ брошюра «Босна и Херцеговина призе и посье устанка 1875», изданная въ 1897 г. въ Бѣлградѣ: «И до 1875 г. бывали несогласія вслѣдствіе аграрнаго вопроса; но столькихъ и столь важныхъ несогласій, какъ нынѣ, прежде не было, потому что прежде никто не переселялся къ намъ изъ чужихъ земель и мы не выселялись, какъ нынѣ; и всѣ мы имѣли земли столько, сколько было намъ нужно и сколько могли воздѣлать. Если же возникало какое-либо несогласіе между кметомъ и помѣщикомъ и помѣщикъ выго-

нялъ кмета съ своего помѣстья, то и въ такомъ случаѣ кметъ не проходилъ въ раззореніе и почти не терпѣлъ никакого урона (вреда). потому что тотчасъ же могъ отъ другого помѣщика получить земли, сколько хотѣлъ и нуждался для содержанія своего семейства. Но вмѣстѣ съ оккупаціею нагрянули къ намъ чужеземцы различныхъ вѣръ и народностей. Расчитывая на то, что при новомъ управленіи каждому новому обывателю-пришлецу будетъ данъ поземокъ, пришлецы стали платить помѣщикамъ 100 и 200 зл. съ тѣмъ, чтобъ они выгоняли староусѣдлаго кмета, пользовавшагося большимъ количествомъ прекрасной земли, а его землю отдавали въ новыя руки. Въ интересахъ нѣмецко-римской пропаганды уряды, всевозможными средствами, помогали чужеземцамъ, такъ что староусѣдлый селянинъ, не имѣя мѣста въ своей родинѣ, съ голымъ тѣломъ, съ расплаканнымъ сердцемъ и съ проклятіемъ долженъ былъ взяться за дорожный посохъ и идти въ широкій міръ, чтобъ найти себѣ новую родину.»

На случай, если бы адвокатъ оккупачныхъ порядковъ высказалъ дурной отзывъ о цитованной нами брошюркѣ, на томъ основаніи, что въ томъ городѣ, гдѣ вышла въ свѣтъ, она была заподозрѣна въ односторонности, отвѣчу тѣмъ, что съ особеннымъ вниманіемъ я провѣрилъ справедливость сообщеній этой брошюрки.

Нужно держать въ памяти то обстоятельство, что босно-герцеговинскіе селяне никогда не воевали изъ-за нарушенія юридическихъ отношеній, бывшихъ между ними и помѣщиками; никогда ихъ войны не были изъ-за принципа противъ платежа десятины и третины. Стремленія ихъ касались иныхъ вещей, но не этихъ двухъ. Повстанія ихъ не были только аграрными, но всегда пересиливали ихъ побужденія религіозныя и политическія. По Асботу босно-герцеговинскій селянинъ имѣлъ до 1886 г. приблизительно 20 гектаровъ земли, чего было вполнѣ ему достаточно. Какъ ясно изъ приведенной публикаціи, сами кметы признавались въ томъ, что имѣли земли столько, «сколько было имъ нужно и сколько могли обработать». Во многихъ случаяхъ въ турецкое господство терпѣли притѣсненіе не кметы отъ помѣщиковъ, но помѣщики отъ кметовъ, потому что помѣщики были слабыми противъ кметовъ, а турецкое правительство всегда держалось стороны кметовъ и помогало имъ противъ помѣщиковъ-беговъ, которые дѣйствительно могутъ сказать, что только оккупація взяла ихъ подъ свое покровительство, какъ родная мать, а дѣло ихъ взяла за свое собственное. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что нѣкоторые беги всѣмъ своимъ сердцемъ гораздо прямодушнѣе льнутъ къ Вѣнѣ, чѣмъ къ Царьграду. Этотъ фактъ можно бы, конечно, назвать политическимъ успѣхомъ оккупація, если бы его въ 10, 100 разъ не превышало то разочарованіе, которое устроила оккупація народу, и еслибы сами беги, не смотря на всю пріязнь къ нимъ

правительства, не погибали въ хозяйственномъ отношеніи. Причинъ же паденія беговъ въ этомъ отношеніи нужно искать въ перемѣнѣ натуральнаго хозяйства на денежное, принесенное въ Боснію и Герцеговину и усиленно поддерживаемое оккупаціею, предающеюся экономическому заблужденію, будто денежное хозяйство, въ сравненіи съ хозяйствомъ натуральнымъ, само собою уже означаетъ прогрессъ. Бегъ, за плату 100, или 200 зл. выгнавшій староусѣдлаго кмета съ поземка и съ дозволенія политическаго уряда усадившій на немъ нѣмецкаго или мадьярскаго колониста, полученную плату считалъ значительною суммою и думалъ, что изъ-за нея стоитъ прегрѣшить въ своей совѣсти и въ земскихъ порядкахъ. Между тѣмъ онъ вовсе не думалъ о томъ, какое зло онъ причинялъ этимъ не одному только кмету, а также и самому себѣ. На босно-герцеговинскихъ помѣщикахъ во-очію обнаруживается, какъ опасно денежное хозяйство и для зажиточнаго человѣка, если онъ недостаточно подготовленъ и наученъ вести такое хозяйство. Кто получилъ денежное хозяйство въ качествѣ дара, выиграша или помощи, тотъ не можетъ о себѣ сказать, что «денежное хозяйство» и теорія о немъ совершенно согласны между собою въ практикѣ. Вслѣдствіе этого вся пріязнь и щедрость боснійскаго правительства къ магометанамъ не принесла имъ успѣховъ въ бытовомъ отношеніи, потому что не сдѣлала изъ нихъ рабочей силы того экономическаго направленія, которое здѣсь пропагандируется и вошло въ силу. Вовремя оккупаціи беги стали имѣть больше денегъ, нежели сколько имѣли ихъ до оккупаціи. но все-же приходятъ въ раззореніе и со временемъ—одни скорѣе, другіе позднѣе — окажутся тяжелымъ бременемъ для правительства.

Так. обр. кметы протестуютъ не противъ десятины и третины, но противъ самого способа, какимъ онѣ выбираются съ нихъ. Читатель помнитъ, что жалуются только на то, что подати переведены на деньги, что собираются съ нихъ однажды въ году и немилосердно вымогаются. Мы обѣщали воротиться къ этой процедурѣ выбиванія податей.

Оцѣнку уражая составляетъ такъ назыв. «смѣшанная коммиссія» подобнымъ же способомъ, какъ и при уражаѣ табаку. Главнымъ лицомъ въ этой оцѣнкѣ является таксаторъ, избранный къ этой должности чаще всего изъ выслужившихъ поддустойниковъ. Оцѣнка производится въ присутствіи общественнаго представителя, который уже понялъ, что долженъ во всемъ держаться «съ славнымъ урядомъ» и вслѣдствіе этого вовсе не защищаетъ интересовъ кметовъ. (Что же будетъ со временемъ, когда правительство изъ своихъ стипендіатовъ хозяйственныхъ школъ воспитаетъ достаточно матеріалу для обязанности представителей общества!) Предположеніе объ урожаѣ произ-

водится еще на полосахъ предъ жатвою изъ опасенія, чтобы будучи сжата серпомъ, не была частію отчуждена кметами для собственной ихъ потребности; тогда же высчитываются десятины и третины. Въ случаѣ. если несчастіе отъ бури, или града постигнетъ весь урожай, или только часть его предъ самою жатвою, или во время ея. вторичной переоцѣнки уже не производится, и платежная повинность отъ того не уменьшается. Таксаторы оцѣниваютъ всѣ плоды цѣлой осени. Въ остальное время года коммиссія не имѣетъ занятій, но также не получаетъ и жалованья, потому что ихъ жалованье составляетъ часть той суммы, какая будетъ нажата ихъ стараніемъ въ берную кассу. Поэтому въ личныхъ интересахъ таксаторовъ—оцѣнивать урожай какъ можно выше и они такъ поступаютъ, сообразно съ общепринятою претензіею ихъ на 20—30% урожая. Слѣдствіемъ этого является то. что изъ урожая не останется кмету и столько, сколько ему необходимо на годичное содержанія себя и семейства. А такъ какъ это дѣлается изъ года въ годъ, уже довольно большой періодъ времени, а кметамъ невозможно докричаться до реформы платежной системы, то и слѣпому ясно, что положеніе ихъ не можетъ быть инымъ, какъ только чрезвычайно жалкимъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе жалкимъ, безотраднѣйшимъ.

Подати неодинаковы. Съ хлѣба и фруктовыхъ плодовъ, по турецкому закону, плотится помѣщику третина, съ сѣна—половина, съ овощей—четвертина. Третина высчитывается вдвойнѣ, такъ какъ отсчитывается изъ цѣлаго урожая до уплаты государственной десятины.

При уплатѣ повинностей въ турецкое время не было строгости. Помѣщикъ стыдился считаться съ кметомъ въ каждомъ зернѣ; кромѣ того нѣкоторые помѣщики совершенно прощали своимъ кметамъ нѣкоторыя подати. Такъ напр. изъ овощей никогда не брали положенной имъ цѣлой четвертины. Напротивъ берній (финансовый) винтъ оккупаціи затягивается съ каждымъ годомъ все туже; уряды и таксаторы неустанно высматриваютъ, не могутъ-ли еще чѣмъ нибудь поживиться отъ кметовъ. Съ конопля и льна въ турецкое время брали десятину и третину такъ, какъ это было выдрано съ полосы; никому и въ голову не приходило, что это могло быть и иначе. Но оккупація придумала, какимъ бы способомъ и это обратить въ ущербъ платильщиковъ и завела платежъ отдѣльно съ волокна и отдѣльно съ сѣмени. Особенно много непріятностей падаетъ на долю кметовъ съ кукурузой, составляющей главный плодъ ихъ полей. Кукуруза, оцѣнивается на покосѣ, до сентября сушится въ сушильняхъ, между тѣмъ урядъ выбиваетъ дань съ нея безъ всякаго вниманія на то, что и одного крейцара нельзя еще получить отъ нея во время взиманія податей.

Не смотря на всѣ нареканія кметовъ, не сдѣлано до сихъ поръ никакой реформы въ способѣ оцѣнки урожая. *Въ теоріи* кметамъ

предоставлено право обращаться въ урядъ, если они обижены оцѣнщиками: Но *на практикѣ* нельзя воспользоваться этимъ правомъ, потому что, въ противномъ случаѣ, урожай остался бы на полѣ не тронутымъ серпомъ до прихода новой коммиссіи и так. обр. селянинъ много потерялъ бы. А если бы коммиссія не признала жалобы справедливою, то кметъ долженъ былъ бы заплатить штрафъ. А такъ какъ еще никогда не бывало примѣра, чтобы политическій урядъ выслушалъ жалобы кметовъ и помогъ имъ, то кметамъ не остается ничего другого, какъ опустить руки, сжать зубы и нѣмо (безъ ропота) выдать себя таксатору на его милость и немилость.

Цѣну на плоды устанавливаетъ земское правительство, по свѣдѣніямъ со стороны окресныхъ радъ (совѣтовъ) для отдѣльныхъ мѣстностей, и для цѣлой окраины особенно. Предположительно цѣна опредѣляется по примѣру прошедшаго года и по соображеніямъ о спросѣ на хлѣбъ въ будущемъ году. Но и само правительство несвободно отъ вины за то, что видя нужду домашняго земледѣльца, не помогаетъ ему закупью отъ него продуктовъ для содержанія ераря; если же и помогаетъ отчасти, то слишкомъ недостаточно. Нужды ераря удовлетворяются привозомъ изъ Угоръ. Отсюда очевидно, какъ бѣлый день — что̀ болѣе поможетъ оккупованному обывательству: то-ли, что оккупація научитъ его сыновей въ школахъ выробатывать больше плодовъ, или же то, что при всемъ этомъ сама она и препятствуетъ сбыту плодовъ.

По турецкому закону помѣщикъ былъ обязанъ въ продолженіи двухъ лѣтъ ожидать третины и только по истеченіи срока, могъ прогнать кмета съ поземка. Если бы кметъ не могъ уплатить помѣщику по Божьему посѣщенію, то самъ помѣщикъ былъ обязанъ помочь кмету, пока не наступитъ для послѣдняго лучшаго времени (урожайнаго года).

Оккупація же завела съ должниками—кметами короткіе счеты. Послѣдняя льгота платежа—продолжается до конца декабря. Если же и въ декабрѣ онъ не заплатитъ, то долженъ идти «на бубенъ» [1]).

Всюду изданы народооберегательные законы, такъ что у подвергнувшагося экзекуціи не можетъ быть продана послѣдняя рубашка съ тѣла. Въ особенности же въ сосѣднемъ Сербскомъ королевствѣ селянинъ на этотъ случай твердо огражденъ, такъ что не можетъ совершенно придти въ раззореніе и всюду окажется для него возможность снова собраться съ силами и попытать счастья. Только въ оккупованныхъ земляхъ экзекуцію приводитъ въ исполненіе съ съ крайнею невнимательностью, такъ что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ экзекуція не является послѣднею раною разбитой участи мел-

---

[1]) Выраженіе соотв. русск. „съ барабаннымъ боемъ“—въ данномъ случаѣ выраж. мысль о продажѣ имущества съ публичнаго торга, оповѣщаемой „бубномъ“. Перев.

кихъ должниковъ. Получающіе казенное жалованье здѣсь защищены отъ неумолимой экзекуціи такъ же, какъ и въ Австро-Угріи. Жалованье 800 злот. не можетъ быть удержано. Напротивъ, селянинъ преслѣдуется безъ всякого милосердія. Представьте себѣ случай, что чиновникъ долженъ селянину. Какое неравенство въ самомъ критическомъ положеніи хозяина и отца семейства! Въ какой несправедливой выгодѣ здѣсь свѣтобѣжная деньга въ сравненіи съ мозольной работою на груди земли!

Очевидецъ разсказываетъ объ экзекуціи слѣдующее: «Кметъ еще не успѣлъ продать хлѣба для уплаты дани, какъ приходитъ къ нему экзекуторъ и арестуетъ вола, корову, коня, овецъ, козъ и свиней. Если же селянинъ не имѣетъ скота, экзекуторъ арестуетъ курицъ, котлы, тарелки, блюда. Бывали случаи, что экзекуторъ арестовалъ и теплый хлѣбъ, положенный матерью предъ своими голодными дѣтьми. Это продолжается до самаго праздника Р. Христова. Выйдете-ли за деревни: вы увидите цѣлыя стада всевозможнаго скота, встрѣтите толпы людей, несущихъ въ коробахъ и клѣткахъ птицъ, иныхъ съ старыми котлами, кринками и блюдами, и жандармовъ, сопровождающихъ ихъ къ берному уряду. Вы слышите, какъ съ одной горы на другую раздается эхо плача и жалобъ женъ и дѣтей, какъ будто бы на каждой вершинѣ горы хоронили двухъ-трехъ покойниковъ. А придете въ городъ и подойдете къ окрестному и берному уряду— тамъ, какъ на ярмаркѣ. Тутъ лежатъ различныя шайки, корыта, ведра, телѣги, котлы, горшки, курицы, цыплята. Все это арестовано у народа за неуплаченныя дани и продается здѣсь за безцѣнокъ. И когда человѣкъ видитъ все это, то готовъ заплакать и жаловаться, точно также, какъ и тѣ женщины на горахъ».

Митрополитъ Савва Косановичъ, уважаемый и почтенный мужъ, разошедшійся съ боснійскимъ правительствомъ, но все же повышенный на степень митрополита съ тѣмъ, чтобы говорилъ неправду объ оккупачныхъ порядкахъ, сообщилъ мнѣ о томъ, что вовсе непреувеличено говорятъ объ экзекуторской безчеловѣчности, установленной въ краѣ; что и самъ онъ знаетъ объ одномъ случаѣ, когда экзекуторъ арестовалъ даже и кошку. И прибавилъ къ этому то, что было въ турецкое время, въ которое онъ родился, къ которому относится и лучшая пора его дѣятельности. «Въ турецкое правленіе», говоритъ онъ, «никакой экзекуціи не было, а въ каждомъ седьмомъ году султанъ прощалъ всѣ недоимки даней».

Изъ всего сказаннаго само собою вытекаетъ, что нынѣшнее положеніе дѣлъ ухудшилось въ сравненіи съ прошлымъ. Кто утверждаетъ это, тотъ констатируетъ только печальную правду, которая обличаетъ во лжи всѣхъ рекламистовъ окупаціи. Въ оккупованныхъ земляхъ Австрія должна какъ можно скорѣе произвести радикальную реформу. Изолгавшіеся рекламисты сами становятся виновниками

дурнаго состоянія дѣла, потому что умалчиваютъ о немъ; между тѣмъ полнымъ, справедливымъ и энергичнымъ раскрытіемъ правды можно бы помочь бѣдѣ.

Бѣда земледѣльческаго населенія въ окупованныхъ земляхъ довершена еще тѣмъ обстоятельствомъ, что оно лишилось и скота, такъ что во многихъ мѣстностяхъ проведена полная депекорація. А скотоводство, какъ уже б. сказано, въ Босніи и Герцеговинѣ составляетъ еще болѣе существенную часть сельскаго хозяйства, чѣмъ земледѣліе. Я старался провѣрить справедливость этихъ жалобъ народа. Въ Подвелажи у Мостара я нашолъ весь Свинярину, въ которой — 33 магомет. кучи. Эти кучи предъ оккупаціею имѣли въ общемъ 1000 штукъ скота, но въ 1897 г. имѣли всего только 12 шт. Совершенно не имѣли скота: Бечо Целовацъ, Гаметъ Целовацъ, Дуранъ Целовацъ, Муйо Маричъ, Муминъ Маричъ, Сали Якшаровичъ, Мего Бошкаило, Муйо Трновацъ, Рамо Трновацъ, Мего Брканъ, Бечиръ Брканъ, Ибраимъ Пекушичъ, Сали Пекушичъ, Муминъ Пекушичъ, Ибраимъ Мрдьичъ, Салко Мрдьичъ, вдова Больевича, Муйо Саличъ, Османъ Усничъ, Гаметъ Зеничъ, Сали Уеничъ, Османъ Меджичъ, Усейнъ Бечичъ, Бечиръ Бечичъ, Бечиръ Ножичъ, Гаметъ Ножичъ, Селимъ Ножичъ. Скотъ (12 шт.) принадлежалъ слѣдующимъ лицамъ: Мегу Целовацу, Усейну Больевичу, и Селиму Майковичу.

Еще худшее состояніе я увидѣлъ въ селахъ Добрчи и Баньдолѣ Мостарскаго округа, въ Рабинѣ и Жульихъ—округа Невесинскаго.

На конецъ этой главы мы оставили тѣ бремена, которыя гнетутъ все обывательство и между нимъ также и земледѣльца, поскольку касаются его. Это 4% дань поземковая (землярина); 4% дань съ домовъ (кучарина); 4% дань съ наёмныхъ комнатъ (наймовина); 3% дань съ дохода (догодарина); дань съ крупнаго скота (воларина) 50 крейц. съ шт.; дань съ овецъ (овчарина) по 10 кр. съ шт.; дань съ козъ (козарина) по 25 кр., если число козъ не превышаетъ 50. (Если же превышаетъ, то по 50 кр. съ каждой козы); дань съ свиней (свинярина) 30 кр. съ шт.; дань съ права продажи пива, сообразно съ наёмною платою, составляетъ $8^3/_4\%$ — $12^1/_2\%$ — 20% платимой суммы съ найма помѣщенія для пивницы; 4% дань съ права пользованія лѣсомъ, валежникомъ и подстильникомъ, рыбною ловлею и другими бывшими помѣщичьими выгодами; дань съ пчелъ (пчеларина) 10 кр. съ улья.

Изъ всего этого очевидно, что платежъ оккупованнаго обывательства слишкомъ растянутъ, такъ что во многихъ мѣстахъ лопается. Господинъ Каллай до сихъ поръ еще изъ него вознаграждаетъ смѣту земскихъ доходовъ, простирающуюся въ общемъ до 18 милліоновъ; даже показываетъ еще нѣкоторые малые остатки. А если есть какія-либо остатки, тогда цѣлое австро-венгерское государство, всѣ народности его, всѣ правительственные круги—всѣ вообще спокойны. Но какою

цѣною получается это спокойствіе!? Цѣною отчаянной тревоги оккупованнаго обывательства! Но пусть оно тревожно, скажемъ, это—его дѣло, лишь бы получался платежъ повинностей! Дама, щеголяющая золотыми гривнами и кольцами, также не размышляетъ о томъ, какія людскія потери, вздохи и страданія при трудной работѣ добыванія золота лежатъ на ея золотыхъ украшеніяхъ. А все-же здѣсь нужно поставить слѣд. вопросъ: изъ чего будутъ платить оккупованные воларину, овчарину, свинярину и т. д., если не будутъ имѣть вовсе скота? Изъ чего будутъ отчислять десятину, если не будутъ имѣть того, чѣмъ взорать поле, чѣмъ засѣять его, если будутъ оставлять свои поля пустыми?

Оккупаторъ усмѣхнется на эту наивность. На вопросъ: что будетъ потомъ? онъ отвѣтитъ: Потомъ на эти пустыя поля переселятся достойные, спокойные и работящіе люди, образцовые нѣмецкіе колонисты и босно-герцогивинское хозяйство будетъ поставлено ими еще на болѣе высшую ступень, нежели на какую доселѣ поставила его оккупація. Но оккупаторъ забываетъ, что нѣмецкій колонистъ придетъ въ тѣ же самые аграрныя и правовыя условія и также будетъ припужденъ подчиняться имъ, если уряды будутъ относиться и къ нему такъ же невнимательно, какъ и къ домородцамъ. Нѣмецкіе колонисты доселѣ замѣтно успѣваютъ только потому, что они составляютъ гордость правительства. Но уже и имъ, не смотря на то, что они имѣютъ отъ правительства различныя выгоды, государственныя бремена оккупованныхъ земель становятся непереносными; они соединяются съ домороднымъ обывательствомъ съ цѣлію протеста противъ оккупачныхъ порядковъ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ у Банялуки, Маглаи, Виндгорстѣ и Рудольфстале нѣмцы хозяйничаютъ по тому же способу, какой принесенъ или съ родины и выдается боснійскимъ правительствомъ за верхъ культуры; но уже и колонисты не скрываютъ того, что обманулись въ своихъ надеждахъ и не нашли въ Босніи того eldorado, о которомъ помышляли на родинѣ.

Слишкомъ наивно думать, будто пастбищное хозяйство само по себѣ составляетъ самую примитивную форму хозяйства и будто правительство, желающее прослыть передовымъ, не должно терпѣть его въ своей землѣ. Эта наивность, заслуживающая осмѣянія, причинила во многихъ горныхъ краинахъ габсбургской державы невознаградимыя потери, но къ несчастію эти потери терпитъ главнымъ образомъ славянское обывательство.

20 января 1898 г., въ засѣданіи Слезскаго снѣма, посланникъ Вацлавъ Грубый говорилъ о выселеніи горцевъ изъ Бескидъ. Прежде они были зажиточными. По Бескидамъ бѣгали безчисленныя стада ихъ овецъ. Но въ 1896 году «Тѣшинская Комора» (управленіе великими помѣстьями тѣшинскаго лена чешской короны) откупила у селянъ право пастбищъ, — тогда ихъ стада исчезли и бывшіе

зажиточными хозяева—овцеводы нынче едва поддерживають свое существованіе поденщиною въ лѣсахъ. Отецъ имѣлъ тысячу овецъ, а сынъ нынѣ работаетъ въ лѣсу за 18 кр. поденной платы.

При всемъ геологическомъ сходствѣ Бескидовъ съ Босніею и Герцеговиной между ними есть и огромная разница и не въ пользу оккупованныхъ земель. Въ Бескидахъ былъ сдѣланъ выкупъ земли и хозяева ея получили деньги за свои стада. Они сами виноваты въ томъ, что не сохранили своихъ денегъ. Въ оккупованныхъ же земляхъ депекорація проводится безъ всякаго вознагражденія.

На бескидскомъ примѣрѣ видно, что хозяйственныя ошибки дѣлаются также и въ старыхъ австро-угорскихъ земляхъ; но этимъ примѣромъ дано также и доказательство, какъ ошибочности теоріи, пропагандированной и приведенной въ исполненіе боснійскимъ правительствомъ, такъ и того положенія, будто денежное хозяйство само собою уже составляетъ хозяйственный прогрессъ. Все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, съ которыми каждый домикъ считается, а прежде всего правительство, которое, управляя судьбою обывательства, отвѣтственно за то, что ввергаетъ обывательство въ пропасть.

Статистика сараевскихъ урядовъ приводитъ даты о большомъ приростѣ скота въ оккупованныхъ земляхъ. По этимъ датамъ въ 1879 году скота насчитывалось 2,715,710 шт. Къ 1895 г. приростъ скота составлялъ 157,65%, слѣд. удвоился.

Но въ 1879 г. счетъ скота былъ произведенъ очень поверхностно, въ чемъ признается и сама перепись 1895 г., такъ что освѣдомленный человѣкъ, въ томъ случаѣ, когда воспользуется датами переписи 1879 г., не сдѣлаетъ этого безъ примѣчанія о томъ, что имъ нельзя довѣрять и что эти даты не имѣютъ цѣны ни для науки, ни для политики. А все же пусть приростъ скота дѣйствительно великъ, какъ говоритъ о томъ правительственная статистика; однако совершенная правда—и то, что̀ сказано выше о депекораціи. Это ясно уже изъ того обстоятельства, что въ оккупованныхъ земляхъ благобытъ увеличивается только тамъ, гдѣ онъ былъ и ранѣе — т. е. у помѣщиковъ. Но народъ гибнетъ, безпощадно гибнетъ!

Тамъ же, гдѣ народъ держится еще на поверхности и не тонетъ, нѣтъ никакой заслуги правительства. Народъ держится еще, только благодаря старымъ общественнымъ порядкамъ и традиціоннымъ обычаямъ. Благобытъ и спокойствіе находимъ еще тамъ, гдѣ сербская задруга—въ полной, ненарушенной силѣ. Тамъ же, гдѣ эти задружныя связи распутываются и почва получаетъ индивидуалистическія особенности, тамъ подкапывается старый достатокъ (зажиточность) и разводится недостатокъ и безпокойство.

Этотъ опытъ—въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣмъ взглядомъ, царствующимъ въ кругахъ сараевскаго правительства, будто кметамъ помогло бы, еслибы они совершенно выкупились отъ помѣщиковъ.

Правительство поощряетъ эти выкупы тѣмъ, что желающимъ выпутаться на свободу отъ помѣщиковъ кметамъ даетъ гипотечную ссуду на льготныхъ условіяхъ платежа. Господ. Каллай, если бы имѣлъ возможность, сразу выкупить бы всѣхъ кметовъ; но онъ расчиталъ, что для того потребовалось бы 220 милліоновъ зл. То обстоятельство, что не только такой суммы онъ не можетъ найти, но и сохраненіе 11 милл. кредита уже составляетъ огромную тяжесть для него, какъ недавно мы уже видѣли составляетъ причину, почему дѣло выкупа селянъ остается по-старому и сельскаго обывательства оккупованныхъ земель не постигла еще болѣе тяжелая катастрофа!

X.

Аграрная исторія оккупованныхъ земель.

Земля балканскаго полуострова, заселенная сербскимъ племенемъ, годится въ особенности для занятій земледѣліемъ и скотоводствомъ. Такъ называемыя собственно—Сербія и Старая Сербія своими плодородными равнинами и рѣчными долинами болѣе всего удобны для земледѣлія, Боснія же съ Герцеговиной и Черногорія — для скотоводства.

Въ то время, какъ сербы боями занимали свои земли за Дунаемъ и Савою, они были земледѣльцами и пастырями, а также и обывательство, жившее тамъ до прихода сербовъ и потомъ порабощенное ими, жило тѣмъ же двоякимъ способомъ, — но такъ, что одни народы болѣе любили заниматься земледѣліемъ, а другіе съ большею охотою занимались пастырствомъ. Народная пестрота была уже и тогда на Балканахъ. Главными изъ народовъ, поработившихся сербамъ, были: норопы—фракійское племя, арбанасы, или иллирійцы, и влахи т. е. романы.

Арбанасы отступили въ горы своего нынѣшняго отечества и, занимаясь скотоводствомъ (пастырствомъ), жили совершенно свободно даже до нашихъ дней. Какъ нынѣ къ Турціи они принадлежатъ только по одному имени, такъ же точно и принадлежность ихъ къ сербскому государству была только номинальною. Въ то время, какъ они были вынуждены вести непрерывные, вѣчные бои для защиты своихъ горъ и своей свободы, численности ихъ не прибывало, потому что, если не губилъ ихъ непріятельскій мечъ, то сами они губили себя домашними кровавыми распрями и неумолимымъ выполненіемъ долга кровавой мести, — вслѣдствіе чего и не прибывало численности ихъ населенія. Только въ послѣднія два столѣтія они почувствовали нужду распространиться и потянуться снова назадъ въ Старую Сербію и далѣе, откуда нѣкогда были выгнаны сербами.

Норопы и влахи не отступили предъ сербами, когда послѣдніе занимали ихъ жилища; но остались съ ними—сначала въ качествѣ

побѣжденныхъ, выполнявшихъ для своихъ новыхъ господъ — сербовъ хозяйственныя работы. Потомъ они приняли языкъ своихъ господъ и съ теченіемъ времени ихъ отношеніе къ сербамъ изъ служебнаго къ поработившему смѣнилось отношеніемъ низшаго слоя къ высшему одного и того же сербскаго народа. Во время порабощенія норопы были земледѣльцами, а влахи пастырями. Когда же тѣ и другіе смѣшались и сплотились въ одинъ народъ съ сербами, слово «норопхъ», или «меропхъ» пріобрѣло значеніе вообще земледѣльца, а слово «влахъ» — пастыря вообще. Со времени же турецкаго владычества слово «влахъ» стало означать селянина-христіанина, въ особенности же православнаго исповѣданія. Но въ употребленіи этого названія католиками, когда рѣчь у нихъ идетъ о сербахъ, особливо же о православныхъ, съ этимъ именемъ соединяется порицаніе.

Такая судьба слова «влахъ» въ турецкій періодъ характеризуетъ тогдашнюю хозяйственную реакцію въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ разцвѣта сербскаго государства и народа. Въ до-Коссовскій періодъ замледѣліе — эта установившаяся мѣстная форма жизни — начала всюду преобладать надъ пастырствомъ. Въ періодѣ же по-Коссовскомъ уже и земледѣльцы, если имѣли возможность, предавались пастырству, потому что, пася свои стада на горахъ, они чувствовали себя свободными и дѣйствительно были такими. Не попадаясь на глаза турокъ, они не подавали послѣднимъ и повода къ враждѣ. Если же все-таки вражда возникала, то на горахъ имъ было удобнѣе обороняться и избѣжать опасности, когда грозила погибель. Иногда же и сами влахи, перегоняя свои стада съ мѣста на мѣсто и ведя кочевой образъ жизни, требовали для себя большаго простора, нежели если бы держались земледѣлія, и потому нерѣдко вынуждались пріобрѣтать себѣ новыя пастбища боемъ съ турками.

Кочующіе народы Россіи — башкиры и киргизы—только нынѣ начинаютъ чувствовать недостатокъ почвы и, вѣроятно, еще долго не почувствовали его, еслибы пастырская свобода ихъ не была, наконецъ, ограничена русскими урядами, объявившими имъ, что они, какъ кочевники, не представляютъ собою правоспособныхъ земледѣльцевъ и что владѣніе ихъ — только движимое. Русскіе кочевники владѣютъ безчисленными стадами, которыхъ они перегоняютъ съ мѣста на мѣсто, имѣютъ свои станы и различныя принадлежности кочевой жизни, переносимыя съ одного мѣста на другое, но не имѣютъ недвижимаго имущества, почвы, реалиты, которая бы была имъ приписана и составляла бы неоспоримое ихъ владѣніе. Миролюбивые, невоинственные кочевники, съ незапамятныхъ временъ жили въ томъ убѣжденіи, что все пространство, куда они гоняютъ свои стада и которое годится для ихъ пастырства, принадлежитъ имъ. Когда доходили они до осѣдлыхъ пространствъ, то думали: здѣсь кто-нибудь другой пасетъ скотъ; погонимъ свои стада въ другое мѣсто, гдѣ

никто не будетъ мѣшать намъ и нашимъ стадамъ и мы никому не будемъ служить помѣхою. При этомъ они совершенно забывали о томъ, что можетъ наступить иное время, что могутъ придти къ нимъ люди, которые скажутъ имъ: «стада ваши, но земля не ваша, а государственная!» Если бы кочевники услыхали эти слова отъ другихъ подобныхъ имъ кочевниковъ-же и владѣющихъ тѣми же кочевыми средствами жизни и обороны, то, при всемъ своемъ миролюбіи, возстали бы на самозащиту. Но противъ мощнаго государства они слабы.

Приблизительно то же было и въ сербскихъ земляхъ. Все различіе между тѣми и другими кочевниками вытекало только изъ тѣхъ или иныхъ условій природы и отношеній обывательства.

Какъ уже было сказано, характеръ балканскихъ земель таковъ, что обывательство ихъ призвано къ занятію земледѣліемъ и пастырствомъ, но не на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, а на мѣстахъ смежныхъ. Сербы были правительственною народностью, хотя первоначально, вѣроятно, они составляли меньшинство. Какъ правительственная народность, они держались ближе къ очагу своей политической силы, которая хранила ихъ, а она въ свою очередь, въ видахъ собственныхъ своихъ интересовъ, помогала имъ. Очагъ же политической силы былъ не на горныхъ паствинахъ, но въ резиденціяхъ великихъ жупановъ и князей. Это отношеніе само собою уже требовало отъ сербовъ продолжительной осѣдлости и занятія земледѣліемъ; а кочевничество и пастырство досталось всецѣло влахамъ. Между тѣмъ расположеніе сербовъ къ земледѣлію не было сильнѣе расположенія ихъ къ пастырству. Оба эти образа жизни и занятій имъ одинако нравились и только нужда заставляла ихъ заниматься болѣе земледѣліемъ. Они высматривали себѣ «жупны» т. е. плодородныя мѣстности и становились «жупанами», каковой титулъ принадлежалъ главамъ ихъ. Подобнымъ же образомъ изъ жупановъ становились и «великіе жупаны».

Между тѣмъ влахи на горныхъ планинахъ [1]) жили своимъ стародавнимъ способомъ: пасли стада и высматривали для нихъ новыхъ пастбищъ, когда чувствовалась въ томъ нужда. Они не имѣли предъ собою широкой, безконечной степи, какъ въ Россіи башкиры и киргизы. Когда стада ихъ размножались на какой-нибудь планинѣ, они старались занять и сосѣднюю планину; но это удавалось имъ, конечно, не безъ боя. Между кочевниками-пастырями возникали частыя войны, веденныя со всѣмъ патріархальнымъ героизмомъ, дававшимъ форму внутренней жизни обывательства этихъ краинъ даже до нашего времени. Ихъ войны служили неизсякаемымъ источникомъ народной эпической поэзіи, но также источникомъ ихъ политической дезорганизаціи и слабости. Вѣнскіе нѣмцы бойовникамъ-пастырямъ дали прозвище «Hammeldiebe».

---

[1]) Планины-высочайшіе хребты горъ, покрытые травою, соотв. лат. Alpes.

Встарь, еще до временъ Душана, здѣсь было нѣчто подобное тому, что нынѣ дѣется въ киргизскихъ и башкирскихъ степяхъ. Влахи еще думали тогда о себѣ, какъ о господахъ тѣхъ паствинъ, на которыхъ пасли свои стада, между тѣмъ ихъ паствины были уже провозглашены и записаны жупанскимъ владѣніемъ, чтобы на будущее время избѣжать заблужденій о законныхъ владѣтеляхъ ихъ. Это произошло въ ту пору, когда политическая сила землевладѣльческихъ жупъ распространилась изъ равнинъ уже и на отдаленныя, мало доступныя горы.

Сербы, влахи и арбанаши жили патріархальнымъ способомъ и составляли большія или меньшія политическія общинки, называвшіяся у сербовъ «задругами». Сообразно съ личными и хозяйственными отношеніями и нуждами отдѣльныхъ членовъ или же и всей общинки, сербскія задруги были болѣе или менѣе численными. Только по требованію особенныхъ обстоятельствъ жизни связь задруги скрѣплялась и въ ея членахъ не пробуждалось индивидуальныхъ домогательствъ.

Въ каждой закругѣ «баштина« т. е. наслѣдственная земельная вотчина составляла общее, недѣлимое и неотчуждаемое владѣніе. Личная собственность отдѣльныхъ членовъ задруги состояла только въ одеждѣ, оружіи и деньгахъ, которыя пріобрѣтались исключительно только исполненіемъ обязанностей, порученныхъ задругою. Была полная возможность всегда отдѣлиться отъ задруги и составитъ новую задругу, или же жить отдѣльно, внѣ задруги («инокошно»). Отдѣлявшіяся отъ задруги лица составляли новыя баштины, покупая для этого новую землю, свободную отъ тягла и состоящую въ владѣніи общины. братства или же, наконецъ, цѣлаго племени. Всѣ общинки ограждались, каждая для себя отдѣльно, родовою традиціею, твердымъ основаніемъ которой въ періодъ христіанскій стало «крсно имя» т. е. годичное воспоминаніе о принятіи христіанскаго крещенія. Объединяющая сила «крснаго имени» была столь велика, что и до сихъ поръ, послѣ тысячи лѣтъ, потомки признаютъ свое родство и общее происхожденіе отъ одного рода именно по имени святого, принятаго по первоначальномъ крещеніи за своего патрона.

Дѣйствительно, у всѣхъ народовъ въ періодъ до-письменный воспоминаніе о достопамятныхъ событіяхъ и дѣяніяхъ сохранялось преданіемъ. Но, исключая евреевъ, едва-ли былъ еще другой народъ, у котораго бы преданіе было столь развито и сильно въ качествѣ суррогата исторіи, какъ то встрѣчаемъ у сербовъ. Сербское преданіе нужно считать не менѣе бдительнымъ стражемъ и наслѣдственныхъ соціальныхъ порядковъ, какъ и событій историческихъ.

Какъ скоро въ патріархальномъ бытѣ начнетъ развиваться личная и наслѣдственная сила, обнаруживаются уже и начатки феодализма.

Въ патріархальномъ быту сила значитъ меньше, чѣмъ авторитетъ, потому что въ патріархальномъ быту наивысшій авторитетъ принадлежитъ старѣйшинамъ, которые имѣютъ силу не индивидуальную, но только какъ представители семейства, рода, племени. Сила же въ феодальномъ смыслѣ-исключительно индивидуальная. Источникомъ ея служатъ личныя достоинства и умъ, дающіе способность и умѣнье обладать слабѣйшими и менѣе зажиточными людьми и обороняться противъ непріятеля при помощи этихъ людей, какъ своего войска. Именно за эту воинскую службу послѣдніе (люди) и получаютъ отъ феодала въ лено свою собственную землю и вступаютъ въ подвластную отъ него зависимость. Въ иныхъ случаяхъ панъ (феодалъ) даетъ въ лено землю, отнятую у непріятелей.

Тамъ, гдѣ имѣнія единичныхъ владѣтелей начинаютъ превышать количество общиннаго имѣнія, возникаетъ феодализмъ. Семейство феодальнаго пана дома сохраняло патріархальный духъ, но внѣ дома уже не сохраняло его. Римскій патрицій въ своемъ семействѣ былъ патріархальнымъ старѣйшиною, но въ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ былъ уже феодальнымъ паномъ. Семейство феодала отдѣлялось отъ общины и замыкалось въ крѣпости (градѣ), а это обстоятельство сообщало ему видъ роскоши и неравенства съ тѣми, съ кѣмъ прежде (до феодализма) оно составляло одинъ общинный узелъ. Затѣмъ развивается различіе въ сословіяхъ и отношеніяхъ подданныхъ феодальному пану лицъ.

Чтобы не ослабить земельныхъ владѣній, семейство феодала не должно быть слишкомъ многочисленнымъ. Отсюда, чувствовалась нужда въ войнахъ—для того, чтобы мужскіе члены таковаго семейства могли основывать свою собственную власть и принимать или раздавать новыя лены. По своей раскоши феодалъ былъ близкимъ къ богамъ, какъ будто бы сами боги дали ему феодальный строй жизни, хранили его и поручили ему, какъ пану, содержать въ покорности своихъ подданныхъ. Тѣ потомки феодальныхъ пановъ, которые не могли въ семействѣ обезпечить своего земельнаго владѣнія такъ, чтобы оно не ослаблялось, посвящали себя духовной (церковной) службѣ, становясь церковными князьями и въ то же время опорою своихъ феодальныхъ братьевъ, или же посредниками между ними и народомъ—обыкновенно, во вредъ послѣднему. Священникъ, происходившій изъ народной среды, обыкновенно, не имѣлъ вліянія на отношенія между паномъ и его рабами (отроками). Происходя изъ непривелигированныхъ слоевъ общества, но желая равнятся съ привеллигированными сословіями своею должностью и званіемъ, какъ это всюду было на западѣ, онъ защищалъ и поддерживалъ духовное и нравственное равенство своей среды, изъ которой самъ вышелъ. Но лишь только его народная среда впадала въ состояніе рабства, онъ чаще всего и самъ становился уже суровымъ,

низкимъ и грубымъ въ отношеніяхъ къ своимъ—какъ рабъ, почувствовавшій себя господиномъ.

Наиболѣе высшаго развитія феодализмъ достигъ на европейскомъ западѣ, гдѣ онъ извратился тѣмъ, что индивидуальная сила пріобрѣла себѣ права мятежа-этого страшнаго, эгоистическаго права, которое и привело феодальный строй въ общественную жизнь Европы.

Подданный народъ ненавидѣлъ своихъ феодальныхъ пановъ съ самаго начала своего подданичества до освобожденія отъ него. Въ то время, какъ насильственно обращали народъ въ подданство, онъ почувствовалъ такое смятеніе и страхъ, такое несчастіе и поношеніе, такую отчаянную безпомощность, что, при всей своей религіозности, не могъ повѣрить, что бы все это было дѣломъ божьимъ, согласнымъ съ волею Бога, или хотя бы только наказаніемъ Божьемъ; но думалъ, что на землю пришелъ антихристъ и основываетъ здѣсь свое царство. Лишь однимъ утѣшался народъ — именно тѣмъ, что вслѣдъ за антихристомъ можетъ придти Христосъ съ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть державу антихриста и основать на землѣ царство Божіе, въ которомъ бѣдный и порабощенный получитъ свободу и спасеніе и даже будетъ возвышенъ въ достоинство угодника Божія.

Несравненно легче народъ переносилъ деспотизмъ патріархальный. Онъ считалъ его преходящимъ и временнымъ явленіемъ и, если долженъ былъ подчиниться ему, то всегда надѣялся на скорое, лучшее будущее; между тѣмъ какъ феодальный деспотизмъ удушилъ въ народѣ всякую надежду. Подавленный феодализмомъ народъ думалъ, что уже и самъ Богъ не помогъ бы ему, еслибы сошелъ съ неба и обѣщалъ лучшую участь. Никакой другой деспотизмъ столь не возмущалъ народа, не наполнялъ его такимъ гнѣвомъ и ненавистью, какъ деспотизмъ феодальный. Въ этомъ именно и заключается причина постояннаго противодѣйствія, съ какою всегда встрѣчалась ленная власть.

Чтобы говорить о феодализмѣ у сербовъ, мы должны припомнить все зло, повергнутое феодализмомъ на голову западныхъ народовъ.

Феодализмъ возникъ у сербовъ, не только какъ естественное слѣдствіе патріархальнаго быта, но также и чрезъ прямое вліяніе запада, съ которымъ сербы столкнулисъ въ періодъ крестовыхъ походовъ западно — европейскихъ христіанъ. Пѣхотные войска крестоносцевъ къ цѣли своихъ походовъ шли чрезъ Балканы; а за ними всюду оставались знаки западныхъ феодальныхъ порядковъ. Вслѣдствіе этого въ единичныхъ личностяхъ сербскаго народа возникала индивидуальная наклонность обособить свое имѣніе, а самимъ встать вверху другихъ сословій. По примѣру западно—европейскихъ феодаловъ, первоначально возвысились надъ другими единичныя семейства, изъ нихъ же въ свою очередь единичные мужи. А ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на другія сотни лицъ, слабыхъ и менѣе способныхъ, которыя тѣмъ

не менѣе не желали равняться среди равныхъ себѣ. Такъ явились „властели“ (великая шлехта) и „властеличицы“ (мелкая шлехта). Самый сильный изъ магнатовъ сталъ княземъ — первоначально избираемымъ, а потомъ онъ уже старался сдѣлать свое княжеское достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Это означало уже развитіе государственной идеи и борьбу ея съ идеею племенною. Борьба эта продолжалась долго. Въ первый разъ только Нѣману удалось основать такую династію, за которой уже никто не отрицалъ княжескихъ правъ. Но и онъ первоначально долженъ былъ вступить въ жестокій бой съ своими братьями, укорявшими Нѣмана за то, что онъ выстроилъ храмъ безъ совѣщанія съ своими старшими братьями.

Западный феодализмъ въ свою очередь имѣлъ опору въ латинской церкви. Связь феодализма съ латинскою церковью, по мнѣнію многихъ, неразлучна и до сихъ поръ. Оба союзника встали вмѣстѣ, и вмѣстѣ же падали, вмѣстѣ ходили на войну и дѣлились военною добычею. Можно полагать, что тамъ, гдѣ въ старую эпоху находимъ слѣды латинской церкви, встрѣчаемся и съ слѣдами феодализма. Стефанъ Нѣманъ и его сыновья: король Стефанъ Первовѣнчанный и св. Савва, первый сербскій архіепископъ, поставили непреоборимую преграду приливавшему въ сербской земли католицизму и этимъ сербскій народъ болѣе всего сохраненъ отъ феодальнаго порабощенія. До 30 — лѣтняго возраста Стефанъ Нѣманъ былъ католикомъ. Но потомъ онъ понялъ значеніе православія для сербскаго народа и отторгнулся отъ запада и его духа. Сынъ его первоначально былъ пожалованъ короною, присланною римскимъ папою; но св. Савва поспѣшилъ отогнать опасность съ запада, снова грозившую сербамъ, и короновалъ своего брата по восточному чину. Оба эти сербскіе государя управляли Сербіею по совѣту св. Саввы. Стефанъ Нѣманъ жилъ еще задружно, но его столкновенія съ нѣмецкими королями Индрихомъ Львомъ и Фридрихомъ Барбарусой, предлагавшими Нѣману ленную зависимость и оказавшими значительное вліяніе на часть сербскаго государства (именно на шлехту), не могли не наполнить народа опасеніями. Здѣсь православная церковь рукою св. Саввы на аренѣ сербской исторической жизни оказала весьма благотворное вліяніе, выступая между королемъ („кралемъ“) и народомъ; она примиряла обѣ стороны и не допустила возникнуть, какъ это было всюду въ западныхъ славянскихъ земляхъ, двумъ разнымъ и непримиримымъ сторонамъ (католической и православной). Православная церковь помогала утвердить королевскую власть, но не такъ, какъ дѣлала это на западѣ церковь латинская: она не сдѣлала короля бичемъ сильнаго деспота, поражающимъ волю народа; но лишь предоставила королю все древнее достоинство старѣйшины, а народъ научила тому, что князь, король или царь, хотя получилъ свою

власть и по наслѣдству, тѣмъ не менѣе не перестаетъ быть выразителемъ народной воли, какъ это было и въ древнѣйшее время, когда и глава земли зависѣла отъ свободнаго выбора народа.

Такое понятіе о королевской власти имѣютъ всѣ православные народы. Король на западѣ сталъ самодержавнымъ на огромной, искусно и правильно поставленной организаціи цѣлаго народа, въ сферѣ котораго селянинъ всегда былъ самымъ послѣднимъ слоемъ (на самомъ же дѣлѣ онъ составляетъ основу, изъ которой выходили всѣ другія сословія и общества), между тѣмъ селянинъ съ постоянною болью несъ на себѣ все бремя цѣлаго общественнаго и государственнаго организма, вѣчно поражающаго и сокрушающаго селянина такъ, что онъ никогда не переставалъ колебаться между жизнью и смертью.

Въ сербскомъ государствѣ, какъ и обществѣ, никогда не было совершенно безправныхъ членовъ. Селянинъ смотрѣлъ на государя, какъ на своего коронованнаго повелителя, и всегда былъ готовъ помогать ему, если бы предстала къ тому нужда,— противъ тѣхъ властелей, которые, желая далѣе развить принципъ феодализма, заботились объ организаціи своего сословія съ тѣмъ, чтобы своею силою ограничивать власть короля, а изъ народа высасывать послѣднюю кровь. Но это не удалось властелямъ: они не организовали такого сословія, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало западно-европейской шлехтѣ, а титулы, получаемые отдѣльными личностями изъ нихъ, хотя бы и очень громкіе, какъ фанфаря, служили выраженіемъ личныхъ заслугъ въ политической или военной службѣ и не переходили въ наслѣдство.

Подобно народу, и сербскіе цари свое значеніе въ народѣ (и для народа) понимали въ идеальномъ смыслѣ. Ставши царемъ, Стефанъ Душанъ во всѣхъ провинціяхъ своего царства поставилъ своихъ намѣстниковъ, а Сербію отдалъ въ управленіе своего сына Угроша— наслѣдника, или «молодаго краля». Себѣ лично онъ не оставилъ ни одной провинціи и даже Зету, бывшую раньше наслѣдственнымъ удѣломъ Нѣманичевъ, предоставилъ управленію особаго намѣстника (Каллай. Исторія Сербіи). Какъ «царь сербскій, болгарскій и византійскій», Душанъ хотѣлъ возвысить важность своего достоинства до недосягаемой высоты; но при этомъ онъ разрушилъ за собою всѣ мосты, лишившись своей наслѣдственной области Зеты.

Учрежденіемъ народной православной церкви сербскому народу навсегда былъ обезпеченъ сильный демократическій характеръ. Чѣмъ больше отдѣльные властели прилагали старанія о феодальномъ порабощеніи народа, тѣмъ болѣе близкимъ къ царю желалъ стать народъ. Сербскій народъ раньше и лучше, нежели паны, понялъ государственныя мысли своихъ царей и съ радостью помогалъ имъ соорудить сербское народное государство. Насколько былъ занятъ

сербскій народъ государственною работою и своимъ гражданскимъ дѣломъ—это лучше всего видно изъ долгой печали его о паденіи сербскаго государства на Косовомъ полѣ. Эта печаль наполняетъ все содержаніе дальнѣйшей жизни сербскаго народа, проявляется во многихъ народныхъ пѣсняхъ, которыми народъ оплакивалъ паденіе своего царства и прославлялъ своихъ богатырей, испустившихъ духъ при оборонѣ его. Какъ скоро сербскій народъ сталъ опомниваться отъ своихъ ранъ, первою мыслію его было обновленіе Душанова царства, сооруженіе новаго сербскаго народнаго государства. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какой-либо другой народъ былъ столь сильно проникнутъ своею государственною мыслію, чтобъ оставался вѣрнымъ ей даже по истеченіи пяти сотъ лѣтъ послѣ своей трагической неудачи, какъ мы это видимъ у сербовъ.

Такой безпримѣрной любви къ мысли о своемъ народномъ царствѣ сербскій народъ не могъ бы имѣть, если бы оно не было совершенно народнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: материнскаго языка, религіи, въ отношеніяхъ соціальномъ и хозяйственномъ. Цари вынуждались дѣлать уступки мощнымъ властелямъ и дѣлали ихъ въ ущербъ народной массѣ; но все-же народъ понималъ эту необходимость и приносилъ съ своей стороны жертвы царямъ. Между тѣмъ народъ нашелъ свои выгоды въ томъ, что въ сербскомъ царствѣ магнатамъ не удалось завести феодализма въ той полной и выработанной формѣ, какая всюду была на западѣ. Къ нѣкоторымъ богатырямъ періода паденія царства народная пѣсня относится совершенно иначе, чѣмъ исторія. Такъ народное преданіе называетъ Вука Бранковича предателемъ на Косовомъ полѣ и на него слагаетъ вину погибели сербскаго царства, между тѣмъ не всѣ исторіографы одинаково мыслятъ съ преданіемъ народа. Чѣмъ объяснить это? Конечно тѣмъ, что Вукъ Бранковичъ былъ въ ненависти у народа еще до Косовой битвы, какъ феодальный притѣснитель народа и піонеръ запада, служившаго для Бранковичей единственною надеждою и упованіемъ. Среди сербскихъ властелей подобныхъ притѣснителей народа было немало, а Косово не столкнуло ихъ съ этой дороги. Близорукіе властели даже лишеніе возможности имѣть своихъ царей считали слѣдствіемъ суроваго препятствія, со стороны сербскихъ царей, ихъ феодольнымъ апетитамъ.

Такимъ образомъ развитію феодализма въ сербскомъ царствѣ положено было много препятствій и благодарность за это прежде всего принадлежитъ св. Саввѣ, организатору сербской народной и государственной православной церкви. Этимъ былъ сохраненъ въ государствѣ народный элементъ, который всегда служилъ отличительною чертою сербской жизни. Опираясь на народъ, сербскіе цари не дали развиться феодальному сословію пановъ, которое могло бы притѣснять народъ и ограничивать власть краля. Концессіи же, дан-

ныя властелямъ въ ущербъ народу, превратились въ цѣнность, за которую властели допустили царской власти высоко вознестись надъ ихъ властельскою силою. Однако, власть сербскихъ царей не достигла полнаго монархизма. Цари были ограничены принципомъ совѣщательнаго порядка, съ незапамятныхъ временъ проникавшимъ цѣлую государственную жизнь сербскаго народа и имѣвшимъ рѣшающее значеніе. На земскіе снѣмы, къ великому неудовольствію властелей, всегда являлисъ и селяне, которые не желали предоставить государственные снѣмы въ руки властелей и чрезъ это сдѣлать положеніе ихъ въ царствѣ привеллегированнымъ. Въ Законникѣ Душана было возбранено селянамъ это право присутствія на снѣмахъ подъ *тяжелымъ наказаніемъ*. Очевидно, селяне вели борьбу за свое старое право, за свою идею и не боялись при этомъ никакихъ жертвъ.

На феодальномъ западѣ короли учредили привеллегированное сословіе городское съ цѣлью имѣть въ немъ опору противъ шлехты. Въ сербскомъ же царствѣ не было никакихъ побужденій для созданія городского сословія, такъ какъ въ немъ не было организовано и сословія пановъ. Сербскіе города не владѣли никакими особенными правами и точно также, кѣкъ дѣдины (наслѣдственныя помѣстья) и горы, населены были демократическимъ элементомъ.

Какъ смотрѣлъ народъ на работу своихъ царей—о томъ онъ высказалъ въ своей пѣснѣ «Женидба Душанова» [1]). Душанъ является въ ней представителемъ сербскихъ царей; а дѣйствіе, воспѣваемое въ пѣснѣ, служитъ политическою аллегоріею, въ которой народъ-пѣвецъ прикровенно, но довольно понятно, изображаетъ свое отношеніе къ политикѣ царей и пониманіе ея. Введеніе новотъ по западному образцу выражено въ пѣснѣ тѣмъ, что царь Душанъ добивается руки дочери «латинскаго короля Михаила, который сидитъ въ Ледяномъ градѣ». Латиняне не отказываютъ Душану и онъ съ огромною свитою отправляется въ Ледянъ градъ, чтобы получить въ жены дѣвицу Роксанду—дочь короля Михаила. Но Душанъ не былъ свободенъ отъ слабостей. Латинскій король поставилъ своимъ условіемъ брака Душану, чтобъ онъ не приглашалъ на свадьбу своихъ племянниковъ Вукашина и Петрашина. Какъ воспитанникъ западной цивилизаціи, латинскій король пренебрегаетъ этими представителями сербскихъ народныхъ традицій; и царь Душанъ безъ спора соглашается на это условіе. Между тѣмъ именно изъ этого стародавняго, консервативнаго элемента и пришло спасеніе для царя Душана, когда латиняне, «старые подводники», замыслили нарушить свое честное слово и причинить позоръ и гибель не только самому царю Душану, но и всей его многочисленной свитѣ.

[1]) Српске народне пјесме (собр. Вук. Стеф. Караджичъ). У Бечу, 1875. кн. 2, стр. 132—154.

Эта пѣсня столь замѣчательна, такъ знаменито выясняетъ стародавнія хозяйственныя и общественныя воззрѣнія сербскаго народа и первую борьбу сербскихъ народныхъ принциповъ съ принципами западными, что заслуживаетъ внимательнаго разбора съ нашей стороны.

Латинскій король соглашается отдать Душану руку своей дочери; но тотчасъ же поставляетъ условіемъ при этомъ,

„Чтобъ не бралъ съ собою двухъ сестриничей [1]),
Двухъ сестриничей—двухъ Войновичей:
Вукашина да съ нимъ Петрашина;
На пиру они—горьки пьяницы,
При бесѣдѣ же—буяны лютые.
Какъ напьются вина, станутъ ссориться,—
Тяжко будетъ намъ отвѣчать за нихъ
Въ Ледяномъ—градѣ латинскомъ“.

Царь Душанъ собралъ свадебную свиту въ двѣнадцать тысячъ мужей и отправился съ нею въ дорогу. Шествіе тянулось мимо града Вучитрна. въ которомъ сидѣли упомянутые царскіе сестриничи. Видя это шествіе, они удивлялись и разсуждали между собою:

„За что же прогнѣвался уецъ [2])
Что не позвалъ насъ въ сватавья?
Клеветой очернили—знать насъ:
Чтобъ спало съ нихъ мясо живьемъ!
А ѣдетъ царь въ землю Латинскую,
Юнака́ [3]) же съ нимъ нѣтъ ни единаго.
Ни единаго нѣтъ съ нимъ родака [4]),
Чтобъ помогъ царю въ горѣ—бѣдѣ,
Какъ впадетъ онъ въ неволю латинянъ:
Латинцы—издавна обманщики;
Погубятъ они уйца нашего,
А незванными мы не смѣемъ пойти“.

Народное сознаніе предвидѣло, что шагъ царя къ чужеземцамъ окажется ошибкою, но оставалось спокойнымъ. Только въ самый несчастный для царя моментъ народъ, которымъ царь пренебрегъ ради чужеземцевъ, спасаетъ и сохраняетъ его—но такъ, что самъ сохраненный не узнаетъ, отъ кого пришла къ нему помощь.

Старуха—мать братьевъ Войновичей, сестра Душана—велѣла своимъ сыновьямъ послать за ихъ младшимъ братомъ Милошемъ, который находился въ горахъ при стадѣ овецъ (а Душанъ вовсе не зналъ его) съ тѣмъ, чтобъ отправить Милоша въ свиту царя, къ которой онъ пристанетъ безъ всякаго приглашенія и будетъ оберегать царя. Милошъ пришелъ домой и старшіе братья обратились къ нему съ просьбою:

---

[1]) Племянниковъ—сыновей родной сестры царя Душана.
[2]) Дядя.
[3]) Удалецъ.
[4]) Близкій родственникъ.

„Милоше, нашъ братецъ родной,
Не хочешь ли сватомъ незванымъ
Въ свитѣ уйца на свадьбу пойти?
Какъ неволя царю прилучится,
Ты сможешь подать ему помощь.
А не будетъ неволи—домой возвратишься:
Никто—вѣдь о томъ не узнаетъ!"

Народный духъ хочетъ стать геніемъ—хранителемъ царя; но считаетъ своимъ долгомъ выступить только въ крайнемъ случаѣ, въ моментъ крайней нужды. Затѣмъ въ пѣснѣ изображается снаряженіе братьями Милоша въ дорогу. Народный пѣвецъ съ любовію указываетъ на красоту и богатство своего представителя, отмѣчая при этомъ и то, что старобылое народное хозяйничанье составляетъ обильный источникъ благобыта, такъ что изъ него можно даже раздивать и латинамъ,—что именно въ сокровищахъ народной среды процвѣтаетъ и всякая добродѣтель, которой совершенно напрасно искать у западныхъ народовъ—чуждыхъ по вѣрѣ и нравамъ. Сербъ—народникъ; онъ—храбрый и вѣрный юнакъ. При всей простотѣ своихъ нравовъ своимъ остроуміемъ онъ посрамляетъ чужеземцевъ, умѣющихъ обмануть только слабыхъ, хотя бы и носящихъ на своихъ главахъ царскую корону. Но никогда не удастся имъ обмануть того, кто не переставъ жить своимъ исконнымъ, стародавнимъ способомъ въ духѣ народа. Это народное воззрѣніе на самаго геніальнаго сербскаго государя—устроителя мощной державы, счастливаго въ войнахъ, предъ которымъ дрожали сосѣднія государства, дѣйствительно, чрезвычайно характерно! Всѣ славныя дѣянія Душана не импонировали народу настолько, чтобъ закрыть глаза на то, что не казалось народу мудрымъ въ дѣяніяхъ царя Душана—именно: на сближеніе его съ католическо-феодальнымъ западомъ.

Посмотримъ теперь, какъ изображаетъ народъ—пѣвецъ внѣшность своего идеальнаго богатыря періода пастырско-патріархальнаго!

„Снаряжали братья въ путь-дорогу Милоша:
Петаръ кулаша [1]) осѣдлалъ,
А Вукашинъ Милоша одеждой облекъ.
Сначала облекъ его тонкой рубашкой,
Чистымъ златомъ по поясь расшитой,
А низъ у рубашки изъ бѣлаго шолка.
На рубашку надѣлъ онъ три тонкихъ ечерны [2]),
И долату [3]) на нихъ съ тридцатью запонками,
Златоковану току [4]) надѣлъ сверхъ доламы—
Добрыхъ ока [5]) четыре въ ней золота было.

---

[1]) Конь сѣрой масти, мышинаго цвѣта.
[2]) Родъ жилета.
[3]) Родъ пиджака.
[4]) Панцырь, броня.
[5]) Вѣсов. мѣра=$2^1/_4$ фун.

Ноги въ ковче[1]) и чакширь[2]) одѣлъ,
Кабаницу[3]) булгарску на плечи накинулъ
И булгарской шубарой[4]) закрылъ его голову.
Булгариномъ чернымъ казался Милошъ—
Сами братья съ трудомъ бы узнали!
Въ руки дали Милошу копье боевое
И мечъ старый отца ихъ Войнова.
Самъ Петрашинъ къ нему кулаша подводилъ.
И кулашъ былъ покрытъ медвѣдиной,
Чтобъ не могъ его царь распознать".

Въ этомъ изображенiи отзывается и сильная тоска по поводу новыхъ сербскихъ порядковъ. Среди сербовъ уже не стало достойнаго примѣра, истиннаго образца для изображенiя богатыря перiода героическо-пастырскаго; пришлось заимствовать его отъ сосѣдей—болгаръ, за которыми пѣвецъ-народъ признаетъ преимущество предъ сербами въ томъ отношенiи, что первые владѣютъ еще тою общественною благонравностью, которая у самихъ сербовъ, къ несчастiю, уже исчезала.

Можно было предвидѣть, что дѣло не обойдется безъ комическихъ сценъ, когда вдругъ появится такой гость, одѣтый въ булгарскiй плащъ, среди разнаряженной дружины царя. Онъ слишкомъ выдѣлялся изъ среды щеголей-дворянъ и пановъ царской свиты не только своимъ внѣшнимъ видомъ, но также и своими привычками.

Милошъ имѣлъ горскiй обычай—
Дурный навыкъ, принятый изъ пастбищъ:
Пообѣдавши въ полдень вздремнуть.
И теперь на конѣ Милошъ крѣпко заснулъ,
Удила опустивъ. Тутъ, почуявъ свободу,
Конь голову задралъ, вразился въ ряды свадебчанъ,
Съ ногъ сбилъ коня, опрокинулъ съ нимъ мужа
И вихремъ помчался впередъ, царскихъ коней догоняя.
Примчался, сравнялся съ рядами дворянскихъ
Коней, и пошелъ съ ними рядомъ.
Дворяне хотѣли булгарина бить,
Но Стефанъ, сербскiй краль, его не далъ въ обиду.
— „Не касайтесь младого булгара!" сказалъ имъ:
„Такой уже навыкъ имѣетъ булгаръ—
„Въ полдень вздремнуть; и привыкъ онъ, сторожа стада.
„Не бейте его,—разбудите!"

Изъ этихъ словъ царя видно, что несмотря на всѣ латинскiя влiянiя, онъ помнитъ еще образъ жизни горцевъ, ту пастырскую жизнь, которую болѣе всего любитъ пѣвецъ-народъ, и не отрекся окончательно отъ старинныхъ первоначальныхъ народныхъ обычаевъ и по-

---

1) Родъ обуви.
2) Панталоны.
3) Плащъ.
4) Мѣховая шапка.

рядковъ, — такъ что, если царь сдѣлаетъ шагъ назадъ, а народъ— шагъ впередъ, то они снова могутъ идти одинаковымъ шагомъ такъ же, какъ и ихъ кони.

Проснулся Милошъ, отъ дремоты очнулся,
Въ черны очи царя посмотрѣлъ
(Съ царскимъ конемъ шелъ кулашъ въ одинъ шагъ)—
И схватилъ удила, натянулъ ихъ,
Острымъ стременемъ въ боки ударилъ коня
И мигомъ объѣхалъ весь рядъ свадебчанъ.
Каждый шагъ кулаша былъ три копи [1]),
Каждый скокъ его былъ на четыре.
Какъ огонь, распалился кулашъ:
Синій пламень дышалъ изъ ноздрей.
Остановился тутъ полкъ свадебчанъ:
На кулаша и булгара дивились,
Дивились въ себѣ говорили:
— „Богъ Милосердный! Великое диво!
„Добрый то конь: но какъ дуренъ юнакъ!!
„Такого коня мы еще не видали.
„Одинъ такой конь былъ у зятя царева;
„Нынѣ же онъ у Войновича".

Конь Милоша возбуждаетъ удивленіе въ царской дружинѣ, но юнака на немъ дружина не цѣнитъ. Трое «удальцевъ» изъ царской дружины дѣлаютъ характерное предложеніе патріархальному юнаку:

— „Гой добрый молодецъ, булгаринъ младой!
„Промѣняемся конями съ нами.
„Еще лучшимъ конемъ наградимъ мы тебя,
„Сто дукатовъ прибавимъ къ нему,
„Еще рало дадимъ и воловъ.
„И ори—себѣ, хлѣбъ добывай!"

Затѣмъ въ пѣсни ясно указывается на то, что земледѣліе уже не служило характерною чертою патріархальной жизни сербскаго народа, дѣлавшей переходъ къ тому, что нынѣ мы называемъ хозяйственно-экономическимъ и общественнымъ прогрессомъ. Милошъ отвергаетъ эти предложенія:

— „Провальвайте прочь, удальцы!
„Лучшаго коня не ищу:
„Не легко мнѣ и этимъ владѣть!
„Зачѣмъ мнѣ дукаты? Что съ ними-бъ я дѣлалъ?
„Смѣрять ихъ мѣркою я не сумѣю,
„А счета дукатамъ не знаю.
„Зачѣмъ мнѣ и рало съ волами?
„Орать не умѣлъ и отецъ мой,
„А я на отцовскихъ хлѣбахъ выросталъ!

Какимъ спокойствіемъ дышетъ этотъ отвѣтъ! Юнакъ-пастырь отвергаетъ дары царской цивилизаціи и ограждается отъ нихъ всѣмъ своимъ патріархальнымъ консерватизмомъ, здравой простотѣ котораго

[1]) Длина копья.

онъ отдаетъ предпочтеніе предъ прогрессомъ, вводимомъ въ народѣ царемъ и его приближенными. Милошъ — не ученъ; несмотря на то, онъ нисколько не слабѣе и не менѣе ловокъ, чѣмъ и сами приближенные царя, хотя послѣднимъ онъ и не казался такимъ. Это обнаружилось тотчасъ же. «Три удальца», которымъ не удалось подобру пріобрѣсти прекраснаго коня, грозятъ Милошу отнять коня силою. На угрозу такъ отвѣтилъ имъ Войновичъ Милошъ:

„Сила беретъ даже землю и крѣпкіе грады;
„Почему-бъ не могли вы отнять кулаша?
„На промѣну коня я согласенъ,
„Не могу только пѣшимъ идти".
Остановилъ тутъ Милошъ кулаша,
Подъ медвѣдину онъ руку засунулъ.
Тѣ думали: „хочетъ снимать стремена!"
Онъ же вынулъ златой шестоперъ [1])
И хлеснулъ имъ Дьяковича Вука.
Хлеснулъ его только слегка—
Перевернулся три раза Дьяковичъ.
Усмѣхаясь. промолвилъ Войновичъ Милошъ:
„Пусть не столько грозенъ уродится
„Въ родной твоей Дьяковицѣ!"

Здѣсь ясно сказалась сила стараго образа жизни и его преимуществъ. Но до сихъ поръ она не была вполнѣ сознана тѣми, кто чувствовалъ ее только своимъ инстинктомъ. Однако скоро представился случай яснѣе понять народную силу, въ виду латинъ и тѣхъ сербовъ, которые гнались за латинами. Царская дружина, наконецъ, достигла града Ледяна и расположилась подъ нимъ лагеремъ. Представитель народной неповрежденности все еще занимаетъ здѣсь послѣднее мѣсто.

„Овса засыпали царскимъ конямъ,
Ни пылинки не давъ кулашу.
Увидалъ то Войновичъ Милошъ;
Въ руку лѣвую взялъ онъ торбу
И, изъ каждой кормушки наложивъ въ нее,
Наполнилъ торбу до верха.
Отойдя отъ коня, онъ сказалъ корчмару:
„Корчмаръ, налей мнѣ вина!"
Тотъ, надмѣнно его осмотрѣвъ,
Молвилъ: „прочь проваливай, черный булгаръ!
„Еслибъ имѣлъ ты булгарскую чарку,
„Можетъ быть, наточилъ бы вина и тебѣ;
„Для тебя-жъ не припасъ я позлащенной чарки!"
Посмотрѣлъ на него Милошъ грозно
И ударилъ корчмара въ лицо,
Такъ легонько корчмара погладилъ—
Просунулись въ горло три зуба.
Тутъ взмолился корчмаръ передъ нимъ:
„Смилуйся—пощади, булгаринъ младой!

---

1) Родъ хлыста, дубины.

„Дамъ вина тебѣ, сколько захочешь,
„Хотя-бъ не хватало его и царю!"
Ничего не отвѣтилъ Милошъ.
Самъ уже черпалъ вино, какъ хотѣлъ.

Какъ скоро народный духъ и народная сила соберутся для самозащиты, они уже не прибѣгаютъ къ окольнымъ путямъ, дѣйствуютъ прямо и не знаютъ себѣ препятствій. Элементарная сила народной жизни преодолѣваетъ чужую школу и чуждые навыки, не сообразные съ народными правилами и господствовавшіе только до тѣхъ поръ, пока народъ не вступитъ въ юнацкую сферу. Предъ народомъ все чуждое должно сдаться на капитуляцію.

Сестра царя Душана и ея сыновья ясно чувствовали, что Душанъ пойдетъ къ латинамъ только для новаго обнаруженія на нихъ лжи и обмана со стороны латынъ. И дѣйствительно, латинскій король, увидавъ сербскаго царя съ дружиною подъ своимъ городомъ, не только не отперъ воротъ Ледяного града, но еще крѣпче заперъ ихъ и приказалъ своимъ вѣстникамъ со стѣнъ города возвѣстить о томъ, что предварительно сербскій царь долженъ выдержать единоборство съ латинскимъ богатыремъ; и если въ этомъ единоборствѣ побѣдитъ царь, то получитъ руку дѣвицы-дочери латинскаго короля. Если же нѣтъ, то онъ долженъ потерять свою голову и никто изъ его дружины не воротится домой. Царю не пришло даже и въ голову самому лично выступить въ единоборство; онъ искалъ охотника въ своей дружинѣ. Послалъ своего вѣстника въ среду свадебчанъ съ обѣщаніями великимъ почестей и наградъ тому, кто выйдетъ на поединокъ вмѣсто царя. Но изъ всѣхъ двѣнадцати тысячъ парадныхъ и выхоленныхъ свадебчанъ, сопровождавшихъ царя въ латинскую землю, не нашлось ни одного человѣка, который бы отважился выступить за царя на поединокъ.

Испытанія, предложенныя латинскимъ королемъ царю Душану, суть факты изъ латинской цивилизаціи, овладѣвшей царемъ и сдѣлавшей его способнымъ встать о-бокъ съ латинскимъ королемъ, въ качествѣ добраго пріятеля и члена его семейства. Первое испытаніе расчитано на тѣлесную (физическую) силу и ловкость. И вотъ изъ 12 тысячъ сербовъ, прибывшихъ за дарами цивилизаціи, ни одинъ сербъ не отваживается помѣриться съ представителемъ этой чужой цивилизаціи, ни даже самъ царь! Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, постигшихъ царя Душана, онъ вспоминаетъ о своемъ сербскомъ народномъ принципѣ, который только одинъ могъ бы его спасти.

„Царь ударилъ рукой о колѣни.
„Горе мнѣ, Богъ Милосердный!
„Были бы здѣсь два сестриныча,
„Два сестриныча, свѣтъ Войновича,
„За меня на мейданъ [1]) они вышли бы!"

---

[1]) Поединокъ.

Не успѣлъ еще кончить Душанъ своей рѣчи,
Какъ подходитъ Милошъ и подводитъ коня
Подъ бѣлый шатеръ Стефана царя.
„Если угодно, мой царь-господинъ,
„На мейданъ за тебя выйду въ поле!"

Царь обѣщаетъ этому своему единственному заступнику великія почести, если онъ выиграетъ бой. Мгновенно озарила царя надежда; но вскорѣ снова овладѣла царемъ безнадежность, когда онъ разсмотрѣлъ неуклюжій видъ своего замѣнителя въ боѣ.

Ужъ какъ всѣлъ Милошъ на буйнаго коня,
Отъѣзжалъ отъ царева шатра,
Закинувъ копье на-опако [1],—
Говоритъ ему Стефанъ, сербскій царь:
„Сынку, не носи ты копья на-опакъ,
„Ты копье обрати на-предакъ [2])—
„Осмѣять тебя могутъ латины".
Милошъ Войновичъ такъ отвѣчалъ:
„Наряжай, царь, о царствѣ своемъ,
„Обо мнѣ не тужи; коли будетъ нужда,
„Я сумѣю копье обратить.
„А не будетъ нужды и неволи,
Могу я и такъ обращаться съ копьемъ".

Здѣсь очень мѣтко характеризуется поверхность западной цивилизаціи, гдѣ внѣшность принимается въ расчетъ при рѣшеніяхъ жизненныхъ вопросовъ, даже рѣшаетъ эти вопросы и гордится надъ всѣми другими народами, имѣющими иную, болѣе грубую внѣшность. Ратоборецъ изъ латинскаго лагеря полагалъ, что съ нимъ вступитъ въ единоборство самъ царь Душанъ, или по крайней мѣрѣ самый именитый изъ его богатырей. Но увидѣвъ такого противника, какъ Милошъ, одѣтаго въ пастушескую кабаницу и не умѣвшаго даже держать копья, онъ считалъ позоромъ для себя вступать въ единоборство съ такимъ недостойнымъ ратоборцемъ.

„Войновичъ Милошъ тутъ сказалъ ратоборцу:
„Гой, бѣлый латининъ, вставай!
„Раздѣлимъ юнацкій мейданъ!"
Отвѣчалъ ему бѣлый латининъ:
„Проваливай, черный булгаринъ—
„Я не вижу, чѣмъ сабли запачкать,
„На тебѣ даже нѣтъ и одежды приличной!
Осерчалъ тутъ Войновичъ Милошъ:
„Выходи же скорѣе ко мнѣ, бѣлый латининъ.
„Не по тебѣ твое платье—
„Я раздѣну тебя, самъ въ него облекусь!"
Тутъ поднялся латинъ на юнацкія ноги,
На буйнаго вскочилъ гнѣдака
И сталъ гарцевать по ровному полю.

---

[1]) На-оборотъ, обратно.
[2]) Напередъ остріемъ.

Грудью всталъ передъ нимъ Войновичъ Милошъ.
Бѣлый латинъ въ него бросилъ копье,
Мѣтя прямо въ юнацкую грудь.
А Милошъ, забавляясь златымъ шестоперомъ,
Отразилъ имъ копье богатырское—
И оно разломилось на-двое.
Тутъ взмолился къ Милошу латинъ:
„Подожди меня, черный булгаръ!
„Знать, подсунули мнѣ столь дурное копье;
„Взявъ другое, вернуся на битву!"
Поскакалъ онъ по ровному полю.
Пастырь Милошъ закричалъ ему вслѣдъ:
„Гой, бѣлый латининъ, постой!
„Убѣжать отъ меня хочешь, шельма!"
И погнался по ровному полю за нимъ.
У Ледянскихъ воротъ онъ латина догналъ,
А врата были крѣпко заперты.
Милошъ бросилъ копье въ грудь латина,
Пригвоздилъ юнака ко вратамъ,
Приковалъ къ Ледянскимъ вратамъ,
И отсѣкъ ему русую голову,
И голову бросилъ въ торбу кулаша.
Взялъ потомъ подъ-уздцы гнѣдака
И подвелъ къ своему государю-царю:
„Я принесъ тебѣ, царь, богатырскую голову!"
Безъ числа наградилъ царь Милоша.

Латинскій король предложилъ царю Душану и второе испытаніе, состоявшее въ томъ, чтобы онъ самъ или его замѣнитель перескочилъ чрезъ трехъ коней, въ сѣдлахъ которыхъ были вставлены огненные мечи. Снова былъ данъ кличъ въ дружинѣ Душана; но никто не вызвался на такой подвигъ, кромѣ Милоша, продолжавшаго служить царю не въ качествѣ его сестринича, а лишь какъ простой пастырь. Царь довѣряется юному Милошу; но къ его состоянію относится съ большимъ нерасположеніемъ. Царь предлагаетъ Милошу:

„Ты бы снялъ кобаницу булгарскую!
„Чтобъ наказалъ Богъ портнаго,
„Что сшилъ кабаницу нескладно!"
Ему отвѣчалъ тутъ Войновичъ Милошъ:
„Сиди себѣ, царь; вино красное пей, распивай!
„Не позоръ кабаницы моей:
„У юнака—юнацкое сердце,
„Ему не претитъ кабаница:
„Да если овца порицаетъ свое же руно,
„То не будетъ имѣть и руна!

Въ этихъ словахъ какъ остро пѣвецъ-народъ порицаетъ тѣхъ, кто не бережетъ народной самобытности, подражая безполезной иноземщинѣ! И самому царю дается здѣсь совѣтъ оказывать здравому домашнему ядру предпочтеніе предъ чужою шелухою, хотя бы и очень заманчивою на видъ. Только то имѣетъ цѣну для народа, что̀ состав-

ляетъ собственность народа «свое», составляетъ часть его существа, его быта. Между тѣмъ и на самомъ дѣлѣ чужое-то нисколько не превосходитъ въ духовномъ отношеніи «своего», сербскаго, племенного. Милошъ счастливо выполнилъ и второе испытаніе и так. обр. латины вторично проиграли. Не смотря на то, они предложили царю третье испытаніе. Объявили царю о томъ, что изъ леднскихъ воротъ выйдутъ въ поле три дѣвицы, похожія одна на другую, и царь долженъ угадать,которой изъ нихъ онъ послалъ свой перстенъ. Если же онъ не отгадаетъ, то потеряетъ не только невѣсту, но и свою голову.

Царь ударилъ рукой о колѣни:
„Горе мнѣ, Богъ Милосердный!
„И умомъ и юнацтвомъ мы взяли побѣду;
„Но, позоръ! не получимъ дѣвицы!“
Какъ услышалъ объ этомъ Милошъ,
Подошелъ къ Государю-Царю и сказалъ:
„Дозволишь-ли мнѣ, Государь,
„Отгадать дѣвицу Роксанду?“
„—Постарайся, любезный сынокъ!
„Но спрошу я тебя напередъ:
„Какъ ты можешь Роксанду узнать?
„Никогда не видалъ ты ея!“
Отвѣчалъ ему пастырь Милошъ:
„Успокойся, мой Царь-Государь!
„Когда пасъ я овецъ на Шарскихъ горахъ,
„Узнавалъ я по маткѣ ягненка.
„И Роксанду, навѣрно, по братьямъ узнаю!“

И дѣйствительно пастырь Милошъ блистательно доказалъ, что человѣкъ его призванія можетъ быть компетентнымъ судьею не, только тогда, когда дѣло касается характера и свойствъ его овецъ но также когда дѣло касается и того, что латиняне, считаютъ верхомъ познанія—именно знанія сердца и характера женщины! Какъ и чѣмъ воспользовался Милошъ для того, чтобы узнать царскую невѣсту? Прежде всего ему нужно было призвать на помощь красивую внѣшность. Но лично самъ Милошъ имѣлъ для того мало данныхъ. Поэтому ему дано на помощь богатство. Затѣмъ къ красотѣ и богатству Милоша присоединена еще угроза. Стоитъ послушать пѣвца о томъ, какъ велъ себя и дѣйствовалъ Милошъ.

И пошелъ Милошъ полемъ широкимъ,
Ко вратамъ подошелъ, гдѣ дѣвицы стояли,
Сбросилъ съ плечъ кабаницу булгарскую,
Съ головы снялъ булгарску шубару.
(Заслонилися шелкъ и багрецъ,
Засіяла тока на груди
И златыя застежки доламы.
Просіялъ весь Милошъ среди поля зеленаго
Словно красное солнце въ горахъ).
На лугу разостлалъ кабаницу,

Разложилъ на ней перстки и перла,
Перлы—бисеры и драгоцѣнные камни:
Изъ ноженъ вынулъ онъ старый мечъ
И сказалъ тутъ прекраснымъ дѣвицамъ:
„Котора изъ васъ тутъ Роксанда дѣвица,
„Рукава пусть подниметъ и шлейфъ
„И возьметъ себѣ кольца и перлы,
„Перлы—бисеры и драгоцѣнные камни!
„Если жъ другая протянетъ къ нимъ руку,
„Клянусь своей вѣрой святою—
„Бѣлы руки той укорочу по локоть!"
Какъ услышали это дѣвицы,
Посмотрѣли на среднюю крайнія двѣ;
Въ землю потупила очи Роксанда,
Шлейфъ забрала и рукавы,
Въ бѣлые руки брала она перстни и перлы,
Перлы—бисеры и драгоцѣнныя камни.
Двѣ другія жъ дѣвицы бѣгомъ побѣжали,
Но Милошъ преградилъ имъ дорогу,
За руки взялъ онъ обѣихъ
И всѣхъ трехъ ихъ привелъ ко царю.

Только дорогою домой Милошъ признался царю Стефану Душану въ томъ, что онъ—сынъ его сестры и затѣмъ разлучился съ царемъ. Напрасно царь удерживалъ Милоша у себя; онъ не остался. Сначала Милошъ отправился въ свою семью въ Вучитрнъ, а потомъ снова возвратился къ своему первоначальному образу жизни, къ своимъ стадамъ на Шарнъ—планину.

У сербовъ очень сильно развито право обычая; разработано до мелочей и приноровлено къ различнымъ подробностямъ правовыхъ отношеній. Сила этого права обычая не сломлена и до сихъ поръ и, вслѣдствіи этого, можно измѣрять большую или меньшую силу сербской народности. Сербскіе и югославянскіе ученые—правовѣды новаго времени имѣютъ очень слабое представленіе о правѣ обычая—особенно вслѣдствіе того, что ничго о томъ не преподается въ западныхъ школахъ, гдѣ они получаютъ свое образованіе. Еще Пухта (въ Gewohnheitsrecht, I, p. 125) жаловался на хорватскихъ юристовъ: «ко всему прицѣпляются», писалъ онъ, «лишь не касаются того, что есть народнаго; разбираютъ и работаютъ надъ каждою правовою формою, только не надъ народною; всему другому посвящаютъ свои силы, только не народу. Даже и та народная работа, которую они иногда выполняютъ, столь мало отвѣчаетъ своей цѣли, что результатовъ ея никоимъ образомъ нельзя отнести къ народной работѣ».

Подкапываніе и ослабленіе правовыхъ обычаевъ въ сербскихъ земляхъ прогрессируетъ сообразно съ прогрессомъ западнаго вліянія на нихъ. А между тѣмъ западные законодатели привыкли составлять законы для своихъ народовъ безъ всякаго вниманія къ самому народу,

къ историческимъ и бытовымъ особенностямъ его духа и характера и этотъ фактъ—всюду въ западной Европѣ, не смотря на то, что законы утверждаются собраніями. а признаются и принимаются народными представителями. Западные законодатели не гнушаются заимствованіями шаблона законовъ у сосѣдей и вставлять свои народы въ чужія формы—все равно: годятся-ли они для народа, или нѣтъ. А все-же римляне, наставники и образцы западныхъ правовѣдовъ. заботливо соблюдали права народныхъ обычаевъ, основательно знали ихъ и высоко цѣнили, полагая, какъ прекрасно выразился о нихъ В. Богишичъ, что источникъ обычая коренится въ внутреннихъ потребностяхъ народной жизни, какъ и народной воли, хотя бы и неясно высказанной, tacitus consensus populi.

Именно ненарушимая и непреоборима сила правового обычая у сербовъ и руководила царемъ Стефаномъ Душаномъ, когда онъ приводилъ въ порядокъ правовыя отношенія своего народа доселѣ знаменитымъ своимъ «Законникомъ»; онъ не оставилъ безъ вниманія права народнаго обычая и не издалъ такихъ постановленій, которыя бы могли противорѣчить праву народнаго обычая. Самый восточный характеръ сербскаго народа исключалъ уже эту возможность. Но царь Душанъ внесъ въ свой Законникъ и то, что шло дальше правовыхъ воззрѣній сербскаго народа и привнесено было въ жизнь или вслѣдствіе естественнаго теченія дѣлъ, или же вслѣдствіе дѣйствительнаго, можетъ быть. только частичнаго, вліянія запада. Можно съ увѣренностью сказать, что царь Душанъ своимъ законникомъ утвердилъ то правовое состояніе, какое развилось въ Сербіи вплоть до его времени. И въ этомъ случаѣ, если, съ одной стороны, онъ не вполнѣ удовлетворилъ воззрѣніямъ своего народа, главнымъ образомъ воззрѣніямъ соціальнымъ. то съ другой стороны—онъ предотвратилъ опасность подтачиванія подъ зданіе государства и жизни народа со стороны правовыхъ и соціальныхъ вліяній запада.

Мы разсматриваемъ аграрно—правовыя отношенія, установленныя «Законникомъ Душана». опираясь на Веніамина Каллая (исторія Сербіи)—нынѣшняго верховнаго правителя Босніей и Герцеговиной—котораго, вслѣдствіи этого, можно считатъ авторитетомъ. Въ своемъ ученомъ трудѣ г. Каллай говоритъ о томъ, что въ Боснію онъ пришелъ не безъ глубокаго знанія сербскихъ дѣлъ и что именно вслѣдствіе этого и былъ приглашенъ къ занимаемой имъ нынѣ должности.

Въ періодъ царя Душана существовали двѣ главныя формы земельнаго владѣнія: *баштина* и *прокія*.

Баштина, или иначе сказать—дѣдовина, отцевина, давала полное и неприкосновенное право на владѣніе. Сообразно съ яснымъ выраженіемъ законника, баштина не могла быть ни проданною, ни промѣненною, ни отнятою сильнымъ, хотя бы такимъ сильнымъ былъ самъ царь, или царица. Уже эта неприкосновенностъ владѣнія ба-

штиною служитъ доказательствомъ того, что она возникла изъ основъ задруги. Первоначально все имѣніе задруги было общимъ, а владѣніе имъ совершенно независимымъ. А эта независимость владѣнія предполагала свободу баштины отъ всевозможныхъ даней—тѣмъ болѣе потому, что та суверенита, которою нѣкогда руководились племена при всѣхъ своихъ отношеніяхъ и на которую болѣе славныя семьи утверждали свое право для себя и своихъ наслѣдниковъ, даже въ позднѣйшее время, когда развилась государственная жизнь, могла простираться только на владѣльческія отношенія. Баштины были свободными отъ всѣхъ бременъ—какъ барщины, такъ и даней. Властели въ качествѣ владѣтелей баштинъ, имѣли лишь одну повинность: военную, которая, впрочемъ, тогда была скорѣе правомъ, чѣмъ повинностью. Естественнымъ послѣдствіемъ баштины, этого полнаго и неограниченнаго владѣнія, было то, что всѣ обыватели, всѣ храмы и проч., составляли принадлежность баштинъ и вмѣстѣ съ ними перемѣняли своего господина.

Баштина не составляла привиллегіи властелей и вообще только зажиточныхъ родовъ. Ею могъ владѣть и владарь, и властель и особа духовная, монастыри и храмы, а за рѣдкими исключеніями даже и неропхъ. Каждая часть первоначальной баштины обезпечивала своему владѣтелю тѣ права и выгоды, которыя вытекали изъ нея, были соединены и опредѣлены ею.

Кралевскій родъ Нѣманичей также имѣлъ свою баштину; ею была Зета—нынѣшняя Черногорія. Зета составляла недѣлимую собственность этого рода; на этой-то классической почвѣ сербской народной жизни и духа и учились управлять народомъ наслѣдники трона. Такимъ образомъ сербскій тронъ былъ баштиною Нѣманичей въ то время, какъ остальные сильные роды были оттолкнуты отъ трона и царская власть стала уже исключительнымъ правомъ Нѣманичей. Царская власть давала права управлять и судить, награждать за заслуги и наказывать виновныхъ. Царь имѣлъ власть конфисковать въ пользу короны или продавать земельныя владѣнія лицъ, провинившихся противъ государства. Вслѣдствіе этой конфискаціи дѣлались новыя баштины. Самое понятіе батшины, какъ наслѣдственнаго земельнаго владѣнія, предполагало уже то, что баштина не могла возникнуть изъ непосредственныхъ даровъ царя въ первомъ колѣнѣ владѣтелей даромъ; но даръ становился баштиною только съ того времени, какъ переходилъ по наслѣдству къ потомкамъ одареннаго и только съ этого времени становился баштиною. Получившій земельный даръ отъ царя имѣлъ личное право обращаться съ этою землею по своему желанію; но наслѣдники уже лишались этого права самовольнаго распоряженія землею. Также и вновь построенныя сооруженія, на этой землѣ были подчинены тѣмъ же правиламъ владѣнія.

Часть властельскихъ поземковъ состояла во владѣніи селянъ и

называлась «пронія». Подобно баштинѣ, пронія также не могла быть ни продана, ни куплена, ни подарена. Не могъ продать, купить или подарить ее ни властель—хозяинъ поземка, ни селянинъ, обязанный за пользованіе поземкомъ выполнять еще работы въ пользу властеля. Но за то впродолженіи всего времени, какъ, выполнялъ эти работы, селянинъ не могъ быть прогнаннымъ властелемъ съ поземка и поземокъ не могъ быть переданъ въ пользованіе другому лицу. Пронія была неразлучно соединена съ баштиною и лишь вмѣстѣ съ нею перемѣняла своего владѣтеля.

Лица, пользовавшіяся проніею, назывались «неропхи», или «отроки».

Общественныя паствины и лѣса состояли въ пользованіи неропховъ, а властель, кажется, не имѣлъ вовсе права пользоваться ими. Для пользы общинъ неропхи принимали къ себѣ кочующихъ влаховъ и арбанасовъ, которые за это обязывались платить имъ наемную плату.

Въ подобномъ же отношеніи влаховъ къ неропхамъ стояли и властели къ земле—панамъ (царямъ) въ случаѣ, если получали отъ нихъ часть земли въ наёмъ, или же во временное пользованіе.

Властелемъ могъ стать и иностранецъ, если царь удѣлялъ ему баштину, пользованіе которою служило условіемъ властельства.

Владѣтелями обширныхъ баштинъ были также церкви и монастыри. Селяне, жившіе на церковныхъ земляхъ (вотчинахъ), «пряворцы» (пряворъ=проніаръ), были свободны отъ всѣхъ податей и служебныхъ обязанностей помѣщикамъ; надъ ними была только верховная власть ихъ и право суда. Черное низшее духовенство (мнихи) не имѣло особенныхъ правъ, но за-то было совершенно независимымъ отъ свѣтской власти. Отношенія же бѣлаго (свѣтскаго) духовенства управлялись тѣми, на чьей землѣ стоялъ храмъ. Тотъ, кому принадлежала земля, былъ обязанъ заботиться и о нуждахъ храма (патронатъ). Если земля была и помѣщичьею, духовныя особы оставались совершенно свободными отъ тягла. Духовное лицо не могло оставить храма, пока патронъ наполнялъ свои повинности по отношеніи къ нему и храму. Оскорбившій духовную особу подвергался строгому наказанію.

Низшимъ классомъ духовнаго сословія были себры (правильнѣе жебраки, нищіе), не имѣвшіе никакихъ привиллегій. Они не имѣли никакого участія ни въ дѣлахъ общественной важности, ни въ дѣлахъ политическихъ—въ скупштинахъ. Противящійся этому установленію себръ бывалъ цейхованъ т.-е. у него надрѣзывали правое ухо. Это указываетъ на то, что и себры первоначально, на равнѣ съ прочими обывателями, имѣли право ходить на скупштины, а также и на то, что за участіе (самовольное) въ скупштинахъ себры подвергались строгимъ наказаніямъ, о которыхъ имъ должно было напоминать надрѣзанное ухо. Если властель наносилъ побои себру,

несъ легкое наказаніе; если же наоборотъ себръ наносилъ побои властелю, то подвергался большому наказанію. Если себру былъ данъ поземокъ для пользованія. то онъ обязывался выполнить условія. договоренныя между нимъ и властелемъ (землепаномъ, церковью).

Баштина въ до — Коссовской Сербіи аналогична съ «спупнымъ статкомъ» на западѣ, но общественное значеніе первой значительно шире. Такъ какъ баштина служила условіемъ личной независимости, то каждый домогался ея и имѣлъ возможность получить ее. Первоначально баштина была недѣлимою, но потомъ (позднѣе) она могла быть и раздѣленною съ согласія землепана и изъ нея могло образоваться нѣсколько баштинъ, для умножающихся семействъ одного и того же рода, со всѣми правами, сопряженными съ владѣніемъ баштиною. Далѣе видимъ, что владѣніе и сооруженіе баштинъ не было исключительнымъ правомъ только властелей съ согласія землепана, но также правомъ и каждаго гражданина. Чѣмъ больше была баштина, тѣмъ больше силы имѣлъ родъ, владѣющій ею и тѣмъ большее значеніе имѣли представители этого рода въ жупѣ, скупштинѣ. при дворѣ. Но честь и слава, добытая въ дѣлахъ администраціи или на войнѣ, падала уже на цѣлый родъ, а не принадлежала только одной особѣ. Вслѣдствіе этого здѣсь (въ сербск. народѣ) не было вовсе личнаго дворянства и сельское властельство есть нѣчто существенно иное, чѣмъ западно-европейское дворянство. Властели не представляли собою привиллегированнаго сословія; не могло быть и не было никакого формальнаго возвышенія въ сословіе властелей; не было ни декретовъ, ни грамотъ. Властельство принадлежало роду и было связано съ баштиною; властельство было земельнымъ владѣніемъ, а не дворянскимъ сословіемъ. Старочешскіе лехи и владыки, а также и русскіе бояре, были подобнымъ же сословіемъ народа.

Когда назападѣ самые сильные дворяне присвоивали себѣ королевское значеніе, между королемъ и сильными дворянами (шлехтичами) заключался договоръ, состоявшій въ томъ, что послѣдніе, передавши формально свои помѣстья королю, снова получали ихъ отъ короля въ качествѣ лена и король утверждалъ ихъ въ правахъ леннаго владѣнія и, сообразно съ договоромъ, этотъ порядокъ долженъ былъ повторяться при всѣхъ наслѣдствахъ. Такое отношеніе шлехты къ землепану составляетъ основаніе феодализма на западѣ. Ничего такого не было въ до-Коссовской Сербіи. Каждый сербскій властель ощущалъ въ себѣ нѣчто царское, каждый селянинъ и пастырь—нѣчто властельское. А все вообще обывательство состояло между собою гораздо ближе, нежели какъ это было въ земляхъ феодальныхъ. Сербское населеніе сближала не только баштина, но и пронія, потому что въ пронійномъ отношеніи, получаемомъ въ наслѣдственный наемъ, состояли рѣшительно всѣ въ государствѣ, кромѣ господина земли (царя): какъ владѣтели баштинъ, такъ и сильные

властели. Так. обр. каждый правоспособный гражданинъ былъ въ нѣкоторой степени и господиномъ и подданнымъ. А это имѣло уравнивающее вліяніе на общество: у сильныхъ оно умаляло власть, а слабымъ оно прибавляло; всѣмъ же вообще давало сознаніе правоспособности и человѣческаго достоинства. Но самою свѣтлою староною до—Коссовской организаціи сербскаго царства было то, что всюду, гдѣ эта организація имѣла значеніе, не было лицъ въ полномъ смыслѣ безправныхъ.

Владѣніе землею и многочисленными стадами прибавляло общественнаго значенія. Людямъ свойственно, при нормальныхъ отношеніяхъ, удерживаться тамъ, гдѣ—источникъ ихъ благобыта и значенія, именно: въ деревнѣ, среди своего рода, своихъ полей и паствинъ. Ничто не способствало у сербовъ развитію городовъ и городского (мѣщанскаго) сословія, которое на западѣ разцвѣло на почвѣ феодализма, было поощряемо и снабжаемо привиллегіями со стороны королей, чтобы въ городскомъ сословіи находить имъ опору противъ шлехты. Города, находившіеся въ центрѣ Балканъ, происходили еще изъ греко-римскаго періода: новыхъ городовъ не основывали; старые же города не имѣли ни привиллегій, ни даже поземковъ, что служило показателемъ, что обыватели городовъ были изъ сословія себровъ. Так. обр. горожане въ общественномъ отношеніи стояли ниже земледѣльцевъ и пастырей. Города лежали на торговыхъ дорогахъ. Чрезъ нихъ проѣзжали, а часто и останавливались въ нихъ, различные чужеземные купцы. Обязанностію горожанъ было — оказать имъ гостепріимство, за что горожане пользовались правомъ самоуправленія, служившимъ немалою приманкою для себровъ, потому что они все же пріобрѣтали здѣсь право, какого иначе не имѣли бы. Общеніе съ чужеземными купцами привлекало и самихъ себровъ къ торговлѣ: безсомнѣнія, первоначально они становились только комиссіонерами и уже много позднѣе превращались въ самостоятельныхъ купцовъ, такъ что впослѣдствіи торговля стала ихъ наслѣдственнымъ призваніемъ. Въ торговлѣ себры находили и вознагражденіе за землю, стада и военнуюславу. Себрское происхожденіе купцовъ еще доселѣ замѣтно на старомъ купцѣ. Сербскій селянинъ обыкновенно очень гордъ, какъ магнатъ; купецъ же скроменъ, замкнутъ и робокъ. И эти особенности духа не оставляли сербскаго купца даже и тогда, когда онъ достигалъ большого состоянія. Города не были очагомъ ремесленничества, потому что обыденныя ремесленническія нужды ограждалъ домашній сельскій промыселъ, а нужды особенныя удовлетворилъ чужой привозъ.

Городское сословіе по западному образцу начало развиваться въ подградьяхъ нѣкоторыхъ градовъ (крѣпостей). За то, что себры помогали ставить грады и брали на себя обязанность содержать градбы (стѣны и валы града) въ добромъ порядкѣ, они получали право со-

оружать себѣ дома на землѣ, принадлежащей граду, но не составляющей ихъ собственнаго владѣнія. Въ подградьи себры пользовались, дѣйствительно, правами, какими награждалъ ихъ господинъ поземка, бывшій въ то же время и ихъ третейскимъ судьею. На этой первоначальной стадіи городское сословіе у сербовъ не получило развитія.

Нужно упомянуть еще о томъ, какія повинности были у сельскаго обывателя въ до - Коссовской Сербіи на чужой (землепанской, властельской или церковной) землѣ.

Неропхъ на властельской землѣ, по закону Душана, долженъ былъ два дня въ недѣлѣ «работать» для своего властеля и, кромѣ того, долженъ былъ платить ежегодно денежную дань («царскій перперъ»), которую властелинъ платилъ государству въ качествѣ своей собственной дани. «Работою» неропхъ выполнялъ всѣ хозяйственныя работы на поляхъ, лугахъ и виноградникахъ своего властеля. Кромѣ строго опредѣленной работы и царскаго перпера властель не смѣлъ требовать отъ неропха никакой другой работы или дани. Противъ каждаго произвола и несправедливости неропха хранилъ властельскій законъ. Если неропху оказывалась несправедливость со стороны помѣщика, то онъ имѣлъ право вызывать помѣщика на судъ, хотя бы его помѣщикомъ былъ властель, церковь и даже самъ землепанъ (государь). Если бы проигралъ процессъ помѣщикъ, то на обязанности суда было: вознаградить также и убытки неропха. Если же неропхъ проигрывалъ процессъ, то помѣщикъ не имѣлъ права мстить неропху за то, что послѣдній обжаловалъ его на судѣ.

«Излагать великую важность этихъ постановленій (узаконеній) Душана было бы совершенно излишне», прибавляетъ В. Каллай: «вполнѣ очевидно то, что эти узаконенія заключали въ себѣ одну изъ самыхъ важныхъ, самыхъ достохвальныхъ заботъ объ охранѣ непривеллегированныхъ классовъ общества, каковую заботу очень рѣдкое изъ европейскихъ государствъ 14-го вѣка могло обнаруживать».

Государственныя дани были двоякаго рода: *сокъ* и *наметъ*, или *гарачъ*. Сокъ платился натурою; а гарачъ означалъ дань деньгами съ особы, или головы, и этой дани былъ повиненъ каждый. Собственно говоря, пресловутый въ романахъ югославянскій гарачъ принесенъ на турецкое иго уже въ качествѣ собственно-сербскаго наслѣдства. Вымогательство же сборщиковъ этого вида податей датируется, дѣйствительно, со временъ турецкихъ. Денежная дань стояла въ прямомъ несогласіи съ хозяйственною жизнью податнаго сословія, считавшаго законною податью только десятокъ (=десятину=$^1/_{10}$ часть) съ урожая, потому что при своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ народъ не видѣлъ въ деньгахъ неизбѣжнаго условія своего благобыта,—въ особенности же и потому еще, что при выбиваніи (при платежѣ) этой подати не обходилось дѣло безъ затрудненій. Но государству деньги

были нужны для веденія войнъ; средства же къ содержанію войскъ должно было приготовить обывательство, которое, кромѣ того, было еще повинно дать царскому войску «пристреши и спижи» [1]), когда оно располагалось станомъ среди народа.

Личное имущество составляло полную противоположность баштинѣ. Оно называлось «стечевина» отъ слова «стечи»—пріобрѣтать, наживать (сравн. съ чешск. «добытекъ» и «набытекъ»). Каждому, конечно, давалось право и возможность имѣть личное имущество. точно также, какъ пріобрѣтать и баштину. Это право принадлежало не только властелямъ—великимъ и малымъ, но и неропхалъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ неропхъ былъ ограничаемъ только тѣмъ, что не могъ дать воздѣлывать свою баштину чужимъ людямъ, нанятымъ. но подъ страхомъ тяжелаго наказанія былъ обязанъ самъ хозяйничать и работать на ней. Этимъ запрещеніемъ имѣть наемниковъ неропхамъ было возбранено накапливать въ своихъ рукахъ баштинской земли и пріобрѣтать собственности больше, чѣмъ было нужно для своего содержанія и так. обр. уподобляться властелямъ. Но эта охрана была лишь матеріальною, но не правовою. Въ этомъ ограниченіи неропха сказалась забота также и о томъ, чтобы неропхъ не вынуждался обращать своего личнаго труда болѣе для пользы своего государя (господина. хозяина), нежели для своей собственной пользы. Остатокъ (излишекъ) своихъ рабочихъ силъ неропхъ могъ посвящать чисткѣ и удобренію пустыхъ ладъ [2]) и мытенью лѣсовъ [3]), при чѣмъ разработанную такимъ способомъ почву господарь [4]) съ неропхомъ дѣлили пополамъ—но вообще такъ, что выдѣленный неропху новый поземокъ не становился его баштиною. но лишь давался ему въ наслѣдственное пользованіе.

Неимѣвшимъ политическихъ правъ людомъ были себры, или отроки, влахи, цинцари, цыганы и сасы (нѣмецкіе рудокопы); всѣ они составляли безземельный классъ населенія. Неимѣвшимъ земли людямъ были предоставлены вообще служебныя работы. Жебраки (себры), или отроки были работниками землевладѣльцевъ (сравн. значеніе слова «отрокъ» въ вост. Чехіи). Они не только не имѣли земли, но даже не имѣли права и имѣть ея. Въ качествѣ судьи завѣдовалъ ими самъ господарь (хозяинъ), но не царскій судья. Они были совершенно прикрѣплены къ землѣ.

Какъ земледѣлію для выполненія работъ общественный порядокъ далъ себровъ, такъ и пастырство имѣло свой служебный людъ, аналогичный себрамъ и тоже несвободный. Какъ себры не имѣли собственной земли, такъ и этотъ пастушеско-служебный людъ, не имѣя собствен-

[1]) Ночлегъ и провіантъ.
[2]) Пустошь, пустырь.
[3]) Сведеніе (рубка) лѣсовъ съ цѣлію раздѣлки мѣста подъ пахоту.
[4]) Хозяинъ земли.

ныхъ стадъ, занимался пасеніемъ стадъ своихъ господъ-пастырей и проживалъ при нихъ. Его также называли влахомъ; а отсюда—и поношеніе, соединенное съ этимъ названіемъ. Золотыя буллы «дечанская» и «святостепанская» запрещали сербамъ браки съ влахами. Въ этомъ запрещеніи уже имѣется доказательство того, что влахи были не только не равноправнымъ и низшимъ, но и осужденнымъ на вѣчную инферіориту классомъ населенія. Янъ Пейскеръ догадывается, что эти пастухи-влахи пришли на Балканы позднѣе сербовъ (Слово о задругѣ, стр. 27). Я полагаю вполнѣ правдоподобнымъ, что эти пастыри-слуги также, какъ себры и неропхи, происходили изъ туземнаго обывательства, порабощеннаго сербами. Часть его эмансипировалась, а другая болѣе численная часть оставалась въ хозяйственномъ и общественномъ порабощеніи. Въ періодъ сербскихъ завоеваній судьба туземнаго обывательства была иною. А все же влаховъ-«пастырскихъ слугъ» нужно различать отъ влаховъ-«пастырской шлехты», какъ ее называетъ Пейскеръ. Это—двѣ различныя общественныя величины, какъ считаетъ ихъ совершенно справедливо Пейскеръ. Но, по моему мнѣнію, онѣ возникли изъ одного и того же этническаго начала, а причины разности должно искать не въ томъ, что одни пришли позднѣе, а другіе раньше, но въ томъ, въ какія отношенія пришлось имъ встать къ своимъ побѣдителямъ съ самаго начала. Только тѣ изъ влаховъ, которые поддались побѣдителямъ съ мужествомъ, сохранили свое достоинство и заявили о своемъ желаніи жить въ согласіи и единствѣ съ своими завоевателями, получили отъ сербовъ хозяйственныя и сословныя выгоды и преимущество; другіе же не получили этого. Такъ всюду вела себя и до сихъ поръ ведетъ шлехта, когда явится непріятель. Покуда есть возможность преодолѣть непріятеля, она сама стоитъ противъ непріятеля, ведетъ противъ него войско и народъ; но лишь замѣтила, что непріятель, достигнувъ уже внѣшней побѣды надъ нею, желаетъ овладѣть землею на долгое время, сама же шлехта уже заводитъ переговоры съ непріятелемъ-побѣдителемъ о томъ, чтобы сохранить ей преимущество своего положенія и при новомъ господствѣ. Такъ бывало всюду и будетъ всегда такъ! Поэтому нѣтъ нужды искать въ чемъ-либо другомъ причины соціальной разности между влахами пастырской шлехты и влахами-пастырскими слугами.

Похоже на правду и то, что и сербы были остаткомъ первоначальнаго, парабощеннаго обывательства и упомянутыя запрещеніи о бракахъ касались также и ихъ. Число себровъ увеличивалось военноплѣнными, а также лицами, лишенными общественныхъ правъ состоянія.

О всѣхъ общественныхъ дѣлахъ сербы разсуждали и постановляли на громадахъ, болѣе извѣстныхъ подъ именемъ *саборовъ*, *скупштинъ* и *соймовъ* (чеш. снѣмовъ). Скупштины были земскія, жупныя, сель-

скія, церковныя—коротко: всевозможныя. Для участія на нихъ приглашались не избранные только представители; но и всякій полноправный сербъ могъ участвовать въ нихъ по своей доброй волѣ. Саборныя (зборныя) постановленія и самоуправленіе стали для сербовъ какъ бы врожденными.

Но вопросъ — о томъ: имѣло ли значеніе государственное право Душана также и въ Босніи съ Герцеговиной, въ этихъ областяхъ, имѣвшихъ своихъ государей?

Во времена Душана Боснія была государствомъ, независимымъ отъ Сербіи, и банъ ея Стефанъ Костромановичъ въ 1349 г. велъ войну съ царемъ Душаномъ. Правда, Душанъ пріобрѣлъ большую часть Босніи и назвался боснійскимъ королемъ; но вскорѣ послѣ того онъ умеръ, такъ что не успѣлъ завести въ Босніи своихъ порядковъ и законовъ.

Чтобы отвѣтить на поставленный нами вопросъ, можно имѣть въ мысляхъ тотъ фактъ, что законникъ Душана основанъ на правѣ обычая, который былъ общимъ не только для всѣхъ сербскихъ краевъ на Балканахъ, но и для другихъ тамошнихъ народовъ. Царь Душанъ только сдѣлалъ нѣсколько авансовъ въ пользу властелей, которые были наиболѣе близкими ему и въ которыхъ онъ нуждался для своихъ военныхъ предпріятій. Вообще же онъ предписалъ народу болѣе тяжкія времена, чѣмъ какія были до того времени, и взвалилъ на нихъ болѣе тяжелую работу. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ ненавистному и страшному феодализму, о которомъ балканскіе народы знали дурныя вѣсти. Но по указаннымъ причинамъ онъ не могъ далеко уйти по этой дорогѣ, хотя бы и хотѣлъ. Между тѣмъ возможно и то, что нѣкоторыми выгодами, дарованными и узаконенными въ пользу властелей, Душанъ желалъ затруднить феодализму навсегда дорогу къ сербскому народу. Онъ открылъ ворота феодализму въ сербское отечество и допустилъ феодализму вступить въ него одною ногою; но, когда одна нога оказалась тамъ, онъ заперъ и зажалъ ее.

Такимъ образомъ картину аграрныхъ и соціальныхъ отношеній сербскаго государства въ томъ видѣ, какъ оно является въ Законникѣ Душана, можно съ полною увѣренностью считать картиною этихъ отношеній и въ земляхъ, нынѣ оккупованныхъ Австро-Венгріею,—но лишь съ тѣмъ добавленіемъ, что въ Босніи существовала еще бо̀льшая консервативность, сильнѣйшее увлеченіе своими старыми порядками и увѣковѣченными обычаями, чѣмъ въ Сербіи. Это доказывается природою страны и обывательства.

Уже было сказано о томъ, что Боснія съ Герцеговиной болѣе годились для пастушескаго образа жизни, чѣмъ для земледѣльческаго. Какъ наиболѣе старая форма хозяйственной жизни, пастушество предполагало (обусловливало) болѣе старую форму и жизни соціальной—задругу. Боснія и Герцеговина — это классическая почва задружной

жизни, которая даже въ наше время удержалась еще въ силѣ и не только потому, что была сохранена турками, но и потому, что здѣшнее обывательство имѣетъ особенную, врожденную наклонность къ ней. Задруга въ Босніи и Герцеговинѣ до сихъ поръ сохранилась не только въ народѣ, но и въ властельскихъ родахъ. И только нынѣ оккупація уничтожаетъ задружную организацію и этимъ, конечно, способствуетъ стѣсненію и обремененію населенія.

Хозяйственныя и общественныя воззрѣнія у каждаго народа тѣсно связаны съ воззрѣніями религіозными. Иногда религіозное воззрѣніе прямо внушаетъ и развиваетъ ихъ; иногда же и сами общественно-хозяйственныя воззрѣнія оказываютъ вліянія на твореніе формы религіозной. Во всякомъ случаѣ связь ихъ съ религіею неразрывна. Это общее правило не нарушается даже и при отрицаніи религіи — при атеизмѣ и нигилизмѣ. Изъ атеизма и нигилизма возникаетъ соціальный развратъ: анархизмъ; но и онъ все же остается въ зависимости отъ отношеній между воззрѣніями религіозными и соціально-хозяйственными.

Въ томъ обстоятельствѣ, что Боснія сдѣлалась первою родиною для богомильской секты, столь мощно развившейся здѣсь и захватившей собою всѣ слои обывательства и даже самый тронъ — не было ничего совершенно случайнаго. Идеаломъ богомильства служила первичная Христова церковь, которую они представляли своеобразно, потому что присвоивали себѣ право свободнаго толкованія Евангелія (отвергали ветхій завѣтъ) и строили свои религіозныя представленія на апокрифахъ при помощи своей фантазіи. При этомъ оказывали на нихъ вліяніе и языческія представленія. Если возможно православіе у сербовъ назвать земледѣльческою вѣрою, то богомильство заслуживаетъ названія вѣры пастырской. У пастырей, постоянно живущихъ на горахъ при своихъ стадахъ вдали отъ роскоши и изобилія, созданные рукою человѣка храмы не считались священными мѣстами, а священникамъ они не вѣрили, подозрѣвая ихъ въ фарисействѣ. Отвергая храмы, богомилы-пастыри отвергали и иконы и весь вообще формализмъ въ религіи. Въ особенности имъ были ненависны звоны колоколовъ, которые они считали трубою сатаны. Находясь въ постоянномъ столкновеніи съ природою и испытывая на себѣ ея капризы, пастыри-богомилы не считали природу совершенною. Здѣсь на свѣтѣ, учили они, только приготовленіе къ совершенству, а само совершенство только на томъ свѣтѣ. Этотъ земной несчастный міръ не составляетъ дѣла рукъ Божіихъ: Богъ обитаетъ въ томъ свѣтѣ и ведетъ тамъ вѣчный бой съ сатаною о душахъ людей Сатана—это первородный сынъ Божій, Христосъ же—его младшій братъ. Старшій сынъ возсталъ противъ своего отца и хотѣлъ завладѣть обоими мірами—земнымъ и небеснымъ. Тогда Богъ послалъ на землю своего младшаго сына, чтобъ онъ научилъ людей и направилъ на истин-

ный путь. Христосъ, какъ и отецъ его, — не имѣетъ тѣла и среди людей присутствовалъ какъ духъ, а не какъ тѣлесный человѣкъ. Духъ Святый не есть истинный Богъ, но какъ и Христосъ, онъ— высшій ангелъ. Пресв. Дѣва Марія не была женою-дѣвою, но тоже ангеломъ. Не вѣря въ тѣлесность Христа, богомилы не могли вѣрить и въ пресуществленіе. Они отвергали крещеніе — въ особенности же малыхъ дѣтей, и крестъ, котораго называли вѣсилицею. Крестъ они отвергали не только, какъ символъ, но и какъ святость, — не только какъ внѣшнее знаменіе, но и потому, что не вѣрили въ распятаго Христа. Дѣтей они не принимали въ лоно богомильской церкви, пока онѣ не подростутъ и не засвидѣтельствуютъ своего вступленія въ богомильскую церковь прикосновеніемъ въ присутствіи общества къ евангелію Іоанна, которое болѣе соотвѣтствовало пониманію ихъ. Они отвергали также и всѣ остальныя таинства.

Прямо изъ пастушеской жизни вытекало и то, что богомилы предписывали себѣ строгую бережливость, простоту нравовъ и жизни. Они отвергали употребленіе мяса и вина. Отъ вѣроучителя требовали не только слова, но и добраго примѣра. Вслѣдствіе этого они пренебрегали тѣмъ, кто учился для занятія должности учителя вѣры, а равно и тѣми, кои, выучившись, хотѣли составить въ народѣ особое духовное сословіе (вѣроучителей). Напротивъ съ большимъ уваженіемъ относились къ тому, у кого ревностное и постоянное стремленіе къ совершенству соединялось съ милостію Бога. Главною добродѣтелью считалась покорность; а покорнымъ считали того, кто вѣрилъ богомильскому ученію. За умершихъ нѣтъ нужды молиться, потому что души покорныхъ прямо отходятъ къ Богу для блаженства, а души непокорныхъ переходятъ изъ одного тѣла въ другое, пока не очистятся совершенно. Отсюда, нѣтъ ни ада, ни чистилища. Равнымъ образомъ нѣтъ и воскресенія тѣла, потому что тѣло, какъ несовершенное и грѣшное, назначено къ погибели. Признанный обществомъ богомиловъ за совершеннаго получаетъ названіе «свершителя», или «добраго босняка». Примѣромъ его жизни учатся совершенству всѣ, желающіе стать и сами совершенными. Совершенство отпираетъ врата рая. Поэтому богомилы стремились хотя бы на концѣ своей жизни получить совершенство. Если кто на смертномъ одрѣ былъ признанъ обществомъ единовѣрцевъ совершеннымъ, то онъ умиралъ въ твердой увѣренности, что тотчасъ же по смерти достигнетъ райскаго блаженства. «Совершенные» избирали изъ своей среды «дѣду» и «учителей», или «стройниковъ», которые завѣдывали всѣми религіозными функціями общества.

Предъ Богомъ всѣ люди равны; по этому не должно дѣлать какого-либо различія, неравенства между собою. Неравенство имущественное должно отвергнуть, какъ и неравенство сословій. Не должно терпѣть неравенства ни въ одеждѣ, ни во внѣшности. Всѣ должны

одѣваться въ самыя простыя одежды, приготовленныя собственными руками. Золото и драгоцѣнные камни—дары сатаны, и христіанинъ не смѣетъ носить ихъ на себѣ.

Не признавая высшихъ сословій, богомилы не признавали также ни свѣтской, ни духовной верховной власти. Для короля и царя въ этомъ случаѣ не было исключенія—въ особенности же, если онъ былъ дурнымъ государемъ и преслѣдовалъ ихъ за ученіе. Если же государь распространялъ порядокъ, не стѣснялъ свободы ихъ совѣсти и даже опирался на богомиловъ, то и они въ свою очередь становились вѣрными и послушными къ такому государю, а ученіе ихъ оставалось только чистою теоріею. Богомилы одинаково относились къ обѣимъ верховнымъ властямъ—свѣтской и церковной. Это служитъ доказательствомъ того, что богомилы и сами признавали у другихъ свободу совѣсти и, при всей своей горячности, съ какою льнули къ своей вѣрѣ, они были вѣротерпимыми къ другимъ вѣрамъ, покуда тѣ не враждовали противъ нихъ. Они были враждебны только къ злымъ и дурнымъ людямъ, но не ради ихъ вѣры, а ради злобы ихъ. Легкихъ грѣховъ богомилы не отличали отъ великихъ; каждый грѣхъ былъ для нихъ великимъ и тяжелымъ. Первымъ требованіемъ богомиловъ отъ каждаго христіанина было: ненавидѣть этотъ дьявольскій міръ и отречься отъ имущества и богатства, которыя составляютъ «ржавщину для души». Истинный христіанинъ имѣетъ столько, сколько ему нужно для жизни; все остальное онъ отдаетъ бѣднымъ, больнымъ, а также и на общественныя нужды. Самымъ тяжкимъ грѣхомъ богомилы считали ложь и затѣмъ присягу — одинаково: справедливую и ложную. Торговцевъ они считали лжецами и клятвопреступниками, — отсюда возникло нерасположеніе богомиловъ къ торговлѣ. Клятвою богомиловъ было только: «да, да», «нѣтъ, нѣтъ».

Богомилы отвергали бракъ и другія таинства. Они гнушались общенія съ женами, имѣли большую наклонность къ аскетизму; и жену считали припятствіемъ къ совершенству. Женились только для того, чтобы имѣть дѣтей; но уговаривались при этомъ, что будутъ держать жену только до тѣхъ поръ, пока она будетъ достойною и благочестивою. Если же жена не удовлетворяла этимъ условіямъ, то мужъ бросалъ её. Однако, не смотря на то, что бракъ не признавался у богомиловъ таинствомъ, а брачная связь ненарушимою, у нихъ не возникало распущности нравовъ, что признаютъ за ними одинаково какъ сторонники, такъ и враги богомиловъ. Когда богомиламъ что-либо казалось загадочнымъ, или же они нуждались въ совѣтахъ и наставленіяхъ, всюду они сами помогали себѣ собственнымъ разумѣніемъ и фантазіею. О томъ, что не было предусмотрѣно ихъ церковью и канонами, богомилы строили собственныя догадки. Какъ пастыри, они были знатоками звѣздъ и по нимъ читали. Сказанія о различныхъ чарахъ и волшебствахъ вознаграждали имъ отсутствіе

искусства письма: ими запугивали болѣзни людей и скота и всякое несчастіе жизни.

Богомилы занимали срединное положеніе между православными и католиками. Съ православными они жили въ добромъ согласіи. Но у православныхъ болѣе всего не нравилась имъ церковная пышность, усвоенная ихъ іерархіею изъ Византіи. А все-таки изъ своихъ пастбищъ богомилы знали православныхъ болѣе по наслышкѣ, чѣмъ по столкновеніямъ съ ними. Православнаго духовенства, видѣннаго вблизи, богомилы не могли осуждать за раскошь: простота жизни православнаго духовенства и народа вполнѣ приближалась къ жизни богомиловъ. Своимъ старовѣрскимъ [1]) характеромъ православная церковь къ богомильству стояла ближе, чѣмъ церковь католическая, которая уже и тогда значительно отклонялась отъ первоначальнаго христіанства, такъ что во многихъ католическихъ земляхъ возникали изъ-за того волненія и безпокойство. Также и соціальными воззрѣніями православіе стояло близко къ богомильству. Какъ для богомиловъ, такъ и для православныхъ, соціальнымъ идеаломъ служилъ тоже патріархальный демократизмъ. Различія здѣсь было не больше, какъ различіе между пастырствомъ и земледѣліемъ. То и другое здѣсь взаимно проникалось и восполнялось; но ничуть не исключало одно другого, да, кажется, сербы-земледѣльцы пастырство считали наиболѣе сохранившеюся формою общественной и хозяйственной жизни, чѣмъ свое земледѣліе. Можетъ быть, были увѣрены и въ томъ, что и вѣра пастырей есть наиболѣе старая и наиболѣе сохранившаяся въ своей первоначальной чистотѣ форма христіанства, нежели даже само православіе.

Что было именно такъ—это доказываетъ намъ та форма сербскаго православія, въ какой оно и нынѣ проявляется. Вліяніе богомильства на сербское православіе всюду очевидно и даже бросается въ глаза — особенно въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Убѣжденіе въ томъ, что совершенная жизнь христіанина должна быть простою и суровою здѣсь было воспитано и утверждено постоянною военною жизнію, полною страданій и лишеній. Простота жизни и пренебреженіе пышностью и роскошью стало народною философіею черногорцевъ; безъ этого они не выдержали бы двухвѣковаго боя съ врагами и не преодолѣли бы соблазновъ удобствъ и роскоши. Православная философія ихъ была усилена философіею богословскою, съ теченіемъ времени совершенно исчезнувшею по имени. Аскетическая воздержность черногорцевъ прямо — таки указываетъ на богомильское происхожденіе ея. Для праваго черногорца и до сихъ поръ небережливость составляетъ столь большой порокъ, что отни-

---

[1]) Эпитетъ „старовѣрскій“ употребленъ авторомъ въ буквальномъ, прямомъ смыслѣ, безъ всякаго намёка на расколъ, или схизму.

маетъ у небережливаго всѣ его другія заслуги и дѣлаетъ его презрѣннымъ. Точно также и суровое отношеніе черногорца къ женѣ произошло изъ богомильства; подкладка его чисто патріархальная. Остались и другіе слѣды того, что богомилы были и въ Черногоріи (Букомирское озеро). Можетъ быть, они явились сюда послѣ нашествія турокъ въ Сербію, а можетъ быть были здѣсь и ранѣе. Но все-же богомилы не исчезли въ Черногоріи безъ слѣда; ихъ вліяніе осталось на воззрѣніяхъ черногорцевъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что между богомилами и православными было духовное общеніе и что оба эти христіанскія исповѣданія не стояли въ непримиримымъ противорѣчіи между собою.

Между тѣмъ, между католичествомъ и богомильствомъ была дѣйствительно непримиримая вражда, потому что католичество имѣло всѣ тѣ особенности, которыя болѣе всего были противны богомиламъ. Прежде всего богомиловъ отталкивали отъ католиковъ всѣ догматическія разности, развитыя католическою церковью: тяготѣніе ихъ къ писанному слову, получившему, по воззрѣнію богомиловъ, ложное истолкованіе; развившаяся ненародная іерарія; организованное священное сословіе; жажда духовенствомъ свѣтской власти; воинственность, невоздержность духовенства и многое другое не только въ одномъ духовенствѣ, но и въ других сословіяхъ католическаго общества. Могли-ли богомилы, не признававшіе права силы (насилія), почитать пышное папство, спорившее о первенствѣ съ самыми сильными государями, и стремившагося къ обладанію надъ цѣлымъ міромъ? Одинаково имъ былъ ненавистенъ и въ соціальномъ отношеніи феодализмъ, который совмѣстно съ католическою пропагандою непрестанно тѣснился къ нимъ съ запада и съ сѣвера.

Главными піонерами католицизма и феодализма въ Босніи были угры; а съ ними рука въ руку шли и хорваты. Папы провозглашали противъ богомиловъ крестовые походы. Но голосъ ихъ пропадалъ безъ дѣйствія. Однако, угорскіе короли не брали на себя знаменія креста и не шли на Боснію только потому, что хотѣли сначала попытать счастія, не могутъ - ли они залучить Боснію въ свое подданство мирнымъ путемъ и лестію.

Въ послѣдніе годы царствованія Душана угорскій король Людвикъ утвердилъ Тврдка боснійскимъ баномъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ преслѣдовалъ и изгонялъ богомиловъ. Тогда нѣкоторые богомильскіе властели возненавидѣли своего бана Тврдка и отдались подъ охрану Душана. Затѣмъ послѣдовало возстаніе богомиловъ въ 1363 г., которое на нѣкоторое время было заглушено; но въ 1365 г. снова вспыхнуло и руководителемъ этого новаго возстанія былъ самъ Вукъ, братъ короля Тврдка. Тогда Тврдко понялъ, что ему нѣтъ никакой возможности управлять народомъ противъ народа. Онъ прекращаетъ преслѣдованія богомиловъ и премиряется съ ними. Богомилы стано-

вятся подъ его знамена и идутъ съ нимъ войною противъ Людвика, которому зло мстятъ, какъ виновнику своего преслѣдованія. Въ концѣ 1383 г. въ преддверіи Косовской битвы, Тврдко овладѣлъ Хорватіею и большею частью Далмаціи.

Въ время битвы сербовъ съ турками на Косовѣ 1389 г. Твրдко помогалъ царю Лазарю своимъ войскомъ въ 200,000 мужей, посланнымъ подъ предводительствомъ Владка Гранича. Интересно, что оба войска, сербское и турецкое, приписывали себѣ побѣду въ этой рѣшительной битвѣ. Твրдко сообщилъ всему христіанскому міру о своихъ побѣдахъ. Въ Парижскомъ соборѣ Богоматери былъ отслуженъ торжественно благодарственный молебенъ о побѣдѣ надъ турками въ присутствіи самого французскаго короля. Городъ Флоренція поздравлялъ Твердка съ побѣдою.

Чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что Косовская битва для всего сербскаго народа имѣла столь несчастныя послѣдствія? Одной военной причины здѣсь—недостаточно; гораздо глубже была причина политическая. Сербы не были объединены настолько, какъ того требовалъ тогда важный моментъ ихъ жизни. Недоставало тогда сербамъ сильной длани Душана, которая крѣпко держала ихъ вмѣстѣ. Но было тогда и еще худшее; именно не было у нихъ закона о престолонаслѣдіи. По смерти царя Лазаря престолъ долженъ былъ наслѣдовать старшій его сынъ. Но того не хотѣла мать-царица Милица, желавшая сама царствовать. Въ этомъ помогъ ей султанъ Баязетъ, предложивъ себя въ зятья. Сдѣлавшись же мужемъ старшей дочери ея Милевы, Баязетъ получилъ наслѣдственный царскій титулъ на часть сербской земли—на долю своей новой жены Милевы. Такимъ образомъ Сербія, не будучи покорена оружіемъ, подпала подъ власть Баязетовъ. Баязетъ задѣлался протекторомъ надъ семьею царя Лазаря противъ Вука Бранковича, искавшаго помощи въ униграхъ съ цѣлію изгнать турокъ и самому занять сербскій престолъ. Между тѣмъ часть сербскаго народа держала сторону не только потомковъ Лазаря, но и самихъ турокъ. По смерти Вука Бранковича его жена Мара, вторая дочь царицы Милицы, по примѣру своей матери, также отдалась подъ турецкую охрану. Мать и дочь входили въ сдѣлки съ турками; а земля, остававшаяся безъ главы, была предоставлена слѣпой случайности.

Это, дѣйствительно, было признакомъ глубочайшей политической слабости сербскаго народа, но причиною ея были не турки, которые и сами пострадали въ войнѣ столько же, сколько и сербы. Въ политическомъ отношеніи турки всегда были очень слабыми, потому что всегда были дурными администраторами. Сила ихъ состояла въ войскѣ; но и его не хватало имъ для великихъ успѣховъ на Балканахъ. При томъ же и у самихъ турокъ вскорѣ же по смерти Баязета началось зло династическихъ споровъ, такъ что въ этомъ отношеніи у турокъ было немногимъ лучше, чѣмъ у сербовъ и грековъ.

Сербскій народъ переживалъ тогда тяжелый кризисъ не только династическій и политическій, но также и кризисъ аграрный и соціальный. Сербскій народъ очутился тогда въ всеобщемъ кризисѣ.

Мы указали уже на то, какъ нѣкоторые властели усиливались завести феодализмъ. Пышность западная у нихъ соединялась съ пышностью византійскою. Они хотѣли стать могучими и пышными магнатами, имѣть прямое вліяніе на корону и стать господами надъ толпами подданнаго имъ народа. Ихъ воодушевлялъ близкій примѣръ угорскихъ крупныхъ магнатовъ, а раффинованость отжившей византійской культуры подгоняла ихъ къ тому. Властели не удовлетворялись тѣми уступками, какія даровалъ имъ царь Душанъ своими законами, желали большаго,—желали того же самого, о чемъ работало на западѣ феодальное панство и что̀ тамъ вполнѣ удавалось ему: порабощенія сельскаго обывательства. Глашатаи такихъ порядковъ средоточивались около Вука Бранковича.

Многіе изъ властелей, если не соблазнялись феодальными порядками, то все же приближались къ Западу индивидуалистическою тенденціею хозяйства. Имъ надоѣло жить въ задружной формѣ быта подъ строгимъ авторитетомъ родовыхъ старѣйшинъ. Сами хотѣли стать родовыми старѣйшинами и распорядителями родовыхъ имѣній. Младшіе не хотѣли слушать старшихъ; желали, чтобы ихъ признавали равноправными съ старшими, дабы имѣть одинаковую съ ними долю въ родовомъ имѣніи. Роды раздѣлились; баштины раздробились. А слѣдствіемъ этого было то, что въ народѣ началъ чувствоваться недостатокъ въ землѣ, малоземелье.

Нужно было помочь этому; а помочь можно было только двоякимъ способомъ: или смѣлымъ шагомъ впередъ, къ феодальнымъ порядкамъ Запада, который могъ помочь малоземелью тѣмъ, что сосредоточилъ бы землю въ рукахъ немногихъ; или же реакціею къ порядкамъ патріархальнымъ. Во главѣ сторонниковъ мнимаго европейскаго прогресса всталъ Вукъ Бранковичъ; а около семейства краля Лазаря встала та часть народа, которая желала сохранить старые патріархальные порядки; а тамъ, гдѣ они были нарушены, снова возвратиться къ нимъ. На этой второй сторонѣ прежде всего встала вся масса народа и часть властелей, оставшихся вѣрными лазаревцамъ и не расходившихся съ народомъ. Сыновья царицы Милицы: Стефанъ, Вукъ и Лазарь, по смерти отца, признали свою мать главою своего рода и условились вмѣстѣ хозяйничать подъ ея руководствомъ. Народъ, дѣйствительно, полагалъ, что семейство Лазарево желало сохранить вѣрность народнымъ порядкамъ; а мать, какъ глава рода, семейства, народу казалась еще болѣе умѣстною, чѣмъ ея старшій сынъ Стефанъ, которому въ противномъ случаѣ принадлежало бы веденіе семейныхъ дѣлъ, къ числу которыхъ всегда относился и тронъ. Почему народъ радъ былъ видѣть Милицу во главѣ царственной семьи? Потому, что уже не-

рѣдки были случаи того, что сыновья спорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ и младшіе не хотѣли подчиняться старшему.

Представляется очень страннымъ то обстоятельство, что въ сербскомъ царствѣ не было закона о наслѣдникѣ трона. Какъ могъ царь Душанъ забыть о столь важномъ законѣ, главномъ столпѣ порядка и благополучія царства? Этого невозможно объяснить иначе, какъ только тѣмъ, что наслѣдственность трона по патріархальному порядку сербскіе цари считали самымъ справедливымъ и столь ужившимся въ народѣ фактомъ, что имъ казалось уже совершенно излишнимъ утверждать его письменнымъ закономъ; имъ казалось уже совершенно невозможнымъ отступленіе отъ этого порядка.

Турки не препятствовали патріархальной жизни сербскаго народа. Они и сами жили патріархальнымъ способомъ и, кромѣ того, у нихъ не было въ обычаѣ измѣнять порядковъ въ земляхъ, завоеванныхъ ими. Какъ менѣе культурный народъ, турки находили у сербовъ много такого, что казалось имъ достойнымъ не только сохранить у сербовъ, но и самимъ заимствовать отъ нихъ. Сербскій народъ, послѣ нападенія на него турокъ, ощутилъ свое несчастіе уже вслѣдствіе одного того, что гордое зданіе сербскаго народнаго государства столь внезапно было разрушено. Въ сербской деревнѣ эта скорбь отзывалась въ народной эпической сербской поэзіи; она стала точкою, на которую всегда упирала свое оружіе противутурецкая, какъ и противусербская, западная агитація; она была и первымъ проснувшимся чувствомъ сербскаго народа при самомъ началѣ его пробужденія и первою мыслію, когда онъ снова началъ пріобрѣтать ясное сознаніе. Но, къ несчастію, сербскій народъ не былъ укрѣпленъ и усиленъ иными всенародными чувствами, которыя могли бы стать мощнымъ отпоромъ противъ турецкаго господства, не касавшагося ни аграрныхъ отношеній, ни соціальныхъ воззрѣній и порядковъ, ни даже въ началѣ и религіознаго убѣжденія сербскаго народа.

Еще во время войнъ съ сербами султаны провозгласили, что всюду будутъ «строить церкви, а для себя джаміи» и «кто крестится, тотъ пусть идетъ въ церковь, а кто кланяется—пусть идетъ въ джамію». Поэтому сербы были болѣе благосклонны къ туркамъ, чѣмъ къ мадьярамъ, которые хотѣли уничтожить сербскіе порядки и отнять у нихъ наслѣдственную вѣру посредствомъ окатоличенія. Католики православныхъ называли схизматиками, а богомиловъ — язычниками. Отчужденность, выражавшаяся въ этихъ названіяхъ, давала право на вражду къ католикамъ какъ православнымъ, такъ и богомиламъ. Да, они дѣйствительно имѣли причину, какъ уже было сказано, считать католиковъ своими наиболѣе сильными и безпощадными врагами, чѣмъ даже самихъ турокъ. Задача католиковъ была коварною и далеко непохвальною. Они помогали сербамъ, но лишь такъ, чтобы сами сербы не могли бы уже помочь самимъ себѣ. Пользуясь стѣснительнымъ

положеніемъ сербовъ, католики всячески старались окатоличить и подчинить ихъ въ подданство ближайшему къ нимъ католическому государству, чрезъ что они хотѣли общими силами изгнать турокъ изъ Балканъ, а католическую вѣру и господство католическаго государства распространить на всѣ балканскія земли до самого Царьграда.

Вмѣстѣ съ этимъ явился и вопросъ о языкѣ. Католики вводили въ церковь латинскій языкъ. Хотя, съ другой стороны, и православные греки тоже пытались уничтожить сербскую народную церковь, которую желали присоединить къ константинопольскому патріархату, а славянскій богослужебный языкъ замѣнить своимъ греческимъ, однако это обстоятельство ничуть не дѣлало католическую пропаганду болѣе симпатичною. Турки не понимали этой борьбы и недоумѣвали, почему бы народъ не могъ молиться Богу на своемъ родномъ языкѣ! Именно эта терпимость и дѣлала турокъ въ глазахъ сербовъ доброжелателями, или, по крайней мѣрѣ, ослабляла въ сербахъ вражду къ туркамъ.

Католицизмъ и феодализмъ вполнѣ приготовили туркамъ почву въ Босніи. Не разъ останавливались надъ этимъ фактомъ сербскіе историки и объясняли его тѣмъ, что Боснія была наиболѣе удалена отъ резиденціи сербскихъ патріарховъ, отъ того очага, изъ котораго духовный свѣтъ озарялъ цѣлый сербскій народъ. Мы не можемъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Несостоятельность его видна уже изъ всесторонняго кризиса въ сербскомъ народѣ. Такъ могло бы случиться лишь въ томъ случаѣ, если бы тогдашній кризисъ былъ только религіознымъ; но кризисъ былъ всестороннимъ—о чемъ уже сказано.

Кто прямо-таки тиранилъ босняковъ до того, что они бросались въ объятія туркамъ—это былъ никто другой, какъ злосчастный король Сигизмундъ люцембургскій. Онъ началъ преслѣдовать богомиловъ еще прежде, чѣмъ утвердилъ за собою угорскій престолъ. Богомилы соединились съ претендентомъ на угорскую корону Ладиславомъ Неапольскимъ и помогли ему одержать верхъ надъ Сигизмундомъ. Такого тріумфа богомиловъ испугался папа и тотчасъ же поспѣшилъ провозгласить противъ нихъ крестовый походъ: «противъ турокъ и боснійскихъ манихеевъ и аріанъ». Уже тогда католики одинаково пренебрегали турками и босняками! Сигизмундъ лично повелъ на Боснію 60.000 войска. Боснійскій краль Тврдко Тврдковичъ былъ пораженъ, захваченъ въ полонъ и отведенъ въ Будимъ.

Эта битва состоялась 1408 г. у Добора (нынѣшняго Добоя). Суровость и безчеловѣчность, противъ которой нѣсколько позднѣе воевали чехи на сѣверѣ, кроваво почувствовали на себѣ пораженные босняки. Сто двадцать шесть патріотовъ, захваченныхъ въ полонъ, было обез-

главлено на доборской скалѣ и брошено въ рѣку Босну, по приказанію Сигизмунда.

Но отпоръ Босніи противъ Сигизмунда и католичества не былъ сломленъ этими жестокостями. Босняки не были сплочены и этимъ сами себя ослабляли. Между ними было два теченія: одно — это признаніе неизбѣжности несчастія подданства Сигизмунду; другое же—воевать противъ Сигизмунда до послѣдняго издыханія. Во главѣ перваго теченія всталъ Сандаль, во главѣ второго — Грвойя. Когда въ 1413 г. Сандаль, по приказанію Сигизмунда, пошелъ въ Сербію войною противъ турокъ, Грвойя со своимъ народомъ полонилъ землю его и тѣхъ, кто съ нимъ ушелъ и утвердился въ его городахъ. Королева Варвара, въ отсутствіи своего мужа Сигизмунда, ушедшаго тогда въ Римъ, чтобы получить отъ папы королевскую корону, оффиціально провозгласила Грвойю измѣнникомъ. Въ отвѣтъ на это Грвойя послалъ ей грамоту, въ которой защищалъ свои и земскія права противъ вѣроломнаго короля и доказывалъ, что онъ не допустилъ измѣны, но лишь исполнилъ свой долгъ и право. Эта грамота памятна тѣмъ, что въ ней впервые было обозначено, что босняки хотятъ соединиться съ турками, если Сигизмундъ не выполнитъ своей присяги.

«До сихъ поръ», писалъ Грвойя, «король былъ единственнымъ моимъ прибѣжищемъ и иного прибѣжища я не искалъ. Если король не перемѣнится, я буду искать охраны тамъ, гдѣ знаю, что найду—пусть я побѣжу, или паду! Босняки подаютъ руки туркамъ и уже договариваются съ ними, и мы знаемъ, что турки вооружились противъ угоръ».

Грвойя только еще грозилъ. Затѣмъ онъ обратился къ Венгріи и Неаполю съ просьбою о помощи противъ Сигизмунда. Но будучи оставленъ послѣдними, онъ соединился съ турками и такимъ образомъ стало то, что богомильскіе босняки въ 1416 г. впервые воевали въ союзѣ съ турками противъ угоръ и поразили ихъ на голову. Преслѣдующіе угровъ турки достигали до Хорватіи, даже до Цильи въ Штиріи.

Послѣ того турки уже не выходили изъ Босніи. Окончательно же Боснія покорилась имъ въ 1463 г., а Герцеговина въ 1483 году. Крали и вельможи проводили время въ взаимныхъ спорахъ и не могли объединиться между собою ни противъ угровъ, ни противъ турокъ. Они примимали католичество; но народъ не слѣдовалъ ихъ примѣру,—напротивъ, постепенно сближался съ турками, такъ что Степанъ Козача, герцогъ, по званію котораго получила свое нынѣшнее имя Герцеговина, могъ опираться съ одной стороны на богомиловъ, а съ другой—на турокъ. Боснійскій краль Ѳома Тврдковичъ, по совѣту Яна Гуныадыя, принялъ католичество въ надеждѣ получить отъ папы помощь противъ турокъ. Папа, пославъ Ѳомѣ коро-

левскую корону въ доказательство своего расположенія къ нему, потребовалъ отъ Ѳомы перевести и весь подданный ему народъ въ лоно католической церкви. Тогда Ѳома не принялъ короны и отказалъ исполнить требованія папы, указывая прямо на то, что народъ не желаетъ принимать католичества, что онъ принадлежитъ къ двумъ церквамъ богомильской и православной; но та и другая церковь — противъ единенія съ церковью католическою, не расположена къ ней и не чувствуетъ сестринской связи съ нею. Первымъ дѣломъ боснійской церкви того и другого исповѣданія составляетъ собрать весь христіанскій міръ, выгнать турокъ изъ Европы, а землю, занятую ими, передать христіанамъ. Если же этого не послѣдуетъ, то турки очень скоро могутъ завоевать и Царьградъ къ великому поношенію христіанскаго міра.

Но папы никогда не понимали союзнаго дѣйствія всѣхъ христіанъ. Въ 1450 г., по подстрекательству папы, началось преслѣдованіе боснійскихъ богомиловъ. Главари богомиловъ съ 40.000 послѣдователями бѣжали частію въ Сербію, частью въ Герцеговину, частію къ туркамъ, прося у нихъ помощи. А въ 1453 году боснійскій король возвѣстилъ папѣ: «Царьградъ уже въ рукахъ турокъ!»

Вообще же папы и католическіе короли хотѣли объединить христіанскій міръ противъ турокъ; но объединеніе христіанъ они представляли *римско-католически*, и каждый изъ христіанъ, не подчинявшійся ихъ воззрѣнію, считался непримиримымъ ихъ врагомъ. Католичество всюду выступало въ качествѣ непогрѣшимости: не знало никакихъ уступокъ, компромиссовъ, исключеній, снисходительности и терпимости къ чужому мнѣнію. Папы замыслили при помощи угровъ соединить съ католичествомъ и боснійскихъ «манихеевъ» (богомиловъ) и грековъ, т.-е. всѣхъ православныхъ и для этой цѣли давали уграмъ не только свое благословеніе, но и матеріальную подпору. Но чѣмъ тверже была настойчивость католическихъ владыкъ, духовныхъ и свѣтскихъ, тѣмъ крѣпче запиралось отъ нихъ сердце богомиловъ. О туркахъ, конечно, нельзя сказать того, что насадивъ свои колоніи въ Босніи, гдѣ заложили и свой городъ Сараево, они нѣжно относились къ доморōдному обывательству и именно изъ политическаго разсчета поставили себя въ лучшія отношенія къ обывательству, чѣмъ какъ поставили себя католики. Турки этого не понимали. Они никогда не щадили тѣхъ, съ кѣмъ бились и вовсе не кокетничали идеями гуманности. Они были суровы и къ побѣжденнымъ: убивали ихъ, или же обращали въ рабство. Милости не давали, но также и не принимали ея. Султаны Магометъ I и II были необыкновенно сильными и воинственными; планы ихъ были чрезвычайно дальновидны. Они вовсе не имѣли слуха для воплей людей, раздавленныхъ копытами ихъ боевыхъ коней.

А между тѣмъ туркамъ богомилы давали предпочтеніе предъ като-

ликами. Католики не поступали такъ опрометчиво, какъ турки: много размышляли, обсуждали, приспособлялись. Но все ихъ обсужденіе и приспособленіе не дѣлало успѣха въ пользу католической церкви. Папы заблуждались относительно положенія своего дѣла въ Босніи. Пій II ликовалъ по поводу того, что нѣкоторые властели приняли католичество и съ ними нѣсколько человѣкъ изъ простого народа на окраинѣ Босніи. Ликовалъ, а для бойцевъ за католичество собиралъ матеріальныя средства. Онъ не обращалъ вниманія на то, что уже приближался конецъ самостоятельности боснійскаго королевства, — если можно было назвать самостоятельною лодочку на бурномъ океанѣ, ставшую игрушкою взволновавшихся противъ нея волнъ.

Богомилы послѣ каждаго шага раздумывали и колебались. Католическій міръ все еще имѣлъ время исправить свою ошибку, признать богомиловъ послѣдователями Христа и принять въ нихъ энергичное участіе. Но совершенно напрасна была всякая надежда: католики христіанъ другого исповѣданія считали не братьями своими, но еретиками и язычниками! Когда, по завоеваніи Босніи, султанъ Магометъ обратился противъ Герцеговины, онъ встрѣтилъ упорный отпоръ православныхъ и богомиловъ. «Это, — говоритъ Янъ Асботъ, — яснѣе всего доказываетъ то, что истинною причиною паденія Босніи было преслѣдованіе богомиловъ». Другими словами: г. Асботъ обвинилъ въ паденіи Босніи католическій міръ: папъ, угорскихъ королей Сигизмунда и Матіаше и жертвовавшихъ собою имъ для порабощенія несчастной земли и несчастнаго народа католическихъ народовъ — преимущественно угровъ и хорватовъ.

Своимъ вмѣшательствомъ католическая церковь внесла въ Боснію ту деморализацію, которая служитъ причиною упадка каждаго государства и народа; ложь — ея мать. Богомильскій народъ боялся съ одной стороны политическаго порабощенія, угрожаемаго турками, съ другой — опасался потерять свою вѣру, при помощи которой еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ онъ достигъ такого нравственнаго совершенства, что удивлялись ему даже и враги. Та и другая опасность грозила ему и съ востока и съ запада. Предпослѣдній боснійскій король былъ богомиломъ: воспитанъ былъ въ сельскомъ богомильскомъ семействѣ по всѣмъ богомильскимъ правиламъ, скромно, нравственно и богобоязненно. И женился онъ также по богомильскому обряду. Съ неохотою онъ согласился на свое избраніе въ короля; а, согласившись, долженъ былъ дѣлать политику. Чтобы склонить на свою сторону папу и угровъ, онъ принялъ католичество. Но ни папа, ни угры не вѣрили, что обращеніе его было искреннимъ и требовали отъ него доказательствъ, т. е. обращенія въ католичество также и бывшихъ своихъ единовѣрцевъ. Первоначально онъ не рѣшался на это, но потомъ увидѣлъ, что ничего другого ему не остается, какъ

принять на себя эту безчестную задачу. Подобное же происходило и со многими изъ боснійскихъ властелей. Они бросались въ объятія католичества, когда имъ казалось, что не было другого исхода; но снова вырывались изъ него, какъ скоро католическая жизнь начинала ихъ очень сильно сжимать, и возвращались снова или въ богомильство, или въ православіе, или же, наконецъ, въ магометанство. Хорватскій историкъ говоритъ, что потурчались изъ жажды мести, какою пылали къ католической церкви. Если бы буквально было такъ, то это послужило бы только доказательствомъ того, какъ жестоко, безпощадно и противуевангельски вела себя тогда католическая церковь противъ всѣхъ христіанъ, болѣе или менѣе различавшихся отъ католиковъ своимъ ученіемъ. Если же жажда мести была побужденіемъ у боснійскихъ властелей къ потурченію, то это служитъ свидѣтельствомъ того, что, не найдя въ католической церкви успокоенія души, они убѣждались въ матеріальной слабости католическаго міра, которому не желали успѣха въ готовившихся ему бояхъ съ магометанствомъ.

У нѣкоторыхъ лицъ побужденіемъ къ переходу въ магометанство дѣйствительно служила и жажда мести, что всегда было тѣневою стороною сербской психологіи. Однако, нужно педположить, что окончательную перемѣну сербами вѣры рѣшало глубокое обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ, клонившихся къ улучшенію, или къ ухудшенію ихъ удьбы, какъ со стороны Востока, такъ и со стороны Запада и что только послѣ такого обсужденія въ критическую минуту, постигшую ихъ, они сознательно, даже при самыхъ тяжелыхъ жертвахъ, становились на защиту Востока.

Обыкновенно утверждаютъ о боснійскихъ властеляхъ, будто они потурчались съ цѣлію сохранить свои помѣстья и феодальныя привиллегіи подъ владычествомъ турокъ. Мы представили уже доводы того, что въ Босніи, какъ и во всѣхъ сербскихъ земляхъ и на Балканѣ, вовсе не было феодализма, въ томъ смыслѣ какъ понимается феодализмъ и какъ онъ выработанъ въ европейскомъ Западѣ. Не было у нихъ западныхъ привиллегій шлехты; если же гдѣ и было нѣчто подобное западно-феодальнымъ привеллегіямъ, то этого не признавало и не утверждало турецкое правительство,—въ чемъ должно видѣть нѣкоторую заслугу турецкаго правительства для сербовъ. Что же касалось владѣнія землею, то съ турецкимъ господствомъ здѣсь не наступило большихъ перемѣнъ, чѣмъ какъ бываетъ обыкновенно тогда, когда земля становится добычею завоевателя.

Конфессіональное состояніе босняковъ было слѣдующее: властели были магометанами, народъ же оставался православнымъ и только на границѣ съ Западомъ утвердилась часть католиковъ. Католиками были именно тѣ изъ босняковъ, о которыхъ на Базилейскомъ соборѣ говорилъ архіепископъ тревирскій, въ своемъ докладѣ католическому

міру, слѣдующее: онъ—архіепископъ заботился объ обращеніи не только чеховъ, но также и босняковъ и что уже изъ личнаго опыта, посѣтивъ Боснію, узналъ, что народъ благосклоненъ къ Риму, потому что съ покорностью подходилъ къ нему—архіепископу и цѣловалъ не только его руку, но и орнатъ (облаченіе). Соборъ понялъ слова архіепископа въ томъ смыслѣ, что уже архіепископъ имѣлъ переговоры съ босняками и они окончательно засвидѣтельствовали свою покорность Риму. На самомъ дѣлѣ этого не было. Относившимися съ покорностью къ архіепископу были не богомилы, но католики.

Богомильство только повидимому исчезло изъ среды народа. Султаны объявили православнымъ и католикамъ, что имъ будетъ предоставлена свобода въ исповѣданіи. Богомиламъ такой свободы не доставало. Почему? Потому, конечно, что они ничего не требовали для себя. Магометане въ богомильскомъ христіанствѣ признали религіозную стихію, совершенно родственную съ магометанствомъ;—точно также, какъ и богомилы пришли къ такому же убѣжденію относительно могометанства. Если бы султаны дали богомиламъ подобное же увѣреніе въ неприкосновенности ихъ исповѣданія, какъ православнымъ и католикамъ, то этимъ самымъ они укрѣпили бы богомильское ученіе неприступною крѣпостью; но вполнѣ естественно, они не сдѣлали этого потому, чтобы открыть имъ двери къ себѣ, къ Корану. Непринявшіе магометанства богомилы приняли православіе.

Опустошенная Боснія, изъ которой турки увели въ плѣнъ 200,000 человѣкъ, а 40,000 богомиловъ сами ушли въ Герцеговину, была заселена народомъ, пришедшимъ въ Боснію изъ Задрина—изъ нынѣшней Сербіи, гдѣ реллигіознымъ исповѣданіемъ ихъ было православіе. Вслѣдствіе этого православіе достигло въ Босніи импонирующаго большинства, сохранившагося доселѣ.

Мы сказали, что исчезновеніе богомильства было только кажущимся. Обращаемъ вниманіе читателя на этотъ фактъ, который будетъ объясненъ въ дальнейшемъ теченіи разсказа. Здѣсь отмѣтимъ только то поученіе, какое даетъ Боснія своимъ примѣромъ,—оно въ слѣдующемъ: всякое насильственное обращеніе къ вѣрѣ, всякая пропаганда вѣры совершенно безсмысленна, если мѣстныя, общественныя и хозяйственныя условія страны не стоятъ въ согласіи съ тѣми культурными принципами, какіе представляетъ собою пропагандирующаяся вѣра.

Еще лучше поймемъ, почему босняки зубами—ногтями, такъ отчаянно сопротивлялись бойцамъ и миссіонерамъ католичества, если вспомнимъ то, какія были въ католическомъ мірѣ аграрно-соціальныя отношенія въ 15 вѣкѣ, когда солнце независимости Босніи закатывалось и совсѣмъ закатилось.

Сельскій народъ, изъ глубины души ненавидѣвшій феодализмъ, наблюдалъ, что феодальное иго все болѣе тяжелымъ ярмомъ нале-

гаетъ на его шею. Онъ начиналъ бояться еще большого зла. Видѣлъ, что шлехта недобро мыслитъ о народѣ и спекулируетъ о совершенномъ его порабощеніи. Особенно сообразительный народъ чешскій тогда первый замѣтилъ, что въ воздухѣ собирается туча, изъ которой высыплется масса града на хозяйственный бытъ народа и уничтожитъ его. Опасность, одновременно грозившая его языку и народности, удваивала его опасенія за будущность. Но куда прибѣгнуть отъ несчастій и гдѣ искать спасенія? Къ священному писанію и религіи! Возникало гуситское движеніе, соціальная сторона котораго заявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она развивалась и прогрессировала.

Гуситское движеніе первоначально имѣло своимъ основаніемъ исправленія въ церкви и нравахъ; но вскорѣ же оно получило и характеръ народный и соціальный. Изъ круговъ высшей интеллигенціи оно шло въ народъ, жадно пившій каждое слово ученія Гуса, подобно тому, какъ изсохшая земля жадно всасываетъ капли дождя. Реформаторы дали народу въ руки библію, какъ регулятивъ христ. жизни не только церковной, но и общественной. Народъ читалъ библію, углублялся въ пониманіи ея и нашелъ въ ней идеалъ церковнаго и общественнаго порядка. Гуситское движеніе стало могучимъ взрывомъ элементарной реакціи противъ западныхъ порядковъ. Тѣмъ самымъ оно очутилось на общемъ соціальномъ базисѣ съ богомильствомъ.

Какъ богомильство оказало свое вліяніе на гуситство, или собственно на таборство, и гдѣ—начало этого вліянія, опредѣлить трудно. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что вліяніе богомильства на чехахъ обнаружилось въ сильной степени еще предъ гуситскимъ движеніемъ. Карлъ IV, заводившій сношенія съ сербскимъ царемъ и византійскимъ императоромъ, вѣроятно, и познакомилъ чеховъ не только съ славянскою церковью, [1] но и съ ученіемъ богомильскимъ. Дѣйствительно, богомилы не разъ скрывались подъ именами братьевъ вальденскихъ и пикартовъ, приходившихъ нѣкогда въ Прагу и Чехію даже массами и здѣсь высматривавшихъ приверженцевъ своему ученію

Императоръ Сигизмундъ въ 1414 г, взялъ съ собою въ Констанцъ плѣненнаго боснійскаго короля Твердка Твердковича съ тѣмъ, чтобъ онъ видѣлъ судъ надъ Яномъ Гусомъ, а вмѣстѣ и всю роскошь,

---

[1]) Намъ представлется это дѣло проще и естественнѣе. Карлъ IV былъ ревностнымъ католикомъ (иначе не причислила-бы его католич. церковь стараго времени къ лику святыхъ); а какъ таковой, онъ не могъ и не хотѣлъ поддерживать у чеховъ славянскаго богослуженія. Фактъ приглашенія въ Прагу католическихъ монаховъ слав. обряда можно понимать въ смыслѣ окончательнаго подавленія остатковъ кирилло-меѳодьевской церкви въ чехахъ—славянскимъ же орудіемъ. Не даромъ вскорѣ же по смерти Карла IV явился Гусъ, а его предшественники-подготовители были современниками этого государя. *Перев.*

развратъ и безсердечность той силы, которая губила благородное и невинное стремленіе чешскаго реформатора. Тврдко Твердковичъ возвратился изъ Констанца не безъ сильнаго впечатлѣнія и, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ, народъ снова пригласилъ Тврдка на тронъ, онъ дѣйствовалъ уже въ качествѣ рѣшительнаго приверженца Запада, но тѣмъ достигъ совершенно противуположныхъ результатовъ: въ народѣ усилилась противуположная партія—туркофильская и король принужденъ былъ бѣжать изъ земли.

Школа въ Будинѣ и Констанцѣ ограничивалась своимъ вліяніемъ только на босняковъ. Дѣло клонилось къ тому, что сѣмя богомильства, даже при тогдашнихъ незначительныхъ и случайныхъ столкновеніяхъ, не только запало въ чешскую мысль, но выросло и стало уже и колоситься.

Таборское ученіе, по видимому, было тѣмъ же, чѣмъ было и богомильство. Богомильство развивалось на Балканахъ въ теченіи многихъ вѣковъ, а въ Босніи въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій оно было господствующимъ исповѣданіемъ; слѣд: оно имѣло достаточно времени развиться правильно. Иначе было съ ученіемъ таборитовъ. Табориты имѣли не болѣе двухъ десятилѣтій для того, чтобы реформировать свои положенія. Въ горячечномъ воодушевленіи, они не знали, что сперва взять въ руки — библію или мечъ; мысль ихъ приняла много различныхъ неправильностей, и самъ Жижка безсожалѣнія отсѣкалъ своимъ мечемъ эти различныя уродливыя формы. Только въ ученіи чешскихъ братьевъ выкристализировались религіозныя и соціальныя воззрѣнія чешскихъ реформаторовъ, но тогда главный двигатель чешской реформы, чешскій седлакъ, [1]) былъ уже спутанъ по рукамъ и ногамъ феодализмомъ, одержавшимъ верхъ. Случилось очень интересное стеченіе несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ: въ то время, какъ чешскій седлакъ за Владислава польскаго былъ привязанъ къ землѣ, Босніею и Герцеговиною совершенно овладѣлъ турецкій завоеватель.

Завладѣніе турками сербскою землею имѣло своимъ послѣдствіемъ великія перемѣны. Народъ толкался въ сосѣднія земли, главнымъ образомъ—въ Далмацію и Черногорію, чтобы избѣжать копыта воинственнаго турецкаго коня. Подобныя же движенія сельскаго люда въ средней и западной Европѣ послужили предлогомъ для шлехты потребовать отъ законодателей запрещенія свободнаго переселенія народа, такъ чтобы привязаніемъ селянина къ землѣ обезпечить помѣщику постояннаго работника. Ничего такого не было въ Босніи и Герцеговинѣ и феодализму въ тѣхъ земляхъ была затянута жила, такъ что дальнѣйшее развитіе его стало невозможнымъ. И не только одно это. Турецкое господство оказало вліяніе на аграрныя и соціальныя отношенія сербовъ и въ смыслѣ реакціи къ патріархализму.

[1]) Седлакъ—селянинъ, крестьянинъ.

Властели, не погибшіе въ войнахъ, и не убѣжавшіе изъ отечества, но пожелавшіе остаться дома, чтобы приноровиться къ новымъ порядкамъ и извлечь изъ нихъ выгоды, опустили изъ виду прикованіе народа къ землѣ и всю свою заботу посвятили захватыванью оставленной переселявшимся народомъ земли. Въ старыхъ боснійско-герцеговинскихъ родахъ доселѣ сохранилась память объ этомъ. Обыкновенно говорятъ: «когда мы взяли свою землю», «пріобрѣли», «захватили». А. Ѳ. Гильфердингу [1]) казалось, что этимъ даже хвалились, какъ будто бы хотѣли назваться потомками истинныхъ азіатскихъ турокъ и какъ будто нарочно заслоняли свое босно-герцеговинское происхожденіе. Они должны были бы сказать о себѣ слѣдующее: съ приходомъ въ землю турокъ, при наставшей анархіи, мы ловили въ мутной водѣ и захватывали чужую землю, которая потомъ турецкою властью была признана нашею собственностью.

Въ западной и средней Европѣ, гдѣ земледѣліе было тогда уже развитымъ и возвратъ народа къ первобытному состоянію былъ уже невозможенъ, помѣщики были озабочены тѣмъ, чтобы строгостью законовъ были найдены и обезпечены для нихъ работники; и законъ, въ угоду помѣщикамъ, превратилъ работниковъ въ невольниковъ. Не такъ было въ Босніи съ Герцеговиной. Гористая почва Босніи и Герцеговины не благопріятствовала узаконенію невольничества. На горахъ всегда была свобода — по крайней мѣрѣ настолько, что тамъ было нелегко отнять у каждаго свободу, потому что серба хранили горы. Поэтому боснійскіе и герцеговинскіе властели, если бы турки даже и сочувствовали феодальнымъ порядкамъ и не противились введенію ихъ, не могли уподобиться феодальнымъ господамъ, примѣръ которыхъ имъ былъ извѣстенъ уже по сосѣдству за Савою. Феодалы европейскіе были озабочены тѣмъ, чтобы ихъ поземки были тщательно обработываемы; властели же боснійскіе и герцеговинскіе извлекали выгоду изъ большаго количества земли (первые изъ лучшей обработки, вторые изъ большаго количества земли). Они забирали и провозглашали за свои собственные поземки, покинутые обывателями, или такіе, изъ которыхъ имъ удавалось выгнать своего личнаго соперника, или непріятеля. Пустынныя и незаселенныя горы— какой промыселъ на нихъ могъ быть, кромѣ пастушества? А пастушество представляетъ собою патріархальную хозяйственно-общественную форму быта.

Если босняки и герцеговинцы уже и прежде примирялись съ магометанскою вѣрою, то теперь, когда просыхала турецкая сабля, они видѣли уже явно, что новое господство не только не приноситъ имъ непереносныхъ аграрныхъ и соціальныхъ несчастій, что̀ на западѣ

[1]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. Т. 3. (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія). Спб. 1873 г.

дѣлалъ феодализмъ, но служитъ имъ еще мощною защитою отъ нихъ. Когда же аграрныя и соціальныя отношенія стали устанавливаться, селяне, потерпѣвшіе въ періодъ великой анархіи много убытковъ, искали опоры своимъ хозяйственнымъ интересамъ и своей личной безопасности въ задружномъ обществѣ, новый разцвѣтъ котораго обусловливался также и тѣмъ, что пастушеское хозяйство помогло имъ снова получить свое значеніе въ экономическомъ бытѣ народа. Стоянъ Новаковичъ доказалъ, что въ сербскомъ народѣ не было *великихъ* задругъ въ періодѣ его самостоятельности и что *великую* задругу сербскую, какъ институтъ, воспиталъ періодъ турецкаго ига. Но Пейскеръ сильно ошибается, когда на основаніи доказательствъ Новаковича дѣлаетъ выводы противъ народнаго характера и самостоятельности сербской задруги. Перемѣна, констатированная Новаковичемъ, означаетъ то, что западно-европейскія соціальныя теченія, пробившіяся предъ нашествіемъ турокъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ въ хозяйственную и общественную жизнь балканскихъ народовъ, въ особенности же сербовъ, какъ наиболѣе близкихъ Западу, возвратились вспять туда, откуда пришли. Въ этомъ смыслѣ турецкое нашествіе дало охрану сербской самобытности и народности. Достойно примѣчанія и то обстоятельство, что боснійскіе магометане сохранили въ своемъ говорѣ самыя старинныя грамматическія формы. Но эта охрана языка не была намѣренною: она естественно вытекала изъ положенія дѣлъ.

Какъ сельскій людъ Босніи и Герцеговины въ періодъ турецкаго погрома разбѣгался по Западу, такъ въ свою очередь на мѣста, оставленныя имъ, стекался народъ съ Востока. Это также былъ сербскій людъ, но исповѣданія православнаго, каковое исповѣданіе со времени турецкаго нашествія получило верхъ по числу исповѣдниковъ. Часть убѣжавшихъ снова воротилась домой, какъ скоро замѣтила, что буря утихаетъ. Нѣкоторые, по примѣру властелей, принимали тоже Исламъ.

Турки были страшными только въ то время, какъ потрясали своимъ обнаженнымъ мечомъ. Но какъ скоро они вложили мечъ въ ножны, то являлись скорѣе слабыми, чѣмъ страшными. Какъ побѣдители—добыватели земель—они почувствовали въ себѣ призваніе управлять землею и народами. При этомъ они имѣли очень много самыхъ благихъ намѣреній, но вовсе не владѣли способностью выполнить ихъ. Болѣе всего оказалъ имъ помощь Коранъ. Священное писаніе Корана проповѣдуетъ такую основную хозяйственную идею, которая совершенно враждебна капитализму. Во 2-й главѣ Корана, озаглавленной «Корова», въ шурѣ 276-й осуждено взиманіе большихъ оброковъ, какъ тяжкій грѣхъ. «Тѣ, кто глотаетъ большіе оброки, въ день воскресенія изъ мертвыхъ встанутъ такъ, какъ тотъ человѣкъ, котораго осквернилъ діаволъ прикосновеніемъ своего перста. О томъ же, что какъ говорятъ: взиманіе оброковъ есть торговля, нужно сказать: Богъ допустилъ торговлю, но запретилъ брать оброки. Тотъ, кто слушается Бо-

жіей заповѣди и дѣлаетъ конецъ этой несправедливости, получаетъ отъ Бога отпущеніе грѣховъ за все, что было имъ содѣяно грѣшнаго и судьба его будетъ зависѣть отъ Бога. Тѣ же, которые не перестанутъ взимать оброковъ, будутъ брошены въ огонь, откуда не освободятся во вѣки». Это—одно изъ хозяйственныхъ основоположеній, заключающихся въ Коранѣ; но оно столь кардинально, что опредѣляетъ цѣлую систему, систему первобытнаго хозяйства. Такъ какъ характеръ земли и народа Босніи и Герцеговины склонялись къ этой системѣ, то неудивительно, что обывательство быстро успокоивалось. Турецкое господство не принесло никакихъ хозяйственныхъ новшествъ, но лишь озаботилось тѣмъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, какія оно застало здѣсь, былъ заведенъ государственнымъ авторитетомъ добрый порядокъ.

Въ 1515 г. въ Боснію и Герцеговину прибыли земледѣльческіе чиновники «ель емени» съ тѣмъ, чтобы размежевать землю и записать ее въ книги, т.-е, чтобы основать катастръ. Этотъ фактъ обывательство до сихъ поръ держитъ въ доброй памяти; письменныя воспоминанія о немъ до сихъ поръ хранятся въ франтишканскихъ монастыряхъ и въ сундукахъ старыхъ властельскихъ родовъ, ожидая научной публикаціи и изслѣдованія. Этотъ шагъ турецкаго правленія—несомнѣнное свидѣтельство хотя бы только доброй воли (намѣренія) упорядочить надлежащимъ образомъ и на долгое время владѣтельскія отношенія въ землѣ.

Есть признаки свидѣтельства и о томъ, что также и обывательство имѣло доброе намѣреніе упорядочить свою общественную (посполитую) хозяйственную жизнь такъ, чтобы она соотвѣтствовала всеобщимъ нуждамъ и внесла въ землю, послѣ долгихъ войнъ и смятеній, миръ и спокойствіе. Бывали примѣры того, что боснійскіе и герцеговинскіе властели этой эпохи въ предсмертныхъ завѣщаніяхъ обязывали своихъ наслѣдниковъ, преемниковъ по землевладѣнію, не притѣснять своихъ кметовъ и податей, отнюдь не возвышать, а въ родахъ не вымершихъ это завѣщаніе до сихъ поръ постоянно свято выполнялось, хотя бы это и не представляло выгодъ владѣтелямъ земли. Можно предположить, что основатели этихъ завѣщаній имѣли въ мысляхъ благо не только кметовъ, но и своихъ наслѣдниковъ, которымъ первые хотѣли на всѣ времена обезпечить рабочія руки, въ тогдашнія превратныя времена очень дорогія. А все-же сравнимъ, какъ велъ хозяйственныя дѣла боснійскій и герцеговинскій властель въ то время, какъ европейская шлехта ловила сельскій людъ для заключенія его въ тяжкое невольничество! Боснійскій селянинъ не былъ прикованъ къ землѣ, но лишь вставалъ къ помѣщику въ отношенія наслѣдственнаго наймита, исполнявшаго работы на-подобіе добровольнаго договора о платѣ съ урожая. Платы эти были неодинаковы. Обыкновенно составляли десятую часть, но

также иногда и девятую, осьмую, седьмую. Позднѣе же, когда подати не были установляемы завѣщаніями, иногда возвышались онѣ до третины и даже до половины. Боснійскій кметъ не былъ подданнымъ подобно западно-европейскому селянину. Онъ имѣлъ свободу убѣгать, если другой помѣщикъ предлагалъ ему болѣе выгодныя условія найма; послѣдній могъ принять бѣглеца на свой страхъ, безъ всякаго разрѣшенія на то со стороны прежняго хозяина-помѣщика. Напротивъ, помѣщикъ не могъ прогнать кмета съ поземка по своей волѣ, или по произволу. Свое наемное условіе съ кметомъ онъ могъ провозгласить нарушеннымъ только въ томъ случаѣ, если кметъ два года подрядъ не представлялъ своихъ повинностей и когда дѣлалъ это не вслѣдствіе неурожаевъ, но по безпечности. Помѣщикъ былъ повиненъ давать кмету сѣмена для посѣва и пропитанія; въ неурожайные годы онъ былъ обязанъ не только ждать платежа, но еще и оказывать кмету помощь.

Эти отношенія были организованы безконечно лучше, нежели въ феодальной Европѣ. Въ отдаленнѣйшихъ земляхъ о томъ не знали, потому что тамъ учили смотрѣть на турокъ только сквозь очки религіозной нетерпимости — только какъ на невѣрующаго и суроваго завоевателя. Но все-же въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ Хорватіи, людъ имѣлъ свѣдѣнія о томъ, какія существуютъ за Савою хозяйственныя и соціальныя отношенія при турецкомъ господствѣ и убѣгалъ туда, какъ скоро притѣсненія шлехты становились непереносными. Феодальное хорватское панство тѣмъ болѣе притѣсняло селянъ, чѣмъ больше безпокойства они обнаруживали. Вслѣдствіе этого въ XVI и XVII столѣтіяхъ возникали мятежи селянъ, которыхъ наказывали здѣсь гораздо суровѣе, нежели въ другихъ земляхъ. Хотя съ теченіемъ времени отношенія въ Босніи и Герцеговинѣ значительно ухудшались, однако все-же онѣ были здѣсь легче и переноснѣе для селянъ, нежели какъ это было въ Хорватіи, гдѣ еще въ XVII столѣтіи руководители волненіями грозили панамъ всецѣло со всѣмъ народомъ перейти въ Боснію, если не сдѣлаютъ народу облегченій.

Терминологія въ области общественной жизни во время турецкаго господства измѣнилась, но значеніе ея осталось прежнимъ. Властель нынѣ сталъ называться бегомъ, властеличъ — агою; баштина у беговъ получила названіе «беглюкъ», пронія-«тимаръ» неропхъ—сталъ называться «кметомъ».

Для наблюденія надъ аграрными отношеніями султанъ поставилъ надзирателей, называвшихся «спагіи». Они разрѣшали споры между помѣщиками и кметами и наблюдали надъ тѣмъ, чтобы кметъ не обманывалъ помѣщика, а помѣщикъ не притѣснялъ кмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ они собирали «царскую десятину», какъ «земепанскую дань». За эту службу отъ государя (земепана) они получали на свое содержаніе тимаръ [1]), называвшійся спагилюкъ. Кромѣ того спагія имѣлъ

[1]) Тимаръ—помѣстье, даруемое вмѣсто жалованья.

повинность во время войны вставать со своимъ родомъ подъ царское знамя. (Христіане были освобождены отъ военной службы. Если же говорится о томъ, что «спагіи были повинными идти на войну съ своимъ народомъ», то подъ народомъ здѣсь нельзя разумѣть селянъ, какъ это было на феодальномъ Западѣ). Военная повинность была только на магометанахъ; но она даже и не считалась повинностью: это была привиллегія магометанъ.

Спагійство первоначально было только личнымъ; позднѣе же оно передавалось государемъ (султаномъ) въ наслѣдство тѣмъ бегамъ, которые особенно зарекомендовали себя; наконецъ уже не было ни одного бега, который бы не былъ спагіею, такъ что слово «спагія» получило значеніе вообще бега и до сихъ поръ употребляется въ этомъ значеніи.

«Христіане», говоритъ А. Θ. Гильфердинъ, «съ любовію вспоминаютъ спагій, потому что, какъ говорятъ въ народѣ, спагіи считались какъ бы представителями султана въ отношеніи къ обывателямъ, платившимъ десятины, и часто защищали ихъ отъ притѣсненій со стороны капетановъ (воинскихъ начальниковъ), беговъ и янычаръ».

Переходъ въ Исламъ въ Босніи и Герцеговинѣ происходилъ не безъ борьбы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ преданіе магометанскихъ властелей, которые свое магометанство всегда считали только временнымъ и были убѣждены въ томъ, что снова воротятся къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Но уже привыкали къ своей новой вѣрѣ, прилипали къ ней съ такимъ же фанатизмомъ, съ какимъ прежде льнули къ богомильству, такъ что начинали думать о себѣ, что ученіе пророка даже и султанъ не соблюдаетъ чище ихъ. Боснія и Герцеговина давали султану самое храброе войско, самыхъ лучшихъ полководцевъ и самыхъ прозорливыхъ гражданъ. Въ дворѣ султана утвердился сербскій языкъ; султанъ на этомъ языкѣ сносился съ своими новѣйшими подданными и «посынилъ» боснійскихъ магометанъ, т. е. провозгласилъ ихъ своими истинными сынами, усыновилъ ихъ. Каждый боснійскій магометанинъ принималъ это усыновленіе въ буквальномъ смыслѣ и усвоялъ себѣ право говорить и обсуждать самыя важныя государственныя дѣла. О чемъ мечталъ царь Душанъ, то стало фактомъ: сербскій языкъ распостранялся на Босфорѣ, какъ дома; но пріобрѣлъ это значеніе такимъ способомъ, какого Душанъ не предвидѣлъ.

Турки никогда не имѣли своего народнаго самосознанія; между тѣмъ боснійскіе могометане всегда были проникнуты имъ,—иногда напрасно и неясно, а иногда очень живо и широко, такъ что это служило подготовленіемъ къ славянскому самосознанію. Герцеговинецъ Мегметъ паша Соколовичъ, бывшій великимъ визиремъ въ 1569—1575, задавался мыслію обратить въ могометанскую вѣру весь славянскій міръ, составить славяно-магометанскую великодержаву съ столицею въ Царьградѣ и сорганизовать славянъ подъ знаменемъ Магомета про-

тивъ западной Европы, которую тогда магометане главнымъ образомъ знали по нѣмцамъ и глубоко ненавидѣли. Ненависть богомиловъ къ западно-европейской цивилизаціи и ко всему, что стояло въ зависимости отъ нея, перешла по наслѣдству на потурченаго «боснійскаго беглербеглюка», какъ называлось тогда административное общество, составленное соединеніемъ Босніи и Герцеговины. Въ этой ненависти не таится-ли ясное сознаніе, или же хотя предчувствіе того, что народы, жившіе на востокѣ отъ нѣмцевъ, и среди которыхъ главное мѣсто принадлежитъ славянамъ, имѣютъ иное назначеніе въ міровой исторіи, чѣмъ то, какое имѣетъ западная Европа? Ненависть магометанскихъ славянъ обращалась прежде всего къ нѣмецкой Австріи. Еще послѣ оккупаціи потурченный полякъ Садыкъ паша, извѣстный романописецъ Михалъ Чайковскій, въ своихъ запискахъ отмѣтилъ, что боснійскіе магометане считали Австрію своимъ отвѣтственнымъ врагомъ. Но сила боснійскаго магометанства уже 30 — 40 лѣтъ предъ оккупаціею была сломлена, а ненависть его уже нисколько не мѣшала дѣлу Австріи.

Магометанство не было тою культурною сферою, которая бы могла соорудить изъ сербскаго народа высокую и твердую опору противъ прибоя западной цивилизаціи на востокъ. Такою стихіею могло быть только православіе; но его культурное дѣйствіе на развитіе сербскаго народа было заражено магометанствомъ. Исламизмъ и нашествіе турокъ располовинили сербскій народъ въ культурномъ отношеніи. То, что одна часть сербскаго народа вооружала противъ западной культуры и чѣмъ увеличивала противъ нея свои полки, то самое проигрывала другая часть народа, перебѣгавшая на сторону непріятелей сербскаго народа, становившаяся подъ чуждую охрану и получавшая эту охрану подъ обязательствомъ биться въ переднихъ рядахъ за дѣло своихъ охранителей противъ той первой части сербскаго народа. Это раздѣленіе въ духовномъ отношеніи еще до сихъ поръ продолжается и составляетъ причину всего несчастія, причиняемаго самимъ себѣ этимъ богато одареннымъ сербскимъ народомъ—причину всѣхъ ранъ, какими онъ самъ себя ранитъ, причину всей деморализаціи, которою страдаетъ сербское тѣло,—всей душевной нищеты, бѣды и безхарактерности, которая проникла во внутренность народа и приноситъ вмѣсто почтенія, непріязнь, въ отношеніяхъ *къ тому народу*, *который сотворенъ руководить другими и указывать имъ путь къ свѣту* [1]).

Сербскій народъ сталъ флюгеромъ, обращающимся между нѣмецкою Вѣною и славяно-турецкимъ Царьградомъ. Онъ разрѣдился на слишкомъ большомъ пространствѣ. Довѣрчивый къ обѣщаніямъ Вѣны онъ неустанно малыми партіями переселялся въ Австрію. Сербскія поселенія простирались даже до Будина, но при этомъ сербы забы-

[1]) Т. е. къ русскому народу. *Перев.*

вали о томъ, что первымъ условіемъ самостоятельнаго развитія каждаго народа есть густота его населенія. Если же народъ дозволитъ проникнуться чужеродными стихіями, то это будетъ значить то же самое, какъ если бы живой организмъ самъ въ себя посадилъ червей [1]). Если же онъ самъ станетъ червемъ въ организмѣ другого народа, то не всегда можетъ произвести въ немъ разложеніе.

Переселеніе сербовъ въ Австрію, главнымъ образомъ въ Хорватію и Угры, принесло сербскому народу несравненно больше несчастія, нежели само турецкое порабощеніе. Если бы сербскій народъ твердо держался въ своемъ сидлѣ [2]), то исторія его шла бы подобнымъ же путемъ, какъ и исторіи Россіи послѣ нашествія монголовъ. Натискъ чужестраннаго племени укрѣпилъ бы его силы и чѣмъ большимъ былъ бы натискъ, тѣмъ сильнѣе укрѣпилась бы увѣренность народа въ томъ, что оковы будутъ разрушены и тѣмъ скорѣе насталъ бы моментъ освобожденія. Въ исторіи Сербіи стало нѣчто совершенно противоположное тому, что произошло въ исторіи Россіи, потому что сербскій народъ, раздвоившись душевно, разсыпался территоріально и самъ себя выдалъ съ головою разрушающему вліянію народовъ, очень хорошо понимающихъ свои историческія цѣли. Сербы храбро воевали и въ армадахъ турецкихъ и въ армадахъ нѣмецкихъ (австрійскихъ): бились съ собою и сокрушали себя, подобно гладіаторамъ, не давали самимъ себѣ пощады; но собственная своя идея затерялась. Достойный удивленія юнакъ—сербскій народъ—чаще всего на самомъ себѣ обнаруживалъ свою удаль, уподобляясь самоубійцѣ.

Сдѣлать этотъ обзоръ судьбы сербскаго народа намъ было нужно для того, чтобы имѣть готовую рамку для дальнѣйшихъ изслѣдованій аграрныхъ отношеній въ боснійскомъ беглербеглюкѣ.

Идиллія турецкаго господства въ Босніи продолжалась недолго. Хорошій знатокъ этихъ дѣлъ, босніецъ (имя его неизвѣстно) составилъ о томъ записку и вручилъ её А. Ѳ. Гильфердингу. Эта записка приведена г. Гильфердингомъ въ его трактатѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія» (Собр. сочиненій. т. 3. СПБ. 1873; стр. 303—311). Тамъ читаемъ слѣдующее: «Съ 1521 года настали для боснійскихъ христіанъ великія бѣдствія. Съ этого времени начали проходить чрезъ Боснію сильныя, многочисленныя турецкія войска изъ Азіи и Румеліи для завоеванія Венгріи, Будина, Вѣны, Праги (таковыя были ихъ намѣренія и надежды). Это непрестанное наводненіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ ратниковъ, или вѣрнѣе сказать—разбойниковъ (ибо такъ дѣйствовали въ то время турецкія войска) опустошило и разрушило христіанскія церкви, монастыри, города и села въ Босніи и заставило опять множество боснійскихъ христіанъ искать своего спасенія бѣгствомъ въ Дубровникъ (Рагузу), въ Приморье, Хорватію, Славонію,

[1]) Это относится и къ Россіи, насаждающей у себя нѣмецкія колоніи.
[2]) Т. е. въ своей территоріи.

Бачку и т. д. Такимъ образомъ случилось то, что обширные края, какъ-то плодородная Посавина, Подринье и Краина, совершенно запустѣли и поросли лѣсомъ. Средина же Босніи, гористая и скалистая и и болѣе отдаленная отъ земель, предлагавшихъ христіанамъ убѣжище, сохранила своихъ обывателей: христіане здѣсь прятались во время военной бури въ недоступныхъ мѣстахъ, а когда наставала тишина, выходили изъ своихъ убѣжищъ и снова обработывали свои старинныя земли. Не только военныя тревоги, но и чума, часто свирѣпствовавшая въ эти времена, уменьшила число христіанскихъ жителей Босніи, которые частью умирали отъ заразы, частью же бѣжали отъ нея въ другія земли: между тѣмъ мусульмане, придерживаясь своего фатализма, не трогались съ мѣста и мало—по—малу присваивали себѣ земли, покинутыя христіанами». [1])

Такъ характеризуетъ боснійскія отношенія въ періодъ нескончаемыхъ войнъ, къ какому относится Могачъ и оккупація турками Венгріи, боснійскій урожденецъ. Эти отношенія продолжались до самого пораженія турокъ у Вѣны. Онѣ дѣйствительно были страшными—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но чтобы представить эту сумрачную картину въ надлежащемъ освѣщеніи, нужно снова припомнить, что въ сосѣдней Хорватіи селянамъ жилось не только не лучше, но еще гораздо хуже. Турецкія войска были страшны непріятелямъ, нѣмецкія же войска были также страшны обывателямъ этого государства. Современникъ тѣхъ событій, итальянскій писатель Жіованни Ангелини, говоритъ о томъ слѣдующее: «Войско нѣмцевъ ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ только о плѣненіи и разбоѣ, оно мучитъ и убиваетъ людей различными способами. Нападаетъ не на одинъ простой народъ, но и на шлехту и всюду коварнымъ образомъ. Живетъ грабежомъ, убійствомъ, кравопійствомъ, поджегами, святотатствомъ, съ безумнымъ неистовствомъ учиняетъ насилія женамъ и дѣвицамъ и разстлѣнія полумертвымъ дѣтямъ. Священные предметы попираетъ ногами, разрушаетъ храмы, школы и имѣнія духовенства. Съ невооруженныхъ людей сдираетъ одежды: мужчины и женщины нагишемъ бѣгаютъ по деревнямъ. Въ ненасытномъ разбоѣ раскапываетъ гробы, чтобы обворовать также и мертвыхъ, и другими неслыханными страшными неистовствами распространяетъ страхъ и грозу. Человѣческое общество тутъ уничтожено; наука, гуманность, церковь, Богъ — все презрѣно. Нѣтъ уже ни торговли, ни земледѣлія. Людъ беретъ въ торбу (суму) все, что попадется на глаза и, оставивъ развалины своихъ хатъ, опустошенныя поля, бѣжитъ въ лѣса и горы умирать отъ голода и холода, убѣгаетъ въ чужія земли, даже и въ Турцію, чтобы только сохранить свою жизнь».

---

[1]) Гильфердингъ. Собр. соч. т. 3. стр. 304.

Во время войнъ въ Уграхъ, боснійскіе властели познакомились съ тѣмъ гнетомъ, какимъ угорская и хорватская шлехта морила своихъ подданныхъ, а это знакомство имѣло неблагопріятное вліяніе на ихъ образъ мыслей и на судьбу боснійскихъ селянъ. Все, что замѣчали тамъ, властели хотѣли завести и дома. Въ особенности дурно повліялъ на беговъ боснійской Посавины и Крайны. или турецкой Хорватіи, примѣръ засавскихъ дворянъ. Что именно тутъ оказалъ злое вліяніе примѣръ хорватской и угорской шлехты, это видно уже изъ того, что вдали отъ хорватской границы, отношенія между помѣщиками и кметами всегда были болѣе сносными и не слишкомъ сильно удалялись отъ старыхъ сербскихъ традицій. Посавинскіе и крайнскіе беги присмотрѣлись къ феодализму, но два великія препятстія встрѣтились имъ на пути, такъ что они не могли тѣхъ же порядковъ завести у себя дома: не было закона, который бы давалъ имъ силу и санкцію, а селяне не поддавались безъ отпора аппетитамъ своихъ помѣщиковъ. Въ особенности же въ Крайнѣ разыгрывались непрерывныя правовые бои между бегами и кметами, давшія сербской народной эпической поэзіи рядъ интересныхъ эпизодовъ и знаменитыхъ юнаковъ.

Пораженіе турокъ у Вѣны 1683 г. значительно ухудшило судьбу турецкихъ христіанъ, а среди нихъ въ особенности боснійцевъ и герцеговинцевъ. Упомянутый докладчикъ—босніецъ повѣствуетъ о томъ слѣдующее: «Возвращаясь въ безпорядкѣ, ожесточенные этимъ пораженіемъ турки стали вымещать свою ярость на своихъ подданныхъ христіанахъ, и въ короткое время разрушили много церквей и монастырей въ Босніи и съ неимовѣрнымъ бѣшенствомъ свирѣпствовали противъ христіанъ по всей этой странѣ. Христіане съ своими священниками уходили тысячами въ сосѣдніе края. Это продолжалось до 1739 г. Когда миръ былъ заключенъ между императоромъ Карломъ VI и турками, христіане опять начали селиться въ Посавинѣ, Подринѣ и Крайнѣ, возвращаясь туда частью изъ-за Савы, частью изъ нагорныхъ нахій средней Босніи, а всего болѣе изъ Герцеговины и Далмаціи. Послѣ похода подъ Вѣну и изгнанія турокъ изъ Венгріи и Славоніи, въ продолженія нѣсколькихъ лѣтъ, вся Посавина стала пустынею, поросшею лѣсомъ; только въ городахъ, какъ-то въ Бѣлинѣ, Зворникѣ, Градашцѣ, Дервентѣ, Банялукѣ, Новомъ и друг., оставалось небольшое число мусульманъ со своими начальниками, которые назывались «капетаны». Они были родомъ босняки. Капетаны считались правителями приписанныхъ къ ихъ городамъ округовъ (нахій), и самовольно присвоили себя большія пространства запустѣлыхъ земель около Дрины и въ Крайнѣ. Эти капетаны были неограниченными властелинами въ своихъ нахіяхъ: били, убивали, вѣшали, сажали на колъ людей и не слушались султана, а тѣмъ менѣе паши. Во время вой-

ны они явились въ войско снаряжеными на собственный счетъ и не получали жалованья». [1])

Эти отношенія уже вполнѣ уподоблялись начаткамъ западнаго феодализма; но онѣ и остались только при однихъ начаткахъ—съ одной стороны потому, что было уже поздно (уже прошло время всеобщаго увлеченія феодализмомъ), и съ другой—потому, что султанъ былъ слишкомъ далеко. Буйные капетаны могли бы злоупотреблять этою отдаленностію и разсчитывать на свою безнаказанность, полагая, что рука государя не достигнетъ до нихъ. Но вслѣдствіе этой же отдаленности они не могли воздѣйствовать на государя, чтобы онъ далъ въ ихъ власть тотъ компромиссъ, который служитъ главнымъ фундаментомъ всякаго феодализма. При основной демократической чертѣ характера магометанина не могло быть и мыслимо когда нибудь дойти до такого компромисса.

Между тѣмъ Турція въ 1756 г. издала земельный законъ, до сихъ поръ существующій въ силѣ. Распредѣленіе поземковъ, сообразно съ этимъ закономъ, было почти одинаковымъ съ тѣмъ распредѣленіемъ, какое было во времена Душана. *Мулькъ*—это свободный, неподвижный участокъ (имѣніе), не подлежащій никакой государственной дани (Баштина). Это имѣніе составляли обыкновенно дома и огороды кругомъ нихъ пространствомъ до $1/_2$ дунума (Дунумъ=1000 квадр. метра). Поземки, называвшіеся, *юшеріе*, это были земли завоеванныя и затѣмъ пожалованныя или героямъ войны, или же тѣмъ туземцамъ, которые приняли Исламъ (Пронія). *Миріе* — это поземокъ, обложенный платою десятины, и составившій номинальную собственность калифовъ, но пожалованный въ пользованіе гражданамъ за обычную плату десятины. Миріе могла быть продана, или переведена на иного владѣтеля—лишь съ дозволенія калифа. *Мератъ*—это почва, отдыхавшая и также составлявшая собственность калифа; она была въ запасѣ, но могла быть отданою также и обывателямъ въ пользованіе, какъ и миріе, въ случаѣ, еслибы оказался недостатокъ въ землѣ. *Метруке*—это выгоны, дороги, и вообще всякіе поземки, пожалованныя калифомъ, который считался номинально владѣтелемъ ихъ, для общественнаго пользованія безъ оплаты десятиною. Онѣ предназначались для цѣлей общества и не могли быть отчуждены отъ него ни единичными лицами, ни даже самимъ обществомъ.

Эти виды поземковъ часто входили одинъ въ область другого, такъ что владѣтельныя отношенія становились сплетенными. Иногда поземокъ былъ миріей, а деревья на немъ — мулькомъ, или же поземокъ имѣлъ одного владѣтеля, а деревья, находившіяся на немъ, другого.

Феодальные аппетиты беговъ были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе фео-

---

[1]) Гильфердингъ. Собр. соч. т. 3. стр. 304—305.

дализмъ въ западной и средней Европѣ приближался къ своему концу. Они чувствовали, что Царьградъ служитъ имъ помѣхою и что имъ нужно бы имѣть государя въ своей средѣ, такъ чтобъ была возможность принудить его къ этому компромиссу. Отсюда возникали все большія и большія распри между Босніей и Царьградомъ, такъ что въ прошедшемъ даже столѣтіи дѣло дошло до революціи. Гусеинъ Градашчевичъ, возбудившій въ 1831 году революцію боснійскихъ беговъ противъ султана и избранный ими великимъ визиремъ Босніи, явно былъ одушевленъ идеаломъ феодализма шлехетской республики, какою нѣкогда была Польша. Онъ чувствовалъ, что между славянскою душею боснійца и азіатскою душою турка—большое различіе, которое не можетъ быть сглажено вполнѣ даже и магометанскою вѣрою. Кромѣ того въ немъ пробудилось славянское сознаніе, хотя свобода сербской народности подъ турецкимъ владычествомъ была полною. Ясно, что и въ этомъ случаѣ на беговъ дѣйствовалъ примѣръ пробужденія хорватскаго народа, такъ какъ и всѣ интересы революціи Гусеина приходили изъ Австріи. Но это движеніе опоздало на нѣсколько столѣтій; поэтому и не могло окончиться иначе, какъ только трагически.

Высокая Порта знала тотъ источникъ, изъ котораго возникало движеніе Гусеина, знала европейскій, а также и анархическій, характеръ его и, желая парализовать его, воспользовалась для того новыми средствами, принятыми въ европейскихъ государствахъ; но пользоваться ими она не умѣла. Кромѣ того она обыкновенно успокоивалась скорлупою вмѣсто и ядра и оставляла дѣло на полъ-дорогѣ. Такимъ образомъ распря капетана Гусеина своею послѣднею причиною имѣла то, что Порта, учредивъ постоянное войско, одѣла его по европейскому способу въ узкіе понталоны. Эти узкіе понталоны стали символомъ европеизма, относящагося ненавистно ко всему консервативному элементу на Балканѣ и къ государству турецкому. Хотя Порта при реформахъ вела себя очень неповоротливо, все-же должно признать за нею справедливость, что она присматривалась къ благу народа и старалась о томъ, чтобы беги не присвоивали себѣ привилегій для притѣсненія народа. Эта двойная точка зрѣнія и два интереса служили для капетана Гусеина источникомъ распрей между Сараевомъ и Царьградомъ, вынужденнымъ укротить пышныхъ и храбрыхъ беговъ: не строгостью только, но и суровостью, возбуждающею ужасъ. Тѣмъ не менѣе, если хотимъ быть справедливыми, не должны дозволить подкупить себя народностью и языкомъ боснійскихъ беговъ, а также и тѣмъ, что многіе изъ нихъ, какъ было уже сказано, прилично и достойно относились къ своимъ кметамъ. Мы не можемъ отстранить того факта, что турецкое правительство, вѣрное демократическому духу вѣры пророка, заботилось о благоденствіи народа и въ этомъ смыслѣ издавало свои законы, которые по различнымъ при-

чинамъ, лежащимъ между прочемъ и въ самыхъ законахъ, не были выполнены и потому не помогли окончательнаго устранить зла.

Охарактеризованный нами періодъ продолжался отъ 1739 г. по 1850 годъ.

Крестьяне, воротившіеся послѣ 1339 г. въ опустошенные края Босніи, должны были заключать новыя наёмныя условія съ помѣщиками; старыя условія были провозглашены помѣщиками неимѣющими силы потому, что ихъ нарушили сами наниматели. Помѣщики продиктовали кметамъ болѣе тяжелыя условія: вмѣсто привычной десятины они желали получать девятую часть и $1^1/_2$ ока коровьяго мяса съ каждой коровы за пользованіе пастбищемъ и лугами. Но еще они не подготовились привязать селянина къ землѣ. Означенныя условія были заведены ими въ цѣлой Посавинѣ. Селяне могли кромѣ того еще пріобрѣтать въ собственность землю покупкою, а также и продавать собственную землю. Это была та же свобода, какою пользовались во времена Душана, какъ мы видѣли, неропхи, имѣвшіе право сооружать и свои собственныя баштины.

Семейства помѣщиковъ увеличивались. Отцы семействъ, по примѣру старыхъ временъ, раздѣляли между ними землю, а наслѣдникъ наслѣдовалъ вмѣстѣ съ землею и наемниковъ ея. Наслѣдники же, съ цѣлію получить такіе же доходы, какіе получали и ихъ родители, должны были выводить лѣса и разработывать землю изъ-подъ лѣса подъ пашню и такимъ образомъ увеличивать пространство своихъ полей. И вотъ они принуждали своихъ наемниковъ исполнять эти работы. Такъ была заведена *ангарія* (робота) или *беглюкъ* (панщина); но подати остались безъ измѣненія.

Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ больше росли матеріальныя нужды помѣщиковъ; а чѣмъ больше онѣ росли, тѣмъ большія бремена (тяжести) помѣщики налагали на наемниковъ. Все это мы говоримъ главнымъ образомъ о Посавинѣ, Подринѣ и Крайнѣ. Въ наложеніи «роботы» не было никакого порядка. Кметъ долженъ былъ исполнять ее такъ какъ велѣлъ ему помѣщикъ; иногда онъ долженъ былъ работать съ цѣлымъ семействомъ и со всею упряжкою, какую имѣлъ, и притомъ до тѣхъ поръ, пока не отпуститъ съ работы помѣщикъ. Сопротивлялся-ли селянинъ противъ роботы, указывалъ-ли онъ на то, что съ нимъ дѣлается произволъ, тогда помѣщикъ къ одному своему произволу присоединилъ и другой: наказывалъ селянина тираннически. Наемникъ не получалъ отъ помѣщика сѣмянъ, что прежде было всеобщимъ обычаемъ и самъ долженъ былъ строить домъ для себя.

Въ центральныхъ мѣстахъ страны помѣщикъ давалъ сѣмена, упряжъ и стрѣху, но за то установилъ большія подати съ урожая: седмину, пятину и даже третину.

Какъ представлялъ сербскій народъ идеальныя отношенія между помѣщикомъ и селяниномъ — это мы узнаемъ изъ народной пѣсни

«Сопротивленіе противъ дагіевъ», въ которой народъ влагаетъ въ уста султана Мурата I, павшаго на Косовомъ полѣ, слѣдующій завѣтъ:

„Турки братья, визири и паши!
Я добылъ вамъ царство Душана!
Дай Богъ, чтобъ на вѣки осталось при васъ!
Умирая, я вамъ завѣщаю:
Не будьте жестоки съ народомъ,
Добро и ласково съ нимъ обходитесь.
Лихіе наѣздники! за васъ я ручаюсь:
Пусть пятнадцать, пусть тридцать динаръ вы наложите,
Но не вудьте народа вамъ штрафы платить,
Податями съ земли не тѣсните людей!
Никогда не касайтесь ихъ храмовъ:
Что свято для нихъ, пусть и вамъ будетъ свято.
Не мстите селянамъ!
За то, что Милошъ мою жизнь погубилъ,
Вы не мстите; то-даръ военнаго счастья.
Никто никогда не основывалъ царства,
Съ трубкой въ зубахъ лежа на подушкѣ.
Не мучьте селянъ, чтобъ отъ страху
Не прятались въ горы, не бѣгли въ лѣса.
Позаботьтесь о нихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ.
Тогда ваше царство пребудетъ во-вѣки!
Если же, турки, меня не послушаете,
И къ селянамъ жестокими будете,
Распадется тогда ваше царство и сгинетъ!"

Этотъ завѣтъ въ первое время турецкаго господства, дѣйствительно, служилъ руководствомъ для помѣщиковъ: изъ одной народной фантазіи онъ не могъ бы возникнуть. Несомнѣнно, было какое-нибудь дѣйствительное основаніе въ практической жизни для смысла этой пѣсни, хотя она и происходитъ изъ періода, близкаго къ нашему времени.

Такъ было до 1840 г. Въ то время въ сосѣдней Австріи уже приходилъ къ концу феодализмъ и порабощеніе селянъ. Всѣ были тогда убѣждены въ томъ, что по истеченіи уже немногихъ лѣтъ все это будетъ вполнѣ отстранено. Облегченія сельскимъ жителямъ начали даваться уже въ 18 вѣкѣ и положеніе ихъ постоянно улучшалось. И вотъ въ то время, какъ въ сосѣдней Австріи порабощеніе народа отживало свой вѣкъ, боснійскіе и герцеговинскіе беги прибавляли сельскому народу тяжестей!

Въ 1840 г. вѣнское правительство поставило на видъ правительству турецкому горькія жалобы боснійско-герцеговинскихъ кметовъ. Вслѣдствіе этого въ 1843 г. Порта издала узаконеніе, чтобы беги не принуждали самовольно кметовъ къ работѣ; чтобы каждый домъ кмета доставлялъ помѣщику для работы только двухъ работниковъ на одинъ день въ недѣлю. Но помѣщики пренебрегали этимъ узаконеніемъ правительства и по прежнему обременяли кметовъ работами.

Кметы снова жаловались Портѣ чрезъ вѣнское правительство и Порта въ 1848 г. издала законъ, по которому работа была совершенно уничтожена.

Что стало послѣ того—объясняетъ это доморoдный знатокъ, приводимый А. Ѳ. Гильфердингомъ:

«Получивъ фирманъ объ уничтоженіи барщины, Тахиръ-паша (тогдашній боснійскій визирь) позвалъ въ Травникъ на совѣщаніе главныхъ людей Босніи, именно обоихъ пашей сараевскихъ, Мустафу Бабича и Фазли Шерифовича, изъ Зворника—Махмутъ пашу Видаича, изъ Тузлы—Махмутъ пашу Тузла, изъ Банялуки—Али—бега Джинича, изъ Бихача—Махмутъ пашу Бишчевича; съ ними были позваны Игнатій, владыка Сараевскій, и нѣкоторые францисканцы. Паша прочелъ предъ ними приказаніе Порты. Боснійскіе вельможи поняли, что съ уничтоженіемъ барщины значительно сократятся ихъ доходы; они сладили дѣло между собою и представили пашѣ прошеніе (а съ прошеніемъ и денежное приложеніе). Прошеніе состояло въ томъ, чтобы «христіане», въ замѣнъ барщины, обязались впредь давать бегамъ и агамъ треть жатвы и половину сѣнокоса, а чтобы беги и аги заплатили имъ за ихъ постройки, а также возвратили третью часть издержекъ на огороженіе полей и вносили за нихъ треть *порѣза* (поземельной подати). Это бремя *третины* вельможи боснійскіе наложили на христіанскихъ кметовъ безъ султанскаго указа, въ 1849 году.» Паша и вельможи сомнѣвались однако, чтобы христіане подчинились третинѣ безъ сопротивленія, и стали выдумывать средство, чтобы обмануть и Порту и христіанъ. Это средство было слѣдующее. Они призвали въ Травникъ значительнѣйшихъ кнезовъ (старостъ) изъ всѣхъ нахій, православныхъ священниковъ и нѣсколькихъ францисканцевъ изъ разныхъ католическихъ приходовъ, и сказали имъ: «Порта уничтожаетъ барщину, но въ замѣнъ ея нужно сдѣлать такъ, чтобы всѣ кметы давали бегамъ третину». Услышавъ это, кнезы были поражены, какъ громовымъ ударомъ. Поклонившись до земли, они отвѣчали: «Мы покоряемся всему, что прикажетъ Султанъ и его начальство». За такой отвѣтъ нѣкоторые изъ кнезовъ получили въ подарокъ кабаницу (широкій зимній плащъ), другіе деньгами по 50 піастровъ» [1]).

Старосты видѣли, что ихъ влекутъ къ волчьей ямѣ; но, спасая свою жизнь, не противились и отвѣчали двухсмысленно. Отвѣтъ «покоряемся всему, что прикажетъ султанъ и его начальство» означалъ то, что старосты поняли готовившуюся имъ петлю,—поняли, что беги имѣли въ виду только свой интересъ. Зная же беговъ, какъ мятежниковъ противъ султана, своимъ хитрымъ отвѣтомъ старосты отдавались подъ охрану султана и его управленія. Но Тахиръ-паша,

[1]) Гильф. собр. соч. т. 3. стр. 306—307.

представитель султана въ землѣ, тянулъ вмѣстѣ съ бегами за одну и ту же бичеву.

Тагиръ паша въ качествѣ боснійскаго визиря въ Посавинѣ имѣлъ для своего содержанія помѣстья, сконфискованныя государствомъ у капетана Гусеина. Жившіе на нихъ кметы до того времени платили девятую часть.

Теперь Тахиръ-паша хотѣлъ, чтобы они платили ему третину; онъ пригласилъ къ себѣ старостъ и требовалъ отъ нихъ на то согласія. Старостъ было четверо. Представители кметовъ не могли предъ визиремъ отозваться на «султана и его управленіе:» и дали отрицательный отвѣтъ. Тахиръ-паша приказалъ ихъ за то изувѣчить такъ, что двое изъ нихъ умерли на мѣстѣ, а другіе двое остались навсегда изувѣченными. Послѣ того посавинскіе кметы болѣе уже не противились платить третины.

Въ то время турецкое правительство предприняло два мѣропріятія, глубоко засѣвшія въ отношенія оккупованныхъ нынѣ земель: одно было благопріятно народу; другое же своимъ вліяніемъ разрушило все то добро, что Порта замышляла сдѣлать въ пользу сельскаго обывателя. Значеніе этого второго вреднаго мѣропріятія сглаживается только тѣмъ, что оно не было приведено въ исполненіе закономъ, но лишь было однимъ временнымъ мѣропріятіемъ правительства, вынужденнымъ крайнимъ стѣсненіемъ, и могло быть нарушено тотчасъ же, какъ только минетъ стѣсненіе; но стѣсненіе не миновало.

Въ 1839 г. Порта нарушила урядъ спагію, потому что онъ болѣе уже не соотвѣтствовалъ свой цѣли. Спагійцы хозяйничали только для самихъ себя, недобросовѣстно выбирали государственныя подати и противились правительству, когда оно хотѣло принудить ихъ къ добросовѣстному выполненію своихъ обязанностей. Если же въ послѣднія десятилѣтія существованія спагіи Порта получала мало доходовъ отъ податей, то уже послѣ нарушенія ея она не получала почти ничего и дѣлала долги за долгами. Въ 1848 г. на Порту ополчились кредиторы и она условилась съ ними такъ, что уступила имъ свое право собирать подати. Часть изъ этой суммы податей собирали въ государственное казначейство, а другую часть новыя сборщики оставляли въ свою пользу. Кредиторы, большіе французскіе и англійскіе банки, собираніе податей довѣрили наемнымъ чиновникамъ, не желая изъ понятныхъ причинъ навлекать на себя ненависти со стороны обывательства за то, что «образованная Европа» приводитъ его къ погибели. Доморощы же стыдились становиться наемниками «царской десятины». Въ Босніи и Герцеговинѣ такими наемниками — сборщиками податей по большей части служили македонцы, которые свои обязанности выполняли такъ, что оставили по себѣ на всѣ времена позорную память.

Наемники царской десятины платили султану наличными деньгами съ условіемъ, чтобы и имъ селяне платили подати также деньгами.

Уже въ одномъ этомъ была тяжелая рана для обывательства, потому что денегъ не было. Если еще и нынѣ заведеніе денежнаго хозяйства въ окупованныхъ земляхъ составляетъ несчастіе для народа, то тогда было еще хуже. Въ Босніи и Герцеговинѣ, какъ и всюду на востокѣ, въ прошломъ столѣтіи ходила австрійская терезіанская монета «цванцики» и «талиры». Цванцика въ торговомъ обиходѣ имѣла курсъ франка. Но наемные сборщики не хотѣли принимать этихъ денегъ и требовали платежа турецкою монетою изъ чистаго металла. Порта согласилась съ этимъ, полагая, что этимъ могутъ поправиться ея финансы, такъ какъ и въ самой турецкой державѣ всюду ходила бездна чужой монеты, и ей уступала уже монета домашняя. Между тѣмъ турецкихъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ не было столько, сколько было нужно, и платильщикамъ приходилось испытывать новыя хлопоты.

Пока подати платились натурою, государство и помѣщикъ вмѣстѣ съ кметомъ несли послѣдствія неурожаевъ. Но наёмщики уже не хотѣли считаться съ неурожаями. Сами они десятинную плату и другія подати отдавали наличными деньгами, а потому и подати съ селянъ вымогали наличными-же и ежегодно въ одинаковой суммѣ. Босніецъ г. Гирфердинга разсказываетъ о томъ слѣдующее: «Если случалось, что градъ, морозъ, или наводненіе уничтожали урожаи хлѣба и христіанинъ скажетъ наёмщику: «У меня ничего нѣтъ ни для себя, ни для тебя; потому что случилось то й то;» но сборщикъ ему отвѣтитъ: «Я не пахалъ, и не сѣялъ; ни градъ, ни морозъ, ни наводненіе не могли ничего у меня уничтожить; я уплатилъ государству полныя деньги и ты тотчасъ же подавай готовыя деньги — хотя дѣтей своихъ продавай!» [1]). Семьи напрасно искали защиты въ царскихъ урядахъ; государство было такъ стѣснено, что необходимо было собирать деньги всевозможными способами и уряды должны были помогать наёмнымъ сборщикамъ. Впрочемъ, наёмная система собирать дань не была тогда и въ Турціи совершенно новою; издавна тамъ были нанимаемы государственные чиновники и даже болѣе или менѣе важные церковные владыки въ христіанскихъ церквахъ. Въ 1856 г. Порта взяла собираніе податей и пошлинъ въ собственныя руки.

Слѣдствіемъ несчастій, происходившихъ отъ наёмной системы собиранія податей, были новыя бѣгства изъ отечества. Въ 1852 г. въ Австрію и Сербію убѣжало 16.000 христіанъ.

Благодѣтельнымъ же для народа мѣропріятіемъ было провозглашеніе Порты въ 1850 г. государственными всѣхъ лѣсовъ въ своихъ земляхъ. Помѣщики присвоивали ихъ себѣ, пользовались ими, рубили и продавали. Уже и тогда былъ очень значительнымъ вывозъ

---

[1]) Ibid. стр. 309.

боснійскихъ и герцеговинскихъ дровъ въ Австрію. Омеръ-паша, проведшій эту реформу, сказалъ помѣщикамъ, что правительство воротитъ имъ лѣса тотчасъ же, если докажутъ грамотами свое право на нихъ. Но такого доказательства они не могли представить. Конфискація, или секвестръ лѣсовъ государствомъ въ дѣйствительности означала переданіе ихъ въ пользованіе обывательства. Общины и единичныя лица могли теперь брать лѣсу, сколько нужно было для отопленія и постройки, безъ дозволенія на то со стороны урядовъ. И только въ томъ случаѣ должны были справляться въ урядѣ, когда имѣли въ виду рубить лѣсъ на продажу. На этотъ случай существовали правила, одинаковыя какъ для туземца, такъ и для иностранца. Порта учредила тогда нѣчто въ родѣ лѣсного управленія, на обязанности котораго лежала забота о томъ, чтобы лѣса не сводились напрасно, а вырубленныя мѣста снова залѣснялись, и чтобы исполнялись правила о продажѣ лѣса. Но при турецкомъ безпорядкѣ все оставалось всегда только при одномъ добромъ намѣреніи; такъ было и здѣсь.

Передача лѣса въ пользованіе общества была такимъ фактомъ, который и нынѣ еще обывательство оцѣниваетъ по заслугѣ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Высокая Порта и въ труднѣйшее время оставалась вѣрною демократическимъ традиціямъ вѣры Пророка и традиціямъ патріархально-общественнымъ турецкаго народа.

Этою передачею лѣсовъ въ общее владѣніе народа турецкое правительство выполнило нѣчто такое, чѣмъ поставила себѣ въ сердцахъ боснійско-герцеговинскаго обывательства безсмертный памятникъ. Тогда обывательство не понимало надлежащимъ образомъ этого благодѣянія къ нему турецкаго правительства, такъ какъ обывательство было поднято и вооружено противъ всего турецкаго и живо чувствовало гнётъ спупныхъ помѣщиковъ и дурное управленіе; а вину во всемъ этомъ оно суммировало и приписывало турецкому правительству.

Оккупація приняла лѣсъ въ качествѣ владѣнія короны, завела очень успѣшную эксплуатацію его и раціональный способъ залѣсненія степныхъ пространствъ,—словомъ: завела такой порядокъ, о какомъ туркамъ и во снѣ не снилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она ограничила право пользованія лѣсомъ и вручила лѣсъ подъ строгій контроль лѣсныхъ и политическихъ урядовъ, такъ что de facto нарушила право селянъ пользоваться лѣсомъ. Обывательство жалуется, что даже за деньги не можетъ получить дровъ и въ особенности страдаетъ отъ того, что срѣзаніе каждаго прутика наказывается, какъ воровство. Къ несчастію такія жалобы — постоянны. Когда (зимою въ 1897 — 48 г.) въ Герцеговинѣ былъ голодъ, уряды наказывали, какъ за воровство, народъ, собиравшій въ лѣсахъ растеніе дябликъ

(arum maculatum), называемое тамъ «козлецъ»: сочный злакъ противнаго вкуса, корень котораго замѣнялъ для людей съ незапамятныхъ временъ хлѣбъ въ неурожайные годы.

О томъ, какія были отношенія (аграрныя и другія) въ Босніи и Герцеговинѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, написалъ намъ Нилъ А. Поповъ въ своемъ трудѣ «Положеніе райи въ современной Босніи» (Слав. Сборникъ 1875 г.).

Въ 1859 г. Порта, вслѣдствіе непрестанныхъ жалобъ боснійскихъ селянъ и ихъ радъ [1]), нарядила боснійскому визирю Дяни-пашѣ, чтобы онъ, на счетъ государственныхъ прогоновъ, прислалъ въ Царьградъ изъ каждаго санджака по 6-ти представителей: трехъ магометанъ и трехъ христіанъ, избранныхъ обществами совершенно свободно.

Помѣщики не допустили многихъ до избранія и повліяли очень значительно на эти выборы; тѣмъ не менѣе посольство составилось и отправилось въ Царьградъ. Но и помѣщики съ своей стороны также отправили туда своихъ пословъ съ тѣмъ, чтобы они парализировали всякое дѣйствіе правительства, клонящееся въ пользу селянъ. Сельская депутація получила отъ правительства приличный пріемъ и гостепріимство. Въ качествѣ переводчика ей былъ данъ Паво Перишичъ изъ Австріи.

Министерское правительство выслушало пословъ каждаго санджака въ отдѣльности: Селяне боялись, чтобы, вслѣдствіе этого, жалобы ихъ не оказались разнородными и противорѣчивыми, и потому подали Портѣ 9 марта общую письменную жалобу. Въ ней означены наибольшія тяжести—первоначально тѣ, которыя относились къ государству. Это были слѣдующія:

1. Поземковая дань (порезъ). Она составляла 90 грошей съ дома (1 грошъ = 8—10 крейц.). Жалующіеся полагали, что эту дань они должны платить самимъ хозяевамъ (имѣній) поземковъ, а не нанимателямъ ихъ. Но помѣщики сами никакихъ даней не платили, (старосербская привиллегія «баштины» расширяемая самовольно и на землю, не составлявшую баштины). Въ Зворникѣ, Банялукѣ и Билацкѣ находится 30—40.000 сельскихъ домовъ; помѣщиковъ же владѣтелей поземковъ, которымъ селяне по праву должны были платить поземковую дань, всего около 200 чел.

2. Аскеръ—беделіе, воинская такса, платимая христіанами за освобожденіе ихъ отъ воинской повинности; она платилась тогда съ домовъ и составляла 90—100 и даже 1000 грошей.

3. Казанія—1 австр. дукатъ въ годъ. Эту дань платилъ тотъ, кто имѣлъ котелъ (казанъ) на варенье ракіи. Селяне жаловались на то, что многіе изъ нихъ должны были продать свои котлы на то, чтобы заплатить эту дань и что эту дань долженъ платить и тотъ,

---

[1]) Рада—мірская сходка, совѣщаніе и постановленіе ея.

у кого котелъ лопнулъ. Это была совершенно новая дань. Прежде куреніе ракіи и сливовицы было вполнѣ свободнымъ производствомъ.

4. Камрія, составлявшая 2 цванцика съ дому.

5. Кормчарина, плата съ откормленной на убой скотины, составляющая 1 цванцикъ съ дому. Жаловались на то, что эту дань принуждають платить и того, кто вовсе не откармливаеть ни одной скотины.

6. Жировина—плата за право выгонять свиней на жолуди. Составляла по 1 грошу 7 паръ съ одной головы. Судили объ этой дани такъ: если они имѣютъ право пользываться лѣсомъ, то совершенно несправедливо брать эту дань. Особенно же жаловались на то, что къ этой дани принуждають и тѣхъ селянъ, которые не гоняютъ свиней въ лѣсъ на жолуди; кромѣ того чиновники часто показывають число свиней больше, чѣмъ ихъ есть на самомъ дѣлѣ.

7. Дюмрукъ - пошлина за вывозъ. Судили, что пошлину нужно налагать на предметы, ввозимые, но не на вывозимые.

8. Десятина со всѣхъ плодовъ. Между тѣмъ сборщики податей желаютъ брать дань не натурую, а деньгами. При томъ несправедливо вычисляютъ десятину; иногда вмѣсто десятины берутъ третину.

Другія бремена относились къ помѣщикамъ. Это были слѣдующія:

I. Третья часть всѣхъ плодовъ и половина сѣна. (Какъ уже видно было раньше, третина была всеобщимъ удѣломъ раньше только въ Посавинѣ).

2. Половина овощей и всякой зелени.

3. Робота, устраненная закономъ, но въ дѣйствительности продолжавшаяся.

Селяне жаловались на помѣщиковъ и за то, что послѣдніе прибавляли имъ бременъ, а между тѣмъ сами себя освободили отъ повинностей въ отношеніяхъ къ селянамъ: не даютъ имъ сѣмянъ для посѣва; не даютъ упряжи; не строютъ кучъ и не поправляютъ ихъ; прогоняютъ селянъ съ земли, если не полюбятъ ихъ; стѣсняютъ имъ свободу покидать помѣщичью землю, такъ какъ считаютъ это очень удобнымъ для самихъ себя. Кметъ не можетъ уклониться отъ помѣщика, потому что другой помѣщикъ не смѣетъ добровольно принять такого кмета къ себѣ. Нѣкоторые помѣщики, по примѣру государства, отдаютъ въ наёмъ третину и наемные сборщики обираютъ кметовъ. Всѣ помѣщики требуютъ отъ кметовъ платы третины деньгами.

Кметы имѣли также и другія стѣсненія, которыя не были аграрнаго характера. Поэтому, для восполненія картины, о нихъ мы упомянемъ только въ немногихъ словахъ. Жаловались на то, что отъ ерара за десять лѣтъ они не получали никакой награды за припряжныхъ лошадей, даже и за тѣхъ коней, которыхъ они сами купили для ерара. Жаловались на невнимательность и злодѣйство жандармовъ,

на несправедливость судовъ и насилія фанаріотовъ (высшаго греческаго духовенства).

Прошеніе было подано Портѣ 9 апрѣля. Но 12 апрѣля явились къ Портѣ и помѣщики изъ травницкаго и сараевскаго санджаковъ; жаловались на райю, которая будто-бы бунтуетъ совершенно безъ причины, что ей даже лучше живется, нежели самимъ помѣщикамъ, а въ особенности хорошо живется тѣмъ селянамъ, которые плотятъ половину со всѣхъ плодовъ. На слѣдующій день сельскіе послы изъ новопазарскаго и зворницкаго санджаковъ были приглашены предстать предъ Портою. Спрашивали одного селянина-магометана о томъ, какъ живется райямъ. Этотъ не хотѣлъ отдѣлиться отъ своихъ единовѣрцевъ—помѣщиковъ и далъ такой отвѣтъ: «влахи (православные) сильны и опираются, съ одной стороны на нѣмцевъ (Австрію), съ другой на Черногорію и съ третьей на Рацевъ (Сербовъ). Именно они и затѣяли возстаніе и противятся платить десятины». Въ отвѣтъ на это православный посолъ Младенъ Іовичъ сказалъ слѣдующее: «Уже девятый годъ райи насиліемъ принуждены платить десятины. Пока имѣли силы, мы не противились, не отказывались и платили даже и несправедливыя подати. Но, распродавши почти весь скотъ и не имѣя уже и того, что ѣсть, и чѣмъ платить третину, райи задолжали и въ то время, какъ стало нужно платить свои долги, беги отнимаютъ у нихъ насиліемъ и у райи не осталось уже ничего».

14 марта прибыли въ Порту помѣщики и кметы—магометане и христіане изъ бигачскаго и банялуцкаго санджаковъ. Было еще рано и они усѣлись у входа. Драгоманъ Паво Перешичъ привѣтствовалъ беговъ словами: «вы боснійцы дерзки и дѣлаете насилія, терзаете свою райю, бьете, притѣсняете, сажаете въ тюрьмы и рѣжете. Европа знаетъ объ этомъ и принесетъ на васъ жалобу предъ султаномъ—вашимъ отцовъ».

Али-бегъ Бабичъ изъ Банялуки далъ отвѣтъ, характеризующій дерзость боснійскихъ беговъ, полныхъ духа противорѣчія: «Паво, Паво! ну, а если возстанутъ дѣти противъ этого отца и ударятъ его по головѣ, развѣ не будетъ намъ отъ того лучше?» Селянамъ же, приводившимъ свои жалобы, беги говорили: «Влахъ, влахъ, подумай, о чемъ говоришь? Развѣ не хочешь уже возвратиться въ Боснію?»

Подобныхъ рѣчей стала бояться и Порта, и послы боснійскихъ селянъ. Правительство, опасаясь новой революціи беговъ, налегало на селянъ, чтобы они успокоились и взяли назадъ свои жалобы. Среди пословъ нѣкоторые стали заявлять о томъ, что въ ихъ краяхъ не такъ дурно, и что кметы у нихъ съ своими помѣщиками живутъ въ добромъ согласіи, какъ и въ старое время, и что платятъ имъ десятину, девятину или другую условленную подать и пользуются за это ихъ помощью и охраною. Испугались и послы изъ Посавины, гдѣ селянамъ было дѣйствительно очень дурно, и наконецъ всѣ про-

возгласили то, что нетяжело платить третины и что никто не терпитъ никакихъ притѣсненій. Сдѣлали это тѣмъ болѣе потому, что министры сказали имъ: «Султанъ такъ хочетъ; нельзя и помыслить отнять третину у беговъ».

Не смотря на то, султанъ не повѣрилъ селянамъ и издалъ въ томъ же 1859 году законъ, которымъ были приведены въ порядокъ аграрныя отношенія. Этотъ законъ считаетъ крестьянскій домъ, дворъ и и огородъ за мулкъ, баштину. Поэтому селянинъ не долженъ былъ платить за нихъ десятины. Владѣтелемъ ихъ былъ помѣщикъ, который повиненъ былъ содержать все это въ добромъ порядкѣ. Селянинъ можетъ добровольно нарушить свои отношенія къ помѣщику, но не можетъ нарушить этихъ отношеній помѣщикъ, который не можетъ прогнать крестьянина даже и въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіи двухъ лѣтъ по злому умыслу или по нерадѣнію не уплатитъ податей, надлежащихъ помѣщику. Если помѣщикъ захочетъ продать поземокъ, на которомъ живетъ селянинъ въ качествѣ наемщика, селянинъ имѣетъ право первой купли, чѣмъ пріобрѣтаетъ на поземокъ всѣ права, какія ранѣе имѣлъ помѣщикъ. Право кмета наслѣдственное, но не продажное, не переводимое. Только свободный чифлюкъ (осѣдлость, фарму) помѣщикъ можетъ отдать въ наймы, или удержать за собою. Если бы мулкъ продавался, сосѣдъ (шуфа) имѣетъ право первой купли, которое ему обезпечено льготою. Въ случаѣ продажи или аукціона поземка селянинъ въ теченіи года имѣетъ право первой купли на землю, которую онъ воздѣлывалъ.

Этотъ законъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Причиною этою были сначала бурные годы и медлительность правительства, а потомъ уже само правительство, которое въ 70 годахъ, когда въ Босніи и Герцоговинѣ поднялось возстаніе, обѣщало энергически провести аграрный законъ 1859 года; но уже было поздно. Тѣмъ не менѣе этотъ законъ существуетъ понынѣ и во время оккупаціи составляетъ единственную норму аграрныхъ отношеній. Янъ Асботъ говоритъ о томъ: «Если бы эти институты были введены въ жизнь во всей справедливости, то судьба боснійскаго и герцеговинскаго селянина была бы гораздо благопріятнѣе, чѣмъ во многихъ просвѣщенныхъ европейскихъ государствахъ!» Это и составляетъ дѣйствительное несчастіе народа при оккупаціи, какъ думаютъ о томъ и сами селяне.

Впрочемъ, самымъ сильнымъ рычагомъ противугосударственныхъ волненій христіанскаго обывательства служило стремленіе политическое — стремленіе обновить царство Душана. Если мы говорили о турецкомъ притѣсненіи, то всюду должно имѣть въ мысли то, что и самыя суровыя, даже жестокія насилія турокъ не переставали быть только матеріальными. Душѣ не дѣлалось никакого насилія. Вслѣдствіе этого происходило то, что среди христіанъ появлялись люди съ твердыми характерами и силами. Боснійцы и герцеговинцы,

вспоминая турокъ, говорятъ: «турчинъ насъ билъ, но безоружныхъ ни разу не ударилъ; всегда онъ самъ давалъ намъ оружіе въ руки». Христіане не поддавались. Отпоръ ихъ не вездѣ былъ одинаковъ; но герцеговинскіе кметы при границѣ черногорской завоевали себѣ дѣйствительную независимость, не давали податей ни государству, ни помѣщикамъ; даже наоборотъ государство давало ежегодно плату ихъ главарямъ. А для суда они ходили въ Черногорію.

Девятилѣтіе отъ 1850 г. до 1859 г. было самымъ тяжелымъ періодомъ въ жизни боснійско-герцеговинскаго селянина за турецкое время. Особенно дурно ему было, (должно снова констатировать фактъ), въ краяхъ при хорватской границѣ. Почему тамъ было самое сильное притѣсненіе селянъ — объ этомъ уже было сказано. Беспокойствамъ посавинскихъ, краинскихъ и подринскихъ селянъ способствовало то обстоятельство, что тогда (послѣ 1848 г.) Хорватія особенно усиливалась въ хозяйственномъ отношеніи. Народъ, жившій въ сосѣднихъ боснійскихъ краяхъ, съ завистью смотрѣлъ на этотъ разцвѣтъ Хорватіи и вдвойнѣ тяжело переносилъ свою судьбу. «Молодая Европа» послѣ 1848 г. дѣлала быстрые успѣхи, была полна идеальныхъ порывовъ и намѣреній, съ прямотою говорила о свободѣ всѣхъ народовъ. Боснійцы и герцеговинцы, хотя и были отдѣлены жизнію отъ европейскаго движенія, все же знали о немъ изъ неопредѣленныхъ, недостаточно вѣрныхъ справокъ и чувствовали свѣжее дыханіе европейскаго вѣтра на своихъ лицахъ. «Мы также — дѣти Европы», говорили они съ жаромъ, «но азіатское порабощеніе гнететъ насъ». Турецкое господство еще никогда не было для нихъ столь ненавистнымъ, какъ со времени 1850 г. до самаго испытанія оккупаціи.

Турецкое управленіе было неупорядочено, деморализовано, подкупно и насильственно. Турки и сами не вѣрили въ то, что ихъ господство можетъ удержаться въ Европѣ еще долгое время; а поэтому и не старались о заведеніи здѣсь порядка, но лишь о томъ заботились, чтобы воспользоваться послѣднимъ временемъ своего господства въ Европѣ для собственнаго кармана. Поэтому и переговоры турецкихъ урядовъ съ христіанами были столь безсердечными, поэтому они и не желали понимать намѣреній своего правительства и исполнять распоряженій его, поэтому они и оказывали непослушаніе даже фирманамъ султана.

Въ то время, какъ въ Европѣ патріархальное хозяйство переходило въ феодальное, народы, приведенные этимъ въ отчаеніе, думали, что уже пришелъ на землю Антихристъ и что феодализмъ—дѣло Антихриста. Въ утѣшеніе себя они пророчествовали о томъ, что въ скоромъ времени настанетъ конецъ свѣта и страшный судъ. Подобное же пророчество въ 50 годахъ появилось также и въ Босніи съ Герцего-

виной. Пророчество говорило о томъ, что турки будутъ изгнаны христіанами изъ Европы, а послѣ того настанетъ день послѣдняго суда (кіаметъ). Фаталисты—турки вѣрили этому и сами подрывали основу своего благосостоянія, отклоняя каждую реформу, увеличивая безпорядки, готовясь къ лѣности и захватывали все, что попадалось подъ руку, чтобы усладить послѣднее время предъ концемъ міра.

Турецкая держава въ 1848 г. уничтожила работу, какъ это сдѣлали и западно-европейскія государства. Народы за это были благодарны; только къ однимъ туркамъ не относились съ признательностью. Даже таковой фактъ, какъ дарованіе лѣса Босніи и Герцеговины въ всеобщее владѣніе, не былъ причисленъ къ числу добрыхъ дѣлъ Турціи, хотя невозможно было и помыслить, чтобы такой шагъ сдѣлало въ пользу народа какое-угодно европейское государство. Чѣмъ это объяснить?

Когда обсуждается несчастное положеніе какого-либо государства, всегда должно осмотрѣть его минувшее, чтобы увѣриться въ томъ, было-ли въ немъ всегда подобное же, не заложено-ли въ немъ это зло исторически, какъ ядовитое растеніе, или же государство очутилось только во временномъ, преходящемъ, случайномъ несчастіи, которое есть слѣдствіе внутренняго упадка и различныхъ внѣшнихъ вліяній, такъ что несчастіе можетъ прекратиться, какъ скоро устранятся внутреннія причины упадка, а домашняя почва взрыхлится къ возрожденію и новому разцвѣту.

Въ Европѣ господствуетъ то мнѣніе, будто Турція, какъ и вообще магометанство, не можетъ возродиться и будто основатель магометанства преградилъ ему дорогу къ возрожденію, представивъ свое вѣроученіе вѣнцомъ человѣческаго духа, посланнаго съ неба, а себя высочайшимъ изъ пророковъ, послѣднимъ провозгласителемъ воли Божіей, посланнымъ землю для наученія людей. Сообразно съ такимъ ученіемъ, магометанство якобы могло достигнуть только однажды своего разцвѣта и достигло его арабскою культурою; а послѣ того жизнь магометанства представляетъ собою одно постепенное паденіе.

Здѣсь неумѣстно обсуждать справедливость и основательность такого воззрѣнія на магометанскій міръ. Но мы думаемъ, что условія разцвѣта и упадка народовъ и государствъ зависятъ болѣе всего отъ нравственности и идеальности, что въ свою очередь, какъ на столпѣ, держится на ихъ религіозности, но во все не зависитъ отъ законовъ той или другой вѣры. Нынѣ уже не тайно въ Европѣ, что и въ магометанскомъ мірѣ оживаетъ духъ возрожденія. Когда же Европа встанетъ предъ готовымъ фактомъ его возрожденія, тогда ея ученыя головы съ такимъ же спокойствіемъ, полнымъ достоинства, будутъ доказывать жизненность магометанства—точно также, какъ прежде доказывали совершенную невозможность его возрожденія. Но одно стоитъ

предъ нашими глазами твердо и ясно—именно: возрожденіе магометанства и магометанъ можетъ взойти только въ Азіи, гдѣ его родина и гдѣ единственно выполнена имъ великая миссія. Почему бы оно не могло и снова выполнить своей миссіи? Но возрожденіе магометанства на европейской почвѣ немыслимо. Здѣсь магометанство всегда будетъ растеніемъ не по климату; и оно можетъ здѣсь рости только на счетъ чужихъ захирѣвшихъ организмовъ—народныхъ и государственныхъ. Нѣтъ нужды обезцѣнивать магометанъ; напротивъ нужно, чтобы образованные и просвѣщенные европейцы и имъ также воздавали честь, принадлежащую имъ, и сбросили съ себя темный средневѣковой фанатизмъ, которымъ долго христіанская Европа вооружалась даже и противъ членовъ своей собственной семьи.

Возрожденіе магометанства возможно; но можетъ поступить только тогда, когда оно пойметъ, что возрожденіе должно быть его собственнымъ (самостоятельнымъ) и что оно должно выйти изъ него самого, а европейзація («младотурки») на прим. составляетъ не возрожденіе, а еще болѣе глубокій упадокъ.

Съ самого начала своего господства въ Европѣ турки имѣли характеръ кочевниковъ-завоевателей. Отсюда: ихъ дурное управленіе и выбивательная система податей. Они не ужились съ европейскими народами, порабощенными ими, а также и эти народы съ ними. Послѣдніе не переставали считать турецкаго господства за чужевладѣніе и съ болью сердца желать свергнуть его. Слабость турецкаго правительства они съ радостью привѣтствовали, неудачи его служили имъ утѣшеніемъ: чѣмъ больше было стѣсненія отъ турецкаго правительства, тѣмъ ближе казался имъ самимъ конецъ его. Въ Босніи и Герцеговинѣ турки сдѣлали то, что нѣкогда народное сословіе помѣщиковъ (земанство) отчуждилось отъ народа и тѣмъ ослабило его; между тѣмъ даже въ періодъ наибольшаго своего отупѣнія помѣщичье сословіе не отожествляло своихъ интересовъ съ турецкими, всегда считая турокъ чуждыми, непрошенными гостями точно также, какъ и помѣщиковъ въ свою очередь считали ихъ христіанскіе земляки.

Сознаніе своей чуждости имѣли и сами турки. Въ этомъ сознаніи они не допускали христіанъ къ пользованію политическими правами и къ обнаруживанію политическаго вліянія ихъ даже тамъ, гдѣ по отношенію къ нимъ не допускали ни малѣйшаго религіознаго притѣсненія. Изъ той же причинѣ и передъ судомъ показаніе христіанина не имѣло одинаковаго значенія съ показаніемъ магометана. А это-то политическое неравенство болѣе всего и причиняло боли христіанамъ — тѣмъ болѣе потому, что кругомъ нихъ всѣ народы, считающіе Европу своею родиною, пріобрѣтали политическія права, между тѣмъ какъ въ Турціи для христіанъ это оставалось иллюзорнымъ. Хотя и въ этомъ отношеніи Порта издала добрый законъ, которымъ признавалась и прокламировалась равноправность христіанъ, но на

практикѣ никто этого прекраснаго закона не соблюдалъ. Конечно, такое явленіе часто происходитъ и въ государствахъ христіанскихъ, напр. въ Австріи, гдѣ законъ о равноправности народовъ былъ изданъ почти на 30 лѣтъ позднѣе, чѣмъ въ Турціи.

По Густаву Тёммелю (Beschreibung des Vilajet Bosnien) сумма даней, пошлинъ и платежей въ Босніи и Герцеговинѣ въ 1865 г. исчислялась въ 4,810913 зл.; нынѣ же эта сумма достигаетъ 18 мил. зл. Можемъ со всею справедливостью сказать, что оккупованныя земли платятъ болѣе, чѣмъ втрое, въ сравненіи съ тѣмъ, сколько платили онѣ въ послѣднихъ годахъ турецкаго владычества. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, хозяйственная продуктивность оккупованныхъ земель не поднялась, если даже и допустимъ, что въ общемъ она поднялась. (Есть мѣстности и хозяйственныя вѣтви, гдѣ хозяйственная производительность убавилась). Что дѣйствительно сильно возросло и усовершенствовалось—это горная промышленность, эксплуатація богатствъ земли. Между тѣмъ общаго хозяйства страны нельзя назвать здравымъ тамъ, гдѣ нѣтъ равновѣсія между продуктивностью земли и между горнопромышленностью изъ нея. Возростъ даней—явленіе законное только тамъ, гдѣ возросла зажиточность обывательства, но, какъ уже мы указали въ предъидущихъ отдѣлахъ о дѣятельности оккупаціи, возростъ зажиточности обывательства Босніи и Герцеговины ограничивается только отдѣльными мѣстностями и единичными личностями, но вообще далеко не всеобщій. Отсюда слѣдуетъ, что боснійцы и герцеговинцы не только значительнѣе обременены данями нынѣ, нежели какъ это было во времена турецкаго владычества, но чрезмѣрно обременены ими. Эта чрезмѣрность останется и на будущее время, если отъ бремени, лежащаго на бедрахъ земли, вычтемъ доходы eраря съ природнаго богатства земли: съ эксплоатаціи лѣсовъ, долинъ и т. д., что не обременяетъ непосредственно обывателя. А все-же при обсужденіи общаго обремененія земли мы должны взять во вниманіе и это.

Такимъ образомъ, если оккупація Босніи и Герцеговинѣ прибавила народу тяжестей, то она вовсе не разрѣшила аграрнаго вопроса измѣненіемъ отношеній между помѣщикомъ и кметомъ такъ, чтобы кметъ сталъ самостоятельнымъ владѣтелемъ поземка. Это тѣмъ болѣе потому, что кметъ собственно и не старается стать самостоятельнымъ землевладѣльцемъ. Онъ хорошо понимаетъ, что въ критическія минуты хозяйства для малоземельнаго хозяина-селянина нѣтъ никакой выгоды быть самостоятельнымъ землевладѣльцемъ,—что положеніе кмета можно облегчить уже однимъ тѣмъ, чтобы только не заставлять его платить даней болѣе, чѣмъ сколько здраво для его слабой финансовой экзистенціи. Въ періоды кризиса селянину вполнѣ достаточно наслѣдственно—наёмной земли. Если кметъ увѣренъ, что помѣщикъ не прогонитъ его самовластно съ поземка, то кметъ уже въ одномъ

томъ находитъ выгоду для себя, что помѣщикъ повиненъ давать ему жилище, рабочую упряжъ и сѣмена. Такимъ образомъ, помѣщикъ для кмета въ обыкновенные годы становится его опорою, а въ годы неурожайные вмѣстѣ съ кметомъ терпитъ убытки.

Одинъ извѣстный чешскій агрономъ, нѣсколько лѣтъ сему назадъ, выступилъ съ проэктомъ разрѣшить аграрный вопросъ въ Чехахъ такимъ закономъ, который бы принуждалъ владѣтелей латифундіями (обширными землями) большую часть земли отдавать въ наемъ малыми участниками, такъ чтобы большая часть обывательства могла посвящать себя земледѣлію. Эта мысль старою системою найма была уже проведена въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ ней -здравый соціальный принципъ, и этотъ принципъ, изволите видѣть, съ незапамятныхъ временъ—можно сказать, отъ правѣка—былъ проведенъ аграрною организаціею въ Босніи и Герцеговинѣ. Сами помѣщики тамъ вовсе не занимались хозяйствомъ и почти всю цѣликомъ землю отдавали въ наёмъ селянамъ; себѣ же оставляли только малую часть земли около своей усадьбы. Такимъ образомъ аграрная организація въ оккупованныхъ земляхъ съ самаго начала ихъ исторической жизни и даже вплоть до турецкаго господства была такимъ соціальнымъ достояніемъ, о какомъ въ западной и средней Европѣ—собственно въ предѣлахъ феодализма—мечтали цѣлыя тысячи народовъ и совершенно напрасно.

Рѣшить аграрный вопросъ въ окупованныхъ земляхъ можно устраненіемъ не самихъ старыхъ порядковъ землевладѣнія, но только однихъ причинъ несогласій и раздоровъ. Къ несчастію въ Австріи господствуетъ весьма важное недоразумѣніе, будто въ Босніи и Герцеговинѣ господствовалъ европейскій феодализмъ и будто босногерцеговинскимъ селянамъ можно помочь тѣмъ же самымъ рецептомъ, какимъ удачно пользовались въ Европѣ: разсмотрѣніемъ и изученіемъ того, какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности, и что познаніе зла всюду должно предшествовать реформамъ. Къ оккупаціи Босніи и Герцеговины Австро-Венгрія пришла не слѣпою курицею къ зерну: въ теченіи многихъ столѣтій она домогалась этого обладанія. По крайней мѣрѣ это можно сказать о Венгріи. Въ продолженіи 19 вѣка Австрія вмѣстѣ съ Венгріею подготовляла къ тому почву. Аппетитъ на «hinterland» возбужденъ былъ въ государственныхъ мужахъ Австріи вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ Далмаціи. Въ особенности же съ 40-хъ годовъ дѣлали въ Босніи и Герцеговинѣ энергичную пропаганду и эта энергія возростала съ каждымъ годомъ. А между тѣмъ въ этотъ большой періодъ приготовленій къ обладанію Босніею съ Герцеговиной никто изъ ракушанъ (австрійцевъ) не изучилъ глубоко аграрныхъ отношеній въ этихъ земляхъ. И Томмель и Роскіевичъ успокоивались только внѣшнюю стороною этихъ вопросовъ: однимъ констатированіемъ аграрнаго состоянія Босніи въ послѣднемъ пері-

одѣ ея жизни. Хотя имъ и приходило въ головы, что Боснія представляетъ собою нѣчто совершенно особенное въ аграрномъ отношеніи, но они не подошли къ вопросу ни на шагъ и остались при мнѣніи, будто въ Босніи господствуетъ тотъ же феодализмъ, какъ и на всемъ западѣ и что феодализмъ ея—тотъ же западный феодализмъ; однако они допустили прибавленіе къ нему эпитета «турецкій» феодализмъ, не объяснивъ вовсе, что значитъ этотъ эпитетъ. Очевидно, ученые имѣли только желаніе изучить аграрныя основы въ Босніи, но не изучили ихъ. Первыя же нашествія оккупачниковъ на Боснію не имѣли даже и такого желанія. Имъ казалось, что на всемъ земномъ шарѣ не можетъ быть никакой загадки, къ которой бы они не имѣли ключа въ сокровищницѣ западной культуры,—ни одного настолько труднаго вопроса, котораго бы они не разрѣшили совершенно легко. Между тѣмъ это было высокомѣріемъ сильнѣйшаго, и въ немъ не было ни одной здравой мысли, никакого выработаннаго плана, никакой сознательной цѣли. Тѣ же характерныя особенности, какія вели австрійскія войска къ Кралевскому Градцу, сопровождали ихъ и въ Боснію съ Герцеговиною. Все казалось имъ игрушкою, пока только говорили и не брались за дѣло. Пруссаковъ они собирались забросать шапками, а боснійскіе вопросы устранить однимъ крикомъ; но не условились даже и въ томъ, на кого закричать: на помѣщика-ли, или же на селянъ; на магометанъ-ли, или же на христіанъ. Протекло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ оккупація привела въ Боснію и Герцеговину такихъ людей, которымъ основа аграрнаго вопроса не представлялась неразрѣшимымъ таинствомъ. Во главѣ ихъ всталъ—Веніаминъ Каллай. Но онъ или не можетъ, или не хочетъ помочь дѣлу. Вѣроятно, не имѣетъ подъ рукою такихъ людей, которые бы могли понять, что къ отношеніямъ въ оккупованныхъ земляхъ невозможно приложить европейскаго шаблона, что эти земли представляютъ собою нѣчто особенное, индивидуальное, такъ что недостаточно одного только аттестата о сдачѣ предписанныхъ экзаменовъ для лица, желающаго поступить на службу въ боснійское управленіе. Послѣ учебныхъ экзаменовъ чиновники должны подлежать еще дѣйствительному и интересному обученію у г-жи Каллай, обученію новой жизни, открывающейся имъ въ оккупованныхъ земляхъ. Къ несчастію, австро-венгерскіе чиновники всегда учились только для школы, но не для жизни. Дѣйствительной жизни въ старыхъ земляхъ австро-венгерскаго государства они не знаютъ и знать не хотятъ, а потому совершенно не годятся для разрѣшенія вопросовъ, которые по цѣлымъ столѣтіямъ стоятъ открытыми. Чего же можетъ ожидать отъ нихъ Боснія и Герцеговина? Пусть они радуются тому, что не состоятъ болѣе подъ владычествомъ турокъ?! А о всемъ остальномъ пусть молчатъ и послушно отдаются подъ руководство людей, прис-

тавленныхъ къ тому начальствомъ! Кто имѣетъ чинъ, тотъ имѣетъ и разумъ.

Босно-герцеговинскій аграрный вопросъ возникъ самостоятельно и непремѣнно самостоятельно можетъ быть и разрѣшенъ. Такимъ правиломъ руководилась Россія, освободитъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тѣмъ же правиламъ въ бѣднѣйшемъ сосѣдствѣ съ Босніею и Герцеговиною на Черной горѣ руководится князь Никола во всѣхъ случаяхъ и во все время своего княженія. На Черной горѣ никогда не было ни помѣщиковъ, ни зависимыхъ отъ нихъ селянъ, не было тамъ и аграрнаго вопроса въ подобной формѣ, какъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Но не по этому Черногорія можетъ быть поставлена для оккупаціи въ примѣръ того, какимъ образомъ можно здѣсь разрѣшить аграрный вопросъ, какъ упорядочить отношенія между землевладѣльцемъ и наемникомъ (арендаторомъ). Черногорія должна служить примѣромъ въ томъ только, что какъ аграрный, такъ и всякій другой вопросъ, подлежащій разрѣшенію, въ оккупованныхъ земляхъ можетъ быть рѣшенъ только самостоятельно, потому что онъ вышелъ самъ изъ себя, изъ своихъ домашнихъ историческихъ, соціальныхъ и культурныхъ отношеній. Какъ воздѣйствовалъ на Боснію и Герцеговину примѣръ черногорскій? Когда вышелъ французскій переводъ черногорскаго Законника, сразу пріобрѣтшаго въ Европѣ славное имя, боснійское правительство послало въ каждый урядъ, зависимый отъ него, по два экземпляра одного и тогоже изданія, и предписала чиновникамъ изучить эту книгу. Въ этомъ фактѣ—доказательство того, что правительство знаетъ то, что нужно сдѣлать для Босніи и Герцеговины. А что чиновники? Выбросили книгу изъ головы и болѣе не имѣли о ней заботы. Они не научились въ школѣ настолько, чтобы можно было требовать отъ нихъ учиться еще и нынѣ, въ своемъ дефинитивномъ положеніи. Ошибка заключалась въ томъ, что имъ было дано въ руки изданіе на французскомъ языкѣ, котораго очень рѣдкій изъ нихъ понимаетъ. 'Характерно, что не данъ имъ сербскій оригиналъ книги, которую они могли бы получить за нѣсколько лѣтъ раньше, и которую могли бы понимать. Но оригиналъ былъ напечатанъ кириллицею, къ которой правительство не благоволитъ, и вышелъ въ Цетиньи, къ которой боснійское правительство питаетъ политическую непріязнь. Ложный стыдъ запрещалъ боснійскому правительству признать, что и на Черной горѣ есть нѣчто такое, что можно ему взять въ образецъ и въ поученіе.'

Боснійское правительство, не будучи въ состояніи двинуть съ мѣста аграрнаго вопроса въ цѣломъ, задумано разрѣшить его по частямъ тѣмъ, что стало помогать кметамъ выкупить поземки. Но дѣло это идетъ крайне туго, потому что боснійскій помѣщикъ льнетъ къ своей землѣ точно также, какъ и селянинъ, и не выпускаетъ земли изъ своихъ рукъ, пока можетъ. Исключенія бываютъ у тѣхъ помѣщиковъ.

которые добровольно бѣгутъ изъ Босніи съ тѣмъ, чтобы избѣжать оккупачныхъ порядковъ, и отдаютъ свои поземки въ продажу. Магометане—помѣщики страшно перепугали многихъ оккупачниковъ любовью къ своей землѣ. Они полагали, что послѣ оккупаціи въ Босніи и Герцеговинѣ случится нѣчто подобное, что случилось въ Сербіи послѣ освобожденія отъ туровъ. Тамъ вдругъ почти всѣ беги покинули Сербію въ твердой увѣренности, что Сербія освобождена не на долго и что падишахъ снова будетъ управлять этою землею. Но здѣсь обстоятельства сложились такъ, что изъ боснійскихъ беговъ очень рѣдкій могъ сохранить такую же увѣренность, столь горько обманувшую прежнихъ беговъ. Въ Сербіи аграрный вопросъ самъ собою разрѣшился съ уничтоженіемъ турецкаго ига. Въ Босніи же дѣло обстояло иначе. Здѣсь безпечность правительственныхъ мѣръ достигла такой степени, что все свое упованіе оккупачники возложили на «ядъ цивилизаціи», который имѣлъ сгубить беговъ душевно и тѣлесно, послѣ чего земля должна была поступить на выкупъ со стороны кметовъ. Между тѣмъ доселѣ встрѣчаются только единичные случаи отравленія беговъ цивилизаціею и потому выкупъ земли происходитъ такъ медленно, что въ цѣлой картинѣ аграрныхъ отношеній ничего не измѣнилось. Если кметъ выкупится, то онъ получаетъ отъ правительства кредитъ по гипотечному счету на льготныхъ условіяхъ платы. Но сами кметы не заботятся о выкупѣ, имѣя опытъ, что долгъ также есть зависимость и что банкъ, въ томъ случаѣ, какъ кметъ очутится въ несчастіи и безъ средствъ, есть болѣе немилосердный господинъ, нежели бегъ. Для того, чтобы, выкупившись, кметъ могъ успѣшнѣе хозяйничать, нужно дать въ его руки большій участокъ, нежели какой онъ имѣлъ, находясь подъ властью бега. Такъ думаетъ правительство. Оккупачники говорятъ, что правительство «соединяетъ поземки въ одно цѣлое» и считаютъ это великимъ подвигомъ. Между тѣмъ правительство этимъ способомъ дѣлаетъ наемниковъ безземельными, потому что уступившіе свои поземки купившимъ ихъ, должны покидать землю, бывшую ихъ полусобственностью, и становиться поденщиками, «себрами».

Нѣтъ нужды ухудшать аграрныя отношенія въ оккупованныхъ земляхъ. Каждый разсудительный человѣкъ, принявшій во вниманіе только то, что оккупація ввела въ Боснію и Герцеговину денежное хозяйство, стремившееся еще въ 50-хъ годахъ захватить эти земли, долженъ признать, что въ этихъ земляхъ необходимо долженъ наступить тяжелый хозяйственный кризисъ, подобный тому, какой былъ у западно—и средне-европейскихъ народовъ въ вѣка переходаихъ изъ патріархальнаго состоянія къ феодализму. Феодализмъ былъ долгимъ, мучительнымъ переходомъ изъ патріархализма къ современному денежному хозяйству. Босняки и Герцеговинцы въ кругъ денежнаго хозяйства вторгнуты безъ всякаго перехода, безъ подготовки, вдругъ, неожиданно.

Кто могъ бы еще сомнѣваться въ томъ, что они очутились въ столь неблагополучномъ положеніи, что часто съ сожалѣніемъ воспоминаютъ о суровыхъ отношеніяхъ въ турецкій періодъ? Вполнѣ естественно, что кризисъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ менѣе способныхъ чиновниковъ привела въ ихъ землю оккупаціи. А она дѣйствительно привела такихъ чиновниковъ, которые совершенно не понимаютъ той простой истины, что аграрныя отношенія въ Босніи и Герцеговинѣ могутъ улучшиться только изъ самихъ себя, изъ своихъ собственныхъ основъ, и не стараются улучшить печальнаго положенія народа наставленіемъ о томъ, какъ ведется въ Европѣ денежное хозяйство. Господину Каллаю, очевидно, это приходило въ голову. Съ этою цѣлію были основаны въ Босніи и Герцеговинѣ такъ называемыя «коммерческія школы», едва соотвѣтствующія чешскимъ мѣщанснимъ школамъ. Но эти школы— нынѣ — въ такомъ состояніи, что долго не будутъ имѣть никакого вліянія на хозяйственныя отношенія этихъ земель. Эти школы окажутъ только самому правительству добрыя услуги: онѣ воспитаютъ такихъ лицъ, которые будутъ стоять близко къ урядамъ. А извѣстно, что чѣмъ ближе кто стоитъ къ урядамъ съ чуждою властью, тѣмъ онъ — дальше отъ своего народа [1]).

Что видѣли мы въ картинѣ культурныхъ и торговыхъ отношеній, то видимъ также и въ хозяйствѣ. Боснія и Герцеговина принадлежатъ къ инымъ духовнымъ и хозяйственнымъ областямъ, нежели та земля, къ которой принадлежатъ оккупачники. Вліяніе съ той стороны Савы всегда оказывало на Боснію дурное дѣйствіе, о чемъ уже не разъ мы говорили. Не лучше стало и съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь на короткое время стали улучшаться хозяйственныя отношенія, такъ что, онѣ стали очень желательными для засавскаго народа.

Какъ въ 50-хъ годахъ разцвѣтавшія въ Хорватіи и южныхъ Униахъ, гдѣ обитаетъ тотъ же сербскій народъ, хозяйственныя отношенія благопріятно подѣйствовали на Боснію, по крайней мѣрѣ на Посавину и Крайну, такъ нынѣ глубокій упадокъ сельскаго класса, отъ Савы на растояніи по всей Хорватіи и Угріи, дѣйствуетъ безотрадно на мысль оккупованнаго обывательства. Ничто другое, какъ постоянно аграрный кризисъ въ этой части габсбурской монархіи, способствовало возникновенію здѣсь секты назарянъ, расширяющейся отъ Угоръ въ среду сербскаго народа, гдѣ эта секта нашла себѣ много приверженцевъ. Назаряне, какъ нѣкогда и богомилы, проповѣдуютъ возвращеніе къ первенствующей церкви Христовой, гдѣ царствовала равноправность всѣхъ членовъ церкви, гдѣ всѣ взаимно помогали другъ другу, какъ братья. Они отвергаютъ власть свѣтскую и духовную, государство и церковь и признаютъ только общество. Старѣйшины въ общинѣ служатъ имъ руководителями во всѣхъ свѣтскихъ и общественныхъ дѣлахъ.

---

[1]) Это замѣчаніе автора справедливо по отношенію только къ чиновникамъ славянской народности. *Перев.*

Они не признають брака таинствомъ, не совершають никакихъ обрядовъ, презирають роскошь. Отвергають войну, потому что она стоитъ въ противорѣчіи съ братствомъ людей и народовъ. Учать бережливости, хранять чистоту нравовъ. Члены общества, какъ братья, обязаны взаимно помогать. Они не противятся злу, потому что оно приходитъ на человѣка отъ Бога; а отъ человѣка скрыты пути промысла Божія. Пусть будетъ, что будетъ. Сохраняютъ душевное равновѣсіе и только говорятъ одно: «Видитъ Богъ!» Отецъ мать, братъ, сестра для нихъ не больше, какъ кто-либо изъ братьевъ и сестеръ общины. Священное писаніе для нихъ—единственный законъ, которымъ они и пользуются. Политическая борьбы совершенно чужда имъ; къ народнымъ дѣламъ они равнодушны. Они строги и важны; не открываютъ устъ для пѣсней, лишь для пѣнія псалмовъ. Не жалуются ни на какое несчастіе, ни на какую утрату. «Видитъ Богъ!»—это единственное слово ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда приключится какое-либо несчастіе. Въ общинѣ каждый отрѣшается отъ своей воли и подчиняется постановленію общины, которая за каждаго брата ручается и каждому помогаетъ. Но она же и наблюдаетъ надъ каждымъ его шагомъ. Въ женитьбѣ они поступаютъ тоже по установленіямъ своей общины. Не ломаютъ своихъ головъ догматами: все вниманіе ихъ обращено на нравственную сторону жизни. Хозяйственныя послѣдствія ихъ ученія замѣчательны, благодаря тому, что они твердо держатся основъ взаимности. Хозяйственныя прорухи пригоняютъ къ нимъ новыхъ и новыхъ членовъ. Съ Угоръ назаретское христіанство ширится въ Босніи, откуда въ 15 вѣкѣ проникло въ Угры богомильство прежде, чѣмъ вошло въ компромиссъ съ магометанствомъ. Словомъ, въ Босніи послѣ 500 лѣтъ снова ожило богомильство, которое еще не имѣетъ своего праваго имени. Если хотите, назовите богомильство зломъ: ничего противъ этого я не имѣю. Назовете-ли его зломъ въ религіозномъ отношеніи—ересью, или зломъ въ отношеніи общественномъ—аграрнымъ соціализмомъ, всеже нельзя упрекать богомильства за то, что проповѣдуя и воспитывая общественную взаимность, оно собираетъ и оживляетъ этою взаимностью покинутое сельское населеніе. Поэтому именно секты назарянъ очень быстро распространились и имѣли гораздо болѣе приверженцевъ тайныхъ, чѣмъ явныхъ.

Это явленіе чрезвычайно интересно для того, кто занимается психологіею народовъ. Оно указываетъ на то, что основныя психологическія особенности, составляющія характеръ народа, его религіозныя и соціальныя воззрѣнія, давшія направленіе также и исторіи его, никогда не исчезаютъ съ той почвы, которая стала ихъ родиною, а также не исчезаютъ изъ индивидуальности народа. Разбейте народную индивидуальность—тогда каждый атомъ ея будетъ содержать всѣ свойства индивидуализма, какъ содержитъ ихъ и каждый кусочекъ минерала, на которые онъ раздробленъ. Историческія несчастія и погромы мо-

гутъ на извѣстное время заградить дорогу правильному развитію; но это не можетъ остаться навсегда. Какъ скоро обстоятельства перемѣняются и народъ получаетъ возможность снова владѣть своими членами, тогда онъ сдвинетъ и отстранитъ препятствія и пойдетъ дальше своею дорогою. Одни говорятъ, что исторія не повторяется; другіе же, что она постоянно повторяется. При одинаковыхъ условіяхъ исторія народовъ, конечно, повторялась бы, какъ своими нормальными, такъ и ненормальными явленіями: одинаковыя условія производятъ также и одинаковыя дѣйствія. Въ сѣверо-западной части Балканъ, въ Босніи и Герцеговинѣ, сербскому народу причиненъ австро-угорскою оккупаціею, какъ уже было сказано, глубокій хозяйственный и соціальный кризисъ,—какой нѣкогда принесенъ былъ феодализмомъ въ другихъ мѣстностяхъ. Но феодализмъ въ наше время свою суровость и хищничество передалъ капитализму, осилившему его. Какъ прежде, такъ и нынѣ, хозяйственно-соціальный кризисъ сильно воздѣйствовалъ главнымъ образомъ на религіозное чувство обывательства; въ религіи народъ всегда искалъ своего утѣшенія и правды. И вотъ ненормальное богомильство оживаетъ и, подъ другимъ именемъ, готовится воротиться на свою родину, гдѣ хозяйственно-соціальный кризисъ углубляется до пропасти отчаянія.

XI.

Глава соціально-политическаго содержанія.

Цѣлая Европа, а вслѣдствіе вліянія ея, и цѣлый свѣтъ нынѣ очутился въ такомъ хозяйственномъ кризисѣ, какого до сихъ поръ еще не было въ исторіи. Останавливаясь на почвѣ Европы, мы видимъ, что этотъ кризисъ въ государствахъ западной Европы имѣетъ — въ одномъ больше, а другомъ меньше—характеръ индустріальный, а въ государствахъ восточной Европы начинаетъ развиваться кризисъ аграрный. Востокъ въ этомъ смыслѣ начинается Уграми, гдѣ аграрный кризисъ достигъ уже очень серьезныхъ размѣровъ, о чемъ скажемъ ниже. О немъ еще мало извѣстно, потому что угорское правительство, служа капитализму, не занимается вообще аграрнымъ вопросомъ, а на общественное мнѣніе въ уграхъ правительство вліяетъ тѣмъ, что возбуждаетъ въ обществѣ иллюзію, будто угры подвигаются впередъ къ высокому разцвѣту хозяйства, имѣющаго быть обезпеченнымъ развитіемъ промышленности въ ущербъ промысла въ Цислейтаніи, или же въ ущербъ кармановъ обывателей западной половины дуалистической державы. Индустріализмъ, какъ и меркантилизмъ—законный сынъ капитализма, а капитализмъ—самый опасный врагъ аграризму. А такъ какъ природныя условія Угоръ, условія самаго характера почвы и обывательства, благопріятны исключительно только аграризму, то, очевидно, хозяйственная политика угорскихъ правительствъ съ самаго начала дуализма—ошибочна и приведетъ угорскую половину государства къ хозяйственной гибели вслѣдствіе того, что вліянію, силѣ и ловкости угорскихъ государств. мужей удается дѣйствовать съ успѣхомъ, когда дѣло идетъ объ установленіи квоты для Вѣны или Загреба.

Цислейтанія, лежа въ срединѣ Европы, конечно, не настолько счастливая область, что бы могла сохранить себя отъ обоихъ кризисовъ. Здѣсь напротивъ оба эти кризиса подаютъ себѣ руки и вмѣстѣ усиливаются.

Аграрнымъ кризисомъ охвачена сосѣдняя съ уграми Румынія, гдѣ до сихъ поръ онъ обнаруживается временными, но всегда весьма пылкими, бурями противъ жидовъ. Неменѣе важный аграрный кризисъ обнаружился въ Болгаріи; начатки его оказываются и въ Россіи.

Изъ сербскихъ земель, въ недолгій періодъ оккупаціи, аграрному кризизу болѣе всего подпали Боснія и Герцеговина. Причина этого заключается въ томъ, что оккупація привела эти земли въ пылкій бой съ денежнымъ хозяйствомъ, о чемъ уже не разъ было сказано. Бой этотъ неравный, но не настолько, какъ это кажется на первый взглядъ. Сербскій пародъ въ Босніи и Герцеговинѣ пріобрѣлъ себѣ союзника въ аграрномъ кризисѣ угорскомъ и въ обще-хозяйственномъ кризисѣ Австріи.

Угорскій кризисъ нужно разсмотрѣть ближе.

Угорское государство, во все время своего существованія, занималось исключительно балканскою политикою и стремилось подчинить подъ свою власть балканскіе народы. Оно имѣло то большую, то меньшую удачу, но все же балканцамъ отъ угорскаго правительства не было ничего хорошаго. Относительно оккупаціи тоже нельзя сказать ничего другого. Она составляетъ плодъ вѣковѣчной угорской политики. И если балканцамъ думалось, что общественныя и хозяйственныя дѣла угровъ находились въ цвѣтущемъ состояніи, очень желательномъ и для нихъ самихъ, то это желаніе скоро смѣнилось разочарованіемъ. Это указали мы уже на 50-хъ годахъ, когда угры имѣли недолгій періодъ хозяйственнаго разцвѣта и всеобщаго благобыта. Боснійцы завидовали, и угорско-хорватская агитація находила въ ихъ мысляхъ готовую почву, на которую тогда было посѣяно сѣмя, уродившее чрезъ 20 лѣтъ оккупацію.

Въ этомъ и заключается язвительный сарказмъ исторіи: угры разцвѣтали въ хозяйственномъ отношеніи только въ то время, когда не имѣли самостоятельной политической жизни, покуда были спутаны ненавистнымъ для нихъ абсолютизмомъ. Но со времени собственнаго государственнаго управленія они систематически гибнутъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ что ихъ нужно отнести къ числу самыхъ разстроенныхъ государствъ. Разстройство угровъ до сихъ поръ замаскировано политическими успѣхами, пріобрѣтенными ими на счетъ Цислейтаніи и еще тѣмъ, что Цислейтанія переноситъ непомѣрную тяжесть податей, сравнительно съ уграми. Аграрное несчастіе угорскаго государства огромно и неизцѣльно, не смотря на то, что рѣдкая земля имѣетъ столь счастливыя условія для земледѣльческаго хозяйства, какъ Угры.

Въ аграрномъ отношеніи, угры-трупъ. И что же добраго можетъ произойти изъ того, если хитрые политики, какими слывутъ мадьяры, одѣнутъ этотъ трупъ въ королевскій пурпуръ, а съ нимъ и для него будутъ дѣлать политику съ народами, стоящими вдали, и не имѣю-

щими возможности на первый взглядъ ни глазомъ, ни слухомъ понять того, что подъ личиною королевскаго блеска, являющагося передъ ними, скрывается гнусная гниль, которой мѣсто не на тронѣ, а въ могилѣ? Огромное пространство отъ Татра до границъ Черногоріи, обнимающее цѣлые Угры, Хорватію и оккупованныя земли, составляетъ поле одной аграрной пропасти. То обстоятельство, что Угры и Хорватія вмѣстѣ съ Босніей и Герцеговиною очутились въ аграрной руинѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что земледѣліе въ Униграхъ и Хорватіи имѣетъ того же неумолимаго врага, какого имѣетъ и Боснія съ Герцеговиной. Въ Босніи и Герцеговинѣ мы указали на этого врага въ денежномъ хозяйствѣ. Этимъ самымъ мы дали доказательство и того, что Угры и Хорватія не способны поддержать благобыта въ Босніи и Герцеговинѣ и рѣшить тѣхъ вопросовъ, которые служатъ причиною упадка Босніи и Герцеговины. Угры и Хорватія должны бы были сначала у себя дома устранить аграрное несчастіе и уже потомъ могли бы разсчитывать на то, что и опекаемый ими будетъ съ довѣріемъ ожидать отъ нихъ своего оздоровленія. Въ силу нынѣшняго своего состоянія Угры и Хорватія, эти главные дѣятели оккупаціи, не могутъ иначе дѣйствовать, какъ только вести въ Босніи и Герцеговинѣ эксплуатаціонную политику. Дѣйствительно, всѣ хозяйственныя новости, заведенныя оккупаціею, суть средства и обнаруженіе этой именно политики, которая на Боснію и Герцеговину смотритъ точно также, какъ напр. Англія и Нѣмеччина смотрятъ на свои заморскія колоніи.

Мы, чехи, и съ нами всѣ народы этой половины государства, привыкли смотрѣть на Угровъ, только какъ на родину счастливыхъ политиковъ. Съ завистью мы смотримъ на то, какъ наши портнёры выигрываютъ. Политическая игра съ уграми столь сильно поглощаетъ все наше вниманіе, что мы вовсе не обращаемъ вниманія на ихъ собственное хозяйство. Мы думаемъ, что если столько золота перешло изъ нашихъ кармановъ въ ихъ карманы, то у нихъ каждый въ отдѣльности долженъ быть чрезмѣрно богатымъ, а все то, что дѣлали и дѣлаютъ мадьяры, намъ кажется достойнымъ подражанія. А между тѣмъ и въ славныхъ мадьярскихъ успѣхахъ есть много такого, чему не только не нужно подражать, но должно остерегаться. Изученіе угорскихъ отношеній со времени ихъ договора съ Австріею составляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ задачъ нашихъ политиковъ и публицистовъ.

Докт. Степанъ Бернатъ въ 1896 г. издалъ въ Берлинѣ сочиненіе «Das verpfändete Ungarn», въ которомъ доказываетъ, что на угорской землѣ уже нынѣ столько долговъ, сколько вся эта земля скоро не принесетъ чистаго катастральнаго дохода. Въ 1893 г. одного оффиціальнаго долгу (значущагося въ книгахъ) на угорскихъ недвижимыхъ имуществахъ состояло 639 милл. зл. Заимодавцами этой суммы состоятъ 17 угорскихъ банковъ, давшихъ кредитъ на гипотеку. Но кромѣ того гипотечными заимодавцами состоятъ еще многіе меньшіе

банки домашніе и большіе вѣнскіе банки. Можно смѣло сказать, что долгъ на угорской землѣ, значущійся въ книгахъ, составляетъ миліардъ. Одни проценты съ этой суммы составляютъ ежегодно 40 мил. зл.; 32 мил. составляетъ сумма поземельной дани; 18 милл.—общественныя подати. Все это составляетъ въ общей суммѣ 90 милл. задолженной земли, катастральный доходъ который ежегодно составляетъ сумму 130—150 милл. Еще въ 1883 г. гипотечные долги на угорской землѣ составляли только 217 милл. зл., а послѣ слѣдующихъ 10 лѣтъ они утроились.

Яша Томичъ въ своемъ хозяйственно-политическомъ сочиненіи «Паметно Назаренство» характеризуетъ хозяйственную гибель Угоръ со времени договора съ Австріею такимъ образомъ: Въ 1868 г. угорское государство имѣло годичнаго расхода 130 милл. зл. Въ 1896 г. суммы этой уже не хватало на уплату процентовъ государственнаго долга, на что нужно было употребить 146 мил. зл. Общій расходъ угорскаго государства въ 1896 г. равнялся 501 мил. зл. Съ 1897 г. расходъ возвысился почти въ четыре раза. Но что далеко не возросла съ этимъ работоспособность обывательства — нѣтъ нужды и доказывать этого. Такъ какъ государственный расходъ постепенно возросъ до такой ужасной суммы, то государство временно избавлялось отъ бѣды продажею нѣсколькихъ сотъ тысячъ государственныхъ помѣстій; но вмѣстѣ съ этимъ, при уменьшенной доходности государства съ земель, долгъ его возросъ болѣе, чѣмъ на два миллiарда зл. Какого же прогресса достигло угорское государство столь огромною жертвою? Перепись народонаселенія въ 1890 г. показала намъ страшную картину. Нынѣ въ Уграхъ живетъ 6,300,000 людей, способныхъ работать. Изъ этого числа 3,077,000 состоятъ поденщиками, 32,000 слугами и служанками, 9000 безъ постояннаго занятія. Словамъ, въ Уграхъ, земледѣльческой странѣ, почти каждый второй человѣкъ—бобыль (безземельный), «себръ», не имѣющій ничего своего. Но кто думаетъ, что только половина угорскаго обывательства обнищала, мыслитъ еще оптимистически. Упадокъ Угоръ болѣе страшный, потому что если многіе имѣютъ еще стрѣху надъ головою, то и она принадлежитъ заимодавцу.

Несчастіе гонитъ изъ Угоръ ежегодно около 20,000 людей, берущихъ въ руки посохъ переселенца. Прежде это теченіе стремилось только въ Америку; со времени же оккупаціи оно обратилось также и въ Боснію съ Герцеговиною—въ эти австро-венгерскія колоніи. Также сюда стремится и народъ цислейтанскій — въ особенности галицкіе поляки и нѣмцы. Всѣмъ колонистамъ аккупація обѣщаетъ и даетъ выгоды въ ущербъ домородцамъ. Да, въ первыхъ годахъ своего управленія оккупація выписывала нѣмца даже изъ его государства и вила ему теплыя гнѣзда подъ предлогомъ, будто заботится о томъ, чтобы за-

бытому боснійскому народу былъ поставленъ предъ глазами добрый примѣръ культурнаго земледѣлія.

Все это дѣлаетъ еще болѣе понятнымъ, почему съ оккупаціею въ Босніи и Герцеговинѣ наступилъ аграрный кризисъ,— даже доказываетъ, что онъ необходимо долженъ былъ наступить. Безъ кризиса дѣло обошлось бы лишь въ томъ случаѣ, если бы Австро-Венгрія вовремя узнала и оцѣнила самобытныя особенности босно-герцеговинскаго обывательства и еслибы оккупація велась съ убѣжденіемъ въ томъ, что оккупачное дѣло можетъ быть твердо поставлено единственно только на самостоятельности оккупываемаго обывательства, что только при этомъ условіи и можно сдѣлать обывательство счастливымъ и возвысить его культуру и благобытъ. Этого приблизительно ожидала та часть обывательства, которая не противилась оккупаціи. Между тѣмъ такія надежды она могла питать только при незнаніи духа старой Австріи, для которой самостоятельность и самобытность ея народовъ всегда были терномъ въ глазу, которая свое историческое призваніе всегда находила въ сглаживаніи и уничтоженіи самобытности своихъ народовъ.

Хорошій политикъ, или какъ говорятъ здѣсь: «модерный» политикъ, непремѣнно долженъ быть народнымъ. Не для того только, чтобы онъ всѣмъ своимъ талантомъ, опытностью и энергіей работамъ для блага народа. Такую цѣль всегда имѣли также и другіе политики ранѣе его; но всеже не заслуживали имени ни модерныхъ, ни народныхъ. Это названіе принадлежитъ только тѣмъ личностямъ, которые ведутъ, учатъ народъ, указываютъ и пролагаютъ ему дорогу такъ, чтобы самъ народъ всѣ свои силы развивалъ изъ себя, зналъ себя и свои цѣли, и работалъ для собственнаго своего матеріальнаго и духовнаго усовершенствованія и обогащенія. Старинные политики о томъ не старались. Они знали только свои цѣли, или тѣ цѣли, которые имъ назначали другія, высшія лица. Иногда они знали только цѣли историческія, къ которымъ традиціонально стремились какъ къ своему родному кладбищу; но имъ не приходило и въ голову стараться о цѣли народовъ и быть соработниками народовъ; они были только соработниками государей и ихъ правительствъ. Самобытныя особенности народовъ для старинныхъ политиковъ были терномъ въ глазу. Не мыслимо было развивать ихъ и на нихъ строить своихъ идеаловъ и плановъ! Они ненавидѣли и добрыя особенности народовъ за то, что онѣ не давались добровольно слѣдовать по шаблону. За старинными политиками народы должны были слѣпо слѣдовать, какъ стадо овецъ и это, по ихъ понятію, было еще довольно свободнымъ полемъ для народовъ. Они хотѣли бы искать въ народахъ глину, которая бы поддавалась каждому прикосновенію ихъ благороднаго пальца. Бѣда была въ томъ, что эти политики—манекены, выдѣланные и прожженные въ огнѣ педантическихъ школъ и отшлифованные по испытан-

нымъ шаблонамъ, годились только въ общество бездушной бюрократіи, но вовсе не въ ряды передовыхъ дѣятелей въ жизни народной. Народъ, надѣленный Богомъ индивидуальными особенностями, въ міровой исторіи имѣетъ свою собственную дорогу, такъ точно, какъ и каждому тѣлу небесному указана собственная его дорога. Какъ мелоченъ и смѣшенъ политикъ—бюрократъ, гордый своею школою, ловкостью и полномочіемъ, обращающій все свое знаніе, ловкость и силу только къ тому, чтобы ввѣренный его руководству народъ сдвинуть съ пути, указаннаго ему Провидѣніемъ! Такой политикъ не получитъ для этого не только оружія, но и простого рычага. Всѣмъ своимъ искусствомъ онъ можетъ только собрать надъ собою облако дыму, которое заслонитъ предъ нимъ вѣчно-непреложныя теченія небеснаго тѣла, закроетъ предъ нимъ мастерскую народной самодѣятельности и сдѣлаетъ ее на вѣки непостижимою для него тайною. Народными политиками не могутъ быть чужеземцы, потому что только доморoccы могутъ основательно знать цѣлую индивидуалистику народа, всѣ его особенности, способности, наклонности, пристрастія, а также слабости и недостатки его характера, злыя навыки и удобо-уязвимыя мѣста. При своей работѣ народный политикъ поведетъ свое дѣло точно также, какъ земледѣлецъ, который свой поземокъ, назначенный имъ подъ полевой посѣвъ, первоначально расчищаетъ, удобряетъ, орётъ, двоитъ и т. д. и только послѣ этихъ предварительныхъ работъ засѣваетъ. Если земледѣлецъ знаетъ, что доброе сѣмя должно бросать въ добрую и почву, то тѣмъ болѣе добрый политикъ долженъ помнитъ о своей обязанности облагородить свой народъ, ослабить недобрыя его особенности, содѣйствовать развитію добрыхъ сторонъ, снабдить его добрыми предпріятіями, облагородить его характеръ, указать цѣль для его энергіи! Если онъ сдѣлалъ это, то можетъ снять оковы съ самодѣятельности народа (предоставить народъ своей самодѣятельности) и быть увѣреннымъ въ томъ, что плоды его будутъ благотворными. *Все изъ-народа, съ народомъ и для народа; ничего безъ народа, не изъ народа и противъ народа!*

Народный политикъ въ томъ случаѣ, если работа ему указана среди не своего собственнаго народа, прежде всего обратитъ все свое стараніе на изученіе этого чужого народа, чтобы оказаться хотя бы только предшественникомъ народнаго политика, хотя бы суррогатомъ его. Удивительно, что Австро-Венгрія, будучи ареною общественнаго хозяйства нѣсколькихъ народовъ, не дала изъ своей среды такихъ модерныхъ политиковъ, даже для успѣха и той народности, о которой въ обѣихъ своихъ половинахъ имѣетъ особенную заботу и которой даетъ надвладу (гегемонію)! Народныхъ политиковъ въ указанномъ смыслѣ слова не имѣютъ ни австрійскіе нѣмцы, ни мадьяры при всемъ своемъ чрезмѣрномъ шовинизмѣ. Не имѣютъ ихъ потому, что въ Австро-Венгріи нѣтъ ни нѣмецкаго, ни угорскаго политика такого, который бы побуждалъ свой народъ развивать свою силу са-

мому изъ себя и безъ ущерба для сосѣдей. Къ несчастію, они именно изъ этого ущерба для другихъ народностей, изъ чужого тука, пота и богатства и хотятъ строить благобытъ своихъ только народностей; другихъ же австро-венгерскихъ народностей они хотятъ поработить, господствовать надъ ними, хотятъ стать наставниками и паразитами и въ этомъ указываютъ своимъ народностямъ идеалъ ихъ политической силы и хозяйственнаго благобыта.

Нѣкоторые защитники основъ славянской самобытности зашли до такой крайности, что представляютъ себѣ, будто славянскій народъ долженъ весь запасъ знанія пріобрѣтать самостоятельно, всю культуру выработать самъ для себя; а пока онъ не выработаетъ ея, лучше оставаться ему въ состояніи невѣжества и некультурности, нежели воспринять что-либо чужое. Нашъ читатель, конечно, ничего подобнаго не держитъ въ своихъ мысляхъ, а также не заподозритъ и насъ въ томъ, яко-бы мы желали въ пользу какой-либо узкой самобытности пожертвовать драгоцѣннымъ достояніемъ всеобщей культуры, разцвѣтомъ всѣнароднаго духа. Это было бы грубымъ недоразумѣніемъ. Самобытность не составляетъ первобытной культурной ступени народа и тотъ, кто желаетъ блага тому народу, у котораго не отнята самобытность, и самъ онъ не бросаетъ ея, но хочетъ заботливо охранять и развивать ее, тотъ не станетъ рекомендовать народу возвратиться къ своему первобытному состоянію, но будетъ стараться только о томъ, чтобы народъ уважалъ свои культурныя силы и способности, изучалъ и укрѣплялъ ихъ и чрезъ то пріобрѣлъ бы способность вложить и свой собственный цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной культуры, но *непремѣнно на свое собственное имя*. Только инферіорный народъ, или осужденный на вѣчную инферіориту, можетъ спокойно и съ благодарностью принимать на себя задачу поденщика и наемника при строеніи величественнаго храма человѣческаго духа. Но каждый народъ, чувствующій въ себѣ призваніе въ этомъ общемъ храмѣ человѣчества поставить и собственный свой алтарь, собственную «задужбину» [1], не долженъ въ своей груди погасить творческой искры, напротивъ долженъ раздуть ее въ полный пламень самосознательнаго творчества.

Самобытность должна проявиться не въ особенномъ какомъ-то знаніи, потому что основное знаніе для всѣхъ одно и тоже. Но всеже самобытность выгораживаетъ свое право пользоваться всеобщемъ знаніемъ для своихъ собственныхъ цѣлей и нуждъ, только *своимъ собственнымъ способомъ*. Далѣе, она выгораживаетъ себѣ право имѣть и защищать *свои собственныя взгляды и сужденія* о всѣхъ людскихъ дѣлахъ,

---

[1]) Задужбина—пріютъ, какъ учрежденіе просвѣтительное и благотворительное вмѣстѣ.

такъ что сама установляетъ свое отношеніе къ людямъ и къ Богу и свои воззрѣнія проводитъ въ жизнь на своей землѣ, у себя дома.

Славяне отличаются отъ другихъ европейскихъ народовъ самобытною силою. Она не умерла, и у тѣхъ славянскихъ народностей. которыя очень долго были предоставлены чуждымъ, неблагопріятнымъ для ихъ самобытнаго развитія, вліяніямъ народовъ, часто болѣе сильныхъ и одержавшихъ надъ ними побѣду. Силу славянской самобытности составляетъ то, чтò дѣлаетъ западныхъ славянъ автономными и федеративными въ политикѣ; и эта черта осталась бы за ними и въ томъ случаѣ, еслибы у нихъ былъ отнятъ и материнскій языкъ. Силу славянской самобытности составляетъ то, чтò дѣлаетъ западныхъ славянъ упругими въ долгомъ, вѣчномъ, иногда утомляющемъ ихъ, но всеже не перестающемъ, бою за народный языкъ, который для народной самобытности имѣетъ двоякое значеніе: онъ есть одинъ изъ главныхъ корней ихъ силы и выраженіе ея. Тысячелѣтіе крестовыхъ походовъ, пылавшихъ костровъ и инквиторскихъ мукъ не могло искоренить у западныхъ славянъ той стороны самобытной силы, которая стремится выразить свою народную особенность (индивидуалиту) также и церковными формами; или по крайней мѣрѣ она сохранила любовь къ нимъ.

Въ тяжелыхъ битвахъ западнаго славянства больше всего проявился его общественный смыслъ. Это служитъ доказательствомъ того, что феодализмъ былъ однимъ изъ погромовъ, постигшихъ западное славянство, наиболѣе глубоко врѣзавшимся въ его организмъ. Общественный смыслъ западнаго славянства въ наше время не выработалъ ничего индивидуальнаго, не имѣетъ никакого собственнаго стремленія обособится, отличаться отъ западнаго шаблона. Общественная работа западнаго славянства въ наше время выступаетъ въ качествѣ рѣшительнаго, а временами и фанатическаго, оппора народной самобытности. Въ наше время эта работа болѣе всего злоупотребляетъ материнскимъ языкомъ остальнаго народа, когда возвѣщаетъ (провозглашаетъ) и внѣдряетъ ему идеи, возникнувшія индѣ и заискиваетъ его согласія на такія реформы въ общественной жизни, планы которыхъ зародились въ чужихъ головахъ и цѣлію своею имѣютъ удовлетвореніе нуждамъ, гдѣ-то и когда-то сильно ощущавшимся. Всѣ западнославянскіе народы стоятъ за-одно въ томъ, что соціальнодемократическое движеніе, занесенное съ запада въ ихъ родныя земли и принятое ими къ себѣ безъ всякаго измѣненія, по отношенію къ нимъ имѣетъ *противународный характеръ*, а потому и отпоръ противъ него дѣлаютъ не одни горожане. Каждый народникъ *долженъ быть противникомъ этого соціальнодемократическаго движенія*, потому онъ не можетъ не замѣчать того, что оно направляется къ ниспроверженію и послѣднихъ остатковъ самобытнаго общественнаго смысла западныхъ славянъ и къ полнѣйшему подчи-

ненію славянъ западнымъ общественнымъ порядкамъ, что служило цѣлію и феодализма. Одинаковая цѣль и одинаковое дѣйствіе дѣлаютъ соціально-демократическое движеніе столь же вреднымъ врагомъ славянской самобытности, — при всемъ врожденномъ демократическомъ характерѣ славянства, — какъ нѣкогда былъ феодализмъ. Оно не сдѣлаетъ славянъ болѣе народными даже и въ томъ случаѣ, если истолкователемъ своихъ противонародныхъ антиславянскихъ идей оно возметъ народные славянскіе языки.

Политическое воспитаніе западноевропейскихъ славянскихъ народовъ и программы их̀ъ народныхъ политиковъ въ этомъ отношеніи должны быть значительно дополнеными. Къ несчастію и у насъ — чеховъ нѣтъ въ этой области не только образованія, но и самыхъ основныхъ свѣдѣній, даже и простого пониманія. Мужи изъ нашей среды, которымъ думается, что ихъ политическая дѣятельность можетъ быть постоянно успѣшною и безъ ясной соціальной программы, служатъ чужимъ соціальнымъ идеямъ и, намѣренно или же ненамѣренно, приходятъ въ неизбѣжныя конфликты съ общественнымъ теченіемъ народной жизни, разливающимся въ ширину, но съ большимъ ущербомъ для себя, потому что это народное теченіе не находитъ у себя сосредоточеннаго (сконцентрированнаго), глубокаго и опредѣленно-установившагося направленія русла народно-соціальной программы. То, что называется у насъ народнымъ соціализмомъ — это: до сихъ поръ — напрасное предчувствіе правды. Чешскаго народнаго соціализма нельзя создать тѣмъ простымъ способомъ, какъ воспринятіемъ безъ всякаго измѣненія идеи и стремленія западного соціальнаго демократизма, да взять въ програму сбереженіе (охраненіе) своего народнаго языка и, можетъ быть, еще что-нибудь изъ программы народныхъ партій. Противународное дѣйствіе соціальнаго демократизма, какъ скоро онъ вступаетъ на славянскую почву, заключается въ самой его сущности, создавшейся въ духѣ, чуждомъ для славянъ, а во все не въ какомъ-либо програмномъ стремленіи не дозволять развитія тому или другому народному языку. Соціалъ-демократы заботятся только о томъ, чтобы въ этихъ бояхъ не пропала ихъ главная цѣль и не сплелась бы съ какою-ли другою цѣлью, совершенно неважною въ ихъ глазахъ. Но они безъ всякаго ущерба для своихъ стремленій могутъ приложить старанія и о народномъ языкѣ, какъ это сдѣлали нѣмецкіе соціалъ-демократы въ октябрѣ 1900 г. на съѣздѣ въ Могучѣ, гдѣ поручили своимъ посланникамъ въ нѣмецкомъ государственномъ парламентѣ оказать противодѣйствіе правительству въ его ревности, съ какою оно онѣмечиваетъ поляковъ въ Познани. Безъ малѣйшаго ущерба для своей программы соціалъ-демократы изъ одного такта, могутъ встать на сторону также и противъ равноправности чешскаго языка, и въ этомъ случаѣ такъ

называемые народные чешскіе соціалисты должны бы были исчезнуть съ лица земли, потому что провалилась бы подъ ихъ ногами почва. Та часть ихъ, которая желаетъ практической соціальной реформы, примкнула бы тогда къ соціалъ-демократіи, а теоретики возвратились бы подъ знамена народныхъ партій.

Тѣмъ не менѣе нужно отдать справедливость вождямъ нашихъ народныхъ соціалистовъ за то, что въ ихъ головахъ сверкала здравая мысль и что они совершенно справедливо указали на то, что̀ должно стать самою энергичною и усердною чешскою народною работою, работою чрезмѣрно тяжелою, потому что она завела своихъ работниковъ глухую, забытую пустыню, гдѣ видны только пни и корни могущественныхъ деревъ, которые были здѣсь нѣкогда и оставили по себѣ только слѣды, подъ которыми работникъ (воздѣлыватель почвы) встанетъ въ раздумьи, не будучи въ состояніи рѣшить: устранить-ли нужно остатки уничтоженной культуры и завести новую, или же нужно возстановить изъ этихъ остатковъ старую культуру и воскресить ее.

Вѣрно и честно мыслящій и чувствующій политикъ не можетъ иначе поступить, какъ только обновить старую культуру на чешской почвѣ и приспособить ее къ нуждамъ времени и современному развитію европейскаго народа. То, что лежитъ въ этомъ стремленіи, составляетъ не реакцію, но лишь убѣжденіе въ томъ, что народъ, только стоя на своей природной почвѣ, можетъ развить свои культурные дары въ полномъ разцвѣтѣ, который послужитъ къ славѣ народа, такъ что и чужіе глаза считали бы утѣшеніемъ для себя остановиться на этой почвѣ.

Но возможно-ли предпринять такую работу съ надеждою на успѣхъ? Дѣйствительно-ли ясна и реальна цѣль ея? Не сонъ-ли это и не напрасно-ли каждое усиліе, обращенное къ этому національному воскресенію чешскаго народа. Не короче-ли будетъ: просто удовлетвориться тѣмъ, что дастъ настоящее, усвоить это, приблизить къ себѣ задачу, облегчить работу и такимъ способомъ, какъ-бы однимъ скачкомъ очутиться у цѣли? Не было-ли бы самымъ цѣлесообразнымъ сразу совлечь съ себя всю тысячелѣтнюю вѣтошку, которою мы отличаемся отъ другихъ народовъ запада, которую считаемъ образцомъ, и не одѣться-ли намъ (чехамъ) по новой модѣ и вступить въ общество такимъ же народомъ, какъ и каждый изъ западно-европейскихъ народовъ? Отвѣтъ на всѣ эти недоумѣнные вопросы мы получимъ изъ разрѣшенія вопроса о томъ, какъ относятся къ нашему народному быту нѣмцы, наши самые близкіе образцы западнаго покроя? Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ одинъ: *крайне враждебно!* Каждое движеніе, каждое слово ихъ есть сознательное, или безсознательное проявленіе того, что между ними и нами лежитъ непро-

ходимая бездна, пропасть. Они брезгуютъ нами, гонятъ насъ, чтобъ мы не только не отождествлялись съ ними, но даже и не ставили бы себя въ одинъ рядъ съ ними. Въ томъ, какъ нѣмцы нынѣ держатся по отношенію къ намъ,—а за малыми исключеніями и всегда точно такъ же относитесь къ намъ,—мы не должны усматривать только одну временную политическую агитацію. То обстоятельство, что въ возникшемъ вопросѣ противъ насъ среди нѣмцевъ утихаютъ всѣ партійные ихъ споры, и что уже у нихъ нѣтъ розни между самыми лютыми и непримиримыми врагами — между либералами и консерваторами, между протестантами и католиками, между антисемистами и семитами, когда дѣло идетъ о враждебномъ дѣйствіи противъ насъ, есть уже показываніе палки даже и наименѣе понятливому изъ насъ, наиболѣе благодарному за ихъ презрѣніе и удары, и наиболѣе забредшему въ ихъ культурную сферу. А потому намъ уже ничего другого не остается, какъ устроиться самостоятельно, безъ всякаго вниманія къ нимъ, по собственному своему разумѣнію и вкусу, найти себѣ собственныя цѣли и идеалы и идти къ идеаламъ своими собственными дорогами, на которыхъ уже мы не встрѣтимся болѣе съ нѣмцами.

Нѣмцы очень хорошо понимаютъ то, что мы—сучокъ, зараженный въ ихъ тѣло. Это чувство—приговоръ ихъ относится и къ тѣмъ лицамъ изъ среды чешскаго народа, которые стали идолопоклонниками западной культуры, а въ нѣмецкомъ народѣ видятъ великаго князя этой культуры. До самой своей смерти, хотя бы и очень далекой, нѣмцы не могутъ успокоиться нами, до самой своей смерти каждое столкновеніе ихъ съ нами, каждое помышленіе о насъ будетъ напоминать имъ о томъ, что мы представляемъ собою нѣчто особенное въ сравненіи съ ними, что мы имѣемъ свою особенность. Эти чувства будутъ имъ тѣмъ непереноснѣе, чѣмъ упорнѣе они будутъ твердить о насъ, будто лично своего мы уже ничего не представляемъ собою и не имѣемъ, что они выпили уже славянское вино изъ нашихъ сосудовъ а то, чѣмъ мы ихъ снова наполнили, не есть чистое нѣмецкое вино, но какая-то неестественная бурда.

Если мы будемъ исполнять свою культурную работу подлѣ нѣмцевъ, но не заодно (не вмѣстѣ) съ ними и если минетъ та славянско-нѣмецкая культурная плихта (соперничество, соревнованіе), что у чешско-славянскаго народа до сихъ поръ—въ силѣ, то это очень поможетъ нашему сосѣдственному отношенію къ нѣмцамъ. Мнѣ вполнѣ понятно, что наша чисто-народная жизнь пугаетъ нѣмца настолько, что онъ лишается спокойствія. Особенно раздражаетъ его неопредѣленность нашей народной физіогноміи; непріятно ему наше колебаніе между двоякою формою европейской культуры: романо-германскою и славянскою. Пусть бы то, или другое!

А все же напрашивается вопросъ: есть-ли въ основахъ быта чехославянскаго народа, что-нибудь такого, что доказывало бы основное единство его культуры съ культурою обще-славянскою? И бывали-ли моменты такой связи въ періодѣ древнемъ и новѣйшемъ? И существуютъ-ли вообще характерные признаки особенной славянской культуры, отличной отъ культуры западной? *Разность языковъ?!* Но разность языковъ существуетъ и на западѣ, въ языкахъ западныхъ народовъ есть нѣчто разное и нѣчто родственное. И языкъ славянскій не есть совершенно чуждый для языковъ нѣмецкихъ и романскихъ по крайней мѣрѣ такъ, какъ чужды для нихъ языки мадьярскій и еврейскій. Если же мадьяры и жиды культурно соединились съ западомъ, почему бы и славянамъ творить отдѣльный культурный міръ; почему же чехи и другія западные славяне не должны примкнуть къ нему? *Между славянскимъ міромъ и западнымъ есть разница въ религіозномъ исповѣданіи?!* Но кто же забываетъ о томъ, что и на западѣ между христіанами существуютъ церковно-религіозныя разности и все же единство западной культуры нисколько не нарушается этимъ? При томъ большая часть славянства соединилась съ западомъ въ церковномъ отношеніи, а другая часть, хотя и большая, того-же христіанскаго исповѣданія и между нею и западомъ нѣтъ такой религіозной разности, какъ вообще напр. между христіанствомъ и магометанствомъ.—Но прежде всего должно исключить изъ нашего разсужденія мадьяръ и жидовъ. Жиды—паразиты западной культуры и чѣмъ больше они присасываются къ ней, чѣмъ больше съ нею на ты (за панибрата), тѣмъ они вреднѣе для нея, тѣмъ ближе для западной культуры такое состояніе, когда уже будетъ невозможно говорить о христіанской культурѣ на западѣ, потому что она будетъ разрознена и поглощена жидовскою культурою. Что же касается мадьяръ, то они, какъ народъ, принадлежатъ къ культурной сферѣ славянской; при томъ же мадьярскій народъ, какъ прежде переживалъ вмѣстѣ съ славянами всѣ кризисы, такъ вмѣстѣ съ ними переживаетъ и нынѣшній аграрный кризисъ,—объ этомъ уже было сказано. Политика правительственныхъ угорскихъ классовъ, къ коей въ позднѣйшее время примкнуло жидовство и наложило на нее свою печать, стала тоже паразитскою съ того времени, какъ преемники св. Стефана отчуждились отъ славянской культуры и взяли на себя задачу передового поста западной культуры. Эта (мадьярская) политика есть паразитъ интереса и самого мадьярскаго народа точно также, какъ и народа славянскаго; она ввергнула какъ тотъ, такъ и другой народъ, въ ужасное аграрно-соціальное состояніе, въ такое несчастіе, которой она уже не можетъ понять, потому что не имѣетъ на то мыслительныхъ способностей.

Если же мы будемъ обсуждать только славянство и западъ, то

убѣдимся въ томъ, что различіе между ними, увеличивающееся еще разностями въ языкѣ и исповѣданіи, ни въ чемъ другомъ не коренится такъ глубоко, какъ именно въ различіе соціальныхъ основъ.

Славянскіе мужи, занимающіеся среди насъ соціальными науками, по видимому, вовсе не усматриваютъ такого различія и даже отрицаютъ его. Между тѣмъ то обстоятельство, что они слишкомъ многое отрицаютъ, отрицаютъ больше, чѣмъ могъ бы ожидать отъ нихъ и тотъ, кому ихъ отрицанія служатъ—такъ сказать, водою для водяной мельницы, именно болѣе всего и доказываетъ, что они очень ясно чувствуютъ присутствіе этой разности между соціальными основами народовъ славянскихъ и народовъ романо-нѣмецкихъ, но эта чувствуемая ими разница неблагопріятна для преслѣдуемыхъ ими другихъ, кромѣ—научныхъ, цѣлей, такъ что они отдѣлываются отъ нея кроткимъ и острымъ мечомъ отрицанія. Дѣйствительно, отрицаніе—очень удобное орудіе духа; но имъ ни одна загадка ни объясняется, ни разрѣшается!

Отвергающіе эту разницу ученые выходятъ изъ суммарнаго утвержденія, будто только западная культура заслуживаетъ этого имени; славянство же яко-бы съ самого начала своего существованія было только полемъ, пріобрѣтать которое всегда служило цѣлію западной культуры. Эта школа учитъ славянъ тому, что они были некультурными варварами до тѣхъ поръ, пока не вошли въ столкновеніе съ культурою запада; западные славяне, въ особенности же мы, чехи, раньше вошли въ это столкновеніе и потому мы болѣе культурны, чѣмъ другіе славянскіе народы и призваніе наше состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь родствомъ по языку и народности съ восточными и западными славянами, мы расширяли сферу западной культуры и увеличивали число исповѣдниковъ ея. Приверженцы этой школы въ своей ревности не знаютъ границъ и не далеки уже отъ признанія за правду и того, будто первоначальною своею культурною ступенью славяне не отличались отъ кафровъ, матабеловъ и папуановъ и, подобно этимъ народамъ, служили только матерьяломъ, изъ котораго западная культура послѣ долгаго, долгаго воздѣйствія могла сдѣлать кое-что близкое къ культурѣ.

Да, западная культура всегда была такою; всегда знала и признавала только себя, а всѣми другими культурами пренебрегала, игнорировала и отрицала ихъ. А всеже только слабоумные изъ славянъ относились съ довѣріемъ къ этому ученію и считали себя такимъ культурнымъ сором, какъ втемяшивали имъ это въ головы западные цивилизаторы. Славянская культура была (и есть!) совершенно иною, чѣмъ культура западная; но все же она была! и выражалась не столько особенностями языка и религіознаго исповѣданія, сколько особенностями общественнаго строя, а также и своимъ особеннымъ, хотя бы и элементарнымъ, творческимъ общественнымъ смысломъ.

Всѣ славянскіе народы особенно рѣзко отличались отъ другихъ народовъ живымъ общественнымъ смысломъ. Но все культурное вліяніе запада на славянъ состояло и состоитъ только въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе славянъ отъ этого ихъ смысла и заглушить его. Между тѣмъ при всемъ пагубномъ вліяніи запада онъ не заглохъ совершенно даже и у тѣхъ славянъ, которые отданы этому неустанному, все болѣе ревностному, болѣе и болѣе наступательно-воинственному вліянію запада. Чѣмъ болѣе отдалены отъ этого явленія славяне, тѣмъ дальше они отъ прямой дороги, по которой идетъ впередъ это западное вліяніе, тѣмъ болѣе здравъ у нихъ этотъ свой общественный смыслъ, поэтому-то онъ и сохранился у православныхъ славянъ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ у славянъ-католиковъ и протестантовъ.

Здѣсь—рѣчь о врожденномъ смыслѣ, а не о навязанномъ и искусственно привитомъ. Проявленіями его служатъ не мелочныя и малоцѣнныя общества. (Въ Чехахъ такихъ обществъ чрезвычайно много). Элементарный общественный смыслъ проявляется прежде всего въ стремленіи сдружиться съ цѣлію взаимопомощи при работахъ. Потомъ слѣдуютъ цѣли взаимной обороны, общественнаго управленія и добраго порядка, общественныхъ работъ и хозяйственныхъ предпріятій—при томъ такъ, чтобы и плодами этого участія пользоваться тоже всѣмъ вмѣстѣ.

Основаніемъ общности, первичною клѣточкою общественнаго порядка служитъ семейство. Семейство—это прекраснѣйшая, самая прочная и святая основная форма общественной жизни. Болѣе естественной и совершеннѣйшей формы общественной организаціи никогда ни было и не будетъ. Всѣ истинные соціальные реформаторы должны были провозглашать чистоту семейныхъ связей, любовь и взаимность между членами семьи: тамъ, гдѣ нарушено семейство, нарушено и самое государство. Если бы кто-нибудь захотѣлъ сооружать твердое государство на обществѣ съ искаженною семейною жизнію, то совершенно напрасно бы трудился, точно такъ же, какъ если бы захотѣлъ поставить городъ на пескѣ или въ болотѣ.

Характерною особенностью славянъ служитъ тотъ фактъ, что для нихъ всегда были святы семейныя связи и отношенія. Особенно же характерно то, что даже наименѣе самостоятельные изъ славянъ-послѣдователей соціальныхъ ученій запада не отваживались нарушать семейныхъ связей и надругаться надъ священнымъ семейнымъ союзомъ, между тѣмъ какъ на западѣ нарушено уже и самое понятіе семейства, не говоря уже о священномъ значеніи его. Члены семейства на западѣ все чаще и чаще становятся бременемъ; нѣтъ между ними ни любви, ни уваженія; родители считаютъ своихъ дѣтей несчастіемъ, и дѣти считаютъ своихъ родителей препятствіемъ для

ихъ «самостоятельнаго развитія и для своей эволюціи». Искусственное вытравливаніе дѣтей съ тою цѣлію, чтобы въ семействѣ не прибывало ѣдоковъ, быстрыми шагами идетъ впередъ изъ Парижа на востокъ и можно уже сказать, что поле культуры 19 столѣтія отъ Атлантическаго океана до самыхъ границъ славянскаго міра покрыто трупиками дѣтей, явиться на свѣтъ которымъ не пожелали ихъ родители. Священное значеніе семейства у славянъ сохраняетъ ихъ отъ этихъ чуждыхъ и преступныхъ вліяній запада. Агенты западнаго соціализма въ славянской средѣ, конечно, чувствуютъ, что такое презрѣнное ученіе не можетъ найти у славянъ приверженцевъ, что подобная агитація производила бы на славянъ впечатлѣніе чего-то святотатственнаго и достигла бы у нихъ обратнаго дѣйствія: славянская душа воспротивилась бы этому; но воспротивилась этому и та наивная и легковѣрная душа, которая доселѣ не сомнѣвалась въ томъ, что все, приходящее съ запада, означаетъ прогрессъ. Если бы агитаторы западныхъ соціальныхъ реформъ сдѣлали нападеніе на славянское семейство, то въ мысляхъ своихъ славянскихъ послѣдователей они произвели бы сильную реакцію, которая сдѣлалась бы опасною для ихъ плановъ.

И вотъ вы видите снова различіе, снова границу между западомъ и славянскимъ востокомъ! Западъ не можетъ выработать (создать) никакого порядка, никакой мысли, которыя бы здравая славянская мысль слѣпо и безусловно приняла за свои собственные порядки и мысли.

Простой логическій выводъ изъ этого—слѣдующій: тѣ славянскія племена, которыя въ бояхъ съ непріятельскимъ западомъ болѣе всего получили ранъ, въ періодахъ своего помраченія, не имѣли достаточно силы для отпора общественнымъ порядкамъ запада и вынуждены были примириться съ ними. (А славяне, наиболѣе лишенные смысла, совершенно удовлетворились ими и живутъ по нимъ!); между тѣмъ какъ ранѣе, до упадка своей самостоятельности и самодѣятельности, они имѣли свои общеславянскія—національныя общественныя (соціальныя) формы одинаковыя или же только совершенно подобныя у каждаго отдѣльнаго славянскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ одинаковыя, или же только подобныя представленія и о добромъ общественномъ управленіи съ представленіями другихъ славянскихъ народовъ, которыхъ не постигло такое несчастіе, и у которыхъ стало быть не была отнята возможность высшаго культурнаго развитія — развитія самобытнаго общественнаго смысла. Но все-же этотъ смыслъ еще сохранился и у славянъ, потерявшихъ политическую самостоятельность.

Для соціальной науки общественный смыслъ народа долженъ быть и факторомъ и фактомъ: *факторомъ*,— какъ живая дѣятельность и творческая сила, — *фактомъ*, какъ источникъ этой силы, ключъ

которой сокрытъ глубоко въ народной бытости и насыщается особенностями не только въ мышленіи и пониманіи, но и въ чувствѣ народа. Чувства, какъ силы народной души, соціальная наука не имѣетъ права не уважать и проходить мимо него, напротивъ должна изучать его, открывать особенныя (индивидуальности) его стороны; а если дѣло идетъ о сооруженіи добраго общественнаго управленія, то она должна умѣть сдѣлать изъ него своего помощника, по крайней мѣрѣ потому, чтобы въ противномъ случаѣ оно не стало бы ея противникомъ. Если общественный смыслъ развивается безъ вниманія къ чувству народа, или даже съ намѣреннымъ презрѣніемъ его, тогда успѣхъ можетъ быть только тамъ, гдѣ общество стремится къ однимъ матеріальнымъ средствамъ и организуется только для этой цѣли, а общественныя реформы заводитъ только въ томъ, что ведетъ къ достиженію одного матеріальнаго успѣха.

Какъ скоро мы признали, что добрыя общественныя реформы нельзя привѣшивать народу, какъ привѣшиваютъ золотые орѣхи на рождественскую елку, но самое дерево народа должно быть взлелѣяно и облагорожено, такъ чтобы оно само несло плоды, — какъ скоро мы признали, что нужно обращать вниманіе на соціальное творчество народа, то этимъ самымъ мы признали уже и то, что соціализмъ,—по крайней мѣрѣ у славянъ, сохранившихъ свою собственную соціальную творческую силу болѣе или менѣе ненарушенною и нигдѣ не погасшею совершенно—не можетъ быть между—народнымъ (интернаціональнымъ), но наоборотъ долженъ быть непремѣнно народнымъ: долженъ выходить изъ глубинъ народной души и стать предметомъ наиболѣе глубокой народной работы. Но потомъ также мы должны признать и то, что и обывательство оккупованныхъ земель имѣетъ полное право хранить свою общественную организацію, такъ чтобы она не была нарушаема чуждыми ей вліяніями. Изъ этого возникаетъ новый конфликтъ между оккупаціею и оккупованными, потому что оккупація подрываетъ эти народные порядки, но при этомъ не имѣетъ способности вознаградить ихъ чѣмъ-либо другимъ, болѣе лучшимъ.

Творческая соціальная сила сербскаго народа выразилась особенно ясно въ формѣ *задруги*, которая въ Босніи и Герцеговинѣ до временъ самой оккупаціи развивалась здраво и до сихъ поръ мужественно вооружается противъ вліяній, вредныхъ для нея и народа.

Теперь нужно сказать о сербской задругѣ въ оккупованныхъ земляхъ—тѣмъ болѣе потому, что научное (можетъ быть, лучше сказать: *науковое!)* отрицаніе коснулось также и ея. Въ общемъ наука не отрицаетъ самого факта существованія задруги. Но на основаніи только того обстоятельства, что турецкое владычество сохранило сербскую задругу и не препятствовало ея развитію, на-

учное отрицаніе ограничиваетъ сербскую задругу: будто она имѣла скорѣе турецкій, чѣмъ сербскій, или славянскій характеръ. Консервативное вліяніе турецкаго господства на сербовъ обнаруживалось совершенно сходно съ тѣмъ, какъ обнаружилось—на Россіи монгольское иго. Народные порядки въ обоихъ случаяхъ оставались нетронутыми, точно также, какъ й языкъ, и религіозное исповѣданіе, и все, что составляетъ народность. Народное творчество сербовъ въ этотъ (турецкій) періодъ проявилось соціально—въ жизни задружной, а художественно—въ компонированіи прекрасныхъ лирическихъ и эпическихъ пѣсенъ, столь блестяще свидѣтельствующихъ о высокопоэтическомъ талантѣ сербскаго народа.

Янъ Пейскеръ, желая извратить значеніе задруги, указалъ на Черногорію, какъ на живую сербскую старину, какъ на сербскую землю, не подпадавшую никогда подъ турецкое владычество и почти совершенно свободную отъ турецкаго вліянія,—между тѣмъ въ Черногоріи нѣтъ задруги.

Правда, въ настоящее время ея уже нѣтъ. Послѣдняя задруга на Черной Горѣ, въ Дробняцахъ, исчезла десять лѣтъ сему назадъ. Задруга въ узкомъ значеніи этого слова выпала изъ общественнаго строя Черногоріи; но изъ этого факта нельзя сдѣлать никакого вывода господину Пейскеру. Чтобы достичь своей цѣли, г. Пейскеръ долженъ былъ бы доказать не только то, что въ Черногоріи нѣтъ задруги, но также и то, что ея никогда и не было тамъ. А этого доказать нельзя ни г. Пейскеру, ни другому кому-либо.

Если говоримъ о задругѣ, то не должны имѣть въ мысляхъ только самую узкую ея форму, задругу семейную, обычно и справедливѣе называемую кучею (домомъ), дымомъ, оджакомъ (крбомъ), каковыми словами обозначается понятіе семейной хозяйственной посполитости. Слово «задруга» можетъ имѣть также болѣе широкій смыслъ, хотя у Вука оно объяснено только какъ «Hausgenossenchaft». Подъ задругою у сербовъ разумѣется собственно великое добровольное сплоченіе съ цѣлію взаимности. (Въ послѣднее время слово «задруга» входитъ въ моду и у чеховъ и неправильно употребляется вмѣсто словъ «сполекъ» «сполечность», «сдружени». Это — уже злоупотребленіе, на которое нельзя не указать. Изъ другихъ славянскихъ языковъ заимствовать слова позволительно, но непремѣнно въ ихъ первоначальномъ значеніи. Иначе мы не обогатимъ своего языка, но наполнимъ его несообразностями!)

Семейная задруга исчезла въ Черногоріи, но задружность никогда не прекращалась: продуктомъ ея служитъ цѣлая организація Черногоріи, и какъ общества, и какъ государства Черногоріи. «Братства» и «племена» суть тоже задруги, даже и цѣлая Черногорія есть единая задруга. Въ этомъ случаѣ Черногорія нисколько не разнится отъ сербскаго государства, общественный строй котораго представлялъ

собою полную гармонію. На черногорской арфѣ лопнула только самая тонкая струна, когда семейная задруга исчезла; между тѣмъ задружный духъ доселѣ царитъ и въ узкомъ смыслѣ въ черногорскомъ семействѣ и обнаруживается въ взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семейства. Всѣ остальныя струны на инструментѣ остались цѣлыми. Какъ же можно—изъ того, что на инструментѣ недостаетъ только одной струны, утверждать, будто нѣтъ ни другихъ струнъ, и даже цѣлаго инструмента никогда не было?

При хорошемъ государственномъ строѣ всѣ общественныя организаціи находятся въ полномъ согласіи,—взаимно соотвѣтствуютъ одна другой и различаются между собою только величинами сферы, обнимаемой тою, или другою общ. организаціею. Онѣ—какъ сосуды, выточенные токаремъ изъ одного и тою же куска дерева: одинъ въ другой тѣсно вкладываются, а всѣ вмѣстѣ составляютъ чурбанчикъ, изъ котораго они сдѣланы. Сосудъ, который вмѣщаетъ всѣ остальные, есть государство, а наименьшій сосудецъ, сдѣланный изъ самой сердцевины дерева и составляющій ядро всѣхъ остальныхъ, бóльшихъ, есть семейство. Только самый внутренній сосудецъ Черногоріи разбился. Это не въ пользу для Черногоріи, не безъ ущерба для нея!

Когда именно колечко семейной задруги выпало изъ черногорскаго строя, нельзя о томъ сказать навѣрняка; но можно объяснить, какъ и почему это случилось. Черногорія почти цѣлыя два столѣтія, 16-е и 17-е, жила при внутренней анархіи. Мужи считали единственнымъ и исключительнымъ своимъ занятіемъ и ремесломъ юнацкій бой; но такъ какъ имъ недоставало организаціи, то въ концѣ концовъ они подпали бы подъ турецкую власть—не турки въ томъ были бы виноваты, но сами черногорцы. Черногорцевъ погубили бы не турки, но потурченные. Изъ опасенія насильственнаго уничтоженія со стороны потурченцевъ Черногорія постепенно организовалась въ теченіи полутора вѣковъ. Только энергичный князь Данило I въ въ 50-хъ годахъ приступилъ къ новой организаціи, въ каковомъ дѣлѣ благодарно и удачно продолжаетъ князь Никола. Но можно говорить только о продолженіи, но вовсе не объ окончаніи этого дѣла, потому что князь Никола, положеніе котораго во всѣхъ другихъ областяхъ госуд. жизни составляетъ эпоху малой Черногоріи, не выработалъ еще ясной и цѣлесообразной соціальной программы своей политики. Этого нельзя поставить ему въ вину, потому что нужда въ такой программѣ только нынѣ дала себя почувствовать.

Въ долгій періодъ безначалія каждый черногорецъ старался быть «самымъ лучшимъ» (храбрымъ) борцомъ противъ непріятелей, выдаться (отличиться) надъ братьями и отцомъ, стать знаменитымъ въ цѣломъ братствѣ и племени. Взаимность между юнаками не поддерживалась родственными связями, но развивалась случайно между единичными личностями, которыя договаривались между собою и намѣчали

какую-либо общую цѣль для своихъ юнацкихъ подвиговъ. Хозяйственной дѣятельности почти не было; но самая старая дѣятельность въ этой области,—пастырство соединяло между собою братство и племена узломъ задружнаго принципа и этотъ узелъ не ослабъ и до сего дня.

Примѣромъ задружной хозяйственной дѣятельности большаго числа участниковъ въ задругѣ внѣ—пастырской служатъ цеклинскіе рыболовы. Цеклиняне при Скадерскомъ озерѣ имѣютъ обширныя рыболовни и почерпаютъ изъ нихъ свою зажиточность. Каждая мужская душа въ Цеклинѣ до сихъ поръ, какъ и въ старину, имѣетъ одинаковую со всѣми долю участія въ рыбной ловлѣ и эта доля причитывается ей съ самого рожденія. Но также и другіе черногорскія братства и роды, напр. Томановичи, до сихъ поръ имѣютъ общіе поземки («комунице»), которые не могутъ быть раздѣлены, хотя бы того желало и цѣлое «братство».

Задружный принципъ проникалъ всю общественную жизнь сербовъ и если на Черной Горѣ не доставало условій, благопріятныхъ хозяйственному развитію ея, то задружная система сохранялась здѣсь въ другихъ общественныхъ отношеніяхъ, стоящихъ внѣ индивидуальнаго интереса участниковъ. Примѣромъ этого служатъ церкви, такъ называемыя «саборки». Саборками назывались такія церкви, которыя сооружались и содержались на средства цѣлаго братства. Онѣ были не только въ Черногоріи, а также и въ Бокѣ Которской, равно какъ и въ Грбльи и въ Кртолахъ. Саборки посвящались тому патрону, который былъ «крснымъ именемъ» братства. Въ нарочитый день въ соборкѣ сходилось цѣлое братство на «саборъ» (зборъ, соборъ). Такое же собраніе членовъ братства въ сѣверныхъ сербскихъ окраинахъ получило имя «саямъ» (снѣмъ). Въ этихъ сѣверныхъ окраинахъ, нынѣ уже католическихъ, народные зборы, или снѣмы около церкви уже не совершаются, а католическіе священники давно уже изгнали изъ обычая и прославленіе «крснаго имени». Но все же не уничтожилось самое слово, а значеніе его перенеслось у нихъ на торгъ. Православные же сербы до сихъ поръ собираются на «саборы» во всѣхъ земляхъ и даже тамъ, гдѣ «саборки» уступили уже свое мѣсто приходскимъ церквамъ, среди которыхъ первоначальная саборка заникла.

Дѣленіе «отчевины» и нынѣ—самое обычное явленіе въ Черногоріи. Сынъ, какъ скоро женится, беретъ изъ отчевины свою часть. Но при этомъ достойно примѣчаніе то обстоятельство, что «на всѣ мужскія головы», не исключая и отца, причисляется одинаковая часть, а это—конечно, ничто иное, какъ сохраненіе правового обычая еще изъ періода задружнаго. Въ понятіе задруги вовсе не входило требованіе, что бы она была непремѣнно великою. Тамъ, гдѣ было сдруженіе, было и раздѣленіе. Членъ задруги не былъ прикованъ къ ней. Строгое патріархальное наказаніе, которому могъ подлежать въ задругѣ каждый, не

имѣло ничего общаго съ прикрѣпленіемъ селянъ къ землѣ въ феодализмѣ. Членъ задруги могъ не только выступить изъ задруги, но и заложить новую задругу; даже, если бы хотѣлъ, могъ жить и незадружно, «инокошнѣ». Изъ этого слѣдуетъ, что дѣленіе составляетъ тоже функцію задружной жизни и тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о вопросѣ столь кардинальномъ, какъ поставилъ дѣло господ. Пейскеръ, о вопросѣ: составляетъ-ли задруга самобытное общественное сербское учрежденіе и была-ли она на Черной горѣ, это дѣленіе задруги непремѣнно нужно принимать въ соображеніе.

Задружнымъ объединеніемъ съ цѣлію общественнаго пропитанія сербское населеніе достигало большей силы хозяйственной, большаго заработка и большаго благобыта. Народъ иначе и не представлялъ возникновенія своего благобыта, имъ только въ задружной работѣ. Это народное воззрѣніе выражается и въ слѣдующихъ народныхъ пословицахъ: «Задруга медъ носитъ», «Инокоштина-неймаштина» (кто отдѣлится отъ задруги, привлечетъ къ себѣ бѣдность), «Задруга кучу держитъ» и т. п. Совершенно въ смыслѣ этихъ пословицъ черногорцы считаютъ и нынѣшнюю свою бѣдность послѣдствіемъ нарушенія задруги и пеняютъ на Балтазара Богишича за то, что онъ ни своимъ «Имовинскимъ законникомъ», ни своимъ многолѣтнимъ служеніемъ на посту черногорскаго министра юстиціи не постарался объ обновленіи старой задруги. Раздѣленіе семьи на Черной Горѣ возросло до безконечности. Молодые сильные и предпріимчивые сыновья не считаютъ эти раздѣлы пагубными для себя. Если не имѣютъ средствъ къ жизни въ Черногоріи, то могутъ идти на чужбину. Но горе людямъ старымъ, лишившимся жизненной энергіи; они несчастнѣе нищихъ, потому что бѣдны, какъ нищіе, но черногорская гордость не позволяетъ имъ просить подачекъ (милостыни). Эти обстоятельства объясняютъ ту печаль о задругѣ, которая выражается въ словахъ слѣпого Ареса черногорскаго, Пека Павловича, приведенныхъ мною въ книгѣ «Na Černou Horu a Černa Hora koncem věku» [1]).

---

[1]) Мы приводимъ это мѣсто (стр. 198).

Сообщивъ о томъ, гдѣ и какъ нынѣ поживаетъ черногорскій герой, геній партизанской войны противъ турокъ, Пеко Павловичъ, авторъ передаетъ недавній свой разговоръ съ нимъ при свиданіи въ Цетиньи.

„Разговаривали о томъ, о семъ. Пеко имѣетъ совершенно правильное понятіе о нашемъ чешскомъ народномъ боѣ. Онъ разспрашивалъ меня о подробностяхъ и вдругъ, какъ-то неожиданно, спросилъ меня:

„А скажи мнѣ, господине, раздѣлены, или не раздѣлены чешскія общины?“

Догадываюсь, что Пеко Павловичъ долго рамышлялъ объ этомъ вопросѣ, но кругомъ себя не находилъ такого человѣка, кто бы повѣдалъ ему о томъ такъ, чтобъ онъ могъ повѣрить. Спрашиваетъ меня о томъ, чего въ Чехахъ уже 700 лѣтъ нѣтъ и слѣда: живемъ-ли мы еще въ задругѣ, или же раздѣльно.

Взаимность есть соціальная нравственность. Несчастіе развращаетъ соціально и есть врагъ взаимности. Цѣль задруги—охраняться отъ несчастія; но тамъ, гдѣ несчастію уже удалось подрыть нравственныя корни взаимности, тамъ и люди стали уже пользоваться задругою для эгоистическихъ цѣлей. Поэтому вполнѣ справедливо Грдичъ Бѣлокосичъ несчастіе, наставшее въ Босніи и Герцеговинѣ послѣ 1876 г., считаетъ главною причиною паденія задругъ. Въ несчастіи, говоритъ онъ, люди начинаютъ ненавидѣть другъ друга и, обращаясь другъ къ другу спиною, расходятся.

Господинъ Пейскеръ особенно забавляется тѣмъ фактомъ, что въ Сербіи дотурецкаго періода, какъ очевидно изъ сочиненія Стояна Новаковича «Село», не было большихъ задругъ. Большія задруги были только въ турецкій періодъ и слѣдовательно, думаетъ Пейскеръ, принципъ задругъ — турецкій, но вовсе не старосербскій и не старославянскій.

Но дѣло не въ томъ, велика или мала (многочисленна, или малочисленна) задруга. Привлеченіе въ задругу большаго числа членовъ вовсе не составляло цѣли задруги. Собственною цѣлію ея служитъ общественный благобытъ и организованная работа. Если цѣль задруги была узкою, то не было ни возможности, ни нужды задругѣ быть многочисленною. Болѣе численныя задруги были при пастырскомъ хозяйствѣ, а менѣе численныя при хозяйствѣ земледѣльческомъ. Если во время Душана не было большихъ задругъ, то это служитъ доказательствомъ того, что земледѣліе при немъ получило преобладаніе предъ пастырствомъ. Если же въ турецкое время задруги снова стали большими, то это значило только то, что населеніе снова возвратилось къ пастырству, и это превращеніе земледѣльцевъ въ пастырей явилось не только въ силу задружнаго смысла обывательства, но вызывалось также и потребностями обороны, служившей второю цѣлью задругъ. Повторяемъ: *первою цѣлью задругъ было добываніе благобыта общественными работами, а второю цѣлью ея служила военная охрана результатовъ своей работы и работающихъ особъ.*

Турецкое господство не только не помогало экспансивному пас-

— Раздѣльно, воевода!

„Это—не добро, господине. Нераздѣльная община представляетъ собою самую лучшую охрану языка, религіознаго исповѣданія и нравственности. Какъ скоро община раздѣлится — все въ ней упадаетъ и рушится. Кое-гдѣ отдѣльный человѣкъ разбогатѣетъ. Но онъ богатѣетъ, а община бѣднѣетъ. Боюсь за васъ, потому что вы допустили большую ошибку— не дай Боже! Только не раздѣлять общины! Я кладу это на сердце каждому черногорцу и каждому сербу. Заслуживаетъ похвалы то, что одинъ народъ учится отъ другихъ народовъ. Но онъ не долженъ быть слѣпымъ: нужно обсуждать то, что добраго у него дома и что добраго у чужихъ народовъ; только одному доброму и полезному нужно учиться у другихъ народовъ“.

тырскому хозяйству, но напротивъ затрудняло его. Въ турецкое время—въ періодъ добрыхъ воиновъ и самыхъ дурныхъ администраторовъ—развивалось кулачное право. Противъ сильныхъ и спупныхъ хозяевъ вставала тогда также многочисленная, объединенная сельская задруга. Буйные, своевольные помѣщики желали свою помѣщичью волю и своеволіе сдѣлать закономъ для селянъ. Селянинъ же ограждался противъ нихъ своею челядью, стоявшею кругомъ него въ образцово-огранизованномъ строѣ, какъ войско. Пока не ослабѣвалъ задружный принципъ, насиліе помѣщичье не было страшнымъ сельскому населенію. За насиліе отвѣчали также насиліемъ. Сегодня витяземъ былъ одинъ, завтра другой, и юнацкая пѣсня прославляла витязей. Въ народныхъ пѣсняхъ, воспѣвавшихъ эти аграрные бои, всюду встрѣчаемся съ свѣжимъ, здоровымъ звукомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что сила, мощь наполняла грудь не только помѣщика, но также и селянъ, не только магометанъ, но и христіанъ. Только съ конца 17 столѣтія находимъ перемѣну къ худшему: магометанскія раны стали болѣе жестокими, а подверженные имъ христіане безнадежно зарыдали.

Приводимая здѣсь народная пѣсня характеризуетъ намъ то, какъ задружный старѣйшина, имѣющій у себя много челяди, привѣтствуетъ пашу, пришедшаго къ нему за десятиною:

— Старый Яно Новобрдянинъ!
Говорятъ, ты много челяди имѣешь?
„Да, паша, имѣю много. Надѣлилъ меня Господь.
Двѣсти козъ на полѣ ходитъ,
А другимъ не знаю счету“.

—

— Старый Яно Новобрдянинъ!
А скота имѣешь много-ль?
„Да, паша, имѣю много. Наградилъ меня Господь.
Сто паръ быковъ на пашню ходитъ,
А пасется сколько ихъ—самъ не знаю счету“.

—

— Старый Яно Новобрдянинъ!
А коней имѣешь много-ль?
„Да, паша, имѣю много. Надѣлилъ меня Господь.
Триста ихъ товары возятъ,
Верховымъ не знаю счету“.

—

— Старый Яно Новобрдянинъ!
Много-ль стадъ твоихъ пасется?
„Да, паша, пасется много. Надѣлилъ меня Господь.
Тысячъ пять имѣю багницъ, [1])
Яловымъ не знаю счету“.

—

[1]) Отелившихся матокъ.

— Старый Яно Новобрдянинъ!
А казны имѣешь много?
„Да, паша, имѣю много. Надѣлилъ меня Господь,
Триста мѣховъ, полныхъ злата,
Серебру-жь не знаю счету!"

—

— Старый Яно Новобрдянинъ!
Всѣ стада себѣ оставь; мнѣ-жъ, дай денегъ половину!
„Если просишь ради Бога,
Дамъ тебѣ, паша ,охотно.
А задумалъ бы взять силой,
Заблистали-бъ предъ тобою двѣсти сабель,
Триста ружей бы въ тебя палили!"

Въ другой народной пѣснѣ изъ 1804 г. дагія Мегмедъ-ага жалуется на старѣйшину Илью Бирчанина:

Онъ дома не пройдетъ и шагу пѣшимъ,
А къ намъ придетъ съ уплатой дани,
Вооружася съ головы до ногъ.
И руку правую на ятаганъ [1]) положитъ,
А лѣвою подастъ мнѣ дань,
Промолвя съ важностью:
„Привѣтствуютъ тебя селяне,
А больше дать тебѣ не могутъ!"
Беру я дань, хочу пересчитать;
Онъ мечетъ стрѣлы изъ очей:
„Мегмедъ-ага прошу не провѣрять,
Я самъ считалъ—счетъ вѣренъ!"
Не смѣю ужъ ему перечить,
Беру оброкъ, кладу подлѣ себя
И не могу дождаться, когда онъ удалится.
Да, онъ—паша; а я—напольный стражъ!

Значеніе задруги для благобыта и спокойствія селянъ было огромное. Велико значеніе ея было и въ аграрномъ и нравственномъ отношеніяхъ; но также и для народности, и для всего, что стоитъ въ связи съ нею: для нравовъ, традицій, для духа (не говоритъ уже о языкѣ и религіозномъ исповѣданіи) значеніе задруги неоцѣнимо и неизъяснимо. Задружный принципъ имѣлъ большое значеніе и въ правовыхъ отношеніяхъ при общемъ, цѣлою задругою, несеніи наказанія за преступленіе, допущенное однимъ кѣмъ-либо изъ членовъ задруги.

§ 52. Законника Душана (по изд. 1896 г.) Стоянъ Новаковичъ объясняетъ слѣд. образомъ: За обиду и великую кривду не отвѣчаетъ ни братъ за брата, ни отецъ за сына, ни родственникъ за родственника, если они живутъ отдѣльно отъ виновника въ своихъ домахъ и не участвовали въ проступкѣ; но отвѣчаетъ только домъ допустившаго проступокъ. Въ согласіи съ этимъ стоитъ и § 71, дополняющій смыслъ § 52 такъ: Сдѣлаетъ-ли злочинъ братъ, или сынъ,

---

[1]) Большой ножъ, мечъ, сабля.

или родственникъ, живущій въ одномъ домѣ, все платитъ, за все отвѣчаетъ хозяинъ дома (какъ задружный старѣйшина и управитель общаго хозяйства), или выдастъ учинившаго зло.

Изъ узаконенія Душаномъ поруки видно, что въ древности кругъ ея былъ значительно шире; но также шире было тогда понятіе и значеніе задруги. Въ старину за злочины отвѣчали и тѣ братья и родственники, которые не жили въ узкой родовой задругѣ съ злочинцемъ,—отвѣчало цѣлое братство, а можетъ быть и цѣлое племя. Въ Законникѣ Душана выступаетъ понятіе только семейной задруги. Семейная задруга вообще была менѣе численною; но это вовсе ничего не говоритъ противъ силы задружной жизни во времена Душана. Узаконеніе Душана имѣло свое основаніе въ томъ, что первоначальныя задруги слишкомъ широко разростались и становилось уже несправедливымъ привлекать къ отвѣтственности также и тѣхъ родственниковъ, которые были далеки отъ личности и мѣста злочина.

Но старый обычай сохранялся въ народѣ и послѣ установленій Душанова Законника, даже до нашего времени, въ полной силѣ. Когда гдѣ-либо въ Герцеговинѣ былъ учиненъ грабежъ или воровство, а слѣды преступленія доводили до какого-нибудь села, тогда цѣлое селеніе обязывалось найти преступника, еслибы онъ даже убѣжалъ и въ другое село. Если же село не находило преступника, то должно было общею рукою заплатить за весь убытокъ, причиненный преступникомъ пострадавшему.

Подобный же порядокъ возмездія происходилъ и при убійствѣ, когда не знали, кто-убійца. Въ этомъ случаѣ «главу платить» должно было цѣлое село, на поземкѣ котораго былъ найденъ убитый. Очень интересный случай произошелъ 30—40 лѣтъ сему назадъ въ Герцеговинѣ. На поземкѣ села Вранѣвичовъ, вблизи поземка села Кокорины, былъ найденъ убитый человѣкъ и село Вранѣвичи должно было «платить кровь». Но Вранѣвичи отреклись отъ этого поземка и перенесли межу своего владѣнія на близь текущей потокъ. Кокориняне, сообразивъ, что вслѣдствіе этого они получатъ много мѣста для пастбища, «заплатили кровь» и съ того времени границею между Вранѣвичемъ и Кокориною составляетъ этотъ потокъ. (Сообщено господиномъ Войславомъ Шола изъ Мостара).

Доказательствомъ широкаго примѣненія задружнаго принципа служитъ также «смирени крови» когда родъ убитаго «простилъ главу» убійцѣ. Прощеніе за убійство не было только прощеніемъ лично убійцѣ, но и цѣлому его роду, который въ противномъ случаѣ долженъ былъ бы роду убитаго заплатить главу, а всѣ мужчины, включая и грудныхъ дѣтей, должны были подлежать общественному (публичному) покаянію. «Смирени крови», по свидѣтельству Новаковича, удерживалось въ Сербіи до нашего времени, въ Черногоріи до князя Данила, въ Босніи и Герцеговинѣ до оккупаціи, въ Старой Сербіи

и по нынѣ еще практикуется «порука за главу» между сербами и албанцами, принявшими сербскіе обычаи. Но по большей части и сами албанцы сербскаго происхожденія, не смотря на всѣ несчастныя послѣдствія вырожденія албанцевъ.

По домамъ, т. е. по задружнымъ домамъ, состоявшимъ часто изъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ сербскихъ домовъ, распредѣлялись какъ дани, такъ и работа; а въ Босніи и Герцеговинѣ еще десять лѣтъ сему назадъ платилась этимъ способомъ еще и «владычарина», т. е. дань въ пользу владыки, епископа.

Уже во время Душана были извѣстны случаи малыхъ раздробленныхъ задругъ, и по раздѣленіи остававшихся на старомъ, общемъ пепелищѣ (огнищѣ), подъ одною стрѣхою. § 70 Душанова Законника отдѣлившихся такимъ способомъ мужей не признаетъ домачинами, задружными старѣйшинами, а въ наказаніе за то, что «раздѣлились хлѣбомъ и имѣніемъ», опредѣляетъ имъ повинность работать наравнѣ съ иными «малыми людьми».

Этимъ узаконеніемъ Душана задруга была предохранена отъ чрезмѣрнаго дробленія, отъ раздробленія ея до безконечности. Раньше мы уже видѣли, что Законникъ опускалъ изъ вниманія отдаленнѣйшее родство и держался задруги, составлявшей меньшій кругъ (но не самый наименьшій). Изъ этого слѣдуетъ, что и слишкомъ малая (малочисленная) задруга не почиталась столпомъ общественнаго порядка; такимъ столпомъ считалась средняя задруга. А изъ этого въ свою очередь слѣдуетъ то, что на основаніи того факта, (пусть даже доказаннаго Стояномъ Новаковичемъ въ его «Селѣ»), что во время Душана большихъ задругъ не было, нельзя доказать будто задружный принципъ уже и во время Душана былъ ослабленъ.

Самъ собою напрашивается вопросъ о томъ, какой, по численности членовъ, задругѣ принадлежало названіе «великой» и какой—названіе «малой». Задругъ, имѣющихъ 100, 200 членовъ, уже и въ Босніи съ Герцеговиной нынѣ нѣтъ; но задругъ въ 60—80 членовъ и нынѣ довольно. Между тѣмъ и эти послѣднія нынѣ называются уже «великими» задругами. «Малыхъ» задругъ, въ которыхъ живутъ съ родителями вмѣстѣ ихъ желанные сыновья съ своими семействами, безчисленное множество. Не смотря на то, что оккупація всѣми средствами усиливается уничтожить всякіе союзы, служащіе основою задружной взаимности, въ Герцеговинѣ до сихъ поръ существуютъ великіе задруги на Невѣсинскѣ и Гачкѣ, хотя въ обоихъ краяхъ разлагающія усилія оккупаціи не знаютъ мѣры. Но также и въ Босніи удержались великія задруги, въ особенности же въ окольи Глазинцѣ. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ по именамъ, со словъ господина Войслава Шолы изъ Мостара. Задруга Савичовъ имѣемъ свыше 60 членовъ; а задруги Перы Пудара въ Рабинѣ на Невѣсинскѣ, Андры Байрактара Джиферовича, попа Глигора Стеровича въ Самобору, Николы

Мастиловича въ Изгорахъ (всѣ эти задруги въ Гацкѣ) имѣютъ по 30—40 членовъ.

Желающій лично познакомиться съ старою задругою, не долженъ остаться только въ томъ селѣ, гдѣ ведется земледѣльческое хозяйство, но лѣтомъ долженъ выходить и на тѣ планины, гдѣ ведется общественное пастырство. Тутъ предъ нимъ раздвинется не только картина самаго стариннаго хозяйства, но также будетъ понятно и то, какіе общественные участки, какія села и кучи въ старое время составляли одно задружное цѣлое. Вообще въ гористыхъ краяхъ, отдаленныхъ отъ городовъ, куда еще не проникъ чуждый элементъ населенія и гдѣ воспитаніе скота, особливо мелкаго, составляетъ главный источникъ жизни обывательства, старая задружная жизнь сохранилась въ истинномъ, слегка только нарушенномъ, видѣ.

Господинъ Пейскеръ говоритъ правду, утверждая, что сербская задруга не почиваетъ на коммунизмѣ; хотя, безъ сомнѣнія, сербскій патріархализмъ въ самомъ древнемъ, языческомъ, періодѣ былъ дѣйствительно коммуною,—при чемъ не только имѣніе, но и жены, были общими. Христіанство положило преграду коммунизму въ женахъ; но въ свадебныхъ народныхъ обычаяхъ до сихъ поръ находимъ признаки, которые во-очію указываютъ на такой коммунизмъ. Ни самъ юноша, ни его родители не смѣютъ сами просить руки дѣвицы. Равнымъ образомъ и родители дѣвицы (невѣсты) не смѣютъ сами дать рѣшительнаго отвѣта; если бы ихъ просили о рукѣ ихъ дочери. Этотъ вопросъ долженъ быть предложенъ цѣлому ихъ роду. Въ день свадьбы отправляютъ многочисленное посольство (проводъ) по невѣсту къ ея роду; но женихъ остается дома. Въ продолженіи цѣлой свадьбы и послѣ отведенія невѣсты въ домъ, къ которому принадлежитъ женихъ, и послѣ вѣнчанія, невѣста находится среди деверей, съ которыми и спитъ первую ночь; вторую и слѣдующія ночи она спитъ съ свояченами и золовками, сколько ихъ есть; потомъ съ матерью жениха. Въ продолженіи цѣлаго года она должна по крайней мѣрѣ явно, избѣгать своего мужа, даже предъ челедью не смѣетъ говорить съ нимъ. Всѣмъ мужчинамъ въ домѣ она должна служить: вечеромъ снимать съ нихъ обувь, а утромъ цѣловать у нихъ руку. А мужъ ея не долженъ пользоваться никакими услугами.

Какъ въ свадебныхъ сербскихъ обычаяхъ сохранились слѣды того, что въ языческій періодъ невѣсты покупались, такъ точно и приведенный обычай имѣетъ слѣды не только язычества, но и коммунизма женъ. А если коммунизмъ существовалъ въ столь щекотливой области, то несомнѣнно существовалъ онъ и въ области имущественной. На имущественный коммунизмъ, нѣкогда существовавшій у сербовъ, указываетъ слѣдующій сербскій обычай, приводимый Грдьичемъ Бѣлокошичемъ: Если какой-нибудь челединъ (мужъ - членъ

задруги) пріобрѣтетъ столько *особины* (собственнаго имѣнія, имущества), что можетъ купить поземокъ, и возьметъ *тапійю* (документъ на владѣніе) на себя, то пока тапійя находится въ задругѣ, купленный поземокъ воздѣлываетъ задруга, точно также, какъ и всю задружную землю; а самъ купившій поземокъ (прававой владѣтель ея) не имѣетъ никакого права на распоряженіе имъ. Если же онъ отдѣлится отъ задруги, тогда задруга уже лишается всякаго права на этотъ кусокъ земли. При этихъ фактахъ, ясно доказывающихъ, что сербская задруга въ незапамятныя времена не была свободною отъ коммунизма, мнѣ не кажется основательнымъ увѣреніе г. Пейскера, будто въ сербской задругѣ никогда не было коммунизма.

Г. Пейскеръ обосновываетъ это свое мнѣніе на главномъ принципѣ дѣлежа задруги—именно слѣдующемъ: «единственный сынъ одного изъ братьевъ при раздѣлѣ задруги получаетъ земли столько, сколько получать земли всѣ вмѣстѣ сыновья второго брата». Но прававыя обычаи сербскаго народа чрезвычайно разнообразны, какъ это видно изъ обширнаго матеріала, собраннаго г. Богишичемъ. Они развивались изъ разнообразнѣйшихъ потребностей народа, который въ каждомъ прававомъ случаѣ управлялъ (удовлетворялъ) свои правыя нужды такимъ образомъ, чтобы удовлетворить и своимъ нуждамъ и руководящему (принципіальному) воззрѣнію народа. Этою гибкостью и упругостью правовой жизни сербскаго народа и объясняется предпочтеніе права обычая предъ правомъ писаннымъ, которое — неподвижно, какъ чурбанъ, а правовыя отношенія измѣряетъ по линеалу.

Коммунизмъ прекратился въ сербской задругѣ вмѣстѣ съ принятіемъ народомъ христіанства. (Справки чужихъ источниковъ относительно славянъ, а среди нихъ также и о чехахъ, о томъ, что въ языческомъ періодѣ славяне жили въ многоженствѣ и что съ многоженствомъ ихъ долгое время должно было бороться и христіанство, прежде чѣмъ окончательно искоренило его, во-очію указываютъ на эту перемѣну въ задружной жизни). Практиковавшійся въ задругѣ коммунизмъ женъ не могъ остаться безъ вліяній на правовыя отношенія къ задругѣ.

Коммунизмъ имущественный въ старинной задругѣ, думаемъ, могъ проявляться только въ недѣлимости всего имущества, въ особенности же земельнаго, точно также, какъ и въ нераздѣльномъ общественномъ управленіи имъ, — при чемъ всѣ мужчины-члены задруги — имѣли одинаковое участіе, одинаковый голосъ, одинаковое право, одинаковую силу. Подъ вліяніемъ христіанства задруга организовалась такъ, что одинаковыя имущественныя доли правовыхъ участниковъ въ задругѣ обусловливались общимъ владѣніемъ землею идеально до момента дѣлежа, когда часть имѣнія выходила изъ общаго владѣнія и становилась полною собственностію отдѣлившаго отъ

задруги лица; каждый участникъ задруги имѣлъ (идеально) право на свою долю, но, пока не хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, его доля оставалась со всею остальною задружнаго землею общимъ владѣніемъ всѣхъ участниковъ задруги.

Такой порядокъ задруги, подъ дѣйствіемъ христіанства, измѣнился. Участники избирали себѣ главу и представителя, на каковыя должности каждый участникъ задруги имѣлъ одинаковое право (по аналогіи съ правомъ каждаго на одинаковую долю земли). Разрѣшался же вопросъ объ избраніи въ главы того или другого участника задруги цѣлесообразностью: не избирали главою человѣка честолюбивѣйшаго и любоначальственнѣйшаго, но избирали человѣка наиболѣе способнаго, иногда и молодого, и авторитету его всѣ безъ исключенія и прекословія подчинялись: отецъ—сыну, дѣдъ—внуку. Такую дисциплину въ задругѣ объясняемъ тѣмъ, что кучный старѣйшина, домачинъ, служилъ символомъ стариннаго общества и каждый участникъ задруги находилъ въ немъ не его личность, но всѣхъ задружныхъ членовъ (конгломератъ), между ними и—себя.

Въ періодѣ христіанскомъ въ задругѣ не было коммунизма. Ложное мнѣніе, будто и въ христіанскомъ задругѣ былъ коммунизмъ, имѣетъ свое основаніе только въ романскомъ и нѣмецкомъ названіи задруги «communa», «Haus-communion». Это ложное мнѣніе держится въ особенности потому, что сербы, состоявшіе въ прямыхъ и старинныхъ столкновеніяхъ съ Италіею, усвоили себѣ слова communa, communica.

Что магометанство на основу и форму задружной жизни не имѣло вліянія и не могло имѣть его,—это очевидно, какъ бѣлый день. Въ сербской задругѣ жена была также важнѣйшимъ дѣятелемъ. Бывало, что задруга избирала и женщину главою задруги. Но въ магометанствѣ этого не дозволялъ весь строй жизни по Исламу. Семейная жизнь магометанъ не проявила никакого дѣйствія на задружную жизнь сербовъ, напротивъ: потурченые властельскіе роды, по крайней мѣрѣ въ первомъ колѣнѣ, не отдѣлялись отъ задруги. Такъ жили (по моимъ справкамъ изъ 1876 г.) Ченѓичовы на Гацкѣ и Любовичевы у Невесина. Между тѣмъ оккупація привела и сюда столь неожиданныя и радикальныя перемѣны въ жизни магометанъ, что нынѣ, когда эти вопросы меня болѣе интересовали, нежели четверть вѣка сему назадъ, нѣтъ возможности узнать о томъ ничего опредѣленнаго.

Сербская задруга жила и развивалась также и въ тѣхъ краяхъ, куда не достигало турецкое господство. Такимъ краемъ всегда былъ напр. Конавли въ южной Далмаціи,—эта полоса земли никогда не была подчинена Турціи, а между тѣмъ задругу сохранила до сего дня.

Широкимъ слѣдомъ задружной жизни сербовъ покрыто также «Крсно име». Происхожденіе его объясняется еще язычествомъ и

нельзя этого отрицать. Сербы и вѣру христіанскую принимали задружно, общественнымъ рѣшеніемъ. Какъ языческая задруга имѣла своего общественнаго божка, такъ и крещенные принимали общественнымъ своимъ охранителемъ (патрономъ) какого-нибудь святаго, который и сталъ ихъ «Крснымъ именемъ». «Крсно име» сербы славятъ до сего дня. По нему они узнаютъ начало своей общественной жизни, потомки—своихъ дальнихъ предковъ, хотя бы первые и далеко были занесены судьбою отъ своей первоначальной дѣдовины. На Черной Горѣ—въ обычаѣ, что каждое племя имѣетъ свое Крсно име; въ Бокѣ Которской и Герцеговинѣ—каждое братство. Конечно, и эта связь имѣла хозяйственное значеніе, точно также, какъ до послѣдняго времени она имѣла значеніе и для обороны племенной и земской (т.-е. обороны всей своей земли, государства).

Слѣдомъ широкой задружной жизни остается также множество родственныхъ ступеней, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое имя. Тамъ, гдѣ не было задружной жизни, это родство даже и не распознавалось по степенямъ. Эта сербская особенность не могла возникнуть безъ причины. Корень ея лежитъ глубоко въ соціальной, почтительнѣе сказать—въ семейной (родинной) жизни. Эти многочисленныя ступени родства не оставались только понятіями, но имѣли значеніе и въ житейскихъ отношеніяхъ. Въ черногорскихъ и герцеговинскихъ братствахъ до сихъ поръ есть обычай, чтобы сыновья и дочери одного и того же братства не вступали въ супружество, хотя бы они уже давно не состояли въ такой степени родства, въ какой не разрѣшается церковью супружество.

Нужно замѣтить, что *„науковое“* отрицаніе въ послѣднее время коснулось также и сербскаго Крснаго имени. Въ Хорватіи нашли, что Крсно име славятъ также и албанцы; а изъ этого выводятъ, будто оно не составляетъ вовсе сербской особенности (спеціалисты). Но такое доказательство—неудачно. Сѣверные албанцы, такъ называемые Албаночерногорцы—кровно смѣшаны съ сербами, частію—чистые сербы (Васоевичи), частію же выродившіеся сербы. Они отпали отъ православной вѣры, отчасти приняли и чужой языкъ и служатъ противниками государственныхъ стремленій сербовъ. Но первоначальною культурою ихъ была сербская культура: они и нынѣ живутъ задружно, какъ и сербы, славятъ Крсно имя, какъ сербы, даже и обычаи имѣютъ сербскіе. Напр. свадебные обычаи, какъ характеризуетъ ихъ г. Ганъ, у албанцевъ шагъ за шагомъ—обычаи сербскіе. Такими же считаютъ ихъ Вукъ Врчевичъ, Грдичъ Бѣлокошичъ и др. Также обычные говоры слово въ слово одинаковы съ сербскими. Если мы пересмотримъ всю народную соціальную жизнь сербовъ, то должны будемъ признать, что она насквозь самобытна, что она составляетъ непрерывное продолженіе той самой жизни, какою сербскій народъ жилъ въ теченіи тысячилѣтія, даже и дальше.

Если мы вступимъ въ задружную кучу, дѣйствительно. повѣетъ на насъ духъ тысячелѣтней старины: мысль наша вознесется, а сердце разогрѣется. Изъ всѣхъ лицъ выглядитъ на васъ сила и самосознаніе, спокойствіе и сравнительный великій достатокъ, который обезпечиваетъ каждому члену въ солидной мѣрѣ удовлетвореніе жизненыхъ потребностей, но не роскоши. Желаніе роскоши единичныя личности могутъ удовлетворять своею собственною работою и сверхдолжною заслугою. Предметами женской роскоши служатъ ихъ прекрасныя вышивки, вышивныя строчки—геіороглифы женской поэзіи. Въ турецкій періодъ роскошью мужчинъ служило оружіе. Нынѣ оружіе у нихъ отнято и перемѣнено на короткій ножъ для кроенія хлѣба; онъ вложенъ за поясомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде красовался юнацкій ганджаръ. Люди веселы, обходительны (ласковы), услужливы, гостепріимны. Каждый имѣетъ свое мѣсто и дѣло, которое онъ старается съ достоинствомъ выполнить, чтобы снискать признаніе со стороны старѣйшины кучи и похвалу со стороны членовъ задруги. Въ обществѣ строгая дисциплина, но она никого не тяготитъ, потому что заведена не лично чистолюбивымъ сочленомъ, но увѣковѣчена отъ предковъ, сохранялась поколѣніями въ священномъ почтеніи и считалась очень разумною, образцомъ. Если бы дисциплина и послушаніе не представляли собою чего-то очень мудраго и добраго, то не завели бы этого наши дѣцы—такъ мыслятъ здѣсь о дисциплинѣ.

Присмотримся поближе къ этому задружному домашнему хозяйству, имѣя предъ собою опредѣленный примѣръ.

Старѣйшина, статный мужъ 50 лѣтъ, но ему никто не далъ-бы и 40, ведетъ насъ въ кучу. Это—высокій и стройный смуглый мужъ съ орлинымъ носомъ и длинными каштановаго цвѣта усами. Въ своихъ легкихъ полусапожкахъ (башмакахъ) онъ перешагнулъ малые потоки и ручейки, попадавшіеся намъ по дорогѣ, съ легкостію вилы. Благородная голова сидитъ на извитой, обнаженной шеѣ, обвита краснымъ турбаномъ (чалмой), изъ-подъ котораго на затылкѣ показываются густыя волосы безъ признаковъ и малѣйшей сѣдины. Зубы здоровые, глаза быстрые, умные и прямые (искренніе).

Онъ опереживаетъ насъ и потомъ поджидаетъ, сообщая о томъ, что не застанемъ дома всей его челяди. Дома только мать, «редуша» и «мая». (Редуша заботится о порядкѣ и чистотѣ въ кучѣ; мая занимается различными приготовленіями изъ молока: сыра, качамака, масла и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ она наблюдаетъ и за всѣми дѣтьми въ кучѣ). «Планинка»—на горахъ («на планинѣ») при стадѣ; тамъ она доитъ коровъ, цѣдитъ и разливаетъ молоко, чтобы можно было его въ сосудахъ положить на соумары и привезти домой, гдѣ потомъ о немъ будетъ заботиться мая. Планинка на горахъ имѣетъ свою помощницу въ «стопаницѣ», которая стережетъ стадо.

Подходимъ къ кучѣ. Въ сторонѣ раздвигается кустъ и изъ него

выходитъ дѣвочка, какъ ягода. Глаза ея горятъ женскою услужливостью и покорностью; она цѣлуетъ руку отца – старѣйшины, который и представляетъ ее намъ: «Это наша полька» (полька—самая младшая изъ хозяйскихъ дочерей; на обязанности ея—домашняя птица). Стоя въ сторонѣ, милая полька привѣтствуетъ насъ—гостей. Каждому поклонится, руку поцѣлуетъ и скажетъ тихо: «Добро дошли».

Поименованныя функціи обязанностей продолжаются по сезону; по этимъ функціямъ члены семейства имѣютъ и особенныя имена. Обыденныя работы, раздѣляемыя хозяиномъ между селядью—для каждаго лица особенная работа, сообразно съ его призваніемъ, — не имѣютъ опредѣленныхъ названій.

Куча стоитъ подъ горою, тѣсно примыкая къ ней. Около нея все покрыто зеленью. Величиною куча съ стодолу (овинъ), только врата (входная дверь) у нея малы и низки. Высокая стрѣха, спускается гребнемъ на обѣ стороны; она – деревянная. Внутри куча раздѣлена подобнымъ же образомъ, какъ чешская стодола. Въ срединѣ чешской стодолы находится млатъ, или гумно (ладонь по - русски), а по обѣимъ сторонамъ его перны (закромы, мѣста для складки сноповъ). Въ кучѣ среднее поле убито, какъ ладонь, а въ срединѣ его углублено огнище (очагъ), или оджокъ, обложенное камнями съ тѣмъ, чтобы горящія дрова и пепелъ не разносились по всему земляному полу кучи. Въ одномъ изъ боковыхъ отдѣленій кучи находится комора, гдѣ хранятся различные инструменты (орудія) и лучшая одежда, мучница («амбаръ») и обильница («кошъ»). Противуположное отдѣленіе назначено для общаго обиталища домашнихъ. Изъ него, въ то время какъ открылись врата въ кучу, и мы вступили въ «огниште», вышли двѣ молодыя особы. Одна изъ нихъ—дочь хозяина, другая невѣста (молодая сноха).

Дочь—стройная, здорово развившаяся дѣвица, съ непокрытою головою; черныя волосы ея заплетены въ двѣ длинныя косы, и одѣта только въ ризу (длинную одежду), очень искусно сотканною, домашняго полотна. Риза опоясана кожанымъ поясомъ съ серебряною застежкою (пряжкою) старинной формы. На—босо обула опонки. Рукава ризы широкіе и длинные. Если она захочетъ прикоснуться къ чему-либо, должна ихъ завернуть (подобрать); при каждомъ легкомъ движеніи ея пластически выступаютъ хорошо сформированные мускулы.

Обѣ вѣжливо (почтительно) привѣтствовали сначала хозяина, а потомъ и насъ. Дочь взяла «буцатъ» (ведро) и отошла за водой. Невѣста пришла, чтобы послужить свекру (тестю) и его гостямъ. Приноситъ намъ каменныя сидѣнья ближе къ огнищу, спрашиваетъ свекра, не нужно - ли разуть его, распоясать, или инымъ чѣмъ послужить ему. Затѣмъ самъ хозяинъ принесъ лагвичку (графинчикъ) дома паленой (выкуреной) ракіи и чествовалъ насъ. (Обычай, какъ

уже заведено, предписываетъ невѣстѣ, въ первый годъ брака избѣгать своего мужа и вмѣсто того особенно заботливо служить его отцу, матери (свекрови) и братьямъ (деверямъ). Это служеніе чрезъ годъ оканчивается, когда «невѣста» становится уже матерью).

Въ жиломъ отдѣленіи кучи остававшіяся дома женщины пряли, ткали, вышивали. Это отдѣленіе вверху раздѣлено на два яруса, въ которые вели лѣстницы изъ огнища; тамъ каждый ярусъ въ свою очередь также раздѣленъ на двѣ части и каждая изъ этихъ частей была обращена въ уютный покойчикъ (коморку) для молодой четы. Здѣсь я нашелъ уже книги и журналы, что свидѣтельствуетъ объ образованіи и о томъ, что прогрессъ совмѣстимъ съ патріархальною формою общественной жизни, какой представляетъ собою задруга.

Короткое посѣщеніе задружной кучи, здѣсь мимоходомъ описанное, такъ пріятно подѣйствовало на меня, тронуло и воодушевило, что этимъ на нѣкоторое время были заглушены всѣ остальныя возмутительныя свѣдѣнія, полученныя мною въ оккупованныхъ земляхъ. Здѣсь я видѣлъ, что ядро народа до сихъ поръ остается неприкосновеннымъ для чуждаго вліянія. Все, къ чему въ Босніи и Герцеговинѣ прикоснулся отравляющій духъ этого вліянія, гибнетъ, бѣднѣетъ, пропадаетъ; между тѣмъ этотъ чуждый духъ тучнѣетъ и толстѣетъ. Только тамъ, гдѣ людямъ удается жить своимъ стариннымъ соціальнымъ способомъ, находимъ еще спокойствіе, только тамъ еще можно противиться хозяйственнымъ бѣдамъ, прилетѣвшимъ съ оккупаціею, подобно воронамъ и коршунамъ за войскомъ.

Отрицаніе задружной формы жизни сельскаго народа въ наукѣ можетъ повести только къ тѣмъ цѣлямъ, куда ведетъ соціальная политика боснійскаго правительства, поставившаго своею цѣлію затоптать этотъ главный источникъ сербской самобытности; но она оказывается совершенно ошибочною и напрасною. Господ. Пейскеръ, въ началѣ своей ученой дѣятельности представлялъ доказательство того, что самобытная соціальная жизнь существовала нѣкогда и въ Чехахъ, потомъ зашелъ онъ слишкомъ далеко въ своемъ ревностномъ стремленіи отвергнуть подлинность *Зеленогорской рукописи* [1]). Но еслибы Зеленогорская рукопись и была дѣйствительно подложною, то какъ же изъ этого могло бы слѣдовать то, будто задруга не представляетъ собою сербскаго народнаго института?! Познакомившійся съ сербскою задругою ученый, прочтя Зеленогорскую рукопись, найдетъ, что сербская задруга не одинакова съ тою картиною общественной жизни, какая охарактеризована въ зеленогорской руко-

[1]) Зеленогорская рукопись—небольшой отрывокъ, заключающій въ себѣ 9 стихотворныхъ строкъ поэмы „Снѣмъ“ и поэму „Либушинъ судъ“ (112 стих. строкъ). Она издается обыкновенно вмѣстѣ съ рукописью Краледворскою (напр. изд. Ганки, Прага, 1861; Коренекъ, Прага 1870; изд. Ганки „Полиглотта краледвор. рукописи“, Прага 1876).

писи, но странно было-бы отсюда отрицать задругу, какъ институтъ сербской народной жизни. Совершенно неумѣстно и напрасно заниматься здѣсь сравненіемъ сербскаго задружнаго быта съ бытомъ чешскимъ, рисующимся въ Зеленогорской рукописи болѣе подробно, чѣмъ мы это сдѣлаемъ.

Уже 1-й стихъ «Снѣма»: «Вшакъ отъ свей челеди войеводи» [1]) не соотвѣтствуетъ сербской задружной жизни. Въ задругѣ бываетъ нѣсколько отцовъ, и одинъ изъ нихъ составляетъ главу задруги. Между тѣмъ также бываетъ, что старѣйшиною задруги состоитъ не отецъ, но жена. Этотъ стихъ обнаруживаетъ несоотвѣтствіе между чешскимъ и сербскимъ языками также и въ филологическомъ отношеніи. Сказуемое «войводити» въ сербскомъ языкѣ употребляется только въ сложеніи съ предлогами «за» и «роз»: завойводити (сдѣлать воеводою) и розвойводити (лишить должности воеводы); подобно: «запопити»—«розпопити», «завладычити», «розвладычити» и т. д. Значеніе же «войводою быти»—исполнять воинскую должность въ сербскомъ языкѣ выражается глаголомъ: «войводовати» (подобно сербскому и чешскому «царствовати, кралевати, пановати, дѣдовати и т. д.). Чешскій глаголъ «войводити»—позднѣйшаго происхожденія и произведенъ изъ существительнаго «вевода», смѣнившее первоначальное названіе «войвода». «Веводити» въ Зеленогорской рукописи нужно расширить въ «войеводити», чтобы сдѣлать его болѣе старымъ. Но въ старомъ чешскомъ языкѣ, если предположимъ единство духа славянскихъ языковъ въ старое время, соединеніе (двухъ словъ въ одно) «войводити» не употреблялось безъ предлога. А если скажемъ: «войе водити», то имѣетъ предъ собою уже два слова, не соединенныя въ одно и смыслъ ихъ нужно понимать именно, какъ предложенія, а не сказуемаго только. Если мы будемъ читать этотъ стихъ Снѣма такъ: «вшакъ отъ свей челеди войе водити», то получимъ тоже неправильный смыслъ, потому что каждый отецъ войевъ све челеди не водилъ, точно также, какъ не каждый отецъ былъ старѣйшиною своей челяди.

Но заподозрѣнность въ передѣлкѣ Зеленогор. Рукописи не даетъ права воспользоваться ею для доказательства того, будто чехи въ старое время не имѣли задружной жизни. Добросовѣстный изслѣдователь найдетъ много доказательствъ того, что чехи дѣйствительно имѣли ее и, на основаніи слѣдовъ ея существованія онъ можетъ составить цѣлую картину старинной чешской задружной жизни.

---

[1]) Проф. І. Коринекъ (Rukopis Lelenohorsky a Kralodvorsky, Praha 1870) стихъ этотъ „vsiak ot svej čelědi vojevodi“ объясняетъ такимъ образомъ: *vsiak*=vsak, vsaky, kazdy (всякъ, всякій, каждый); *ot*-otec'(отецъ); *svej* (= своей); *čeled'*=lid domaci (обитатели дома, семейства съ прислугою); *vojevoditi*=byti hlavou, neb načelnikem (быть главою, или начальникомъ).
Перевод.

Если бы кто отрицалъ это, то оказался бы недостаточно добросовѣстнымъ.

Докторъ медицины Вацлавъ Говорка въ Прагѣ сообщилъ мнѣ о томъ, что на Рыхновску и въ наши дни возникла сельская задруга. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ сообщилъ слѣдующее: «Дѣло было въ чешскомъ имѣньи, называющемся «на Прашивкахъ» въ общинѣ Домашинѣ. Старѣйшиною задруги былъ двоюродный братъ моего отца, именемъ Дусиль. Бывши мальчикомъ, я съ своимъ отцомъ навѣщалъ Дусиловъ и удивлялся большему числу членовъ этого семейства. Сыновья дяди были частію женатыми, частію холостыми. Женатые жили съ своими семействами въ одномъ и въ томъ же великомъ семействѣ. Пока былъ живъ старый Дусиль, всѣ они жили вмѣстѣ— въ достаткѣ и въ согласіи. По смерти же стараго Дусиля задруга распалась; наслѣдники раздѣлились и самое имѣнье продали садовнику изъ Черниковичъ Ліему. Бывшіе члены задруги скоро совершенно обѣднѣли

Господинъ Говорка, по моей просьбѣ, недавно разыскалъ, какимъ образомъ возникла эта задруга. Эту задругу завелъ самъ собою старый Дусиль: она не была наслѣдственною и существованіе этой задруги ограничивалось только временемъ жизни Дусиля.

Быть можетъ, если бъ изслѣдователи соціальныхъ основъ быта внимали не однимъ только книгамъ, но также и дѣйствительной жизни, подобныхъ случаевъ возникновенія чешской задруги въ настоящее время нашли бы больше. Но останемся при этомъ одномъ случаѣ. Старый Дусиль на Прашивкахъ, основывая свою задругу, поступалъ или инстинктивно и придумалъ задругу изъ своей головы, или же онъ былъ наученъ кѣмъ-нибудь о задружной жизни. Въ первомъ случаѣ: проявился на дѣлѣ его неоспоримый соціальный смыслъ старославянскій; во второмъ же: дается доказательство того, что задружная форма жизни и въ настоящее время въ нашей землѣ, столь долго обладаемой феодализмомъ, можетъ быть благодарно возобновлена. А кромѣ того доказывается еще и то, что и внѣ сербской земли задруга даетъ возможность обезпечить участникамъ ея благобыть.

Творческая соціальная сила въ народѣ сорбскомъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, столь элементарно могущественна, что только съ сожалѣніемъ можно отнестись къ оккупачному правительству за то, что оно работаетъ противъ задруги и желаетъ извратить ее [1]). Весь правительственный аппаратъ здѣсь усиливается

---

[1]) Цѣлостность большихъ крестьянскихъ семействъ, къ несчастію, не охраняется нынѣ и въ Россіи. Такихъ громадныхъ семействъ, какія были 20—15 лѣтъ сему назадъ: Карпа Лукина (въ дер. Холоповѣ некоуз. волости, Мологск. у., Ярославск. губ.) и Василья Терентьева (въ дер. Шеинѣ, Климотин. вол., Мышк. у, Яросл. губ.), я уже не встрѣчалъ потомъ въ этихъ волостяхъ. *Перев.*

подѣйствовать разрушающимъ образомъ на задружную жизнь. Уряды помогаютъ дѣленію задругъ; агенты правительства ходятъ по селеніямъ и совѣтуютъ народу дѣлиться; они пользуются также и легкомысліемъ женщинъ съ тѣмъ, чтобы онѣ побуждали своихъ мужей къ раздѣлу съ задругою. Въ томъ же родѣ дѣйствуютъ воинская служба и правительственная школа. Всеже задруга противится этому; даже можно указать на случаи, что, въ виду враждебныхъ вліяній, задруги даже укрѣпляются. Задруга, какъ и прежде, обезпечиваетъ всѣмъ своимъ членамъ сравнительный благобытъ и безопасность. Раздѣлы же плодятъ безземельныхъ (бобылей) и расширяютъ бѣдноту.

Противъ сербской задруги въ Босніи и Герцеговинѣ оккупація ведетъ неудачный бой, потому что не можетъ во всей Австро-Венгріи указать на что-нибудь такое, что могло бы казаться массѣ всего оккупованнаго обывательства желательнымъ. За время турецкаго господства обывательство испытывало много недобраго, много притѣсненій и безпорядковъ. Но оно помнитъ и о томъ, что, не взирая на государственныя отношенія всякаго рода, въ тынѣ (въ оградѣ) семейной связи (едноты) существовали тогда добрые порядки, обычаи, нравы и дисциплина,—что своею взаимностью обывательство было сохранено отъ произвола помѣщиковъ и государственныхъ чиновниковъ, а изъ своей работы оно добывало себѣ дѣйствительно скромный достатокъ. При новыхъ же отношеніяхъ, съ которыми познакомила обывательство оккупація, благобытъ сосредоточивается только въ рукахъ единичныхъ личностей и постепенно увеличивается у нихъ чрезмѣру, но благобытъ всего обывательства не только не возрастаетъ, но скорѣе страшно падаетъ. А народное представленіе о своемъ нынѣшнемъ соціальномъ положеніи со времени оккупаціи и унаслѣдованное представленіе о добромъ общественномъ порядкѣ до оккупаціи всегда будутъ этотъ фактъ неравенства владѣнія и неравныхъ результатовъ работы объяснять тѣмъ, что нынѣ единичныя личности высасываютъ жизненный сокъ изъ тысячей лицъ и живутъ на ихъ счетъ. Оккупація никогда не удовлетворитъ общественныхъ нуждъ оккупованнаго обывательства тѣми средствами, какими до сихъ поръ пользуется. Но она также не умертвитъ и самобытности народа и не усыпитъ, не удушитъ того источника, изъ котораго черпаются и религіозныя воззрѣнія оккупованныхъ,—изъ котораго постоянно черпается освѣженіе ихъ языка, а также и обычая,—изъ котораго и которымъ живетъ эта народность со всѣми особенностями своего быта. Оккупація достаточно сильна только на то, чтобы задержать развитіе самобытности оккупованныхъ, но слаба для того, чтобы изгладить ихъ самобытность.

Оккупація можетъ увѣнчаться успѣхами только тогда, когда поставитъ свои успѣхи на почву самобытности оккупованнаго обывательства и будетъ развивать тѣ культурныя зачатки, которые составляютъ

отличительныя черты обывательства. Всякая другая работа не поведетъ къ добру ни для оккупованныхъ, ни для оккупачниковъ. Возбраненіе правильному народному развитію тамъ, гдѣ всѣ признаки народности сохранены во всей полнотѣ, гдѣ народъ имѣетъ и свой языкъ, и свою вѣру, и свои обычаи, и свой общественный порядокъ, своимъ послѣдствіемъ можетъ имѣть только одну задержку развитія народа, возникновеніе нѣкоторыхъ неправильностей (аномалій) въ функціяхъ народной жизни; но народной души нельзя ни уничтожить, ни передѣлать.

Изъ здравыхъ самобытныхъ основъ, какъ это мы видѣли въ средніе вѣка, изъ боя съ чужими, непримиримыми порядками, возникло боснійское богомильство. Изъ одинаковыхъ же причинъ въ наше время возникло назаренство — воскресшее богомильство. А всеже творческій соціальный смыслъ народа и на нашихъ глазахъ работаетъ очень правильно.

Правильнымъ соціальнымъ движеніемъ, соотвѣтствующимъ самобытности и духу народа, у сербовъ стало основаніе «земледѣльческихъ задругъ», главная заслуга которыхъ въ Сербіи принадлежитъ Косту Таушановичу и Михаилу Аврамовичу; въ Хорватіи же и Уграхъ среди сербовъ—Таушановичу. Земледѣльческія задруги Яша Томилъ называетъ «разумнымъ назоренствомъ». Въ нихъ принципъ старой семейной задруги соединился съ принципомъ индивидуалистическимъ. Задруги свободно встаютъ изъ побужденій ощущаемой обществомъ нужды. Цѣлью ихъ стало тоже не одна взаимная хозяйственная помощь, но также и расширеніе и сохраненіе между членами независимости. А это уже сообщаетъ этой новой народно-соціальной дѣятельности очень глубокій и оправдывающій ихъ смыслъ, доселѣ характеризовавшій каждое славянское стремленіе къ соціальной реформѣ. Сербскія земледѣльческія задруги могутъ быть рекомендованы оккупаторамъ и потому, что на всемъ западѣ: въ Нѣмеччинѣ, Франціи, Англіи и Испаніи, замѣчается нынѣ подобное же стремленіе къ сдруженію земледѣльческихъ сословій. Это та же самая организація земледѣльческаго сословія, основу которой далъ въ Нѣмеччинѣ Рейфейзенъ, понявшій инстинктомъ или размышленіемъ то, что сельское сословіе не получитъ благобыта и успѣха безъ хозяйственнаго сдруженія съ цѣлями взаимности. Основою рейфейзовскаго сдруженія служитъ условіе, чтобы всѣ члены основательно были знакомы между собою, потому что иначе взаимопомощь и взаимная порука не возможны. Это то же самое основаніе, на которомъ покоится и задруга, потому что въ старое время, когда земли были мало заселенными, каждое семейство составляло общество и члены его, конечно, знали другъ друга. Но задруга могла быть открыта и для человѣка, не принадлежавшаго къ семьѣ, составлявшей задругу. Здѣсь — доказательство того, что она имѣла своею цѣлію соціальную организацію и имѣла

хранить не одну только патріархальную семью во всей ея широтѣ, но и самое общество. Новый періодъ жизни, когда населеніе стало всюду густымъ и столкновенія съ людьми и общинами стали болѣе удобными, чѣмъ встарину, кругъ задруги долженъ былъ открыться не только для членовъ одного семейства, но и для другихъ задругъ и единичныхъ личностей, не находившихся въ семейной задругѣ, и не помышлявшимъ о заложеніи своихъ собственныхъ задругъ Такимъ образомъ возникли нынѣшнія сербскія земледѣльческія задруги, которыя нынѣ въ Сербіи, также въ Хорватіи, Славоніи и Войводинѣ, открываютъ сельскому жителю приличный благобытъ, такъ что этому завидуютъ другія народности этихъ земель.

Предъ моими глазами органъ сербскихъ земледѣльческихъ задругъ, издаваемый ихъ центральнымъ управленіемъ на Смедеревѣ и редактируемый Михаиломъ Аврамовичемъ. Я съ утѣшеніемъ констатирую, что каждая страница его даетъ доказательство того, что эта организація имѣетъ своею цѣлію улучшеніе не одного только матеріальнаго благобыта, но также и общественной нравственности, къ чему у сербовъ вообще относится и сохраненіе правилъ православной церкви. Замѣчательно то обстоятельство, что сербы заботятся объ этомъ сами безъ кураторства духовенства. Въ задругѣ не терпится ни пьяница, ни картежникъ, ни блудодѣй, ни прелюбодѣй, тѣмъ менѣе человѣкъ нечистый на руку по отношенію къ чужому имуществу. При полной личной свободѣ членовъ, между ними соблюдается строгость нравовъ прямо назарянская. Вслѣдствіи этого земледѣльческимъ задругамъ принадлежитъ преимущество предъ назарянскими обществами также по основамъ народнымъ, религіознымъ, соціальнымъ и моральнымъ.

Превращеніе сербскихъ семейныхъ задругъ въ такъ называемыя земледѣльческія задруги составляетъ столь замѣчательное соціальное явленіе, что на него должны обратить вниманіе и соціологъ и политикъ и прежде всего тотъ, кто помогъ въ этомъ сербамъ, или по крайней мѣрѣ среди сербовъ считается учредителемъ ихъ. Обновленіемъ задруги и приспособленіемъ ея къ современнымъ условіямъ жизни блистательно констатируется врожденный соціальный смыслъ сербовъ, которые въ томъ періодѣ, когда провозглашается девизъ, что стремленія народныя, религіозныя и материнскаго языка должны уступить стремленіямъ хозяйственнымъ, доказали, что на Балканахъ и въ тѣхъ частяхъ Австро-Венгріи, гдѣ обитаютъ сербы, они составляютъ элементъ гораздо болѣе способный къ хозяйственной работѣ и организаціи, чѣмъ ихъ народные и политическіе конкуренты,—болѣе способными, въ сравненіи не только съ хорватами, но также и мадьярами, которые въ этомъ отношеніи испытываютъ только чисто-отрицательныя послѣдствія, какъ это ранѣе было доказано. Съ этимъ должны считаться какъ друзья, такъ и враги сербскаго народа.

А что касается Босніи и Герцеговины, то правительству ихъ серб-

скими земледѣльческими задругами данъ безупречный образчикъ того, какъ оно должно проводить аграрную и соціальную политику, чтобы она стала благотворною для оккупованнаго обывательства.

Къ земледѣльческимъ задругамъ сербскіе соціальные реформаторы пришли не инымъ путемъ, какъ только обходомъ межниковъ, на которыхъ написаны имена: Ласалль и Марксъ. Послѣ первоначальнаго недовѣрія къ своему они вдругъ поняли, что соціальное движеніе должно выходить изъ прочувствованныхъ нуждъ наиближайшаго своего общества: общества собственнаго своего народа.

Заключая эту главу, я высказываю твердую надежду на то, что какъ чешскіе, такъ и вообще западно-славянскіе соціальные реформаторы, обратятся къ изученію соціальной славянской исторіи и самобытныхъ соціальныхъ славянскихъ формъ, сохранившихся въ особенности у сербовъ и русскихъ [1]). Этою работою, которая нелегка и некоротка, нашему народному пробужденію будетъ данъ новый взлётъ и глубина, а въ 20-е столѣтіе докончитъ спасительную работу 19-го столѣтія.

Прага и Карло-Вары.
1901 г. Августа 4 д.

---

[1]) Какая иронія судьбы: Западная Европа собирается уже учиться у русскаго мужичка: а русская аграрная интеллигенція все—еще держится взглядовъ, будто идеалы и образцы въ хозяйственной области на Западѣ! Что же теперь долженъ чувствовать русскій мужичекъ, которому не даютъ жить по своему унаслѣдованному порядку и насильно хотятъ сдѣлать его европейцемъ?!

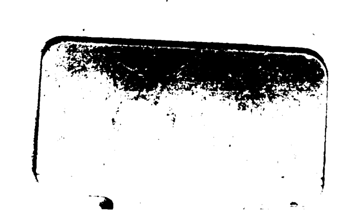
Перев.

Наиболѣе вредныя изъ замѣченныхъ погрѣшностей.

	строка			
стр.	*сверх.*	*сниз.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
3	-	9	въ оккупаціи и	въ оккупаціи, но и
6	15	—	на ходу	на бѣгу
7	—	8	уже сомнѣваюсь	уже не сомнѣваюсь.
9	—	1	Магачѣ	Могачѣ.
10	9—10	—	увѣренность, что	увѣренность въ томъ, что
11	—	12	дубровицкой	дубровницкой
—	—	8	Требита	Требина
12	3	—	ее безъ копаре	е и безъ копаре
—	7	—	ѳіокриста	ѳіакриста
15	—	3	герцеговина	Герцеговина
18	—	7	за которыя	въ которыхъ
19	—	7	изъ	ихъ
23	—	19	не навидятъ	ненавидятъ
25	13	—	на которые	на которыя
27	—	4	телеграфное	телефонное
32	—	13	платить	платятъ
33	18	—	извѣстные	извѣстныя
34	5	—	культуртрегора	культуртрегера
35	—	16	погубили себя	погубили бы себя
36	—	6	призирать	презирать
37	7	—	по чему	почему
—	—	10	мужъ ея былъ	мужъ былъ ея
38	—	12	ни что	ничто
39	10	—	въ одиночествѣ	въ одноженствѣ
40	1	—	такъ же	также
42	20	—	цивиллизацію	цивилизацію
44	—	16	мѣленка	меленка
50	4	—	можетъ	можемъ
53	—	19	войдутъ	выйдутъ
57	—	14	оккупованныя	оккупованные
58	—	10	не дозволяетъ	не дозволяетъ имъ
59	—	4	новыя	новые
60	—	21	капиталы, но не	капиталы,—не
—	—	8	и вообще	и сказанному вообще
61	7	-	высвободится	высвободился
—	—	16	основы	нравственные устои
62	—	10	Болканамъ	Балканамъ
66	14	—	потому	потому что

стр.	строка сверх.	строка сниз.	Напечатано:	Должно читать:
72	8	—	недостойности	недостойными
76	—	3	потребленіи	истребленіи
78	—	16	скромную добычу	скромной добычи
—	—	13	аккупованныхъ	оккупованныхъ
79	—	18	Преосв. Арсеній	Преосв. Моvсей
80	—	19	осмѣлился	осмѣливался
—	—	13	оброзомъ	образомъ
84	—	17	все то что,	все то, что
88	9	—	расплогаетъ	распложаетъ
90	9	—	возрождаютъ	возбуждаютъ
91	3	—	Вранковичъ	Бранковичъ
94	13	—	своимъ и	своимъ положеніемъ и
96	6	—	мирфы	мирты
—	8	—	Коллая	Каллая
98	9	—	также	такъ же
101	—	3	черцеговинецъ	герцеговинецъ
104	—	2	Во всѣхъ	Со всѣхъ
108	—	12	Das isi	Das ist
110	13	—	просвященія	просвѣщенія
—	—	2	отпускалъ	оставлялъ
112	—	5	венгерской	венеціанской
113	16	—	составляетъ	составляютъ
114	—	12	Черногорію.	Черногоріи.
115	—	17	поспособствала	поспособствовала
123	5	—	слѣдующія	слѣдующіе
130	22	—	иныя	иные
132	7	—	пахатной землѣ	пахотной земли
133	—	6	ограрныя	аграрныя
135	15	—	наслѣдственное въ семьѣ, но...	наслѣдственнымъ въ семьѣ и
138	2	—	дѣлаютъ...Долиничъ	дѣлаетъ... Джиничъ
—	20	—	внемени	времени
140	2	—	проходилъ	приходилъ
150	19	—	Коссовскомъ	Косовскомъ
153	—	17	раскоши	роскоши
160	—	11	поясь	поясъ
—	—	8	долату	доламу
166	—	15	кобаницу	кабаницу
168	—	24	нарь	царь
173	5	—	староною	стороною
175	10	—	неропхалъ	неропхамъ
—	11	—	ограничаемъ	ограниченъ
176	—	8	сербы	себры
181	9	—	раскошь	роскошь
182	11	—	непримиримымъ	непримиримомъ
191	—	19	реллигіознымъ	религіознымъ

NOV 23 1910
MAY 5 1976 ILL



Gertsegovina
002542264
2044 085 848 331